

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХСІV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскими и Мариневскими мостами, д. № 90—1.

1877.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (5-го октября 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназій.*

Государь Императоръ, по вселоданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго рижскимъ купцомъ Павлиномъ Поповымъ капитала въ 875 р. 66 к., состоящаго изъ 17 временныхъ свидѣтельствъ облигацій восточнаго займа, по 50 р. каждая, и книжки сберегательной кассы рижской конторы государственнаго банка за № 451 на 25 р. 66 к., и на учрежденіе на проценты съ названнаго капитала при Рижской Александровской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендія Саввы Аксенова Попова.“

5. (6-го Октября 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій.*

Рижскій купецъ Павлинъ Поповъ, доставивъ исправляющему должность директора Рижской Александровской гимназій 17 временныхъ свидѣтельствъ облигацій восточнаго займа и книжку за № 452-мъ сберегательной кассы при Рижской конторѣ государственнаго банка, всего на сумму 875 р. 66., ходатайствовалъ объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала, при Рижской женской Ломоносовской гимназій, стипендіи имени покойной его матери Евдокии Борисовны Поповой, урожденной Шелухиной.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра представленія о семъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

6. (20-го Октября 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназій.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилоствѣйше соизволилъ на принятіе пожертвованныхъ рижскимъ купцомъ Федоромъ Ребиннымъ 7 временныхъ свидѣтельствъ на облигаціи восточнаго займа 1877 года, по 100 руб. каждое, всего 700 руб., и на учрежденіе на проценты съ этого капитала при Рижской Александровской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Андрей Тимофеевича Ребинина.“

7. (21-го Октября 1877 года.) *Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ Университетѣ.*

Душеприкащикъ по завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Грумъ-Гржимайло, утвержденному С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ, представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія пять тысячъ руб., заключающіеся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала стипендіи при историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета съ наименованіемъ оной „Грумовскою“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше на сіе соизволилъ.

8. (21-го октября 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Университетѣ Св. Владиміра.*

Попечитель Кіевскаго учебнаго округа донесъ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія, что общее собраніе членовъ Кіевскаго городскаго общества взаимнаго кредита, желая выразить признательность управляющему дѣлами онаго, статскому совѣтнику Эйсмону, за благотворный безвозмездный трудъ его въ этой должности, внесло въ правленіе университета Св. Владиміра капиталъ въ шесть тысячъ рублей на учрежденіе изъ процентовъ онаго при юри-

дическомъ факультетѣ означеннаго Университета одной стипендіи имени Эйсмана.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана“.

9. (22-го октября 1877 года). *О предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ попечителямъ и почетнымъ блюстителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ изъ крестьянъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ попечителямъ и почетнымъ блюстителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ изъ крестьянъ и соглашаясь съ заключеніемъ сего министерства, *мнѣніемъ положили*: въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить, что попечители и почетные блюстители сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, избираемые въ сіи званія изъ крестьянъ, пользуются преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія пунктами 1 и 2 статьи 124 общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (Св. Зак. т. IX, особ. прилож. по прод. 1863 г.).

Государь Императоръ, означенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 22-й день октября сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

31-го октября 1877 года (№ 8). *Назначаются*: Сенаторъ, тайный совѣтникъ *Калачевъ* — директоромъ учрежденнаго въ С.-Петербургѣ, въ видѣ опыта, на четыре года археологическаго института (Высоч. пов. 28-го августа 1877 года).

Утверждается: Камышинскій 1-й гильдіи купецъ *Каширскій* — почетнымъ попечителемъ Камышинскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: доценту Императорскаго университета Св. Владиміра, надворному совѣтнику *Базарову* — на двадцать девять дней (Высоч. пов. 3-го (15) сентября 1877 года).

Ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскому совѣтнику *Любилью* — на мѣсяць.

Командируется за границу, съ ученою цѣлю: сверхштатный помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета *Любимовъ* — на девять мѣсяцевъ (Высоч. пов. 28-го августа 1877 года).

Зачитаются въ командировку за границу съ ученою цѣлю разрешенные заграничные отпуска: ординарному академику Императорской Академіи наукъ, директору главной физической и магнитной обсерваторіи, статскому совѣтнику *Вильду* — на два мѣсяца (Высоч. пов. 2-го октября 1877 года).

Ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Янчону* — на двадцать два дня.

Увольняется въ отпуск: членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Поповъ* — на двадцать восемь дней, въ разныя губерніи Россіи (Высоч. пов. 28-го августа (9-го сентября) 1877 года).

Ш. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

2. (11-го августа 1877 г.). *Изложеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ вдовою генераль-маіора Надеждою Михайловною Коровкиною при Ливенскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

Вдова генераль-маіора Надежда Михайловна Коровкина пожертвовала капиталъ въ шесть тысячъ рублей для учрежденія на проценты съ онаго при Ливенскомъ реальномъ училищѣ двухъ стипендій, по 150 руб. каждая, съ наименованіемъ одной — „стипендія генераль-маіора Арсенія Ермолаевича Коровкина“, а другой — „стипендія вдовы генераль-маіора Надежды Михайловны Коровкиной; на что и послѣдовало 7 августа 1877 г. Высочайшее соизволеніе.

1. Пожертвованный капиталъ, состоящій изъ трехъ 5⁰/₀ билетовъ Государственнаго Банка, хранится въ Ливенскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Ливенскаго реальнаго училища.

2. Стипендіями имѣютъ право пользоваться дѣти бѣднѣйшихъ дворянъ Ливенскаго уѣзда.

3. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ вдовѣ генераль-маіора, Коровкиной, по смерти ея переходитъ къ дочери ея Марьѣ Арсеньевнѣ Охотниковой, по смерти же послѣдней, — къ Ливенскому уѣздному предводителю дворянства.

4) Выдача стипендій производится по полугодіямъ впередъ квартиро-содержателямъ бѣдныхъ воспитанниковъ, или же родителямъ и опекунамъ — смотря по мѣсту жительства стипендіатовъ и прекращается съ окончаніемъ курса наукъ, или вообще съ выбытіемъ стипендіатовъ изъ реального училища; но выданныя уже деньги возврату не подлежатъ.

5) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе воспитанники лишаются стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта и по соглашенію онаго съ лицомъ, которому по п. 3 принадлежитъ право избранія стипендіатовъ.

6) Стипендіаты, оставшіеся на другой годъ въ томъ же классѣ, могутъ сохранить стипендіи только по особо-уважительнымъ причинамъ.

7) Стипендіатамъ, окончившимъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ реальномъ училищѣ и желающимъ поступить въ высшее учебное заведеніе, могутъ быть выданы, въ видѣ пособія, тѣ стипендіальныя деньги, которыя останутся отъ предыдущихъ годовъ не израсходованными по какимъ либо причинамъ.

3. (19-го августа 1877 г.). *Положеніе о стипендіи имени купца В. В. Свѣтогорова: при Тверскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Постановленіемъ Тверской городской думы пожертвованъ капиталъ въ пятьсотъ рублей для учрежденія на проценты съ онаго при Тверскомъ реальномъ училищѣ стипендіи имени купца Василія Васильевича Свѣтогорова.

2) На учрежденіе этой стипендіи, съ присвоеніемъ ей имени купца В. В. Свѣтогорова, послѣдовало 16 мая 1877 г. Высочайшее соизволеніе.

3) Проценты съ вышеозначеннаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіата, а весь могущій произойти отъ этой уплаты остатокъ хранится въ губернскомъ казначействѣ и выдается стипендіату, по окончаніи имъ полнаго курса ученія, въ пособіе для отправленія его въ высшее учебное заведеніе.

4) Право выбора стипендіата принадлежитъ пожизненно купцу

В. В. Свѣтогорову, а затѣмъ переходитъ къ Тверской городской думѣ, при чемъ стипендіатами могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

5) Стипендіатъ, оказывающій, при хорошемъ поведеніи, удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія вышеозначенною стипендіею до окончанія полнаго курса ученія въ реальномъ училищѣ, или до выхода изъ онаго по какимъ либо другимъ причинамъ. За малоуспѣшность же въ наукахъ, происходящую отъ нерадѣнія, или за неодобрительное поведеніе стипендіатъ, согласно опредѣленію педагогическаго совѣта реального училища, можетъ быть лишень права пользованія стипендіею и ранѣе окончанія курса ученія или выхода изъ заведенія.

6. Пользованіе настоящею стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (25-го августа 1877 года). *Положеніе о стипендіи тайнаго совѣтника Николая Федоровича Малинина при Рязанской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На счетъ дохода отъ *четырехъ тысячъ рублей*, внесенныхъ тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Федоровичемъ Малининымъ въ знакъ благодарности къ заведенію, давшему ему образованіе, учреждается съ Высочайшаго соизволенія при Рязанской гимназіи стипендія въ *десяти рублей*, которая именуется: „стипендія тайнаго совѣтника Николая Федоровича Малинина“.

2) Пожертвованный капиталъ четыре тысячи руб., заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, составляетъ стипендіальную сумму и хранится въ Рязанскомъ губернскомъ казначействѣ.

3) Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ билетовъ, педагогическій совѣтъ гимназіи долженъ приобрести на деньги, полученные изъ государственнаго банка, новыя процентныя бумаги изъ числа опредѣленныхъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 28-го мая 1876 года. Избраніе того или другаго рода бумагъ подлежитъ утвержденію начальства Московскаго учебнаго округа.

4) Стипендія предназначается для бѣдныхъ учениковъ православнаго исповѣданія, отличающихся удовлетворительными успѣхами и отличнымъ поведеніемъ.

5) Для полученія стипендіи требуются за два послѣдніе срочные

періода слѣдующіе баллы: въ старшихъ классахъ по закону Божію, русскому языку и двумъ главнымъ предметамъ не менѣе 4, а въ младшихъ классахъ — по закону Божію и по одному изъ главныхъ предметовъ не менѣе 4; по остальнымъ предметамъ какъ въ старшихъ, такъ и въ младшихъ классахъ — не менѣе 3.

6) Если ученикъ, пользующійся стипендіею, въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ экзаменныхъ балловъ будетъ аттестованъ въ своихъ успѣхахъ ниже указаннаго минимума, или если въ какой-либо изъ срочныхъ вѣдомостей по какому бы то ни было предмету получить неудовлетворительный баллъ 2 или 1, то подвергается смѣщенію со стипендіи, если отсталость произошла по его собственной винѣ. Пониженіе отмѣтки по поведенію до 3 безусловно ведетъ къ лишенію стипендіи.

7) Избраніе стипендіата на первый разъ предоставляется жертвователю тайному совѣтнику Малинину, впослѣдствіи же какъ назначеніе стипендіи, такъ и смѣщеніе съ нея предоставляются педагогическому совѣту гимназій, съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

8) Если отъ стипендіальной суммы по какимъ-либо причинамъ образуется свободный остатокъ, то онъ употребляется, или на увеличеніе стипендіи чрезъ приобрѣтеніе новыхъ доходныхъ бумагъ, или же на выдачу единовременныхъ пособій бѣднѣйшимъ ученикамъ гимназій.

5. (5-го октября 1877 года). *Положеніе о стипендіи Саввы Аксенова Попова, учрежденной при Рижской Александровской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго прозвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Рижскимъ купцомъ Павломъ Поповымъ и состоящаго въ 17 облигаціяхъ восточнаго займа, по 50 р. каждая, на 850 р. изъ 5% въ годъ и книжки за № 451 сберегательной кассы при Рижской конторѣ государственнаго банка на 25 руб. 66 коп. изъ 3% въ годъ, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 2-го октября 1877 г., при Рижской Александровской гимназій стипендія „Саввы Аксенова Попова“.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 43 руб. 26 коп. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской

Александровской гимназій, отличающемся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ пожизненно учредителю стипендіи; послѣ же смерти его, право это переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназій.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Саввы Аксенова Попова, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

§ 5. Означенный въ § 1 капиталъ въ 875 руб. 66 коп., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназій, хранится вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназій въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

6. (20-го октября 1877 года). *Положеніе о стипендіи Андрея Тимофѣевича Ребинина, учрежденной при Рижской Александровской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Рижскимъ 1-й гильдіи купцомъ Ѳеодоромъ Ребиннымъ и состоящаго въ 7 облигаціяхъ восточнаго займа 1877 года, по 100 руб. каждая, на 700 р., изъ 5% въ годъ. учреждается при Рижской Александровской гимназій, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 16-го октября 1877 года, стипендія Андрея Тимофѣевича Ребинина.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 35 руб. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназій, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ пожизненно ему жертвователю и женѣ его; послѣ же смерти ихъ обоихъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназій.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Андрея Тимофѣевича Ребинина, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

§ 5. Означенный въ § 1-мъ капиталъ въ 700 руб., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназій,

хранится вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназіи въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

7. (21-го октября 1877 года). *Правила о стипендіи статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Общее собраніе членовъ Кіевскаго городского общества взаимнаго кредита, желая выразить признательность управляющему дѣлами онаго, статскому совѣтнику Эйсману, за плодотворный безвозмездный трудъ его въ этой должности, представило въ правленіе университета св. Владиміра *шесть тысячъ рублей*, на учрежденіе стипендіи статскаго совѣтника Эйсмана, на каковой капиталъ и приобрѣтено процентныхъ бумагъ восточнаго займа на сумму 6.850 руб.

§ 2. На капиталъ этотъ учреждается при университетѣ стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го октября 1877 г., именуется „стипендією статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана“.

§ 3. Проценты съ сего капитала употребляются: на содержаніе стипендіата и на единовременное пособіе ему послѣ удовлетворительнаго окончанія университетскаго курса.

§ 4. На содержаніе стипендіата назначается по 250 руб. въ годъ. Въ единовременное пособіе выдается остальная затѣмъ сумма, имѣющая остаться свободною во время выхода стипендіата изъ университета, не болѣе однакожь 150 руб.

§ 5. Стипендіатомъ статскаго совѣтника Эйсмана можетъ быть только студентъ юридическаго факультета и притомъ не раньше, какъ на второмъ году университетскаго курса.

§ 6. Стипендія статскаго совѣтника Эйсмана замѣщается, по представленію юридическаго факультета, совѣтомъ университета.

§ 7. Стипендіатъ статскаго совѣтника Эйсмана обязанъ подвергаться контрольнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени бытности своей въ университетѣ, за исключеніемъ однакожь тѣхъ полугодій, когда онъ держитъ испытанія полукурсовое и окончательное. Не выдержавшій удовлетворительно испытанія, равно какъ и неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

8. (21-го октября 1877 года). *Правила о Грумовской стипендіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Согласно духовному завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александры Захаровны Грумъ-Гржимайло, въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по словесному, или, какъ онъ нынѣ носить названіе историко-филологическому факультету учреждается стипендія изъ процентовъ съ капитала въ 5.000 руб., заключающагося въ 5⁰/₀ билетахъ государственнаго банка.

2) Стипендія эта на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го октября 1877 г. именуется „Грумовской“.

3) Назначаетъ на эту стипендію и смѣщаетъ съ оной, съ утвержденія совѣта Казанскаго университета, историко-филологическій факультетъ сего университета, руководствуясь въ этомъ случаѣ правилами, постановленными относительно стипендій министерства народнаго просвѣщенія.

4) Полученіе Грумовской стипендіи не влечетъ за собою обязательной какой-либо службы для получающаго ее студента по окончаніи имъ курса наукъ въ историко-филологическомъ факультетѣ, или по оставленіи имъ факультета до окончанія въ немъ полнаго курса.

5) Если въ теченіе какого-либо времени Грумовскою стипендіею никто изъ студентовъ историко-филологическаго факультета не будетъ пользоваться, то имѣющія вслѣдствіе того остаться свободными деньги присоединяются къ основному стипендіальному капиталу.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

15-го октября 1877 года (№ 14). *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ософиллактозъ* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, по день выслуги 35-ти-лѣтняго срока по учебной части.

Исполняющій обязанности инспектора Лубенской гимназіи, учитель сей гимназіи, статскій совѣтникъ *Лазаренко* — директоромъ Лубенской гимназіи, съ 7-го октября 1877 года.

Преподаватель реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, надворный совѣтникъ *Шеттле* — директоромъ сего училища.

Назначается: инспекторъ Иркутской гимназін, титулярный совѣтникъ *Еленевъ* — директоромъ училищъ Евисейской губерніи, съ 14-го октября 1877 года.

Переводится на службу въ ведомство министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ министерству государственныхъ имуществъ коллежскій ассесоръ *Котельниковъ*, съ назначеніемъ исправляющимъ должность директора Минской дирекціи народныхъ училищъ.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: надворный совѣтникъ Викторъ *Соколовъ*, съ 14-го октября 1877 года.

Остается на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Кронштадтскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Александровъ*, съ 12-го сентября 1877 года.

Командируется съ ученою цѣлю: исправляющій должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Смирновъ* — на восемь мѣсяцевъ, въ Туркестанскій край.

Увольняются въ отпускъ за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета Вильгельмъ *Гершельманъ* и помощникъ инспектора Дерптской учительской семинаріи, губернский секретарь *Ламе* — на зимнее вакаціонное время 1877 — 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эмелгардтъ* — на зимнее вакаціонное время 1877—1878 года и два мѣсяца.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ходоскій*, съ 1-го сентября 1877 г.

Директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Лялинъ*, съ 27-го сентября 1877 года, съ дозволеніемъ ему носить въ отставку мундирный полукафтаны, послѣдней должности присвоенный.

Согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, деканъ физико-математическаго факультета сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Александревъ*, съ 1-го сентября 1877 года.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Донинъ*, по болѣзни, съ 7-го октября 1877 года.

Исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея *Ковалевъ*.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ Ришельевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Сабининъ*.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ изготовленные въ устроенной въ г. Москвѣ дворяниномъ В. Еропкинымъ „Мастерской учебныхъ пособій“ доставленные имъ разные учебные приборы по физикѣ, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. министромъ, призвалъ возможнымъ рекомендовать со стороны министерства народнаго просвѣщенія городскимъ и двухкласснымъ сельскимъ училищамъ, а равно женскимъ гимназіямъ и всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ сего министерства приобрѣтать учебныя пособия по физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ, преимущественно изъ мастерской г. Еропкина. Съ требованіями можно обращаться къ дворянину Виктору Васильевичу Еропкину по мѣсту жительства его въ г. Москвѣ по Б. Козицкому пер. въ приходѣ Ермолая, домъ Цыкина.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *Нидерл. Грамматика греческаго языка въ обработкѣ И. Мейера и В. Рейнера. Часть II. Синтаксисъ. Москва. 1877 г. Цѣна 1 р. 20 к.*—одобрить какъ руководство для старшихъ классовъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленная *Θ. Езерскимъ* книги подъ заглавіями:

1) *Полная наглядная практика торговаго счетоводства по новой системѣ. Части 1-я и 2-я. Дрезденъ. 1874 г.*

2) *Краткая наглядная практика торговаго счетоводства по новой русской тройной системѣ. Дрезденъ. 1873 г.*

3) *Теорія торговаго счетоводства по новой русской тройной системѣ. Дрезденъ. 1873 г.*—рекомендовать основнымъ бібліотекамъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: *Орлеанскія дѣла. Трагедіи въ 5-ти дѣйствіяхъ съ про-*

логомъ *Ф. Шиллера* въ переводѣ Жуковскаго съ примѣчаніями Н. Я. Максимова. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 50 к.“ — одобрить какъ учебное пособіе для средне-учебныхъ заведеній при прохожденіи теоріи словесности.

IV выпускъ географическаго атласа *всѣхъ частей свѣта А. Ильина*, содержащій въ себѣ: а) орогидрографическую карту Европы и б) карту Австраліи на 2-хъ листахъ, составленную полковникомъ Каульбарсомъ — одобрить для основныхъ библіотекъ гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: *Шекспиръ. Гертруда*. Перевелъ съ нѣмецкаго Константинъ Тимошевскій. 4 тома. С.-Пб. 1878 г.“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ основныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Родина. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ устномъ и письменномъ*. (Курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ). Сост. А. Радонежскій. Изд. 4-е, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія по русскому языку. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 75 к.“ — одобрить для класснаго чтенія и упражненій въ разборѣ устномъ и письменномъ изложеніи въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

— Книгу: *Учебникъ словесности*. 1) *Стилистика*. 2) *Теорія прозы*. 3) *Теорія поэзіи*. Андрея Филонова. Для среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1878 г. Цѣна 1 руб.“ — одобрить какъ учебное пособіе при изученіи словесности въ гимназіяхъ.

— Книгу: *Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи* Т. Румеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Второе изданіе, исправленное. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 75 к.“ — одобрить какъ руководство для гимназій.

— Книгу: *Европа въ физическомъ, политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ*. Составилъ преподаватель тверскихъ: реального училища и Миряевской женской гимназіи В. Гулевичъ. Тверь. 1877 г.“ — рекомендовать въ видѣ руководства для гимназій, мужскихъ и женскихъ, и для реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: *Избранная сатира Горация* для среднихъ учебныхъ заведеній. Книга 1. *Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьями о Горациѣ* В. И. Модестова, профессора римской сло-

вестности въ университетѣ св. Владиміра. С.-Петербургъ. 1877 г. Цѣна 75 к.“—признать заслуживающею внесенія въ списокъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ книгъ.

УІ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *Вѣчный труженникъ. Жизнеописаніе шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. Соч. Самуэля Смайльса.* Переводъ С. Майковой. С.-Пб. 1877 г.“—допустить какъ и переводъ той же книги, сдѣланный г-жею Смирновой, въ ученическія библіотети гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, преимущественно для старшаго возраста.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, на основаніи заключенія учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. управлявшимъ министерствомъ, признавъ возможнымъ составленную протоіереемъ А. Жалобовскимъ брошюру, подъ заглавіемъ „Краткое и общепонятное объясненіе молитвы Господней. Поученіе духовнаго отца духовнымъ дѣтямъ. С.-Пб. 1875 г. Цѣна 10 коп., включить въ число книгъ, рекомендованныхъ для чтенія въ народныхъ школахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Пермскаго реального училища портрета графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управлявшаго министерствомъ, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Неввижской учительской семинаріи, Минской губерніи, портретовъ: министра народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго и попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Сергіевскаго.

— Вслѣдствіе представленій гг. попечителей московскаго и харьковскаго учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами размѣръ платы за ученіе въ прогимназіяхъ: *Брянской*: въ приготовительномъ классѣ по *пятнадцати руб.*, а въ прочихъ классахъ по *двадцати руб.*, и въ *Краснослободской*: въ приготовительномъ по *дѣсяти руб.*, а въ прочихъ классахъ по *двадцати руб.*, въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленій гг. Попечителей С.-Петербургскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами размѣръ платы за ученіе въ реальныхъ училищахъ: Великолукскомъ, Новочеркасскомъ и Роменскомъ по двадцати руб., Урюпинскомъ—по шестнадцати руб., и Саратовскомъ—по тридцати шести рублей въ годъ съ каждаго ученика.

Отъ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія.

— На заглавномъ листѣ и на обложкѣ книги: *Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества*. По успѣшнѣйшему методу составилъ *М. Ф. Заменгофъ*. Изд. 2-е исправленное и дополненное, съ русско-нѣмецкимъ и нѣмецко-русскимъ словарями. Варшава 1875 г. Цѣна 65 коп.—напечатано, что она рекомендована Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ такой рекомендаціи второму изданію книги *Заменгофъ* Ученомъ Комитетомъ дано не было и даже самая книга въ этомъ изданіи не была представляема въ Ученый Комитетъ, что требуется правилами, напечатанными на стр. 2 изданнаго въ 1875 г. „Каталога Учебныхъ руководствъ и пособій, которые могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“. о чемъ и объявляется во всеобщее свѣдѣніе.

Открытие училищъ.

— 30-го августа сего года открыта въ г. Азовѣ мужская прогимназія въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, при 46 учащихся, изъ коихъ принято въ приготовительный классъ 12, въ первый—28 и во второй 6-ть.

— 9-го минувшаго октября открыто въ г. Семеновѣ, Нижегородской губерніи, двухклассное городское училище и въ день открытія принято въ оное 21 ученикъ.

— 11-го минувшаго сентября открыто въ г. Нерехтѣ, Костромъ-часть сѣв., отд. 1.

ской губерніи городское 3-хъ классное училище и въ день открытія принято въ оное 80-ть учениковъ.

— 1-го минувшаго сентября послѣдовало открытіе Свенцянскаго и Могилевскаго городскихъ училищъ, преобразованныхъ изъ уѣздныхъ училищъ и въ день открытія учениковъ въ нихъ состояло: въ Свенцянскомъ 40 и въ Могилевскомъ 111-ть.

— Открыты слѣдующія начальныя училища: 14-го сентября въ заштатномъ городѣ Троицкѣ, Краснослободскаго уѣзда, Пензенской губ., въ составѣ пока одного класса, при 52 ученикахъ; 2-го октября двухклассное училище въ с. Дорожаевѣ, Зубцовскаго уѣзда, Тверской губ. при 70 учащихся; изъ коихъ 50 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ; 28-го сентября въ с. Шлаховой, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ., 10-го октября Заянское одноклассное училище, Гдовскаго уѣзда, С.-Петербургской губ., при 71 мальчикѣ и 9 дѣвочекъ; 17-го октября одноклассное училище въ с. Сакоцахъ, Ардатовскаго уѣзда Нижегород. губ., при 35 ученикахъ; 23-го октября двухклассное училище въ с. Богородицкомъ, Орловской губ., при 84 ученикахъ; преобразованы въ двухклассныя училища въ сс. Вильгортѣ и Юртѣ, Чердынскаго уѣзда, Пермской губ., при 73 ученикахъ въ первомъ и 40 въ второмъ; въ с. Хотѣни, Козельскаго уѣзда, Калужской губ., при 102 ученикахъ; и фундушевое приходское училище въ с. Половскомъ, Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ И УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АВГУСТА БѢЛЕВСКАГО.

Всякому, занимающемуся русскою исторіей, извѣстно имя польскаго ученаго Августа БѢлевскаго, но едва ли многіе у насъ знаютъ, что уже болѣе года прошло со времени его кончины. Позволимъ себѣ, хотя не много поздно, почтить память покойнаго очеркомъ его литературной, ученой и издательской дѣятельности.

Родиной Августа БѢлевскаго была мѣстность, богато одаренная природой и судьбой: онъ родился въ 1806 г. въ имѣніи Крешовицахъ, въ Стрыйскомъ округѣ Галицкаго Покутья. Извѣстно, что Червоная Русь вообще была родиной многихъ лучшихъ польскихъ писателей: довольно вспомнить Николая Рея, писателя XVI в., и Фрациска Карпинскаго, XVII в.; послѣдній невольно припоминается въ виду сходства и различія въ направленіи съ БѢлевскимъ.

Какъ нѣкогда живописныя мѣстности, разбросанныя по обѣ стороны Днѣстра, подѣйствовали на богатую фантазію Рея, такъ и въ наши дни не остались онѣ безъ вліянія на воображеніе БѢлевскаго. Думы, народныя пѣсни, слышанныя имъ въ молодости, запечатлѣлись въ его душѣ и имѣли вліяніе на его развитіе.

Первоначально БѢлевскій обучался въ Станиславовѣ и Бучачѣ, въ Галиціи, затѣмъ отправился во Львовъ, гдѣ слушалъ философію и право и въ то же время занимался изученіемъ языковъ, при чемъ обращалъ особенное вниманіе на славянскіе. Но время, когда ему пришлось учиться, не совсѣмъ благопріятствовало такому направленію его стремленій. „Родились мы“, говоритъ БѢлевскій, — „когда отечество наше было давно уже похоронено; первоначальныя понятія развивали въ насъ на чужомъ языкѣ; учили насъ исторіи всего міра, а про нашу родную умалчивали; наши кровавыя жертвы не имѣли никакого вліянія на измѣненіе нашего положенія. Проявленія патріо-

твизма преслѣдовали всевозможными способами. Молодое поколѣніе стѣсняли въ полученіи образованія, старшихъ исключали изъ всѣхъ общественныхъ и даже полуобщественныхъ должностей; нами пренебрегали и едва только позволяли жить. Такое положеніе дѣлъ само собою вызывало постоянныя волненія, однѣ хуже другихъ. Еслибы кто захотѣлъ охарактеризовать хотя бы мелкія волненія, то не могъ бы найти лучшаго сравненія, какъ то, что мы были похожи на птицу, которая, почувявъ себя лишеною свободы, не обращаетъ вниманія ни на качество клѣтки, ни на свои силы, бьется крыльями о ея желѣзныя стѣнки и этимъ все сильнѣе ранитъ себя¹⁾.

Это дѣйствительно было невыносимо тяжелое время для австрійскихъ Поляковъ. Австрійское правительство принимало все болѣе строгія мѣры противъ желающихъ трудиться. Стоитъ только вспомнить извѣстную исторію съ Вацлавомъ изъ Олеска, котораго поселили въ Карпатахъ за подозрѣніе въ склонности къ литературнымъ занятіямъ. Борковскаго въ 1822 г. вызвали изъ царства Польскаго насильнымъ образомъ. Но этотъ случай послужилъ къ лучшему. „Онъ привезъ въ Галицію, какъ заграничный товаръ“, говоритъ современникъ, — „знаніе польскаго языка, уваженіе къ литературѣ, свѣдѣніи о польскихъ авторахъ и сочиненіяхъ, гдѣ-то тамъ издающихся, и совсѣмъ иныя понятія, чѣмъ тѣ, что господствовали въ Галиціи, и этимъ повліялъ на начинающихъ молодыхъ ученыхъ“²⁾. Въ числѣ ихъ былъ и молодой Бѣлевскій.

Крутыя мѣры правительства заставили молодыхъ людей тѣснѣе сплотиться, опредѣлить цѣль и задачу своей дѣятельности. На первыхъ порахъ они поставили своею задачей изученіе древности, народнаго быта, народной словесности и этимъ надѣялись сохранить свою народность и родной языкъ въ чистотѣ. Но науку надо было добывать контрабандой изъ польскихъ областей, находившихся въ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, не подъ австрійскимъ владычествомъ. Много въ трудахъ этого кружка помогало существованіе Варшавскаго университета и Общества любителей наукъ въ Варшавѣ. Плодомъ общей дѣятельности былъ сборникъ *Галичанинъ*, появившійся въ 1830 г. во Львовѣ, благодаря старанію вышеупомянутаго Юсифа

¹⁾ *Biblioteka Ossolińskich*, Т. XI: рывъ Бѣлевскаго 12-го октября 1868 года.

²⁾ Корреспонденція изъ Галиціи въ издававшемся въ Познани въ 1842 году: *Tygodnik Literacki*.

Дунина-Борковскаго ¹⁾. Въ то время во всей Галиціи существовалъ одинъ журналъ—*Временникъ имени Оссолинскихъ*, да одна—*Львовская газета*. Въ *Галичанинъ* появились новыя силы, обѣщавшія въ будущемъ пробудить страну отъ умственного сна; кромѣ философскихъ статей, въ сборникѣ возбужденъ былъ вопросъ славянской, вопросъ о народныхъ пѣсняхъ, а въ отношеніи новыхъ литературныхъ стремленій сборникъ сталъ бороться съ классицизмомъ во имя романтизма. Небезынтересны слѣдующія слова редактора сборника, опредѣляющія его направленіе: „Аристотель“, говоритъ онъ въ статьѣ: „Аристотель—судья романтизма“,—„еслибъ очутился среди насъ и окинулъ своимъ взглядомъ нашу литературу, то пригрозилъ бы избалованнымъ приверженцамъ ложныхъ понятій, назвалъ бы ихъ выродившимися дѣтьми своей *Питики*. Сильно разбранилъ бы онъ ихъ за то, что они, вмѣсто изученія и изслѣдованія духа новѣйшаго движенія, вмѣсто того, чтобы помогать его распространенію въ народѣ, ставятъ ему преграды. На голову Бродзинскаго надѣлъ бы лавровый вѣнокъ; къ Мицкевичу, Залѣскому, Гоцинскому, Витвицкому и ко многимъ другимъ, которыхъ мы будемъ имѣть случай узнать въ *Галичанинъ*, обратился бы со слѣдующими словами: „Молодые, съ богатыми надеждами любимцы Феба! Идите смѣло въ ту высшую страну поэзіи, на поляхъ которой вы такъ счастливо поставили ваши первые шаги, проникнитесь духомъ истиннаго понятія поэзіи, не раздѣляйте ея на партіи и безсодержательныя названія классицизма и романтизма. Уважайте древность и ея произведенія, какъ плоды великихъ геніевъ, но рядомъ съ ними изучайте природу и правду. Вы, дѣти другихъ временъ, изображайте человѣческую жизнь и исторію вашего народа въ живыхъ картинахъ, дѣйствующихъ на чувство и духъ вашихъ братьевъ“.

Въ этомъ-то сборникѣ, среди многихъ уже отчасти извѣстныхъ именъ, встрѣчаемъ неизвѣстное для того времени имя Августа БѢЛѢВСКАГО. Молодой писатель сразу завоевалъ себѣ почетное мѣсто своими переводами сербскихъ пѣсень, помѣщенными въ *Галичанинъ*. Бродзинскій, отличный знатокъ народной поэзіи, переводившій чешскія и сербскія пѣсни, встрѣтилъ переводы БѢЛѢВСКАГО большими похвалами. Въ то время впервые стали понимать, что истинной поэзіи надо искать въ народѣ. Чтобы познакомиться съ манерою пере-

¹⁾ См. монографію *Войничкаго* о *Галичанинъ* въ журналъ *Ognisko Domowe* 1874 г., № 1 п 2.

вода, позволимъ себѣ привести небольшой отрывокъ изъ цѣсни: „Марко Кралевичъ и Лутица Богданъ“, именно — бой Марка съ Богданомъ:

Przypada Bogdan; za buzdygan ima,
 Marko, dwunastu wojewodów trzyma,
 J wręcz kolejno z każdym się potyka,
 Wysadza z siodła i krępuje w łyka;
 Pędzi; lecz oto! skąd się tuman ściele?
 To Bogdan pędzi Miłosza i Rełę,
 Białe się ręce skrępował powrozem.
 Postrzegł to Marko, strach go przeszył mrozem,
 Zląkł się jak nigdy, więc myślą pogoni:
 Jako się wymknie, i gdzie się uchroni
 Ale wnet na um padło mu w tej chwili:
 Wszyscy trzej niegdy wraz mir uderzyli,
 Kto z nich w niewolę popadłby sromotnie,
 Wesprze go drugi i łyka mu potnie.
 Spiał więc Szaracza i broźcem na czole
 Nasadził kołpak, zmarszczył brwi sobole
 Wzniósł szablę, okiem z ukosa potoczy,
 A tuż ku niemu Luty-Bogdan kroczy.
 Staął i w Marka wzrok przed siebie wbito
 Spójrzal-zadrzały pod Bogdanem tyty,
 I ten i tamten stoi jak przykuty;
 Wreszcie milczenie przerwał Bogdan-Luty:
 Mir z nami Marku! Przystąpmy do zgody.
 Puszczam twe braty, puść mi wojewody.

Этотъ отрывокъ, кажется намъ, достаточно можетъ познакомить съ характеромъ перевода. Напрасно стали бы мы искать въ немъ буквальности сравнительно съ подлинникомъ; поэтъ-переводчикъ какъ бы не связанъ подлинникомъ; онъ не гоняется за словами, для него важна мысль и образъ, и въ этомъ онъ старается быть вѣрнымъ подлиннику; за то Бѣлевскій сохранилъ въ переводѣ картинность, сжатость и простоту оригинала, придавъ своимъ стихомъ соответствующую содержанію внѣшность.

Такимъ образомъ, уже первые опыты Бѣлевскаго на литературномъ поприщѣ были посвящены славянству. Идея славянства, общности славянскихъ народовъ сильно была тогда распространена въ польской литературѣ, благодаря Чарноцкому¹⁾. Повившееся въ

¹⁾ Больше известнаго подъ псевдонимомъ Зоріана Доленга Ходаковскаго. См. о немъ *Teka Wiśniewska* 1857 г., №№ 2 и 6, статья Д. Ходзьки и Г. Скимборовича.

1818 г. его разсужденіе: „O Sławiańszczyźnie przedchrześcijańskiej“ произвело въ то время сильное впечатлѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ было первымъ толчкомъ для изученія славянства среди Поляковъ. Поэтическія идеи Чарноцкаго старался подтвердить учеными выводами Раковецкій въ своей „Русской Правдѣ“. Но идеямъ этимъ не суждено было привиться въ польской средѣ, онѣ тамъ переработались и получили особый колоритъ. Чарноцкій слишкомъ увлекся народною словесностью и не придавалъ никакого значенія письменнымъ памятникамъ; онъ проклиналъ всю польско-латинскую литературу. Вскорѣ, однако, подъ вліяніемъ Войццкаго, польскіе писатели обратились и къ этой польско-латинской литературѣ, въ лѣтописяхъ и „бумажной“ словесности стали искать разъясненія минувшей жизни. Въ этомъ направленіи продолжалась дѣятельность Бѣлѣвскаго: онъ съумѣлъ примирить „слово“ съ „бумагою“. Онъ изучалъ живой народъ и его произведенія, и въ то же время погружался въ вѣковую пыль хартий. Свое направленіе онъ самъ ясно изобразилъ во введеніи къ своимъ „Думамъ“¹⁾, гдѣ онъ высказываетъ желаніе соединить историческія преданія съ народными сказаніями, народною словесностью.

Познакомившись съ народною словесностью и съ жизнью народа, Бѣлѣвскій принялся за критическое изученіе польскихъ лѣтописей. При этомъ онъ не упускалъ изъ виду и старинныхъ памятниковъ литературы родственныхъ Славянскихъ народовъ и прежде всего остановился на Словѣ о полку Игоревѣ, которое и перевелъ на польскій языкъ. „Увлеченный красотой этой пѣсни“, говоритъ Бѣлѣвскій въ предисловіи къ переводу ея, — „я старался перевести ее на родной языкъ, полагая, что мысль пѣвца *нашей* земли, высказанная шесть столѣтій тому назадъ, найдетъ въ нашемъ языкѣ твердость и выразительность; при этомъ я вовсе не думалъ о томъ, отвѣтитъ ли смѣлость оборотовъ и метафоръ вымышленнымъ правиламъ вкуса“.

Остановимся немного на этомъ переводѣ и на приложенныхъ къ нему примѣчаніяхъ. Что касается самаго перевода, то онъ исполненъ не только безупречно, но и съ большимъ талантомъ и умѣніемъ проникнуться духомъ пѣсни. Языкъ и слогъ не заставляютъ желать ничего лучшаго. Переводчикъ заимствуетъ много выраженій изъ старо-польскаго, русскаго и чешскаго языковъ, въ убѣжденіи, что современный языкъ не совсѣмъ подходитъ къ характеру и тону пѣсни.

¹⁾ Стихотворенія Бѣлѣвскаго изданы въ С.-Петербургѣ *Вольфомъ*; они вошли въ VI томъ сборника: *Skarbczyk Poczty Polskiej* (С.-Пб. 1854).

Хотя вообще это пристрастіе къ архаизмамъ легко можетъ сдѣлаться недостаткомъ въ литературной рѣчи, что и замѣтно у современныхъ польскихъ писателей,—но про Бѣлевскаго сказать этого нельзя. Для образца его перевода приведемъ отрывокъ, передающій одно изъ такихъ мѣстъ, которыя менѣе всего искажены, именно — поражение Игоря на рѣкѣ Каялѣ („Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летать стрѣлы каленны“ и пр.).

У Бѣлевскаго это мѣсто передано такъ:

Takiego niegdy ścierały się mocy!
Lecz takiej wojny nie słyszano jeszcze:
Od rannych świtów do nocy, od nocy
Do świtu, gęste strzał się leją deszcze
Słychać grzmot szabel wśród trzasku oszczepów
W dalekiej ziemi połowieckich stepów
A czarny obszar końskimi kopyty
Zorany, kośćmi zasiany, krwią zmyty
Wydał dla Rusi plon bujny — niedolę...
Co mi tam szumi? co dźwięczy przez pole?
Igor zawraca półki, żal go bodzie
Za tobą miły bracie Wsewołodzie!
I dzień i drugi trwa poboj zajadły,
W trzecim sztandary wojsk Jgora padły;
Tu się brat z bratem nad bystrą Kajałą
Żegna—krwawego wina niestało.
Skończyło ucztę chobrze ruskie plemię,
Poczciwszy wrogów padło za swą ziemię!...
Załośna trawa ziemią liść rozciela,
I drzewo tęschne przekłania konary,
Bo wstały czasy, nie czasy wesela:
Pustynia całe zaległa obszary.

Изъ этого отрывка можно видѣть всѣ качества перевода Бѣлевскаго. Если сравнить его съ русскимъ переводомъ г. Гербеля, который приведенъ О. Э. Миллеромъ въ его хрестоматіи какъ лучший, то окажется, что польскій переводъ несравненно точнѣе; на примѣръ, „Чръна земля подъ копыты“ и т. д., г. Гербель переводитъ:

Стель пстоптана, пзрыта
Сталью конскаго копыта,
И кругомъ она
Нашей кровью полита,
А костыми удобрена.

Тутъ не соблюдена послѣдовательность подлинника—земля вспахана копытами, засѣяна костями, полита кровью, произрастаетъ тугою. Слово *ничитъ* г. Гербель переводитъ „вянетъ“; такъ объясняетъ и О. Э. Миллеръ, но не вѣрнѣ ли повялъ БѢлѢвскій въ смыслѣ *наклоняется*. Такого пониманія, кажется, требуетъ слѣдующее затѣмъ выраженіе: древо преклонилось, и *ничитъ* не употреблено ли въ смыслѣ русскаго *никнуть*, *поникнуть*, а не польскаго *niknąć*?

Что касается отдѣльныхъ замѣчаній БѢлѢвскаго и пониманія имъ спорныхъ пунктовъ Слова, то въ наше время они, конечно, не имѣютъ почти никакого значенія, и толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ должно даже быть признано невѣрнымъ. Вотъ нѣкоторые примѣры въ подтвержденіе нашихъ словъ:

„Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣвашется *мыслию* по древу“... БѢлѢвскій объясняетъ *мыслию* прибавленіемъ „славіемъ“ — какъ соловей, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ другое мѣсто, будто бы аналогичное съ этимъ: „Скача славію по мыслену древу“ и переводитъ: „Скача по дереву какъ соловей“. Неудовлетворительность такого объясненія не требуетъ доказательствъ; очевидно, БѢлѢвскій, когда переводилъ Слово, еще не твердъ былъ въ русскомъ языкѣ.

Пусканіе десяти соколовъ БѢлѢвскій понимаетъ буквально, то-есть, что тотъ соколъ прежде пѣлъ, который прежде долеталъ. Слово *та* БѢлѢвскій, вѣроятно, понималъ такъ, какъ и г. Буслаевъ.

Слѣдующее мѣсто БѢлѢвскій объясняетъ такъ, какъ и г. В. Миллеръ: „Снала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи испусити Дону великаго“; то-есть желаніе испытать Донъ овладѣло умомъ князя и т. д.

Вообще можно сказать, что даже бѣглое разсмотрѣніе перевода БѢлѢвскаго свидѣтельствуетъ о достоинствѣ труда БѢлѢвскаго для своего времени — въ отношеніи пониманія текста; въ литературномъ же отношеніи переводъ этотъ и теперь стоитъ высоко, и позднѣйшіи переводы Виленскаго епископа Красинскаго едва ли лучше.

Съ девизомъ изъ Слова о Полку Игоревѣ: „Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени“, БѢлѢвскій выпустилъ въ свѣтъ и свою оригинальную поэму подъ заглавіемъ „Пѣснь о Генрихѣ Набожномъ“. Несомнѣнно, что она написана подъ сильнымъ влияніемъ Слова. Сюжетъ выбралъ подходящій—борьба съ Монгольской ордою, да кромѣ того, въ пѣсни много и мелкихъ мотивовъ совершенно одинаковыхъ. Содержаніе пѣсни — извѣстная первая несчастная битва Генриха съ

Татарами въ 1241 году у Лигницы. Но Бѣльскій изображаетъ ее такъ, какъ представилъ ее позднѣйшій лѣтописецъ (Бѣльскій) подъ вліяніемъ народныхъ преданій. Такимъ образомъ авторъ соединилъ исторію съ эпосомъ, и изъ этого вышла весьма поэтическая картина, тогда какъ голый лѣтописный разказъ не представляетъ ничего особеннаго.

Вотъ какъ разказываетъ объ этой битвѣ современникъ ея Богуфаль († 1253 г.): „Въ лѣто Господне 1241 Батый, царь Татарскій, вмѣстѣ со своими полчищами Татаръ, народа дикаго и безчисленнаго, проходи по Россіи, задумалъ войти въ Угрію. Но прежде чѣмъ онъ достигъ границъ Угорскихъ, часть своего войска предназначилъ противъ Поляковъ. Это войско въ первый день великаго поста (*die cinerum*) опустошило городъ и землю Сендомірскую, не щадя ни пола, ни возраста. Затѣмъ, опустошая, они прошли Вислицу, Краковъ. Вблизи Ополя имъ повстрѣчались Владиславъ, князь Опольскій и Болеславъ Сендомірскій и стали сражаться. Но повернувъ тылъ (*terga vertentes*), они бѣжали, не будучи въ силахъ противостоять силѣ и Божьей волѣ. Вслѣдствіе того названная часть татарскаго войска достигла до Силезіи, опустошая вторично Сирадію (*Siradia*, нын. польск. Сѣрадзь), Ленчицу и Куявію. Генрихъ, сынъ Генриха Бородатаго, князя Силезіи, Кракова и Польши, уповаю на помощь Божію, храбро вышелъ имъ на встрѣчу и далъ сраженіе на полѣ у Лигницы. Но поущеніемъ Господа, который иногда позволяетъ бичевать своихъ за грѣхи, славный князь Генрихъ самъ былъ убитъ, потерявъ много тысячъ людей. Вмѣстѣ съ нимъ былъ убитъ Болеславъ, прозванный „Шепѣлка“, Батый же отправился въ Угрію (*Chron. Bogurphali*, с. 71).

Изъ этого разказа очень трудно создать что-нибудь поэтическое. Холодный лѣтописецъ не понимаетъ всей важности этого пораженія Генриха; онъ отмѣчаетъ только погибель многихъ тысячъ христіанъ и объясняетъ это волею Всевышняго. Народъ представилъ это событіе иначе; пораженію предшествовали небесныя знаменія, съ востока появилась комета, въ Силезіи пролилъ кровавый дождь, на небѣ видѣли сражающимися войска и т. д. Являются Татары, король бѣжитъ, всѣ и все собирается вокругъ Владислава; онъ выступаетъ съ войскомъ, заходитъ въ церковь — послать свои мольбы Богородицѣ, но тутъ является худое предзнаменованіе: когда, по выходѣ изъ церкви, князь объѣзжалъ войска, падаетъ изъ церкви камень, который чуть-чуть не убилъ его. Начался бой; Генрихъ убитъ; мать его, свя-

таи Ядвига, видить въ своемъ монастырѣ, находящемся далеко отъ поля битвы, смерть его и объявляетъ о томъ другой монахинѣ. Она же утѣшаетъ опечаленную жену Владислава. Татары рубятъ голову князю и проносятъ ее по рядамъ войска. Княжескаго трупа найти нельзя, и его узнаеть только его жена по шестому пальцу на ногѣ. Между тѣмъ побѣдители, чтобъ опредѣлить число убитыхъ враговъ, отрѣзываютъ каждому убитому по одному уху и наполняютъ ими девять громадныхъ кожаныхъ мѣховъ.

Такъ описалъ эту битву БѢльскій въ своей хроникѣ, но въ его разказѣ ясна примѣсь народнаго преданія. За этотъ разказъ и ухватился БѢлѣвскій. Въ его произведеніи есть нѣсколько очень хорошихъ, истинно поэтическихъ мѣстъ. Вотъ, на примѣръ, картина выступления Генриха на войну:

Od pól lignickich jasna luna gore,
To Henryk: wojska zszykował na czworę,
Cztéry stron świata, i cztérma ramiony
Rozrasta drzewo którem świat zbawiony.
Z podniosłém sercem huf hasa na czele.
Leci w otwarty bój, jak na wesele;
Dumny, bo zaszczyt spotkał go niemały:
Pierwszy za wiarę w wrogach utkwii strzały,
Pierwszy kopije skruszy, i oręże
Wyszezerbi pierwszy, i pierwszy poleże;
Wraz na zastępy natarł w imię boże,
I wraz potarty, jak od gradu zboże.
Skinął wódz, gromem dwoje spada ramię,
W szyki pohanieów uderza i łamie:
Z dwiema tam wojski dwa biją hetmany,
Z Słężaki Miecław, Gryf z Małopolany
Padł wtóry zastęp i trzeci się chwijeje,
Szatańskie igry stroją czarodzieje.»

А вотъ изображеніе торжества Татаръ:

«Na błoniu gęsto trupami zastaném,
Ucztuje Peta zwycięzki z Kajdanem:
Końskich tam pieczeń dostatkem, a rzekę
W bawolich rogach końskie płynie mleko;
Nim się dostatnią roździela zdobyczą
Obesła pole i poległych liczą:
Z ostremi noży poczet idzie skory,
Po jednem uchu tnie, i składa w wory.
Uczta skończona, wniesiono ze zbiorów
Książęcią głowę, uszu dziewięć worów»....

То вліяніе Слова о Полку Игоревѣ, о которомъ мы выше упоминали, высказалось какъ въ общей идеѣ пѣсни, такъ и въ отдѣльныхъ ея мѣстахъ. Какъ пѣвецъ Слова, такъ и Бѣльскій изображаетъ борьбу съ дикою азіатскою ордою; картину безпокойства и печали матери и жены Генриха можно пожалуй сблизить съ плачемъ Ярославны; затѣмъ Слово напоминаетъ тѣ неблагопріятныя знаменія, которыя предшествуютъ походу; наконецъ, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста въ пѣснѣ также наводятъ на мысль о вліяніи Слова. Такъ, напримѣръ, стихи:

W руі idą siola, łunami przyświeca
Kraków, a trąby zagzmiała Lignica

какъ бы соотвѣтствуютъ слѣдующимъ строкамъ: „Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новгородѣ“. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, признаки вліянія Слова на „Пѣснь о Генрихѣ Набожномъ“ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, признаки, на которые обыкновенно любятъ указывать, имѣютъ характеръ случайный; всѣ эти сходныя будто бы мѣста могли явиться въ „Пѣсни“ вполне самостоятельно, а позднѣйшіе критики, зная, что „Пѣснь“ явилась вскорѣ послѣ перевода Слова, стали отыскивать его вліяніе на стиль „Пѣсни“.

Какъ бы то ни было, Бѣльскій своею пѣснью сталъ въ поэзіи очень высоко; до него никому еще въ польской литературѣ не удавалось такъ проникнуться стариной и оживить ее яркими красками. Въ его пѣсни ясно поняты и изображены, съ одной стороны, самопожертвованіе Поляковъ, религіозная наивность народа, его тревоги и минутная радость современника, съ другой—ужасная картина Татарской орды, оставляющей за собою черную землю и пылающіе города и съ полнымъ спокойствіемъ отрѣзывающей уши убитыхъ, лишь бы насчитать, сколько наберется мѣшковъ этой добычи.

Другая дума Бѣльскаго, въ родѣ „Пѣсни о Генрихѣ Набожномъ“, посвящена Болеславу Высокому; впрочемъ, по нашему мнѣнію, она не представляетъ тѣхъ особенныхъ качествъ, какія хотятъ въ ней видѣть нѣкоторые критики. Самый сюжетъ ея не достоинъ поэзіи. Болеславъ Владиславовичъ, дѣдъ Генриха Набожнаго, идетъ на помощь Фридриху I Барбароссѣ въ войнѣ противъ ломбардскихъ городовъ; онъ воспламеняется гнѣвомъ на одного Лангобарда за его брань; начинается эпическое единоборство, въ которомъ побѣждаетъ, разумѣется, Болеславъ, а императоръ восклицаетъ: „Niech żyje, niech żyje Bolesław Wysoki“.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами поэтическихъ произведеній, БѢлѢвскій написалъ еще нѣсколько думъ и колядовъ въ духѣ чисто народномъ. Не останавливаясь на нихъ, замѣтимъ только, что вообще поэтическая дѣятельность БѢлѢвскаго продолжалась до 1841 года; съ этого же времени мы уже не встрѣчаемъ БѢлѢвскаго, какъ поэта, но за то все чаще и чаще видимъ его ученые труды.

Позднее появленіе его ученыхъ трудовъ объясняется тогдашнимъ положеніемъ Поляковъ въ Галиціи. Только небольшой кружокъ польской молодежи не переставалъ тамъ работать надъ своимъ перевоспитаніемъ и самообразованіемъ, такъ какъ только такимъ способомъ эти люди могли выработать изъ себя полезныхъ дѣятелей для польской національности. БѢлѢвскій былъ однимъ изъ видныхъ представителей въ этой средѣ.

Въ 1842 г. появилась статья его: „Начальная исторія Польши“ (Rozszatkowe dzieje polski)¹⁾. Въ ней БѢлѢвскій уже нѣсколько отступаетъ отъ идей Черноцкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще не является сторонникомъ той строго исторической школы, къ которой вполнѣ примкнулъ нѣсколько лѣтъ спустя, и которой остался вѣрнымъ до конца своей жизни. Онъ вооружается противъ этимологическихъ приемовъ Репеля и Шафарика, но въ то же время, рассматривая современное состояніе польской исторіографіи, приходитъ къ тому же нелестному выводу о ней, къ какому въ наше время пришелъ Цейсбергъ. „При такомъ положеніи вещей“, говоритъ БѢлѢвскій, — „намъ казалось необходимымъ открыть передъ глазами читателя истинное состояніе нашихъ свѣдѣній, удалить всякій современный авторитетъ, добыть слово свидѣтелей современныхъ самымъ событіямъ; затѣмъ, на сколько удастся найти, сопоставить ихъ свидѣтельства и составить картину, которая хотя не будетъ цѣльною, но все-таки дастъ понятіе о тѣхъ временахъ лучше, чѣмъ позднѣйшія разсужденія. Задачей нашею будетъ прежде всего уразумѣніе источниковъ, такъ какъ вся разница въ мнѣніяхъ зависитъ отъ различнаго ихъ пониманія“²⁾. Такимъ образомъ, БѢлѢвскій отвергаетъ всѣ позднѣйшія извѣстія и признаетъ, что исторія должна основываться только на свидѣтельствахъ современниковъ или поколѣній ближайшихъ къ описываемымъ событіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергаетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, и народные преданія: „Скажемъ, наконецъ, разъ навсегда лю-

¹⁾ *Bibl. Ossol.* 1842 г., т. I, стр. 93 слѣд.

²⁾ *Ib.* 102.

бителямъ басенъ, что басня, измышленная по народному ли, или по чужому, во всякомъ случаѣ останется басней и не должна имѣть мѣста въ такой реальной наукѣ, какъ исторія“. Таковы были мнѣнія Бѣлевскаго объ основномъ принципѣ исторической критики въ то время, когда онъ еще не слишкомъ углубился въ письменные источники. Съ теченіемъ времени занятія рукописями, изслѣдованія и изученіе ихъ отчасти измѣнили его историческія воззрѣнія. На это могло повліять назначеніе его на должность писца (Scriptor) библиотеки Оссолинскихъ.

Библиотека Оссолинскихъ, какъ выражается Цейсбергъ¹⁾,—до сихъ поръ занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ польской исторіографіи. Она, можно смѣло сказать, воспитала много выдающихся польскихъ историческихъ писателей, давъ имъ возможность пользоваться своими сокровищами. Существованіемъ своимъ она обязана Юзефу-Максимиліану Оссолинскому графу Тешчинскому, родившемуся въ 1748 г. Въ свое время онъ былъ ученикомъ Нарушевича и участвовалъ въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ временъ Станислава-Августа. При вступленіи на престолъ императора Леопольда онъ, какъ галиційскій помѣщикъ, отправился депутатомъ въ Вѣну и здѣсь остался. Его пребываніе при дворѣ было полезно для Поляковъ въ тѣ тяжелыя времена; стараніемъ его Львовскій университетъ обязанъ учрежденіемъ кафедры польскаго языка и литературы. Около 1790 г. австрійское правительство секуляризировало монастыри, изъ библиотекъ нужныя сочиненія велѣло перевести въ Вѣну, а остальное продать. Этимъ воспользовался Оссолинскій и купилъ все, что только нашелъ полезнымъ. Съ теченіемъ времени его библиотека возросла до почтенныхъ размѣровъ, и онъ рѣшилъ отдать ее на общественное употребленіе вмѣстѣ со своимъ имуществомъ. Въ 1817 г. онъ купилъ во Львовѣ зданіе одного бывшаго монастыря²⁾, думая перенести туда библиотеку и учредить институтъ, главная цѣль котораго было давать средство молодымъ ученымъ трудиться надъ исторіей Польши. Его желанія окончательно исполнились только послѣ его смерти. Въ первое время институтъ располагалъ только 6.000 гульденовъ въ годъ, а въ наше время, благодаря частнымъ пожертвованіямъ, имѣеть до 22.000 гульденовъ ежегоднаго дохода. Библиотека состоитъ

¹⁾ *Zeissberg D.*, *Poln. Geschichtschr. d. Mittelalters.*

²⁾ Зданіе это вслѣдствіе своей ветхости продавалось съ аукціона, и Оссолинскій заплатилъ за него 23,710 гульденовъ.

въ настоящее время приблизительно изъ 72.000 сочиненій, до 2.000 рукописей, массы автографовъ, актовъ, картинъ, гравюръ. При ней находится милицъ-кабинетъ, археологическій музей и естественно-историческій кабинетъ. Все это главнымъ образомъ касается исторіи Польши, ея этнографіи и археологіи. Теперь институтъ Оссолинскихъ есть нѣчто въ родѣ публичной библіотеки, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимается издавіемъ историческихъ памятниковъ. Прежде институтъ содержалъ нѣсколькихъ стипендіатовъ, для которыхъ читались лекціи по польской исторіи и литературѣ, и издавалъ временное изданіе *Biblioteka Ossolinskich*; но съ 1869 г. это изданіе прекратилось. Въ этотъ-то институтъ, благодаря стараніямъ извѣстнаго польскаго писателя Поля, удалось БѢлѢвскому въ 1845 г. попасть писцомъ. Ему было поручено, на первыхъ порахъ, привести въ порядокъ библиотечныя указатели. Въ 1851 г., за выходомъ библіотекаря Шляхтовскаго, сотрудника Перца по изданію „*Monumenta Germaniae*“, БѢлѢвскій былъ назначенъ библіотекаремъ института, и на его мѣсто поступилъ польскій историкъ-монографистъ Шайвоха. Съ 1869 г. до самой смерти БѢлѢвскій былъ директоромъ института.

Къ 1850 году относится сочиненіе БѢлѢвскаго „*Wstęp Krytyczny do dziejów Polski*“, которое въ свое время надѣлало много шума какъ въ польской, такъ и въ нѣмецкой литературѣ,—сочиненіе, на которое потрачено было много труда, но которое принесло пользу только отчасти; дѣло въ томъ, что, какъ справедливо замѣтилъ по поводу его Цейсбергъ, оно основано или на невѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, или на своевольно сдѣланныхъ поправкахъ, а критическій методъ, употребленный въ немъ БѢлѢвскимъ, дѣлаетъ излишнимъ всякій историческій источникъ, такъ какъ изслѣдователь заботится только о томъ, чтобы вложить въ источникъ то, что хочетъ въ немъ прочесть¹⁾. Главною идеей БѢлѢвскаго въ этомъ разсужденіи было—доказать происхожденіе Славянъ отъ Даковъ.

Считаемъ нелишнимъ остановиться на этой теоріи съ нѣкоторою подробностью, тѣмъ болѣе, что она прошла безслѣдно въ славянской исторіографіи.

Первая часть сочиненія БѢлѢвскаго, въ которой онъ дѣлаетъ критическій обзоръ историческихъ источниковъ, не утратила нѣкотораго значенія и до сихъ поръ, но на нее мы обратимъ вниманіе послѣ, при разборѣ издательской дѣятельности БѢлѢвскаго, когда

¹⁾ *Zeissberg, Vinc. Kudłubek, Bischof v. Krakau. Wien. 1869, стр. 159.*

будемъ говорить о его „Monumenta Poloniae“. Вторая часть заключаетъ въ себѣ собственно исторію Ленхитовъ; на ней-то мы главнымъ образомъ и остановимся. Содержаніе ея слѣдующее: За нѣсколько столѣтій до Р. Х., между Адриатическимъ и Чернымъ морями жили Фракійцы, народъ, по свидѣтельству Геродота, самый многочисленный послѣ Индовъ. Они дѣлились на нѣсколько частей, которыя жили то разрозненно, то по временамъ соединялись вмѣстѣ. Изъ нихъ Геты отличались особенно храбростью и справедливостью. Они, выйдя изъ Родопскихъ горъ, поселились у устья Дуная, вблизи Кимерійцевъ. По Геродоту, Родопскія горы были родиной Бессовъ, а по Фукидиду—Діевъ. Ежели теперь принять во вниманіе, что сосѣдями Родопа были Греки и Кимвры, то станетъ ясно, что названія Bessi, Dii и Getae относились къ одному народу. По свидѣтельству Амміана Марцелина, *Bessae* на Фракійскомъ языкѣ означало божество, *Δίος* такое же значеніе имѣло у Грековъ, а по показанію Пасидонія, у Кимвровъ то же означаетъ Геты. Всѣ они отличались чрезвычайною религіозностью; у Бессовъ впервые появилось ученіе о безсмертіи души, и Греки называли ихъ *ἀθανάτωνται*. Во время похода Дарія, одни только Геты рѣшились сопротивляться, другіе или покорялись завоевателю, или удалились къ берегамъ Адри и въ глубь Илирика. Эти племена жили покойно въ Илирикѣ, пока не коснулись ихъ завоеватели Галлы, которые бросились одною частью на Римъ, другою на Дунай. Къ тому же времени относятся извѣстія о взятіи Массиліи Лигурами.

Равнины Илирика раздѣляетъ съ востока на западъ цѣпь горъ, о которыхъ въ древности говорили, что съ нихъ видны Адри и Евксинъ. Вся эта возвышенность была родиной одного сильнаго Фракійскаго племени, хотя оно и раздѣлялось на нѣсколько вѣтвей, носившихъ отдѣльныя названія. Со стороны Родопа, главнаго центра Бессовъ, въ части Эпира, называемой Линкосъ, и по берегамъ озера Лихнитъ, гдѣ находится страна Лихвитія, жили Адри, Антары, Авторіоты. По свидѣтельству Плинія и Страбона, это былъ самый древнѣй и самый многочисленный народъ въ Илирїи. Баснословное преданіе дѣлаетъ вождемъ ихъ сына Илирова Антара. Этотъ народъ подвигался все къ Адри и тамъ занимался морскими разбоями, что, по свидѣтельству древнихъ, считалось почетнымъ. За 400 лѣтъ до Р. Х. былъ у нихъ предводителемъ Баргиль или Бардиль. По преданію, Бардиль былъ угольщикомъ. Онъ отличался храбростью и умѣніемъ управлять; справедливымъ дѣлежомъ добычи онъ снискалъ себѣ

расположеніе народа. Вскорѣ онъ усилилъ свою власть и отъ имени народа заключалъ договоры съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Въ 392 г. до Р. X. онъ предпринялъ походъ на Македонію, низвергъ Аминту, подчинилъ Илирамъ Македонію, и только Филиппъ освободилъ ее. Илиры не испугались и напора Галловъ. Баргилъ, этотъ Гракъ или Иракъ илирскій, ходилъ до границъ Панноніи и тамъ не только удержалъ Галловъ, но даже вошелъ въ Норикъ, гдѣ обитали Тавриски, союзники Бойевъ, покорилъ часть страны и за то былъ назначенъ сперва ихъ княземъ, а послѣ царемъ. Пораженіе это опечалило Галловъ и ускорило ихъ отступленіе отъ Рима. Баргилъ не долго держался въ Норикѣ; онъ только показалъ свою силу Галламъ и затѣмъ помирился съ ними, основавъ царство между Эпиромъ, Дунаемъ и Альпами. Оно держалось сто лѣтъ слишкомъ и устояло передъ Филиппомъ Македонскимъ и Александромъ Великимъ. *Послѣ смерти Баргила царствовалъ Гракъ II, то-есть, Клейтосъ въ 340 г., у него была сестра Анда; затѣмъ Лестко I или Глаукіосъ, который счастливо боролся съ Александромъ (Wstęp Krytyczny, 275—292).* При посредствѣ Баргила, Автаріоты соединили большую часть Фракійскихъ и Илирскихъ племенъ, прежде же они были обитателями части Эпира, которая называется Линхитіей. Въ насмѣшку ли, или отъ ихъ прежней родины, Греки называли ихъ Δυσταί вмѣсто Δουκισταί. Вскорѣ Автаріоты были вытѣснены Кельтскими народами, которые поселились въ верхней Панноніи. Послѣ паденія Автаріотовъ, племена, соединенныя ими, удалились за Дунай. Въ странѣ Гетовъ, по сосѣдству съ Бастарнами, поселились сами Автаріоты. Подъ этимъ именемъ они извѣстны у Цезаря какъ обитатели Дакіи; Птоломей называетъ ихъ Анартами. Конецъ третьяго вѣка и все слѣдующее столѣтіе прошло въ бесполезной борьбѣ Фракійскихъ и Кельтскихъ племенъ. Въ началѣ перваго вѣка до Р. X. усилилось царство *Биребисты, котораго польскія хроники называютъ Пржемыславомъ или Лесткомъ II (Wstęp Krytyczny, стр. 347—356).* Этотъ Биребиста былъ однимъ изъ замѣчательныхъ вождей. Онъ успѣлъ возвратить прежнее могущество своему народу. Увеличивъ военныя силы, онъ отправился за Дунай съ цѣлью вернуть земли, прежде принадлежавшія Автаріотамъ; овладѣлъ значительною частью Фракіи, ослабилъ власть Римлянъ въ Македоніи и Илиріи, истребилъ Скордисковъ, Бойевъ и Тавриковъ, которые нѣкогда овладѣли Автаріотскимъ царствомъ. При этомъ Биребиста дѣйствовалъ противъ Рима и подкупами. Онъ склонилъ золотомъ Кальпурнія Пизона и при посредствѣ своего сына

Коты III утвердился во Фракіи. Желая овладѣть Бойями и Панноніей, онъ женился на сестрѣ Цезаря Юліѣ (Wstep, 366). На понтийскомъ побережьи онъ овладѣлъ торговыми пунктами отъ Ольвіи до Апхолоніи, стараясь развить въ нихъ торговлю. Затѣмъ ему не трудно было войти въ сношенія съ Пароями, которые, по выраженію Трога Помпея, какъ бы раздѣлили съ Римлянами весь міръ пополамъ. Цезарь со страхомъ смотрѣлъ на усиленіе Биребиста. Вскорѣ узны родства разорвались, такъ какъ Биребиста прогналъ Юлію. Цезарь неоднократно пробовалъ укротить Гетовъ, но безуспѣшно. Три раза войска его терпѣли пораженіе въ Далмаціи, и Цезарь намѣренъ былъ отправиться лично противъ Биребисты. Уже выступили легіоны, какъ Цезарь былъ убитъ. То же случилось и съ Биребистою, который погибъ отъ козней партіи, желавшей присоединенія Далмаціи къ Риму.

Послѣ смерти Биребисты не нашлось чловѣка, который могъ бы подобно ему, удерживать различные народы. За этимъ всѣмъ наблюдалъ Октавіанъ. Врагамъ ихъ давали орудіе постоянные споры отдѣльныхъ правителей. У Фракійцевъ страна раздѣлена была на нѣсколько провинцій, отчасти самостоятельныхъ, во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ особый царь. Во время Биребисты, однимъ изъ такихъ вассаловъ былъ его сынъ Кота, правитель Фракіи, который, подкупивъ Люцію Калпурнію Пизона, подчинялъ своей власти сосѣдей. Послѣ смерти отца, Кота былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ владѣтелей, но частью Гетовъ управлялъ жрецъ Дикомось, союзникъ Антонія. Августъ выдалъ свою дочь за сына Коты III, потребовалъ его дочь для себя и этимъ примирилъ владѣтеля Гетовъ. Самые тяжелыя времена для Рима прошли среди дружественныхъ отношеній съ Котою. Но когда свадьба не состоялась, то Августъ уже владѣлъ правымъ берегомъ Дуная и по его берегамъ устраивалъ крѣпости для защиты отъ Коты.

Около времени Рождества Христова оставалась только тѣнь владычества Гетовъ надъ Дунаемъ. *Фракіей управлялъ Реметалкъ, сынъ Коты, племянникъ Цезаря, котораго польскія летописи называютъ Цомтилиемъ или Цопелемъ I, (Wstep, 373).* Послѣ него правилъ Цопель II, который ссорился со своимъ дядей и кончилъ тѣмъ, что ихъ обоихъ выгнали изъ Мизіи и Фракіи.

По прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, когда преданія о владѣніи Гетами Илиріей уже умолкали, а ихъ князья изъ Мизіи и Фракіи были сосланы въ Понтъ или Александрію, власть перешла

къ Децебалу, сыну бѣднаго хлѣбпашца. По народнымъ сказаніямъ, онъ былъ крещенъ еще въ дѣтствѣ святымъ Павломъ, когда тотъ проходилъ изъ Іерусалима по Илирику, и будучи враждебно принятъ княземъ, зашелъ къ бѣдному земледѣльцу. Его звали Пястомъ, а имя это принадлежало всему роду (Wstep, 403 и слѣд.). Каковъ бы ни былъ смыслъ легенды, но все-таки достовѣрно, что *апостоль Павелъ обратилъ въ христіанство Илирскіе народы, и что въ первые вѣка христіанства тамъ совершалась служба на языкѣ Бессовъ.* „Ученіе Христова равно распространилось среди Гетовъ. Апостоль Павелъ говоритъ: *ab Jerusalem per circuitum usque ad Illyricum peregerat evangelium Christi* (посл. Рим. XV, 19). Это служитъ яснымъ доказательствомъ, что Павелъ былъ между прочимъ апостоломъ Гетовъ. Объ этомъ сообщаютъ намъ извѣстія лѣтописей польскихъ, русскихъ и венгерскихъ. Такъ, Несторъ говоритъ: „Въ Моравы бо ходилъ и апостоль Павелъ, училъ ту: ту бо есть Илирикъ его же ходилъ апостоль Павелъ. Ту бо беша Словене первое. Тѣмъ же и словенску языку учитель есть Павелъ „(П. С. Р. Л., I, 12)“ (Wstep, 409).

Народное имя Децебала—Земовить. Онъ, выросши, сталъ отличать своею храбростію, и правитель Даковъ сдѣлалъ его военачальникомъ. Тутъ онъ скоро отличился и сталъ любимцемъ народа и войска, и князь добровольно отдалъ ему свою корону. Между тѣмъ Римляне простерли свою власть на лѣвый берегъ Дуная и назначали отъ себя царьковъ, которые скоро усилъвали вооружать противъ себя народъ. Этимъ не преминулъ воспользоваться Децебаль, овладѣлъ Мизіей, а консула Аппія Сабина умертвилъ. Домиціанъ послалъ свѣжіе легіоны противъ него, но также безуспѣшно. Посланъ былъ противъ Децебала другой полководецъ, которому удалось побѣдить его, но этою побѣдою Римлянамъ не пришлось воспользоваться, благодаря коварству Децебала: онъ велѣлъ рубить лѣсъ и одѣть ни въ броню; Римляне приняли вооруженные пни за свѣжія войска. Децебаль хотѣлъ помириться съ Домиціаномъ, но тотъ избилъ его пословъ и выслалъ сильное войско противъ Даковъ. Оно было снова разбито, и по словамъ Аппіана, ни одинъ консулъ не хотѣлъ идти болѣе противъ нихъ. Тогда уже самъ Домиціанъ сталъ хлопотать о мирѣ, который пришлось ему заключить на весьма невыгодныхъ условіяхъ. Онъ согласился на самыя тяжелыя условія, какія ему предложили Даки, но передъ народомъ хотѣлъ показаться побѣдителемъ и устроилъ даже триумфальный въездъ въ Римъ, а между

тѣмъ Даки побѣдителю Римлянъ оказывали божескія почести, и польскій лѣтописецъ называетъ его полубогомъ.

Впослѣдствіи Траянъ сталъ обдумывать средства для уничтоженія послѣдствій позорнаго мира. Завязалась продолжительная и кровопролитная война. Траянъ боится сраженій въ открытомъ полѣ и удаляется въ глубину Дакии. Но и здѣсь онъ встрѣчаетъ много препятствій въ горныхъ укрѣпленіяхъ, которыя ему пришлось постепенно брать, пока не приблизился къ Сармизегетузѣ. Но столица не поддавалась, и Траянъ согласился на миръ, который былъ выгоденъ для Римлянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не уничтожалъ самостоятельности Даковъ. Даки обѣщались имѣть общихъ съ Римлянами друзей и враговъ, и потому ихъ войско было сокращено. Траянъ между тѣмъ вернулся въ Римъ триумфаторомъ, оставивъ въ Дакии гарнизоны. Вскорѣ, однако, возникли новыя недоразумѣнія, которыя не уладились мирнымъ путемъ и привели къ открытой войнѣ. Децебаль сдѣлалъ воззваніе къ народу—защитить свою независимость и противостать Римлянамъ со всѣми силами, какія могъ собрать на пространствѣ отъ Дуная до Днѣпра. Римляне, однако, побѣдили ихъ, и самъ Децебаль лишился себя жизни. Траянъ не ограничился покореніемъ Даковъ, перешелъ черезъ Дунай съ многочисленными легіонами, опустошалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ эти страны, отбѣснялъ громадную массу населенія за Карпаты и Днѣстръ и высылалъ туда колоніи со всѣхъ концовъ міра. Это было событіе, чреватое печальными послѣдствіями и рѣшительное для дальнѣйшей эпохи. Здѣсь кроется главная причина великаго переселенія народовъ, которое началось еще въ то время и кончилось рѣшительнымъ паденіемъ Западной Римской имперіи. Со временъ еще Нерона Римляне знали, что пространство отъ Балтики до Евксина, которое прежде они представляли себѣ не населеннымъ, заключало въ своихъ предѣлахъ многочисленныя народы и царства, но эти послѣдніе не находились ни въ какихъ сношеніяхъ съ Римомъ и не были знакомы съ его цивилизаціей. Напротивъ, Геты въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ Римомъ усвоили себѣ ихъ цивилизацію, и не мудрено, что, будучи вытѣснены изъ своихъ предѣловъ, они одержали верхъ надъ закавказскими жителями. Явился цѣлый рядъ замѣшательствъ, причиненныхъ наплывшею массою; объ этомъ слышали и Римляне. При этомъ малое плодородіе земли подало новую причину для борьбы, — болѣе сильныя вытѣсняють слабыя. Въ царствованіе Антонина на сѣверныхъ границахъ имперіи являються голодныя массы,

требующія либо смерти, либо пріюта. Въ то же время происходятъ перемѣны на границахъ имперіи. Германскія племена, разбросанныя отъ Рейна до Вислы и до сихъ поръ враждовавшія между собою, отъ страха передъ Римомъ и сѣверными варварами соединяются въ союзы противъ Рима. На пространствѣ же между Енслою, Одеромъ и Эльбою образуется Мелъшая Дакія. Когда исторія Балтійскихъ и Днѣпровскихъ Славянъ становится болѣе ясною, мы встрѣчаемъ среди ихъ Аботритовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и Ленхиты. Эти имена припоминаютъ старыхъ основателей Илирскаго царства: Автаріотовъ, Линхитовъ. Въ этой же семьѣ есть и Бессы, и Мазовяне, и Кривичи, одноименниковъ которыхъ знаетъ Страбонъ и Плиній на берегахъ Дуная и въ Илиріи. Подобно Маркоманамъ, соединяются Хавки (Cbauci), Катты, Хамавы, Херуски, Аттуары, Амлары, Бруктеры и др., и являются въ III вѣкѣ по Р. Х. подъ общимъ именемъ Франковъ. Между тѣмъ дакійскіе выходцы разносятъ слухи о богатствѣ Италиі. Послѣ нападенія Готовъ, являются Гувны, въ рядахъ которыхъ находятся Даки, вытѣсненные съ Дуная подъ именемъ Антовъ или новымъ названіемъ Салавовъ или Славовъ. Однимъ словомъ, послѣ покоренія Траяномъ Даковъ стали собираться надъ Римомъ все болѣе и болѣе грозныя тучи.

Этимъ заканчивается вторая часть разсужденія Бѣлѣвскаго. Въ третьей части авторъ разсматриваетъ исторію Славянъ съ V вѣка по Р. Хр., то-есть, со времени, когда они сдѣлались извѣстными подъ этимъ именемъ. Онъ разказываетъ объ основаніи и судьбѣ царства Само, о началѣ и усиленіи Великой Моравы и притомъ обращаетъ особенное вниманіе на вліяніе, которое имѣли оба эти царства на привислинскія страны (Wstep., 467—481). Славяне, говоритъ Бѣлѣвскій,—по выходѣ своемъ изъ дунайскаго побережья къ берегамъ Вислы, приняли по свидѣтельству Нестора имя Ленховъ. У Географа Баварскаго въ томъ же мѣстѣ указаны *Wislane*. Раздѣленные на множество вѣтвей, они занимали громадное пространство и касались балтійскаго побережья. Въ VI вѣкѣ и въ началѣ VII, когда Аварская орда овладѣла Славянами отъ Волги до Дуная, они жили подъ властью своихъ *отцовъ* (rod *ocati*) или начальниковъ родовъ. Они умѣли охранять свою самостоятельность, о чемъ сохранились свидѣтельства Византійцевъ. Подобно древнимъ Гетамъ, они заключали договоры при звукахъ музыки; гусли въ рукахъ составляли единственное оружіе ихъ посла. Такое посольство они отправляли въ 590 г. къ Аварскому кагану, который, одаривъ ихъ старѣй-

шинъ, просиль ихъ помощи противъ императора. Послы на возвратномъ пути были схвачены по приказанію Маврикія. Тамъ не могли надвинуться ихъ громадному росту и красотѣ ихъ мелодій. Когда ихъ спросили: кто они и что дѣлаютъ въ Римской землѣ, то они отвѣчали, что они—Славяне, живутъ у Балтійскаго моря; земля ихъ не производитъ желѣза, и потому они ведутъ мирную и привольную жизнь, такъ какъ это имъ болѣе нравится, чѣмъ война. Императору понравилась ихъ рѣчь, и онъ, одаривъ ихъ, отпустилъ домой. Трудно что-нибудь узнать о нихъ послѣ этого, и мракъ неизвѣстности покрываетъ исторію Балтійскихъ Славянъ въ продолженіе трехъ столѣтій. Кажется, однако, что часть ихъ входила въ составъ царства Само, такъ какъ многіе намеки Фредегара показываютъ, что среди Славянъ развилась сильная дѣятельность. Послѣ слишкомъ двухсотлѣтняго молчанія, доходятъ до насъ слухи о жизни лехицкихъ народовъ въ противоположной мѣстности. Неподалеку отъ лѣваго берега Вислы, надъ рѣкой Нидою есть городокъ Вислица, одно изъ самыхъ древнихъ славянскихъ поселеній, и по всей вѣроятности, онъ былъ главнымъ мѣстомъ пребыванія Вислянъ, которыхъ Несторъ называетъ Лепхамя (Лѣхами). Бѣлѣвскій думаетъ, что они были извѣстны Константину Багрянородному, который упоминаетъ у привислинскихъ язычниковъ Δετῆρες; имя которое, вѣроятно, произошло изъ Вислицы (De adm., стр. XXXII, 103). Во второй половинѣ XI вѣка былъ у нихъ князь по имени Вышевитъ (у Константина Βουζεβούτζης). Онъ сильно былъ привязанъ къ языческимъ обрядамъ и смѣлся надъ христіанствомъ. Къ нему послалъ Меодій, уговаривая принять христіанство добровольно, и угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ къ этому принужденъ. Когда уговоры оказались безуспѣшными, противъ Вышевита пошелъ войною Святополкъ, послѣ упорной борьбы низвергъ его съ престола и расширилъ границы Моравской епархіи до источниковъ Буга и Стыра. Вышевитъ вмѣстѣ съ своею семьею искалъ убѣжища за Дунаемъ, куда еще въ этомъ же году отправился было Святополкъ. Его потомковъ знаетъ Константинъ Порфирородный. По низверженіи Вышевита, Святополкъ, кажется, посадилъ на престолѣ Моймира, старшаго сына Вышевита (Wstępa, 481—485).

Далѣе авторъ, указавъ на замѣчаемую имъ связь польской исторіи съ моравскою, доказываетъ, что древніе Моравскіе князья какъ-то: Rastyc, Kotzel и Sendobold (какъ современники, по его мнѣнію, называютъ Святополка) носили имена древнихъ царей Даковъ: Раска, Коты и Децебала, и что родъ свой они выводили отъ гетскаго Пя-

ста. Затѣмъ БѢлѢвскій переходитъ къ рассмотрѣнiю польскихъ лѣтописей и старается выяснить, что подъ именемъ Земовита, дѣда Земислава, разумѣется въ польскихъ лѣтописяхъ Святополкъ, а подъ именемъ Лешка IV слѣдуетъ понимать Святополковаго сына Моймира, который оставилъ сына Земислава, у этого же былъ сынъ Мечиславъ I Польскій, отецъ Болеслава Храбраго. Однимъ словомъ, БѢлѢвскій утверждаетъ, что на польскомъ престолѣ удержался родъ Моравскихъ князей, а мѣстные привислинскіе Попелы были истреблены въ Польшѣ (Wstęp, 485—540).

Вотъ въ главныхъ чертахъ выводъ, къ какому можно прийти изъ рассмотрѣнiя сочиненiя БѢлѢвскаго, и къ какому дѣйствительно онъ самъ пришелъ. Взглядъ БѢлѢвскаго не можетъ не показаться фантастическимъ, и опровергнуть его не мудрено. Въ свое время появилось не мало возраженій противъ илиро-дакской теорiи. Всѣ они были исполнены какого-то озлобленiя и не могли ни въ чемъ разубѣдить БѢлѢвскаго; но можно согласиться съ Цейсбергомъ, что еслибы критики были сдержаннѣе, то вѣроятно, скорѣе достигли бы своей цѣли. Первымъ оппонентомъ по времени явился старикъ Лелевель. Онъ съ восторгомъ принялъ новое сочиненiе БѢлѢвскаго и на радости восклицаетъ: „По прошествiи сорока лѣтъ Холева дождался новаго изслѣдованiя! Вы, дорогіе моему сердцу Самуилъ и Викентій Банткѣ, Даниловичъ Игнатій! Вы, съ которыми вмѣстѣ мы разбирали народную исторiю, вы не можете уже раздѣлить со мною радости тому, что послѣ насъ возстали талантливые труженики, снабженные лучшими средствами, чѣмъ мы, которые далеко оставляютъ насъ за собою. Но я дождался того утѣшенiя, когда трудъ БѢлѢвскаго вспахиваетъ заново тѣ поля, по которымъ и я проходилъ, когда посыпаетъ ихъ хорошимъ сѣменемъ и покрываетъ богатыми плодами“. Но вмѣстѣ съ этими похвалами Лелевель указалъ и на многія мѣста въ сочиненiи БѢлѢвскаго, съ которыми не былъ согласенъ; впрочемъ онъ не глумился надъ нимъ, подобно другимъ критикамъ. Признавъ заслугу БѢлѢвскаго въ разборѣ и описанiи хроникъ и лѣтописей, Лелевель переходитъ къ рассмотрѣнiю другихъ частей его труда. Въ числѣ польскихъ хроникъ есть одна позднѣйшая, которая носитъ названіе хроникъ Викентія Кадлубка. Она-то и смутила БѢлѢвскаго. Еще Лелевель выдѣлилъ изъ нея часть, которую назвалъ хроникой Матвѣя, герба Холева (Голенище). Въ тѣсной связи съ хроникой Викентія находится хроника Держвы (компилированная съ Викентія). БѢлѢвскій же доказываетъ, что Держва, или какъ онъ называетъ

его — Мержва, Міоршъ, былъ источникомъ для Матвѣя и Викентія, а самъ имѣлъ подъ руками хроникю Лехитовъ. На этомъ-то Мержвѣ-Держвѣ Бѣлѣвскій и опираетъ всѣ свои доводы. Лелевель не соглашается съ этимъ и настаиваетъ на прежнемъ мнѣніи, что Мержва пользовался Викентіемъ, а не на оборотъ ¹⁾. Далѣе Лелевель разбираетъ подробно мнѣніе о томъ, что разказы польскихъ и чешскихъ хроникъ о начальныхъ судьбахъ Польскаго народа заключаютъ въ себѣ остатки лехитскихъ преданій и только занесены на Вислу. „Не знаю я“, говоритъ Лелевель, — „были ли въ Илиріи Граки, Ванда, но всякій чувствуетъ, что они очень идутъ къ сказаніямъ краковскихъ Хробатовъ. Оставимъ мы въ Гнезнѣ и у Гопла Пенелевъ и Земовитовъ“. Не приводимъ въ подробности доказательства Лелевеля, такъ какъ они удалили бы насъ въ другую сторону. Послѣ Лелевеля явился съ рѣзкими нападками о разсужденіи Бѣлѣвскаго Юліанъ Бартошевичъ ²⁾; впрочемъ, онъ вскорѣ самъ сталъ сожалѣть о томъ, что слишкомъ погорячился, и не наведя дѣла на вѣрную дорогу, только навилъ себѣ враговъ. Болѣе серьезными явились возраженія Цейссберга ³⁾; онъ доказываетъ несостоятельность мнѣнія Бѣлѣвскаго о Мержвѣ и тѣмъ уничтожаетъ главное основаніе его гипотезы. Особенно же важны замѣчанія Гудшмидта ⁴⁾. Ему Бѣлѣвскій отвѣчалъ ⁵⁾, чего не дѣлалъ въ отношеніи другихъ противниковъ, и все-таки остался при своемъ мнѣніи, которое окончательно развилъ въ своемъ изданіи: *Monumenta Poloniae* (Т. II ⁶⁾.

Оканчивая на этомъ разсмотрѣніи теоріи Бѣлѣвскаго о происхожденіи Лехитовъ, переходимъ теперь къ его издательской дѣятельности. Чтобы понять громадную заслугу Бѣлѣвскаго по изданію исто-

¹⁾ *Polska Wiek. Średn.*, т. IV, стр. 486.

²⁾ *J. Bartoszewicz*, *O pomysłach lechickich A. Bielowskiego*.

³⁾ *H. Zeissberg*, *Vincentius Kadłubek*.

⁴⁾ *Kritik der Polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadlubek* (XVII-й томъ. *Arch. f. K. öst. Gesch. Quell.*)

⁵⁾ *Mistrz Wincenty i jego Kronika* (*Bib. Ossol.*, 1863, т. II, 350—432).

⁶⁾ Уже во время печатанія этихъ строкъ мы получили ноябрьскую книжку *Ateneum*, въ которой помѣщена замѣтка о Бѣлѣвскомъ В. Кентражинскаго, близко его знаваго. Авторъ говоритъ, что Бѣлѣвскій наконецъ отказался отъ своей гипотезы, и когда известный Ф. Духинскій сказалъ, что онъ хочетъ опять поднять вопросъ о Лихитахъ, то Бѣлѣвскій отвѣтилъ: «Я отказался уже отъ моей гипотезы; то, что вы написали по этому поводу, я прочелъ со вниманіемъ, но не нашелъ никакихъ доказательствъ, которыя убѣдили бы меня въ истинѣ моей старой мысли». (*Ateneum* 1877 г., № 11, стр. 321.)

рическихъ матеріаловъ, бросимъ бѣглый взглядъ на то, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи до него.

Вполнѣ справедливо заявленіе Цейсберга, что мало въ Европѣ найдется народовъ, у которыхъ была бы въ такомъ забвеніи исторія первыхъ вѣковъ своего существованія, какъ у Поляковъ. На это обращали вниманіе до него и Мелевель, и Ренель, и наконецъ, самъ Вѣлѣвскій. „Паденіе Польши“, говоритъ Вѣлѣвскій,—„нанесло ударъ историческимъ разысканіямъ. Масса источниковъ была вывезена за границу или затеряна. Нужна была особенная твердость духа, какую народъ нашъ выказалъ въ своихъ несчастяхъ, дабы среди бѣдствій не только расширить трудъ Нарушевича, но еще и набросать нѣкоторыя черты для будущей исторіи“¹⁾. Самому Вѣлѣвскому при его занятіяхъ, не смотря на помощь бібліотеки Оссолинскихъ, приходилось предпринимать дорого стоящія путешествія для изученія хроникъ. До него былъ изданъ Мартинъ Галль, Держва, Викентій и отчасти Длугошъ, но эти изданія мало удовлетворяли требованіямъ критики. Теперь же, благодаря труду и самопожертвованію Вѣлѣвскаго, мы можемъ, не выходя изъ кабинета, изучать весь древній періодъ польской исторіи. Еслибы только въ этомъ состояли его заслуги, то и въ такомъ случаѣ онъ были бы громадны.

Нѣмцы опередили Поляковъ въ отношеніи изданія своихъ лѣтописей почти на цѣлыя сорокъ лѣтъ. У нихъ въ 1826 г. явился первый томъ „Monumenta Germaniae“; тогда какъ первый томъ „Monumenta Poloniae“ вышелъ въ 1864 г. Когда въ 1817 г. основалось подъ руководствомъ Штейна и Пертца общество для изданія хроникъ, тогда о томъ же подумывалъ Оссолинскій; но политическія событія и финансовыя обстоятельства помѣшали осуществленію его плана. Вѣлѣвскій съ 1850 г. возобновилъ эту мысль, пытался осуществить ее и съ того времени неутомимо преслѣдовалъ ее. Съ этою цѣлью онъ извѣздилъ всю Европу и пересмотрѣлъ всѣ рукописи польскихъ хроникъ и лѣтописей. Куда самъ онъ не могъ обратиться, просилъ друзей доставить ему оттуда нужныя свѣдѣнія. Во всѣхъ этихъ хлопотахъ имъ не руководила какая-нибудь матеріальная выгода; напротивъ того, онъ даже жертвовалъ своими скудными средствами, лишь бы только достигъ своей цѣли. Эта цѣль прекрасно имъ самимъ обрисована въ одной изъ его рѣчей въ слѣдующихъ словахъ: „Наука, народное образованіе должны составлять

¹⁾ Wstęp Krytyczny, стр. 7.

предметъ заботы всякаго государства и общества. Пренебреженіе этою главною потребностью народа, легкомысленное къ ней отношеніе никогда не проходило безнаказанно, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ обществамъ. Только долгая обработка наукъ, ихъ основательное и полное усвоеніе придаютъ уму истинную силу и просвѣщаютъ его. Все это дѣлаетъ человѣка справедливымъ къ себѣ и другимъ, пробуждаетъ болѣе благородныя стремленія и ставитъ цѣли народы высоко въ нравственномъ отношеніи. Мы должны искренне желать, чтобы тѣ пожертвованія, тѣ учрежденія, которыми теперь мы можемъ пользоваться, имѣли своими послѣдствіями то, что мы не удовольствуемся кажущимся, внѣшнимъ, половиннымъ образованіемъ, но съ жаромъ и любовью посвятимъ себя основательному и всестороннему образованію. Особенно это необходимо теперь, когда большая часть нашихъ соотечественниковъ осуждена, вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, на невѣжество, глупость и полный дилетантизмъ. Теперь всякій пусть старается все болѣе и болѣе совершенствоваться въ той области знаній, которую онъ себѣ избралъ. Но въ народномъ образованіи главное мѣсто занимаетъ изученіе отечественной исторіи. Знать ее хорошо обязанъ всякій гражданинъ. Въ настоящее время обработка польской исторіи заставляетъ желать многого. Для полнаго успѣха прежде всего необходимо собрать сохранившіеся памятники, объяснить ихъ и наконецъ издать¹⁾. За эту громадную работу и взялся самъ Бѣлевскій. Отъ издателя историческихъ матеріаловъ требуетъ онъ многого: „Велики обязанности, возлагаемыя современною наукою на издателя историческихъ источниковъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. — „Необходима, конечно, опытность въ чтеніи стариннаго письма, умѣніе угадывать значеніе сокращеній, при этомъ еще важнѣе основательное знаніе языковъ, со всѣми отгѣнками въ разныя времена, а въ особенности издателю необходимъ творческій умъ. Издателю очень часто приходится вникать въ суть дѣла по мелкимъ, иногда едва замѣтнымъ указаніямъ. Онъ долженъ умѣть отличить особенности, свойственныя писателю и его времени, отъ ошибокъ переписчика. Затѣмъ издатель долженъ быть хорошо знакомъ съ классическими и средневѣковыми писателями. На немъ лежитъ обязанность прослѣдить — откуда извѣстный писатель бралъ выраженія, вводилъ ли онъ и въ какой степени чужіе тексты и фразы, что могло имѣть вліяніе на образованіе въ немъ

¹⁾ *Biblioteka Ossolińskich* 1868 года, рѣчь Бѣлевскаго.

тѣхъ или другихъ понятій и убѣжденій. Однимъ словомъ, онъ долженъ представить читателю издаваемаго имъ писателя такъ, чтобы читатель могъ себѣ представить и его личныя воззрѣнія, и тѣ внѣшнія вліянія, которыя на него дѣйствовали¹⁾.

Въ предисловіи къ первому тому „Monumenta“ онъ указываетъ именно на недостатокъ въ такихъ подготовительныхъ трудахъ, въ матеріалахъ, обработанныхъ критически, а даже и въ матеріальныхъ средствахъ: „Польскій народъ находится въ исключительномъ положеніи, какого трудно найти у какого-нибудь другаго. Нѣтъ ни одного учрежденія, ни одного ученаго общества (это было писано въ 60-хъ годахъ), которое могло бы свободно и со средствами заняться исключительно отечественною исторіей. Нѣтъ ни одной библиотеки, которая содержала бы въ себѣ историческіе матеріалы, если не всё, то по крайней мѣрѣ въ достаточномъ количествѣ. Разбросаны они по всей Европѣ и во множествѣ притомъ истреблены“. И такъ, то, что вездѣ дѣлаетъ правительство, Бѣлѣвскому пришлось сдѣлать одному, пригласивъ себѣ на помощь безвозмездныхъ сотрудниковъ. Но ему пришлось не только самому, на свои средства, собирать и критически обслѣдовать матеріалы, но даже и самому быть издателемъ. Почти единственное въ то время польское ученое учрежденіе, институтъ Оссолинскихъ, находилось въ такомъ положеніи, что не могло взять на себя изданія. Нашлись частныя лица, которыя, пожалуй, готовы были бы помочь Бѣлѣвскому матеріально, но они предлагали со своей стороны такія условія, на которыя Бѣлѣвскій не могъ согласиться. Поэтому онъ рѣшился самъ предпринять изданіе, и въ 1864 году вышелъ во Львовѣ первый томъ „Monumenta Poloniae Historica“, содержащій въ себѣ источники польской исторіи до начала XII столѣтія.

Въ этотъ томъ вошли памятники, уже обнародованные до Бѣлѣвскаго, за исключеніемъ одного. Почти всё они вошли и въ составъ изданія Нертца. Тутъ мы находимъ между прочимъ отрывки изъ Видукинда и Титмара; сюда же внесена вся Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ именемъ Нестора, Поученіе Владиміра Мономаха и житія Кирилла и Меѳодія. Не останавливаясь на всѣхъ этихъ памятникахъ, скажемъ нѣсколько словъ лишь о „Мученіи св. Адальберта“ и о хроникѣ, известной подъ именемъ Мартина Галла—на которыя Бѣлѣвскій обратилъ особенное вниманіе.

¹⁾ *Bibl. Ossol.*, Т. VI, стр. 253: Критика изданія Кадлубка *Муковскаго*.

Болеславъ Храбрый, продолжая политику своего отца, распространялъ христіанство, и вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился о расширеніи предѣловъ своего государства, а потому съ радостью принималъ апостоловъ новой вѣры. Въ числѣ ихъ былъ и изгнанный изъ Чехіи Адальбертъ-Войтехъ. Изъ Польши Войтехъ отправился въ Пруссію, гдѣ и принялъ мученическую смерть (997 г.). Тѣло его было перевезено въ Гнѣзень, и впослѣдствіи императоръ Оттонъ III ходилъ на поклоненіе его мощамъ. Слава Войтеха жила долго въ Польшѣ, и до насъ сохранились два пространныя его житія, легендарнаго характера. Бѣлѣвскому удалось найдти въ Мюнхенѣ третье, въ краткой редакціи, въ рукописи, которая, по его мнѣнію, относится къ XI вѣку, между тѣмъ какъ самое житіе старше. Въ то же время, когда Бѣлѣвскій сдѣлалъ это открытіе, та же рукопись стала извѣстна и Гизебрехту. Рукопись эта пергаменная, съ помѣтой, что принадлежала монастырю св. Квирина въ Тегернзее. Въ этой же рукописи находятся житія и другихъ святыхъ, и изъ нея Пертцъ извлекъ для своего изданія житіе Бруно. Кто былъ авторомъ житія — неизвѣстно. Можно однако полагать, что онъ былъ монахъ бенедиктинскаго ордена, близко знакомый съ событіями въ Польшѣ, но былъ ли онъ Славянинъ — это еще вопросъ. Цейсбергъ считаетъ его Славяниномъ, основываясь на нѣкоторыхъ словахъ, которыя авторъ передаетъ въ польской формѣ; такъ, на примѣръ, авторъ житія говоритъ „*Frater autem eius Radim, mutato nomine Gaudentius dictus*“ (III, 10); Адальберта онъ называетъ Войтехомъ — *Weithohe almus maioris triumphii gloriam sibi agnoscens* (VI). Встрѣчаются еще слова: *Slavnike* и *Chuazina* вмѣсто *Gnezno*. По мнѣнію Бѣлѣвскаго, высказанному ранѣе Цейсберга, эти слова могутъ доказывать только то, что авторъ былъ близко знакомъ съ Поляками и получалъ свѣдѣнія отъ жителей окрестностей Гнѣзна, на что указываетъ перемѣна *o* въ *u*: *Pulslaus, Bugussa*. Въ пользу этого мнѣнія можетъ говорить еще замѣна *b* чрезъ *p*: *Adalpertus, Pulslavo*. Спорнымъ является также названіе мѣста, въ которомъ Войтехъ назначилъ аббатомъ своего ученика Аскрика. Можно читать его *Mestrf*. Бѣлѣвскій думаетъ, что это значитъ *montis ferrei*, и доказываетъ это мѣстомъ изъ житія св. Стефана, гдѣ сказано: „*Ascricus abbas cum suis honorifice susceptus, ad radicem montis ferrei cenobium sub titulo sancti patris Benedicti construxit*“. Но этотъ монастырь находится въ Венгріи, а извѣстія о пребываніи Войтеха въ Венгріи по выходѣ изъ Польши въ Пруссію довольно поздні. Гизебрехтъ, а за нимъ и другіе нѣмецкіе ученые, читаютъ: *Mestris*

и хотѣть видѣть въ этомъ Meseritz, то-есть, Межирѣцкій монастырь (Międzyrzecz). При этомъ Гизебрехтъ даже предполагаетъ, что авторъ житія самъ былъ изъ Межирѣцкаго монастыря, и этимъ объясняетъ появленіе рукописи въ Тегернзее. Генрихъ въ 1005 году, 25-го сентября, былъ въ Межирѣчи; можетъ быть, ему, какъ любителю рукописей, подарили и эту, а онъ передалъ ее на храненіе въ свой любимый монастырь въ Тегернзее. Конечно, оба мѣстна имѣютъ одинаковую долю вѣроятія; не можетъ служить опроверженіемъ мѣстна БѢлѢвскаго и то обстоятельство, что только изъ позднѣйшихъ источниковъ извѣстно о пребываніи Войтеха въ Венгрію на пути изъ Польши въ Пруссію.

Житіе можно раздѣлить на три части: въ первой описывается жизнь Войтеха и его путешествіе въ Пруссію, во второй — его мученическая смерть, и въ третьей — перенесеніе его мощей въ Гнѣзно. БѢлѢвскій отмѣтилъ въ лѣтописяхъ XI столѣтія монастыря Мойенмутъ (Moienmutter) въ Вогезахъ описаніе этого перенесенія.

Что касается хроники Мартина Галла, то эта первая польская лѣтопись относится въ XII столѣтію, хотя существующія рукописи ея принадлежатъ болѣе позднему времени. БѢлѢвскій описалъ извѣстные кодексы хроники и высказалъ нѣсколько замѣчаній, какъ объ авторѣ ея, такъ и о самомъ памятникѣ. Имя автора не извѣстно, и Мартину Галлу хроника приписана лишь первымъ ея издателемъ Ленгнихомъ, примѣру котораго послѣдовали и другіе. Какъ не извѣстно имя автора, такъ точно ничего не знаемъ и о его происхожденіи; ученые очень разногласятъ между собою на этотъ счетъ. Ленгнихъ и Лелевель считали автора Французомъ, Землеръ—Нѣмцемъ, Викентій Бандтке — Полякомъ, Кѣнке — Итальянцемъ. Достоверно можно сказать только то, что онъ иностранецъ. Мартиномъ Галломъ его назвали на основаніи упоминанія Длугоша, но въ хроникѣ, извѣстной намъ нынѣ подъ именемъ Мартина, нѣтъ того мѣста, на которое ссылается Длугошъ. Въ одномъ спискѣ хроники сдѣлана позднѣйшая дописка: „Gallus hanc historiam scripsit“ и еще „hucusque Gallus“. БѢлѢвскій думаетъ, что слѣдуетъ удержать имя Галла, и что оно показываетъ, что авторъ былъ монахомъ монастыря св. Эгидія. Этотъ монастырь называли въ Польшѣ монастыремъ св. Галла (Гавла), а потому и авторъ, какъ монахъ этого ордена, могъ быть названъ Галломъ. Доказательство этому БѢлѢвскій видитъ въ томъ, что авторъ хорошо знакомъ съ книгами Сен-Галленскаго монастыря и взялъ изъ нихъ расположеніе своей хроники. Хроника состоитъ изъ трехъ

книгъ: въ первой авторъ коротко разказываетъ событія до царствованія Болеслава III, а вторая и третья книги посвящены Болеславу. Бѣлѣвскій указываетъ, что авторъ хроники пользовался многими государственными актами, которые доставлялъ ему канцлеръ Михаилъ, его сотрудникъ; такъ, ему извѣстенъ былъ договоръ Болеслава Храбраго съ Оттономъ III, онъ знакомъ съ письмами Польскихъ королей Владислава-Германа и Болеслава Кривоустаго, а также съ письмомъ императора Генриха къ Болеславу; ему извѣстны также разныя тайныя дѣла. Затѣмъ, по мнѣнію Бѣлѣвскаго, у хрониста была книга военныхъ наборовъ. Цейсбергеръ дѣлаетъ предположеніе, не составлены ли всѣ письма самимъ авторомъ. Впрочемъ, пока трудно рѣшить этотъ вопросъ, и конечно, легче отрицать мнѣніе Бѣлѣвскаго, чѣмъ согласиться съ нимъ. Далѣе для событій минувшихъ хронистъ пользуется разказами стариковъ и даже народными преданіями, но въ такихъ случаяхъ прибавляетъ: „говорятъ“. Первая книга написана между 1109 и 1110 годами, а двѣ послѣднія окончены до 1113 года.

Изданіе хроники, сдѣланное Бѣлѣвскимъ, безукоризненно; издатель предпослалъ тексту критическую замѣтку, описалъ всѣ три списка, отмѣтилъ всѣ разночтенія, указалъ мѣста, заимствованныя авторомъ изъ классическихъ писателей. Къ тексту присоединены необходимыя примѣчанія, облегчающія его пониманіе, подобраны мѣста изъ другихъ источниковъ и сдѣланы историческія объясненія. Все это придаетъ изданію большое достоинство и ставитъ его выше всѣхъ предшествующихъ изданій той же хроники.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго тома „Monimenta Poloniae“ Бѣлѣвскій издалъ второй. Тутъ собраны матеріалы для исторіи удѣльнаго періода въ Польшѣ до вступленія на престолъ Ягеллы. Существенную часть этого тома составляютъ помѣщенные въ концѣ его такъ-называемыя лѣтописи (Annales). Лѣтописи въ Польшѣ, подобно русскимъ, образовались изъ пасхальныхъ таблицъ и появились раньше хроникъ. Это—сухія погодныя записки. На нихъ рано было обращено вниманіе и учеными; еще въ 1730 г. Зоммерсбергеръ и въ 1749 г. Ленгнихъ издали нѣкоторые изъ нихъ, но по изданіямъ этимъ нельзя еще было составить хорошаго понятія объ этихъ намятникахъ. Бѣлѣвскій до 1850 г. успѣлъ рассмотреть и приготовить къ изданію многія изъ лѣтописей, но пока онъ занимался ими, онѣ появились въ изданіи Пертца въ обработкѣ Арндта и Репеля. Бѣлѣвскій въ своемъ „Wstęp, krytyczny“ обратилъ на нихъ вниманіе и указалъ на важное ихъ значеніе; въ „Monimenta“ лѣтописи занимаютъ 200 страницъ и

изданы съ чрезвычайною аккуратностію. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе, во первыхъ, „Annales Cracovienses vetusti“, какъ ихъ называлъ Арндтъ, — БѢлѢвскій же называетъ ихъ Святовржижскими, — и вовторыхъ, лѣтопись капитульная. Всего польскихъ лѣтописей у БѢлѢвскаго 12. Кромѣ ихъ, къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести три календаря и одинъ каталогъ епископовъ. Сверхъ того БѢлѢвскій включилъ въ свое изданіе отрывки изъ лѣтописей Гильдейсгеймскихъ и Кведлинбургскихъ.

Кромѣ этихъ лѣтописей, во второй томъ вошли, занимающія въ немъ почти третью часть, хроника Викентія Кадлубка и такъ-названный БѢлѢвскимъ Мержва. Хроника Викентія была одною изъ самыхъ распространенныхъ въ Польшѣ въ средніе вѣка. Это доказываетъ и тѣмъ, что она сохранилась до насъ въ 30 спискахъ, чего не выпало на долю никакой другой. Авторъ ея — человекъ ученый, знакомъ съ отцами церкви не только западными, но и восточными, а также и съ классическими писателями. Слогъ его напыщенный. Первые три книги Кадлубка написаны въ формѣ діалога. Это обстоятельство подало поводъ думать, что авторомъ ихъ былъ не Викентій, а одно изъ вводимыхъ имъ лицъ, именно, Матвѣй, епископъ Краковскій (умеръ около 1167 г. по БѢлѢвскому). Это мнѣніе стало рано распространяться и признано было окончательно вѣрнымъ по появленіи, въ 1811 году, сочиненія Лелевеля: „Joachima Lelewela we względzie dziejów narodowych postrzezenia. Uwagi nad Mateuszem, i księgą jego pierwotne dzieje obejmującą“. Лелевель съ обычнымъ своимъ талантомъ доказывалъ, что Викентій для первыхъ книгъ пользовался письмами Матвѣя. Къ такому мнѣнію привело Лелевеля то обстоятельство, что хроника была издана неудовлетворительно, по худому списку, въ формѣ писемъ, а не діалога. БѢлѢвскій доказываетъ, что хроника Матвѣя дѣйствительно нѣкогда существовала, но до насъ не дошла, и полагаетъ, что у Викентія находится ея передѣлка: къ добавленіямъ и передѣлкамъ Викентія БѢлѢвскій относитъ факты, сообщаемые Викентіемъ отъ лица Матвѣя, но совершившіеся послѣ смерти послѣдняго. Впрочемъ, въ виду разказовъ о подобныхъ событіяхъ справедливѣе кажется мнѣніе Цейсберга, что Викентій самъ былъ авторомъ первыхъ трехъ книгъ. Онъ даже самъ изобличаетъ себя, когда, говоря о чудесахъ св. Станислава, прибавляетъ, что о нихъ нельзя ни разказать, ни *перомъ написать*. При настоящемъ видѣ рукописей никакъ нельзя выдѣлить хроники Матвѣя, и всѣ дошедшіе до насъ списки суть несомнѣнно копии съ хро-

ники Викентія. Бѣлевскій въ своемъ изданіи считаетъ всю хронику принадлежащею Викентію и только допускаетъ возможность существованія хроники Матвѣя.

Мнѣніе Бѣлевскаго о самомъ прозвищѣ автора, Кадлубекъ, оригинально и заслуживаетъ полнаго вниманія. До XV столѣтія Викентій извѣстенъ былъ подъ именемъ Vincentius, Vincentius Magister, minister ecclesiae cracoviensis, episcopus. Съ XV в. встрѣчаемъ Vincentius Cadlubonis, Vincentius Codlubovicz. Эти имена патронимическія; значитъ, отецъ его былъ Кадлубъ. Но по другимъ даннымъ извѣстно, что его имя *Boguslaus*, что соответствуетъ нѣмецкому *Gottlob*, или по другому выговору—*Kottlob*, а отсюда явилось Vincentius Katlubonis. Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлевскаго, Кадлубекъ значитъ Богуславовичъ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, между тѣмъ какъ мнѣніе Гутсмидта, что это прозвище отъ формы тѣла, едва ли выдерживаетъ критику въ виду положительныхъ данныхъ о вѣрности Викентія.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о времени написанія хроники, переходимъ къ рассмотрѣнію ея содержанія. Спорнымъ вопросомъ является первая книга, заключающая въ себѣ такъ-называемыя баснословныя событія. Въ началѣ ея разсказывается о морскихъ войнахъ Поляковъ, о покореніи сильнаго враждебнаго народа, о плѣненіи ихъ царя, внукъ котораго пытался отомстить за дѣда. Бѣлевскій говоритъ, что „кто прочитаетъ это мѣсто со вниманіемъ и сравнитъ его съ цѣлымъ цикломъ преданій, заключающихся въ этой книгѣ, и особенно съ походомъ Александра Великаго противъ Скивовъ еще при жизни отца, далѣе—кто сравнитъ съ его же походами противъ Гетовъ и Илировъ, затѣмъ съ войнами Поляковъ съ Юліемъ Цезаремъ и съ дружественными впоследствии съ Римлянами отношеніями, кто все это разсмотритъ, тотъ долженъ прійти къ выводу, что въ этомъ мѣстѣ заключается завязка всѣхъ этихъ разказовъ, то-есть, славное покореніе Плирами Македоніи почти за четыреста лѣтъ до Р. Хр. и низверженіе съ престола Аминты, дѣда Александра Великаго“. Слова Викентія, въ которыхъ въ этомъ отдѣлѣ онъ разсказываетъ о многочисленномъ населеніи страны, равно какъ и о добродѣтеляхъ и превосходствѣ предковъ Поляковъ, являются какъ бы отголоскомъ того, что говоритъ Скимъ Хіосскій объ Илирахъ. Между тѣмъ въ рукописяхъ хроники Викентія имена лицъ и названія мѣстностей такъ перековерканы, что, строго держась ихъ, надо отнести ихъ скорѣе къ Даніи

и Датчанамъ ¹⁾. Далѣе БѢлѣвскій приводитъ мѣста изъ польскаго историка XVI в. Сарницкаго и ими старается доказать, что въ XVI в. текстъ Викентія не былъ такъ испорченъ, и что Сарницкій зналъ, что Викентій всѣ эти событія относилъ къ войнамъ Илировъ съ Македонянами. Но однако изъ того, что объ Илирахъ говоритъ Сарницкій, еще не видно, чтобъ онъ узналъ это отъ Викентія: „*Nostri antiquitatum indignatores*“, говоритъ Сарницкій, — „*adferunt historiam quod slavicae gentes duce Bardylo Dacos expulerunt ex Dacia... Traditum est ergo Amyntam regem Macedonum captum fuisse in proelio ab Illyriis; sed deinde Philippus ultus est iniuriam fratris (вмѣсто patris) et talionem reddidit. Nam victis Atheniensibus Paeonias aggressus est, et Bardylum regem Illyriorum interceptit*“. Изъ всего этого нельзя заключить, чтобы для приведеннаго мѣста Сарницкій пользовался Викентіемъ. То, что онъ былъ знакомъ съ Викентіемъ, еще не доказываетъ, что и подъ словами „*nostri antiquitatum indignatores*“ онъ разумѣетъ его, а не кого-нибудь другаго. Напротивъ, зная что въ иныхъ мѣстахъ Сарницкій приводитъ въ свидѣтели Викентія, кажется, смѣло можно утверждать, что тутъ-то онъ его и не имѣетъ въ виду. Да и самъ-то Сарницкій—свидѣтель такой, что врядъ ли ему можно довѣрять.

На счетъ этихъ сказаній надо согласиться съ Репелемъ, что оба они не польскія. Такъ, борьба съ морскими народами — сказаніе поморское, а борьба съ Галлами — хорватское. Затѣмъ сказанія объ отношеніяхъ съ Александромъ и Цезаремъ Цейссбергъ считаетъ ученымъ вымысломъ автора и только сказаніе о Пястѣ признаетъ великопольскимъ.

На этой книгѣ Викентія, или лучше сказать, на такъ-названномъ Мержвѣ БѢлѣвскій основалъ, какъ мы видѣли, всю свою теорію объ илирійскомъ происхожденіи Славянъ. Но Мержва имѣетъ еще меньшее значеніе, чѣмъ Викентій. Если сопоставить объ эти хроники, то на первый взглядъ онѣ покажутся одинаковыми. У Викентія нѣтъ первыхъ трехъ главъ, въ которыхъ Мержва выводитъ родословную Поляковъ отъ Іафета. У Мержвы нѣтъ пролога и первыхъ двухъ главъ Викентія. А затѣмъ извѣстія идутъ у нихъ въ перемежку. Такимъ образомъ, можно замѣтить, что между обоими авторами есть какая-то связь. БѢлѣвскій доказываетъ, что хроника Мержвы древнѣе, именно — что она принадлежитъ XI вѣку, и что Викентій пользовался ею. До БѢлѣвскаго она была извѣстна подъ име-

¹⁾ Monumenta, II, 244.

немъ Держвы, онъ же доказывалъ, что авторъ былъ Мертва или Міоршь, и что въ ней слѣдуетъ видѣть двѣ части: первую назвалъ онъ хроникой Мертвы, а вторую—продолженіемъ Мертвы. Что хроника Мертвы древнѣе Викентіевой, это, по мнѣнію Бѣлевскаго, доказывается тѣмъ, что, авторъ ея строго соблюдаетъ хронологію древнѣйшихъ временъ, что, какъ кажется Бѣлевскому, относить событія туда, куда слѣдуетъ, то-есть, въ Илирію, и затѣмъ выдвигаетъ на первый планъ свою личность (*inveni, procedamus, verto, revertamur* и др.). Бѣлевскій считаетъ автора этой хроники Англо-Саксонъ. Надо, однако, сознаться, что всѣ эти доказательства очень слабы; но съ другой стороны, и противники Бѣлевскаго не выставили также ни одного положительнаго доказательства въ пользу того мнѣнія, что Держва-Мертва пользовался Викентіемъ, а не наоборотъ. Доказательства Цейсберга заставляютъ только удивляться, какъ такой строгій въ другихъ отношеніяхъ критикъ могъ ими удовольствоваться. Всмотрѣваясь въ весь этотъ споръ и сравнивая обѣ эти хроники, приходишь къ убѣжденію, что еще надо много поработать надъ ними, чтобы согласиться съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ. Не смотря на то, что на обѣ эти хроники потрачено уже много времени, онѣ еще ждутъ новаго изслѣдователя, ежели только не согласится съ мнѣніемъ одного нашего извѣстнаго слависта, что игра эта не стоитъ свѣчь. Это, конечно, относится къ Мертвѣ Бѣлевскаго и къ первымъ двумъ книгамъ Викентія, двѣ же послѣднія имѣютъ для насъ важное значеніе, какъ продолженіе Галла.

Что касается самаго изданія втораго тома „Monumenta“, то онъ исполнено Бѣлевскимъ въ высшей степени добросовѣстно; особенно замѣчательно описаніе списковъ Викентія и Мертвы и сопоставленіе ихъ, чего до тѣхъ поръ еще не было сдѣлано. Издатель пользовался нѣсколькими лучшими списками и отмѣтилъ важнѣйшіе варианты. Не лишено удобства сопоставленіе Держвы, или такъ-называемаго издателемъ продолжателя Мертвы, съ Викентіемъ. Жаль только, что не сдѣлано того же для самого Мертвы, то-есть, для первыхъ 23 главъ того же Держвы: тогда легче было бы сравнивать его съ Викентіемъ.

Во второй томъ „Monumenta“ вошла еще хроника Яна Чарковскаго. Она была издана всего разъ Зоммербергомъ, но изданіе это не удовлетворяло требованіямъ критики. У Бѣлевскаго она появилась въ обработкѣ Яна Шляхтовскаго. Въ обработкѣ В. А. Мацѣвскаго помѣщена во второмъ же томѣ хроника Богуфала, съ предисло-

віемъ самого БѢлѣвскаго. Затѣмъ въ этотъ же томъ вошли и отрывки изъ иностранныхъ хроникъ. Изъ иностранныхъ источниковъ, помѣщенныхъ во второмъ томѣ „Monimenta“, обращаютъ на себя вниманіе два житія Оттона Бамбергскаго. Житіе, написанное Эбономъ, БѢлѣвскій перепечатываетъ по изданію Кёпке, а житіе, сочиненное Гербордомъ, издастъ по вновь найденной рукописи. Недостатокъ этого изданія заключается въ томъ, что БѢлѣвскій придаетъ большое значеніе Герборду; онъ убѣжденъ, что лица, выведенныя Гербордомъ какъ разказчики, не вымышленныя. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ мнѣніе предшествующихъ ему германскихъ ученыхъ. Съ появленіемъ изслѣдованія Яффѣ въ V томѣ „Bibliotheca Germaniae“ стало очевидно, что у Герборда не было новыхъ источниковъ, и что онъ нагло передѣлывалъ Эбона. Въ этомъ, конечно, нельзя упрекать БѢлѣвскаго, если особенно принять во вниманіе, что и послѣ Яффѣ нѣкоторые стоятъ за Герборда.

Разсматривая все изданіе „Monimenta“, нельзя не сдѣлать замѣчанія, что излишнею кажется перепечатка иностранныхъ сказаній, изданныхъ у Пертца; они занимаютъ не малое мѣсто и совершенно напрасно увеличиваютъ собою стоимость книги. То же надо сказать и о „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, о „Поученіи Владимира Мономаха“, о „Житіи Меѳодія и Кирилла“. Изъ нихъ можно мало почерпнуть свѣдѣній для польской исторіи, а между тѣмъ они занимаютъ едва ли не половину перваго тома. Можно было бы также желать, чтобъ издатель относился болѣе объективно къ издаваемому памятнику и менѣе представлялъ гипотезъ. Но говоря вообще, если и найдутся въ его трудѣ какіе недостатки, то всѣ они столь незначительны, что достоинства изданія искупаютъ ихъ съ избыткомъ. БѢлѣвскій сдѣлалъ для польской исторіографіи то, чего до тѣхъ поръ никому и не приходило въ голову сдѣлать. Впрочемъ, двумя томами „Monimenta“ еще не исчерпывается его издательская дѣятельность. Не задолго передъ смертію онъ сдалъ въ типографію третій томъ, но уже могъ печатать его не на свои скромныя средства: изданіе приняла на себя Краковская академія наукъ; можно надѣяться, что посмертный трудъ БѢлѣвскаго вскорѣ увидитъ свѣтъ. Вообще послѣ БѢлѣвскаго осталось много готоваго матеріала. Говорятъ, что имъ вполне приготовлены и четвертый томъ „Monimenta“. Остается пожелать, чтобы коммиссія, взявшая на себя обязанность издавать ученое наслѣдіе БѢлѣвскаго, продолжила достойнымъ образомъ его дѣятельность.

Изданіе „Monimenta Poloniae“ не помѣшало БѢлѣвскому заниматься
часть СХСІV, отд. 2.

и другимъ дѣломъ. Къ послѣднему періоду его жизни относится изданіе словаря Линде (1854—1860 гг.), которое всецѣло пало на него. Въ 1859 году изданы имъ „Записки Николая Емѣловскаго“, въ 1860 г. „Записки Станислава Яблоновскаго“, а въ 1861 г. „Письма Жолкѣвскаго“. Съ 1863 г. онъ былъ назначенъ редакторомъ журнала *Biblioteka Ossolińskich* и здѣсь помѣстилъ много своихъ статей.

Такова въ главныхъ чертахъ литературная, ученая и издательская дѣятельность Бѣлевскаго. Умеръ онъ скоростижно въ ночь съ 11-го на 12-е октября (новаго стиля) 1876 года, наканунѣ того дня, когда по обыкновенію читалъ отчетъ о годичной дѣятельности института Оссолинскихъ. Въ этомъ же году, за отсутствіемъ куратора Института, онъ намѣренъ былъ открыть публичное засѣданіе заранѣе приготовленной рѣчью, но случилось иначе.... Торжественное собраніе института было отмѣнено; на похороны его присланы были депутаты отъ разныхъ ученыхъ обществъ и собралось нѣсколько десятковъ тысячъ народа почтить память покойнаго, и хотя послѣ смерти, воздать должное почтеніе тому, кто на пользу своихъ соотечественниковъ посвятилъ безкорыстно всю свою жизнь.

С. Пташицкій.

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ И ЕГО ДНЕВНИКЪ. ¹⁾

Гордонъ и Петръ Великій.

До 1689 года отношенія Гордона къ Петру были чисто официальные. Онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай представляться ему и при такихъ случаяхъ сравнивалъ то благоприятное впечатлѣнiе, которое производилъ Петръ, съ жалкимъ видомъ болѣзненнаго и слабого Ивана (II, 11). Въ 1688 году Петръ началъ заниматься своими потѣшными. 7-го сентября онъ чрезъ нарочнаго требовалъ, чтобы Гордонъ прислалъ ему изъ своего полка 5 флейтчиковъ и столько же барабанчиковъ. Василій Васильевичъ Голицынъ былъ крайне недоволенъ, что эти люди были отправлены къ царю безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ того Петръ вновь потребовалъ еще нѣсколько барабанчиковъ, и Гордонъ, одѣвъ пять человекъ въ голландское платье, отправилъ ихъ къ царю (II, 227). Очевидно, Гордонъ понималъ, что угождать Петру — дѣло выгодное. Въ борьбу партій, о которой Гордонъ пишетъ уже осенью 1688 года, онъ не вмѣшивался, но зато искалъ случаевъ доставлять удовольствiе юному царю. 9-го октября онъ, осматривая свой полкъ въ слободѣ, выбралъ 20 флейтчиковъ и 30 маленькихъ барабанчиковъ „для обученiя“ (II, 231). Очевидно, эти люди были назначены для потѣшнаго войска Петрова. 13-го ноября потребовали всѣхъ барабанчиковъ Гордонова полка къ царю Петру, и сверхъ того, 10 человекъ взяты въ конюхи.

Между тѣмъ стали обнаруживаться разные признаки распри между Софiей и Петромъ. Уже въ сентябрѣ, сообщая нѣкоторыя частности объ образѣ дѣйствiй Петра, Гордонъ употребляетъ слово „партiя“ (II, 229-230), а 29-го iюня 1689 г. у него отмѣчено: „Хотя въ этотъ день были именины младшаго царя, никакого праздника не было“

¹⁾ *Продолженiе.* См. ноябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущiй годъ.

(II, 263). Впрочемъ, мы не знаемъ, желалъ ли Гордонъ успѣха „партіи“ Петра, и на сколько онъ сочувствовалъ молодому царю, уже тогда столь рѣзко отличавшемуся отъ своихъ родственниковъ: у Гордона не было обычая излагать въ дневникѣ свои мысли, разсужденія, надежды и желанія. Но въ сентябрь 1689 года, послѣ пребыванія въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показывалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпомъ и проч. Однажды при этихъ упражненіяхъ Гордонъ упалъ съ лошади и сильно повредилъ себѣ руку. Петръ самъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ (II, 285 и 286). Доказательствомъ значенія, которое Гордонъ приобрѣлъ послѣ государственнаго переворота, можетъ служить и то, что Гордона посѣщалъ фаворитъ царя, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ (II, 287). Въ свою очередь, и Гордонъ обѣдывалъ у него иногда въ это время (II, 289). Очевидно, Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ; въ дневникѣ нерѣдко встрѣчаются замѣтки, что Гордонъ былъ у царя на потѣшномъ дворѣ, что онъ присутствовалъ при приготовленіи царемъ фейерверка, что онъ былъ „на верху“, обѣдалъ у Петра и оставался тамъ до вечера, что онъ весьма долго бесѣдовалъ съ царемъ о разныхъ предметахъ. Гордонъ участвовалъ и въ царскихъ пирахъ и оставался во дворцѣ цѣлую ночь; иногда онъ вмѣстѣ съ Петромъ обѣдалъ или ужиналъ у Льва Кирилловича Нарышкина, у котораго все подавалось на серебрянѣ, у Ромодановскаго или Андрея Артамоновича Шереметева (II, 289, 290, 291, 292, 293 и п.р).

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что Петръ именно благодаря Гордону привыкъ посѣщать Нѣмецкую слободу, и чрезъ Гордона прежде, чѣмъ чрезъ Лефорта, познакомился съ нравами западной Европы. Петръ узналъ Гордона и Лефорта лично, когда ему было не менѣе 17 лѣтъ, когда, какъ говоритъ Устряловъ, — „душа его уже горѣла жаждою знанія, а воображеніе рисовало фортеціи, корабли, битвы на морѣ и на сушѣ“¹⁾. Послѣ кризиса 1689 года Петръ посвятилъ большую часть своего времени военнымъ упражненіямъ: въ сентябрь этого года онъ цѣлую недѣлю занимался въ

¹⁾ Ист. П. В., II, 23.

Александровской слободѣ, въ 173 верстахъ отъ Москвы, коновымъ и лѣшимъ ученіемъ съ пушечною пальбою, въ присутствіи обѣихъ царицъ и всего двора, и при этомъ единственнымъ вставникомъ его былъ Гордонъ, подъ руководствомъ котораго происходили маневры потѣшныхъ. О Лефорть пока нѣтъ рѣчи. Точно также, когда царь является впервые въ Нѣмецкой слободѣ, онъ прежде всего былъ въ гостяхъ у Гордона.

Однако, осенью 1689 года, положеніе иностранцевъ было далеко небезопасное. Патріархъ Іоакимъ, какъ мы знаемъ уже, сильно не любившій ипоземцевъ и искавшій случая принять самыя строгія мѣры противъ „еретиковъ“, могъ легко воспользоваться ересью Кульмана для уничтоженія лютеранскихъ и реформатскихъ церквей, находившихся въ Нѣмецкой слободѣ. Кульманъ былъ сожженъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ паденія Софіи. Въ октябрѣ 1689 года состоялся указъ, имѣвшій цѣлью затруднить пріѣздъ иностранцевъ въ Россію. Самъ Гордонъ испыталъ на себѣ неприязнь патріарха къ иноземцамъ. Приглашенный къ торжественному столу по случаю ирздравованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ быть неприлично (II, 297). Можно думать, что Петру, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ видѣвшему Гордона почти ежедневно, этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, Петръ на другой же день послѣ этого происшествія пригласилъ его обѣдать гдѣ-то за городомъ. На возвратномъ пути оттуда царь постоянно съ нимъ бесѣдовалъ (II, 297).

Эта привязанность царя къ иностранцамъ сильно тревожила патріарха, въ своемъ завѣщаніи высказавшагося въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ противъ иноземцевъ и противъ вліянія западной Европы вообще. Тутъ онъ коснулся и Гордона, хотя и не вазвалъ его по имени. Мы видѣли, что Іоакимъ еще до похода 1689 года не желалъ, чтобы Гордонъ въ немъ участвовалъ. Нынѣ же патріархъ писалъ: „Говорилъ я, смиренный старецъ, не обинуясь, благородной государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и молилъ ее, и училъ, и письмомъ увѣщевалъ предъ началомъ Крымскихъ походовъ, когда парскія войска ходили на Татаръ, чтобы еретикамъ-иновѣрцамъ начальниками въ полкахъ не быть; но благородная царевна моленія моего послушать не изволила; не послушала меня и князь Василій Голи-

цынъ; что же вышло? безчестіе и безславіе на многія земли, какъ всѣмъ извѣстно и вѣдомо!¹⁾

Извѣстно, что и народъ не любилъ иностранцевъ. Многіе обычаи ихъ казались Русскимъ странными, смѣшными; кунечество жаловалось сильно на конкуренцію иноземцевъ; простой народъ часто осыпалъ ихъ бранью и насмѣшками. Прудъ, около котораго иноземцы выстроили себѣ дома при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ назывался *Полянами*; Нѣмецкая слобода слыла подъ презрительнымъ именемъ Кукуя. Сама мать Петра, Наталья Кирилловна, празднуя день своего тезоименитства, жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣleckихъ, также гостей и кунцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоивала этой чести и въ чертоги свои не впускала (II, 316). Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и кунцы при пріемѣ занимали мѣсто выше ихъ. О супругѣ Петра извѣстно, что она не любила иноземцевъ, видя въ нихъ нехристей и развратниковъ²⁾. Не такъ однако думалъ самъ Петръ. „Не обращающаго вниманія на замѣтную досаду почтенныхъ сѣдинами и преданностью бояръ, на строгія нравоученія всѣми чтимаго патріарха, на суетвѣрный ужасъ народа, не слушая ни нѣжныхъ пеней матери, ни упрековъ жены, еще любимой, Петръ“, по словамъ Устрялова,— „съ ласковымъ привѣтомъ товарища и друга протянулъ свою руку чужеземнымъ пришельцамъ, искавшимъ въ Россіи царскаго жалованья, торговой корысти, перѣдво куска хлѣба, и потребовалъ у нихъ образованія для себя и для своего народа“.

При такихъ обстоятельствахъ смерть патріарха Іоакима, скончавшагося 17-го марта 1690 года, была для Гордона важнымъ событіемъ (II, 298); онъ однако записываетъ этотъ фактъ безъ всякихъ замѣчаній о значеніи его. За то достойно вниманія слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу, купцу Меверелю въ Лондонъ отъ 29-го іюля 1690 года (III, 259): „Я все еще при дворѣ, что причиняетъ мнѣ большіе расходы и много безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но пока я еще получилъ мало. Когда молодой царь самъ возьметъ на себя управленіе государствомъ, тогда я, безъ сомнѣнія, получу полное удовлетвореніе“. Изъ этого замѣчанія видно, что Гордонъ пользовался безусловнымъ расположеніемъ къ себѣ

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 116.

²⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 119.

Петра, но что Петръ въ этомъ отношеніи — и послѣ кончины патриарха — былъ еще нѣсколько стѣсненъ и не могъ дѣйствовать вполне независимо. Впрочемъ Петръ умѣлъ цѣнить заслуги Гордона. „Дорогъ, незамѣнимъ Петру былъ Гордонъ“, справедливо замѣчаетъ Устряловъ. — „Въ высшей степени точный во всѣхъ своихъ поступкахъ, тѣмъ болѣе въ исполненіи своихъ обязанностей, бдительный, неугомонный, храбрости испытанной, чести безукоризненной, характера прямого и благороднаго, онъ присоединялъ къ тому многолѣтнюю опытность, и если, мало знакомый съ военными науками, не могъ быть искуснымъ главнокомандующимъ, въ замѣнъ того обладалъ множествомъ практическихъ свѣдѣній объ устройствѣ войскъ регулярныхъ и былъ отличнымъ боевымъ генераломъ. А это для Петра было главное“¹⁾.

Намъ кажется, что Гордонъ не только своею практическою опытностью, но и нѣкоторымъ теоретическимъ знаніемъ военнаго дѣла годился въ наставники Петру. Устряловъ, очевидно, не достаточно цѣнитъ образованіе Гордона вообще. Допуская, что Гордонъ, какъ говоритъ Устряловъ, — пришелъ въ Россію „смѣлымъ рубакою, но съ самыми ограниченными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, чего онъ впрочемъ не скрывалъ, сознаваясь князю Голицыну, что инженернаго искусства вовсе не понимаетъ“, — нельзя отрицать, что Гордонъ не ограничивался практическою стороною дѣла, но старался путемъ чтенія приобрѣтать кое-какія теоретическія познанія; въ другомъ мѣстѣ мы укажемъ на эти занятія и на начитанность Гордона. Но не одна военная спеціальность должна была нравиться Петру въ Гордонѣ, который вообще былъ многосторонне образованнымъ человекомъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за политическими событіями; въ зрѣлыхъ лѣтахъ путешествуя нѣсколько разъ по Европѣ, онъ имѣлъ случай познакомиться съ бытомъ разныхъ государствъ и народовъ. Его бесѣды могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. Переписываясь со множествомъ лицъ въ разныхъ концахъ Европы, Гордонъ хорошо зналъ о томъ, что происходило на западѣ. Выписывая книги, инструменты, предметы роскоши, онъ постоянно находился въ самой тѣсной связи съ западною культурой, а именно послѣдняя казалась Петру въ высшей степени привлекательною. Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра; но Гор-

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 124.

дочь гораздо болѣе, чѣмъ Лефорть, могъ считаться представителемъ западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефорть, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейской культурой. 21-мъ годомъ моложе Гордона и 16-ю старше Петра, Лефорть по своему характеру и наклонностямъ оставался юношею до гроба. Напротивъ того, Гордонъ, который былъ тридцатью семью годами старше Петра, уже въ юныхъ лѣтахъ отличался необычайною зрѣлостью характера, обдуманностью дѣйствій, ясностью возрѣвній и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ противоположность къ нѣкоторой женственности въ характерѣ Лефорта, не отличавагося ни самостоятельною волею, ни яснымъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, Гордонъ былъ серьезнымъ мужчиною, который всегда сознаетъ свое положеніе и свой долгъ. Лефорть едва ли любилъ труды военные: удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою, были для него, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ ¹⁾. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ переносилъ увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойно вниманія сближеніе перваго съ Петромъ. Ихъ отношенія не измѣнялись въ продолженіе всего времени до кончины Гордона. Они были мѣлкіе интимными, чѣмъ отношенія Петра къ Лефорту, но имѣли по крайней мѣрѣ такое же значеніе въ жизни юнаго царя, принося ему большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и развивая его понятія. Сначала царя занимали фейерверки и попойки, а затѣмъ начались маневры въ большихъ размѣрахъ, въ которыхъ Гордонъ былъ главнымъ руководителемъ. Наконецъ настала эпоха Азовскихъ походовъ.

Представимъ нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Петра къ Гордону до Азовскихъ походовъ.

11-го января 1690 года Гордонъ присутствовалъ при приготовленіи самимъ Петромъ фейерверка; 13-го онъ обѣдалъ у Петра и оставался почти до обѣда; 16-го онъ опять обѣдалъ у Петра и оставался до 1-го часа ночи; опыты съ фейерверкомъ были удачны. 17-го онъ снова былъ при дворѣ, гдѣ происходило какое-то совѣщаніе;

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 122.

19-го онъ вмѣстѣ съ Петромъ былъ на дачѣ у боярина Петра Васильевича Шереметева; оттуда они отправились послѣ обѣда въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ Петра, и здѣсь занимались фейерверкомъ, а затѣмъ снова отправились къ Шереметеву. На другой день Гордонъ хворалъ вслѣдствіе этой пирушки, продолжавшейся до ночи, и пролежалъ весь день въ постели. 21-го Гордонъ опять обѣдалъ у Петра, 22-го также; въ этотъ день его зять Стразбургъ обжогъ себѣ лицо на фейерверкѣ. 23-го онъ посѣтилъ Петра въ городѣ, а затѣмъ былъ на похоронахъ одной полковницы, вслѣдствіе чего на другой день не могъ видѣться съ Петромъ, такъ какъ по обычаю всѣ лица, присутствовавшія при погребеніи, въ продолженіе трехъ дней не могли явиться при дворѣ. 27-го Гордонъ былъ при дворѣ, 31-го также; 4-го и 5-го февраля онъ долго разговаривалъ съ Петромъ и пр. (II, 290 и слѣд.). Онъ говорилъ съ Петромъ о расширеніи правъ католиковъ въ Россіи (II, 289), просилъ его принять мѣры для правильной выдачи жалованья (II, 293), исчислялъ съ нимъ новыя пушки (II, 296) и предпринималъ поѣздки по водѣ, продолжавшіяся иногда по два дня (II, 302). Когда родился царевичъ Алексѣй, Гордонъ (23-го февраля) командовалъ парадомъ войскъ и отъ имени всего войска въ торжественной рѣчи поздравилъ Петра (II, 206). Стрѣльба залпомъ при этомъ случаѣ до того понравилась Петру, что нужно было повторить ее нѣсколько разъ.

Начались награды. Гордонъ получилъ право на безошлинный провозъ вина, чѣмъ и пользовался неоднократно (II, 292, 356); ему пожаловали бархату (II, 296, 300). 6-го марта 1691 года Петръ обрадовалъ Гордона подаркомъ въ 1,000 рублей; половину этой суммы Гордонъ получилъ въ разныхъ серебряныхъ сосудахъ, а другую соболями; а то и другое Гордонъ продалъ. Его зять Стразбургъ получилъ 500 рублей (II, 335 и 337). Вскорѣ послѣ того Петръ подарилъ Гордону землю подлѣ его дома до рѣки Яузы (II, 341). Начиная съ 1692 года, Гордонъ сталъ получать, сверхъ оклада, 400 рублей (II, 362).

Петръ совершенно привыкъ къ этимъ близкимъ сношеніямъ съ жителями Нѣмецкой слободы. Когда, 26-го февраля 1690 года, онъ въ своемъ дворцѣ устроилъ великолѣпный фейерверкъ, то пригласилъ иностранцевъ съ ихъ семействами стоять близко, не смотря на то, что тутъ находился весь дворъ, оба царя, обѣ царицы и нѣкоторыя царевны; на этотъ разъ Гордонъ и его родственники и знакомые вернулись домой не ранѣе какъ въ два часа по полуночи (II, 297). Вскорѣ Петръ и самъ сталъ посѣщать Нѣмецкую слободу. 30-го

апрѣля 1690 года Петръ, съ боярами и важнѣйшими царедворцами, ужиналъ у Гордона и былъ чрезвычайно веселъ (II, 302), и послѣ того, такія посѣщенія повторялись довольно часто. Иногда число гостей при такихъ случаяхъ было довольно значительное (до 40 человекъ); иногда, какъ кажется, Петръ обѣдалъ у Гордона одинъ. Петръ былъ у Гордона и на свадьбѣ его дочери, и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія его были очень продолжительны: такъ, 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать и ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человекъ гостей и около 100 человекъ прислуги; къ ночи всѣ расположились спать „по лагерному“ (II, 330); на другой день вся кампанія отправилась обѣдать къ Лефорту. 27-го января 1692 года Петръ также провелъ у Гордона цѣлый день (II, 365). Но молодой царь посѣщалъ Гордона и не ради однѣхъ попоекъ; когда однажды Гордонъ заболѣлъ послѣ роскошнаго обѣда у Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробности о болѣзни, а затѣмъ послалъ ему лѣкарства (II, 312). Иногда Петръ посылалъ за Гордономъ, а затѣмъ послѣ военныхъ упражненій отправлялся къ нему (II, 334); иногда Петръ приходилъ совсѣмъ нечаянно, утромъ, днемъ, вечеромъ (II, 349 и 350, 383 и 384, 397, 403, 409). Когда однажды Петръ возвратился съ Переяславскаго озера, онъ въ тотъ же день зашелъ къ Гордону (II, 401). Однажды Петръ, посѣтивъ Гордона, взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ (II, 421), подобно тому и Гордонъ бралъ книги у Петра (II, 477), а самъ выписывалъ для него, чрезъ купца Мюптера, книги изъ-за границы (II, 494). Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружій, напримѣръ, осматривали новые шомполы, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи (II, 477) и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали заниматься проектомъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, не смотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этого снаряда, который до того понравился царю, что онъ велѣлъ заказать три такіе снаряда (II, 469 и 484). Петръ былъ какъ бы домашнимъ другомъ въ домѣ Гордона, обращался съ нимъ какъ съ равнымъ. Прежде Гордона не приглашали къ царскому столу при торжественныхъ случаяхъ; теперь же, напримѣръ, въ день рожденія Петра, 30-го іюня 1690 года (патріархъ Іоакимъ умеръ въ мартѣ), Гордонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ боярами и сановниками.

Гордонъ весьма подробно описываетъ это празднество; послѣ обѣда стрѣляли изъ пушекъ въ цѣль: Гордонъ въ крайнемъ утомленіи вернулся домой (II, 335). Однажды, 2-го іюля 1690 года, Петръ обжегъ себѣ лицо фейерверкомъ, и Гордонъ при этомъ случай былъ легко раненъ (II, 305). Сынъ Гордона Джемсъ и зять его Стразбургъ также трудились вмѣстѣ съ Петромъ надъ фейерверкомъ въ царской лабораторіи (II, 331 и 333). Вообще Гордонъ принадлежалъ къ тому кружку, который въ то время составлялъ постоянное общество Петра: то были Борисъ Голицынъ, часто бывавшій въ это время и у Гордона, и у его зятей (II, 310), Стрешневъ, Нарышкинъ, Шереметевъ, Лыковъ и пр.; но никто изъ этихъ товарищей не могъ руководить ученіями и маневрами такъ успѣшно, какъ Гордонъ. Однажды при такомъ случаѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо и былъ довольно серьезно раненъ въ ногу (II, 318 и 319). Иногда онъ проводилъ вмѣстѣ съ царемъ цѣлый день, занимаясь опытами надъ военными снарядами (II, 341). При Семеновскихъ походахъ въ октябрѣ 1691 года Гордонъ руководилъ всѣмъ дѣломъ, указывалъ каждому его мѣсто и самъ командовалъ правымъ крыломъ войска (II, 351). Когда Петръ отправился однажды къ персидскому посланнику, онъ взялъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сластями, напитками и музыкою (II, 368).

Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Съ большою радостью Петръ показывалъ Гордону свои суда (II, 372 и 373); Гордонъ участвовалъ въ поѣздкахъ по озеру и присутствовалъ при церемоніи спусканія на воду новопостроеннаго судна (II, 380, 381). Возвращаясь однажды вмѣстѣ съ Петромъ въ Москву, Гордонъ, узнавъ о пожарѣ въ городѣ, вмѣстѣ съ царемъ отправился туда и принималъ столь ревностное участіе въ тушеніи пожара, что едва не лишился зрѣнія (II, 382).

Особенно часто устраивались при дворѣ фейерверки. Гордонъ выписывалъ изъ-за границы разныя сочиненія о пиротехникѣ (II, 394), и Петръ иногда поручалъ ему приготовленіе этой забавы (II, 394). Любопытно, что однажды по желанію Петра было два фейерверка: было состязаніе между русскими и иностранцами. 21-го февраля 1692 года былъ фейерверкъ иностранцевъ: онъ произвелъ, какъ пишетъ Гордонъ, — „отличный эффектъ“; на другой же день былъ фейерверкъ Русскихъ, который также произвелъ „хорошій эф-

февтъ" (II, 399). Гордонъ получалъ также изъ-за границы разные книги объ артиллерійскомъ искусствѣ и вмѣстѣ съ царемъ дѣлалъ опыты надъ новыми мортирами, ручными гранатами, бомбами и проч. (II, 378, 379, 391, 392). Эти занятія были прерваны болѣзью Петра въ концѣ 1691 года: дневникъ Гордона служитъ главнымъ источникомъ для исторіи этой болѣзни; оно и понятно, почему Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея ходомъ. Изъ другаго источника мы знаемъ, что любимцы Петра очень боялись его копчины, къ увѣренности, что въ такомъ случаѣ, при неминуемомъ господствѣ Софіи, ихъ ждетъ плаха или вѣчная ссылка; болѣе близкія къ Петру лица, какъ наиримѣръ, Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы¹⁾.

Въ 1693 году Петръ посѣтилъ Архангельскъ, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался въ Москвѣ. Это было отчасти временемъ отдыха для стараго генерала. Придворная жизнь ему не нравилась; онъ иногда въ письмахъ къ друзьямъ жаловался на утомленіе и безпокойство разгульнаго житія-бытія въ компаніи царя; здоровье его страдало отъ вѣчныхъ пооекъ, обѣдовъ и ужиновъ, продолжавшихся иногда до глубокой ночи.

Впрочемъ, во время отсутствія Петра, продолжавшагося отъ 4-го іюля до 1-го октября, Гордонъ не оставался безъ занятій: онъ занимался главнымъ образомъ военно-административными дѣлами. Тотчасъ по возвращеніи изъ Архангельска, Петръ пришелъ къ Гордону обѣдать; Гордонъ показывалъ ему и объяснялъ артиллерійскій квадрантъ и особенный снарядъ для гранатъ, а затѣмъ происходили маневры (II, 418, 419).

Въ январѣ умерла царица Наталья Кирилловна. Петръ бесѣдовалъ съ Гордономъ о болѣзни матери. Въ тотъ самый день, какъ она скончалась, Петръ долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано поутру Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома. Простившись съ умирающею матерью, Петръ удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался при немъ. „Около 8 часовъ“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — „получили мы извѣстіе, что царица скончалась на 42-мъ году жизни“ (II, 435). Въ февралѣ 1694 года Гордонъ получилъ для

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 144.

Петра отъ англійско-московскаго торговаго общества разные подарки, великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшихъ винъ и ликёровъ. 15-го февраля царь пріѣхалъ къ Гордону для полученія этихъ вещей (II, 437).

Уже въ декабрѣ 1693 года Гордонъ былъ назначенъ шутбенавтомъ или контръ-адмираломъ ¹⁾. Петръ готовился ко второму путешествію въ Архангельскъ: онъ рѣшилъ въ будущемъ году устроить морскіе маневры на Бѣломъ морѣ и для того соорудить одинъ корабль, а другой купить въ Голландіи. Гордонъ, въ качествѣ контръ-адмирала, разумѣется, на этотъ разъ долженъ былъ также отправиться въ Архангельскъ, гдѣ жила его дочь Мэри Стевинсъ съ мужемъ. Путешествіе въ Архангельскъ, которое онъ описываетъ чрезвычайно подробно, онъ совершилъ безъ Петра. Оставивъ Москву 29-го апрѣля, Гордонъ пріѣхалъ въ Архангельскъ 18-го мая. Здѣсь, по обыкновенію, происходилъ рядъ пиршествъ; между прочимъ, былъ большой пиръ на спущенномъ на воду кораблѣ. Затѣмъ Петръ со всею своею компаніей обѣдалъ у зятя Гордонова Стевинса (II, 458). Петръ отправился къ Соловецкому монастырю, но не бралъ Гордона съ собою въ эту поѣздку; во время отсутствія Петра, въ Архангельскъ прибыли два англійскіе корабля. Шкиперы, земляки Гордона, посѣтили его и угощали его на своихъ корабляхъ. И Петръ, по возвращеніи въ Архангельскъ, пировалъ съ шкиперами, которые, какъ пишетъ Гордонъ, при этомъ не пали ни вина, ни пороху. 1-го іюля Петръ со всею компаніей пировалъ у Гордона. Занимаясь отдѣлкою новаго корабля, царь въ свободные часы, съ Гордономъ и англійскими шкиперами игралъ въ кегли (II, 460—466).

Впрочемъ, Гордонъ не бездѣйствовалъ и въ Архангельскѣ. Нужно было переводить съ англійскаго языка на русскій регламентъ для корабельныхъ сигналовъ; далѣе нужно было готовиться къ плаванію по Бѣлому морю; Гордону поручено было командовать арьергардомъ небольшого русскаго флота на яхтѣ *Святой Петръ*. Съ 3-го августа готовый къ отплытію флотъ цѣлыя шесть сутокъ не могъ двинуться съ мѣста за совершеннымъ безвѣтріемъ. Отъ печего дѣлать скучавшіе мореходы бродили по окрестнымъ островамъ и убивали время въ дружныхъ попойкахъ. „Старый весельчакъ Гордонъ“, какъ называ-

¹⁾ *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 163.

еть его Устряловъ ¹⁾,— между прочимъ предложилъ въ шутку английскому капитану Блойсу устроить пиръ на одномъ острову, которому обѣщалъ за то дать имя радушнаго хозяина. Капитанъ согласился и угостилъ Гордона съ его товарищами какъ нельзя лучше. Царя, впрочемъ, на этомъ пиру не было.

Плаваніе по Бѣлому морю было далеко не безопасное. Гордонъ не былъ морякомъ; не разъ, во время путешествій въ Англію, онъ страдалъ морскою болѣзнію; яхта *Святой Петръ*, на которой онъ находился, отстала отъ прочаго флота, взяла направленіе, по невѣрности компаса, слишкомъ къ западу и едва не наткнулась на каменный островъ Сосновець, близъ Терскаго берега. Водруженные на немъ кресты, вѣроятно, надъ тѣлами утонувшихъ мореходовъ штурманъ принялъ за вымпелы прочихъ кораблей. Когда замѣтили съ судна землю, оно находилось въ такомъ разстояніи отъ прибрежныхъ утесовъ, что можно было перекинуть на нихъ камень. Къ счастью, вѣтеръ былъ не крѣпокъ. Яхта остановилась не далѣе одной сажени отъ скалы, о которую могла бы разбиться. Гордонъ и его спутники были въ ужасѣ; нѣсколько времени не могли придумать, что дѣлать, но наконецъ, буксиромъ при помощи бота оттянули судно отъ берега и прошли между островомъ и твердою землею не безъ опасенія подводныхъ камней. Черезъ нѣсколько времени Гордонъ соединился съ прочими судами, поджидавшими его. Послѣ восьмидневнаго плаванія все суда возвратились къ Архангельску. Тутъ, между прочимъ, Гордонъ трудился надъ подробнымъ плапомъ Кожуховскаго похода и даже написалъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Вскорѣ затѣмъ генералъ отправился въ Москву, куда и пріѣхалъ 12-го сентября (II, 483).

Что касается до Кожуховскаго похода, то изъ дневника Гордона видно, что и при этомъ случаѣ, какъ и при прежнихъ маневрахъ, онъ былъ главнымъ руководителемъ. Въ продолженіе трехъ недѣль, пока происходили маневры, имѣвшіе, впрочемъ, довольно серьезный характеръ, Гордонъ постоянно былъ въ обществѣ Петра. Интимныя сношенія его съ царемъ продолжались и въ 1694 году; въ ноябрѣ этого года, Петръ, посѣтивъ однажды Гордона, оставался у него цѣлый часъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на какую-то свадьбу. На пути туда Гордонъ началъ говорить съ царемъ о католикахъ, надѣясь выхлопотать нѣкоторыя льготы для католицизма въ Россіи (II, 494);

вскорѣ послѣ того Петръ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ католической церкви, а послѣ того обѣдалъ у Гордона (II, 495).

Таково было житье-бытье Гордона въ девяностыхъ годахъ, до Азовскихъ походовъ; таковы были въ это время отношенія его къ царю Петру. Эта эпоха, какъ извѣстно, не богата политическими событіями. Государственными дѣлами Петръ въ это время почти вовсе не занимался. До широкой и плодотворной дѣятельности слѣдующихъ годовъ, до Азовскихъ походовъ, до путешествія Петра на западъ, до столкновенія съ Швеціей нужно было въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ готовиться, учиться; мѣстомъ ученія была для него, по крайней мѣрѣ отчасти, Нѣмецкая слобода; однимъ изъ важнѣйшихъ наставниковъ былъ Гордонъ. Впрочемъ, онъ въ то время не сознавалъ важнаго значенія этихъ подготовительныхъ занятій и не находилъ настоящаго удовлетворенія въ этой, по его мнѣнію, праздной жизни близъ молодого царя.

Азовскіе походы.

Петръ писалъ къ Апраксину, 16-го апрѣля 1695 года: „Хотя и въ ту пору какъ осенью въ продолженіе пяти недѣль трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожь эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла“¹⁾; а въ другомъ письмѣ: „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ“²⁾.

Какъ думалъ самъ Гордонъ о предпріятіяхъ противъ Турокъ и Татаръ въ это время, мы не знаемъ. Въ Чигиринѣ онъ испыталъ значеніе борьбы съ Турками; тѣмъ не менѣе въ 1684 году онъ, какъ мы видѣли, не сомнѣвался въ успѣхѣ похода въ Крымъ. Однако походы Голицына показали, что надежды Гордона были тщетны. Въ слѣдующее затѣмъ время Гордонъ, какъ кажется, былъ недоволенъ бездѣйствіемъ правительства въ отношеніи къ Туркамъ и Татарамъ, а еще болѣе тѣмъ, что Россія не была достаточно приготовлена къ войнѣ. Мы уже видѣли, что онъ завидовалъ Мазенѣ, потому что послѣдній не оставался въ бездѣйствіи. Къ герцогу Гордону генераль писалъ въ маѣ 1691 года слѣдующее: „Здѣсь находится императорскій интервунцій, который долженъ заставить насъ сдѣлать диверсію противъ Татаръ. Онъ однако не успѣетъ въ своемъ намѣреніи,

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 219.

²⁾ Тамъ же, II, 228.

потому что мы не склонны и недостаточно сильны дѣлать болѣе, чѣмъ мы дѣлали до его пріѣзда, то-есть, мы должны довольствоваться прикрытіемъ нашихъ границъ" (III, 280). Въ томъ же духѣ Гордонъ писалъ въ іюль 1691 года къ графу Мельфурту (III, 285) Въ январѣ 1692 года онъ писалъ къ герцогу Гордону: „Мы здѣсь живемъ въ мирѣ, и самыя настоятельныя требованія нашихъ союзниковъ не заставятъ насъ предпринять что-либо важное“ (III, 309).

Мы не знаемъ, какимъ образомъ появилась и развилась мысль объ Азовскомъ походѣ. Безъ сомнѣнія, такому важному рѣшенію предшествовали разныя совѣщанія. Въ дневникѣ Гордона ничего не упомянуто объ этомъ предметѣ; знаемъ только, что съ самаго начала 1695 года Гордонъ былъ занятъ приготовлениями къ походу. На этотъ разъ онъ не подавалъ политическаго мемуара въ родѣ составленнаго въ 1684 году для Голицына. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мысль о войнѣ довольно часто была предметомъ бесѣдъ между Петромъ и Гордономъ; въ своемъ дневникѣ однако Гордонъ вообще въ самыхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ отмѣчалъ содержаніе бесѣдъ. И изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ весьма мало о томъ, какъ состоялось весьма важное рѣшеніе Петра сдѣлать наконецъ шагъ впередъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Мы знаемъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и Польша, и императоръ старались склонить Россію къ дѣйствіямъ противъ мусульманъ. Въ Россіи такая война всегда считалась необходимою. Но какъ именно самъ Петръ и передовые люди въ Россіи думали объ этомъ вопросѣ въ концѣ 1694 года — мы не знаемъ. Только слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу ксѣндзу Шмидту отъ 20-го декабря 1694 года достойно вниманія: „Я думаю и надѣюсь, что мы въ это лѣто предпримемъ что-нибудь для блага христіанства и нашихъ союзниковъ“ (III, 355).

Какъ скоро походъ былъ рѣшенъ, для Гордона началась усиленная дѣятельность. 7-го февраля онъ осматривалъ свой Бутырскій полкъ, а затѣмъ былъ у Петра и съ нимъ составилъ списокъ всѣмъ предметамъ, которые должно было взять съ собою въ походъ. Ежедневно Гордонъ ѣздилъ въ Преображенское и имѣлъ разныя совѣщанія о походѣ. Такъ напримѣръ, 15-го февраля онъ бесѣдовалъ съ Тихономъ Нивитичемъ Стрѣшневымъ о маршрутѣ войскъ, составлялъ списки офицерамъ, велѣлъ приготовить знамена, совѣтовался съ Петромъ, съ Б. А. Голицынымъ и проч. (II, 507—510).

Начальство надъ войскомъ, отправляемымъ въ походъ, было по

ручено *тремъ* генераламъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою отдѣльную дивизию: Артамону Михайловичу Головину, Францу Яковлевичу Лефорту и Гордону. Дѣла рѣшались въ консиліи трехъ генераловъ, но приговоры ихъ исполнялись не иначе, какъ съ согласія „бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева“. Нельзя однако сказать, чтобы Гордонъ въ это время игралъ особенно важную роль. Лефортъ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ царю, и между нимъ и Гордономъ было нѣкоторое соперничество; въ дневникѣ Гордона мѣстами даже замѣтно между строками неудовольствіе на Лефорта. Еще въ 1692 году, когда Лефортъ былъ назначенъ полковникомъ перваго выборнаго полка, Гордонъ высказывалъ неудовольствіе на такое его повышеніе ¹⁾.

Когда начались приготовленія къ походу, Лефортъ постоянно находился при Петрѣ. „По приказанію Ихъ Величествъ“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ въ Женеву, — „я пишу съ этою же почтою къ разнымъ знатымъ лицамъ о предстоящемъ походѣ“. Въ письмѣ къ брату Лефортъ пишетъ: „Я назначенъ *первымъ генераломъ* съ двумя другими“ ²⁾. Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, что Лефортъ въ официальномъ отношеніи занималъ первое мѣсто: Гордонъ стоялъ на равной съ нимъ ступени, хотя и не былъ такъ близокъ къ Петру.

20-го февраля Гордонъ имѣлъ совѣщаніе съ Петромъ о походѣ и убѣдилъ царя блокировать Азовъ. Окончательное рѣшеніе вопроса было однако отложено до военнаго совѣта, назначеннаго на другой день. Въ этомъ собраніи мысль Гордона была принята, и вслѣдствіе того онъ получилъ приказаніе по возможности скорѣе отправиться съ авангардомъ въ Азовъ. Предложенія Гордона обсуждались и 22-го февраля на пиру у Л. К. Нарышкина. Между тѣмъ продолжались приготовленія. Гордонъ купилъ нѣсколько лошадей, принималъ оружіе и амуницію. 2-го марта утромъ Петръ завтракалъ у Гордона, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ стрѣлцкіе полки. 7-го марта Гордонъ съ Петромъ и другими лицами завтракали у Лефорта, затѣмъ Петръ пришелъ къ Гордону и провелъ у него нѣсколько часовъ. Въ тотъ же день Гордонъ выступилъ въ походъ (II, 510—514).

Въ дневникѣ подробно описанъ его путь. Онъ оставался въ Тамбовѣ до конца апрѣля. Все это время онъ былъ занятъ разными распоряженіями, покупкою лошадей, въ которыхъ ощущался сильный

¹⁾ См. соч. *Поселета* о Лефорте, II, 152.

²⁾ *Posselt, Lefort*, II, 235.

недостатокъ, и проч. Довольно важны на пути бесѣды Гордона съ казацкимъ атаманомъ, желавшимъ убѣдить его не идти дальше до прибытія прочаго войска. Такія внушенія не могли подѣйствовать на Гордона, оставшагося непоколебимымъ въ исполненіи своей обязанности, не смотря на то, что требованія казаковъ ставились настойчивѣе по мѣрѣ того, какъ Гордонъ приближался къ Азову. Дѣйствительно, положеніе становилось опаснымъ, потому что Гордонъ узналъ о большомъ количествѣ непріятельскихъ войскъ, находившихся у Азова; но еще болѣе опасною въ глазахъ Гордона была готовность казаковъ къ измѣнѣ. Твердость Гордона, впрочемъ, дѣйствовала и на казаковъ. Не смотря на всѣ опасенія ихъ и офицеровъ въ военномъ совѣтѣ, созванномъ Гордономъ, никто не противорѣчилъ его мнѣнію, что нужно идти впередъ (II, 552—554). На Гордонѣ лежала тяжелая отвѣтственность. Онъ сильно жалуется въ дневникѣ на нерадѣніе казаковъ и стрѣльцовъ. У Маныча онъ остановился, но вскорѣ пошелъ далѣе. 27-го іюня наконецъ показался Азовъ. Гордонъ расположился съ своимъ войскомъ на окрестныхъ курганахъ и спѣшилъ укрѣпить свою позицію; два дня спустя прибылъ Петръ ¹⁾ и въ тотъ же день съ двумя другими генералами ужиналъ у Гордона (II, 563). То у Гордона, то у Лефорта происходили совѣщанія о распредѣленіи войскъ подъ Азовомъ. Было рѣшено что Гордонъ долженъ занять средину позиціи, Лефортъ—лѣвый флангъ, а Головинъ—правый (II, 564). Окончательное приближеніе къ Азову—тутъ Гордонъ былъ впереди—представляло затрудненія, потому что войско вообще было недовольно походомъ (II, 564). Съ большимъ трудомъ Гордонъ старался убѣдить полковниковъ и другихъ лицъ, что пока нѣтъ никакой опасности. Объ этихъ движеніяхъ Гордонъ разсказываетъ чрезвычайно подробно. Ему одному было поручено руководить приготовленіями къ осадѣ. 5-го іюня Петръ опять соединился съ Гордономъ и постоянно совѣтовался съ нимъ.

Не считая нужнымъ входить въ подробности осады Азова, укажемъ на ту роль, которую при этомъ случаѣ игралъ Гордонъ. Хотя онъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ опытнымъ изъ начальствующихъ въ русскомъ войскѣ, совѣты его не всегда были приводимы въ исполненіе. Такъ, на примѣръ, уже 5-го іюля возникло разногласіе между Гордономъ и инженерами о постройкѣ укрѣпленій, и желанія Гордона не

¹⁾ См. письмо Петра къ Гордону, напечатанное въ дорожѣ, у Головиной, стр. 276.

были исполнены (II, 570). Его старанія ускорить работы оказались безуспѣшными. Самъ Гордонъ не всегда дѣйствовалъ удачно. Послѣ разныхъ нападений Турокъ, особенно на ту часть лагеря, гдѣ командовалъ Лефортъ, и послѣ взятія 14-го іюля двухъ каланчей, 15-го Турки, узнавъ кое-какія подробности о положеніи Русскихъ, напали на батарею Гордона. Сынъ его, полковникъ Джемсъ Гордонъ, отличился при этомъ случаѣ и былъ раненъ. Самъ Гордонъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ остановить отступавшихъ стрѣльцовъ и солдатъ и едва самъ не попался въ плѣнъ. Редутъ съ пушками остался въ рукахъ непріятеля. Самого Гордона едва ли однако можно обвинять въ этомъ случаѣ: скорѣе виною было нерадѣніе войска. Въ созванномъ 18-го іюля военномъ совѣтѣ Гордонъ изложилъ подробно свои мысли (II, 577); но соображенія его были одобрены только отчасти; вообще, какъ онъ замѣчаетъ, — „все дѣлалось такъ медленно и безпорядочно, будто мы не имѣли вовсе въ виду серьезно взять крѣпость“ (II, 578).

Вскорѣ, однако, явилась мысль о приступѣ. 30-го всѣ заговорили объ этомъ, хотя никто, какъ говоритъ Гордонъ, — не имѣлъ понятія объ условіяхъ такого дѣла. Разумѣется, Гордонъ высказалъ свое мнѣніе, указавъ на неопытность офицеровъ, на недостаточную дисциплину и предсказывавъ неудачу. Но все это не помогало, и онъ долженъ былъ „плыть по теченію: иначе же“, говоритъ онъ, — „и взялъ бы на себя всю отвѣтственность въ замедленіи и дальнѣйшемъ пребываніи у Азова“. Въ военномъ совѣтѣ, созванномъ 2-го августа, Гордонъ еще разъ объяснялъ подробно, почему нельзя пока надѣяться на успѣхъ приступа; но сторонники противнаго мнѣнія стояли на своемъ. Гордонъ былъ въ недоумѣніи; планъ казался ему слишкомъ отважнымъ. Онъ замѣчалъ, что даже охотники, доброю волею и денежною наградою побужденные участвовать въ приступѣ, не надѣялись на успѣхъ. Ночью на 5-е августа Гордонъ еще разъ отправился къ Петру и старался убѣдить его, что на успѣхъ невозможно разчитывать. Все однако было тщетно. Когда наконецъ и Петръ, и другіе генералы пришли въ ту же ночь къ Гордону, всѣ съ жаромъ говорили о приступѣ и взятіи крѣпости, такъ что Гордонъ уже не смѣлъ прекословить и „говорилъ какъ другіе, не смотря на то, что самъ не ожидалъ успѣха“ (II, 584—586).

Все это показываетъ, что вліяніе Гордона на Петра не было въ то время сильно. Какъ кажется, Лефортъ особенно настаивалъ на приступѣ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ своимъ жепевскимъ

родственникамъ онъ объяснялъ, почему приступъ легко могъ удасться ¹⁾; Гордонъ же говоритъ, что это предпріятіе состоялось по внушенію „совѣтниковъ Ровоама“ (II, 588). На самомъ дѣлѣ приступъ имѣлъ исходъ весьма печальный. Много народа погибло совершенно понапрасну. Гордонъ сначала не хотѣлъ безъ дозволенія Петра распорядиться отступленіемъ, но затѣмъ, не дождавшись царскаго приказа и пренебрегая царскимъ гнѣвомъ, велѣлъ трубить и этимъ спасъ остатки войска (II, 588). О непосредственно послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ Гордонъ разказывалъ такъ: „Около 9 часовъ Государь потребовалъ меня къ себѣ, явились и другіе генералы. Себѣ они были скучны и печальны. Я просилъ созвать военный совѣтъ, чтобы надлежащимъ образомъ обсудить дѣло“. Въ военномъ совѣтѣ было рѣшено продолжать осаду. Предусмотрительный Гордонъ, не вполнѣ довѣряя искусству инженеровъ и мало надѣясь на успѣхъ, совѣтовалъ укрѣпить каланчи, чтобы удержать ихъ за собою въ случаѣ отступленія отъ Азова. Товарищи слушали его равнодушно и не торопились исполнять его совѣты; онъ однако настоялъ на своемъ, и Петръ съ генералами отправился къ калапчамъ для назначенія, гдѣ возвести болверки. Но Головинъ и Лефортъ, по прежнему не видѣвшіе большой надобности въ укрѣпленіи каланчей, вывели своимъ легкомысліемъ Гордона изъ терпѣнія: въ досадѣ онъ говорилъ съ излишнимъ жаромъ и упрекалъ товарищей въ равнодушіи къ столь важному дѣлу и въ небрежномъ устройствѣ траншей на лѣвомъ флангѣ. Эта выходка очень не понравилась. Однако приступили къ укрѣпленію каланчей согласно съ предложеніями Гордона (II, 591).

Изъ донесенія австрійскаго дипломатическаго агента Шейера, бывшаго также въ русскомъ лагерѣ во время осады Азова, видно, что Гордонъ былъ недоволенъ Лефортомъ, который не заботился объ устройствѣ коммуникаціонныхъ линій съ лагеремъ Гордона для взаимной обороны ²⁾. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ между Гордономъ и Лефортомъ происходили на этотъ счетъ пререканія. Шейеръ упоминаетъ также и о плохой дисциплинѣ войска, бывшаго подъ командою Гордона ³⁾. Между тѣмъ Турки очень боялись Гордона. У нихъ распространился слухъ, что онъ раненъ смертельно, и они старались

¹⁾ *Posselt*, *Lefort*, II, 247.

²⁾ *Устрѣловъ*, *Ист. П. В.*, II, 572.

³⁾ Тамъ же, II, 575.

узнать: правда ли это, и пытали одного казака за то, что онъ разказывалъ, что Гордонъ живъ и здоровъ (II, 599).

Съ Петромъ Гордону часто приходилось спорить; 12-го сентября царь пришелъ къ Гордону и показалъ ему бумагу, которую хотѣли бросить въ городъ. Гордону это воззваніе не понравилось: онъ считалъ вообще такую мѣру излишнею и неприличною (II, 600). Мы не знаемъ, высказалъ ли онъ свое мнѣніе откровенно, или нѣтъ. Вообще Гордонъ былъ въ мрачномъ, угрюмомъ расположеніи духа. Онъ жаловался между прочимъ на недостатокъ въ ядрахъ и бомбахъ. О военномъ совѣтѣ 13-го сентября онъ замѣчаетъ, что, „какъ обыкновенно, въ немъ не было принято ни одного порядочнаго рѣшенія“ (II, 601). Головинъ устроилъ въ подкопѣ камеру и наполнилъ ее порохомъ. Инженеръ былъ человѣкъ молодой и неопытный. Сомнѣваясь въ истинѣ его словъ, Гордонъ доказывалъ, что преждевременный взрывъ не принесетъ никакой пользы и только перебьетъ Русскихъ же. Но созванный государемъ военный совѣтъ рѣшилъ взорвать подкопъ, и какъ скоро обрушится стѣна, занять проломъ ближайшими войсками. Предсказанія Гордона сбылись буквально. Крѣпостная стѣна осталась невредимою, а много Русскихъ погибло. „Эта неудача“, говоритъ Гордонъ,—“сильно огорчила государя и произвела неописанный ужасъ въ войскѣ, потерявшемъ послѣ того всякое довѣріе къ иностранцамъ“ (II, 603).

Опять пошла рѣчь о штурмѣ, и опять Гордону пришлось говорить противъ него. Онъ нарочно ѣздилъ къ каланчамъ, чтобъ отсвѣтовать эту попытку, но такъ какъ другіе генералы нисколько не раздѣляли его мнѣніе, онъ одинъ не могъ убѣдить Петра оставить это предпріятіе и рѣшился молчать. На другой день Гордонъ, отобѣдавъ съ царемъ, заѣхалъ къ Лефорту посовѣтоваться, нельзя ли хоть повременить приступомъ, но нашелъ въ его сужденіяхъ такъ мало основательности и ясности, что потерялъ всякую надежду на его содѣйствіе (II, 605). Петръ намѣревался напасть на городъ со стороны рѣки. Гордонъ не одобрялъ и этого намѣренія и подробно изложилъ свои доводы противъ него. Возраженія его были оставлены безъ вниманія, хотя опровергнуть его никто не съумѣлъ. Лефортъ и Головинъ ласкали себя какими-то ни на чемъ не основанными надеждами и даже дали понять Гордону, что его сомнѣнія и опасенія вызваны какимъ-то нежеланіемъ взять крѣпость (II, 608). Однимъ словомъ, между генералами постоянно было полнѣйшее разногласіе. Правда, они ежечасно сходились другъ къ другу обѣдать, но отношенія ихъ не могли не

быть нѣсколько натянутыми. Ходъ событій доказывалъ однако на каждомъ шагѣ, что взгляды Гордона были основательны. Онъ былъ опытныйшимъ изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Петра; онъ никогда не ограничивался голословнымъ противорѣчіемъ и каждый разъ подробно объяснялъ причины своихъ сомнѣній, своего пессимизма, и всѣ его предсказанія сбывались съ точностью. Тѣмъ не менѣе вліяніе Лефорта на Петра было гораздо сильнѣе, и Гордонъ оставался какъ въ тѣни ¹⁾.

Штурмъ 25-го сентября былъ также совершенно неудаченъ. Не смотря на неудачу, Петръ велѣлъ два раза возобновить приступъ, и Гордонъ, хотя убѣжденный, что гибель множества людей не имѣетъ никакой цѣли, долженъ былъ повиноваться. Онъ со своимъ отрядомъ дѣлалъ все возможное, но отряды Головина и Лефорта не поддерживали его дѣйствій (II, 611). Турки, замѣчая нерѣшительность и отсутствіе единодушія, дѣйствовали тѣмъ успѣшнѣе. Мина, подведенная Русскими, опять взорвалась, не причинивъ Туркамъ особеннаго вреда, но за то убила и переранила много Русскихъ.

Этимъ кончилась первая осада Азова. 27-го сентября было рѣшено отступить и возвратиться въ Москву. Былъ Гордонъ во время отступленія въ аріергардѣ; ему стоило большаго труда держать войско въ порядкѣ вслѣдствіе дурной дисциплины полковъ. Къ тому же аріергардъ былъ въ опасности подвергнуться нападенію отъ Татаръ, окружавшихъ отступавшее войско густыми толпами. Начались морозы, выпалъ снѣгъ, поднялась жестокая и продолжительная вьюга. Войско страдало ужасно. Люди и лошади гибли въ степи отъ холода и голода. Очевидецъ Шлейеръ, задержанный около мѣсяца въ Черкасскѣ болѣзнію, разказываетъ, что, отираившись по слѣдамъ отступавшей арміи, онъ не могъ видѣть безъ слезъ и содроганія множества труповъ, на пространствѣ 800 верстъ разбросанныхъ и пожираемыхъ волками ²⁾.

На возвратномъ пути Гордонъ имѣлъ нѣсколько разъ случай бѣсѣдовать съ Петромъ о разныхъ предметахъ (II, 626, 628). Иногда

¹⁾ Не смотря на то, что нѣкоторыя замѣчанія въ дневникѣ Гордона объ ошибкахъ Лефорта вполне подтверждаются безпристрастнымъ наблюдателемъ, Шлейеромъ, даже новѣйшій біографъ Лефорта Поссельтъ горько жалуется на несправедливость обвиненій Гордона противъ его героя (*Posselt Lefort*, II 241, 242, 247, 250); но доказательства Поссельта, что Лефортъ былъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ, намъ кажутся весьма слабыми.

²⁾ *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 225 и 582; у Гордона, II, 629, также есть замѣтка о страданіяхъ войска.

происходили и попойки. Однажды и Гордонъ угощаль государя. Простившись съ нимъ въ Валуйкахъ, Гордонъ соединился съ царемъ опять въ Тулѣ, гдѣ они осматривали желѣзные заводы, и гдѣ Гордонъ самъ сковаль широкую желѣзную плиту (II, 635). Приближаясь къ Москвѣ, Гордонъ отъ встрѣтившаго его сына Θεодора, недавно возвратившагося изъ Браунсберга, узналь о кончинѣ своего младшаго сына Петра. Царь ласково привѣтствовалъ Гордонова сына, который вносльдствіи также служиль въ русскомъ войскѣ.

22-го ноября былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Желябужскій пишетъ: „Перво пришелъ генераль Петръ Ивановичъ Гордонъ, а за нимъ государь и весь царскій синклитъ“ ¹⁾. Вечеромъ этого дня Гордонъ пріѣхаль въ Нѣмецкую слободу.

Недолго, отъ конца ноября до начала марта, Гордонъ оставался дома. Вскорѣ Петръ принялся ревностно за приготовленія къ новому походу подъ Азовъ. Въ это время Гордонъ видѣлся весьма часто съ царемъ. Тотчасъ же послѣ возвращенія въ Москву, Петръ позваль Гордона къ себѣ обѣдать, но Гордонъ по болѣзни не могъ явиться. Два дня спустя, царь зашелъ къ Гордону и любовался упражненіями его сына Θεодора съ знаменемъ и ружьемъ. 7-го декабря Петръ и Гордонъ ѣздили верхомъ и на пути бесѣдовали о разныхъ предметахъ. 14-го декабря Петръ пріѣхаль за Гордономъ и отправился съ нимъ къ Лефорту, къ которому явились Головинъ и другіе. Тамъ происходило совѣщаніе объ избраніи генералиссимуса. На это мѣсто былъ назначенъ князь Черкасскій, а на случай его болѣзни, бояринъ Шейнъ. Тутъ же происходили совѣщанія о назначеніи адмирала, такъ какъ главною заботою въ это время было сооруженіе флота. Адмираломъ сдѣланъ былъ Лефортъ. Такимъ образомъ другіе, менѣе опытные люди были назначены на главные мѣста, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался опять на заднемъ планѣ. Мы не знаемъ, считаль ли онъ себя оскорбленнымъ этими назначеніями, но какъ бы то ни было, онъ принималь самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ походу и затѣмъ былъ главнымъ виновникомъ покоренія Азова ²⁾.

Въ декабрѣ Гордонъ былъ занятъ составленіемъ проекта для постройки моста чрезъ Донъ. Онъ сдѣлаль списокъ всѣхъ матеріаламъ,

¹⁾ Записки, стр. 58.

²⁾ Намъ неизвѣстно, на чемъ основана замѣтка въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, XV (1838), стр. 399, что Гордонъ въ 1696 году исправляль должность генераль-инженера.

необходимымъ для этой цѣли (II, 640—642). Хотя онъ нѣкогда говорилъ Василью Васильевичу Голицыну, что не знаетъ инженернаго искусства, но изъ пространныхъ мемуаровъ его о техническихъ вопросахъ видно, что онъ былъ весьма опытенъ и въ этомъ отношеніи.

Съ 1696 г. дневникъ Гордона становится короче. Разказъ его о второмъ Азовскомъ походѣ гораздо менѣе подробенъ, чѣмъ разказъ о первомъ. 8-го марта Гордонъ отправился въ походъ. Въ это время уже кипѣла работа въ Воронежѣ, гдѣ готовился флотъ. Тамъ Гордонъ опять встрѣтился съ Петромъ, съ которымъ пировалъ у Плещеева, Апраксина и другихъ и занимался составленіемъ списковъ разнымъ предметамъ, нужнымъ для похода (II, 15—20) и совѣщаніями съ генералиссимусомъ Шейнымъ. Въ Воронежѣ былъ пиръ у Лефорта, при чемъ пили за здоровье Англійскаго короля Вильгельма III. Но Гордонъ отказался пить за здоровье этого похитителя англійскаго престола и вмѣсто того пилъ за здоровье короля Якова. Довольно подробно Гордонъ описываетъ плаваніе по Воронежу и Дону до Азова, куда онъ прибылъ 18-го мая (II, 32). Тутъ, при распредѣленіи войскъ, при постройкѣ укрѣпленій и при распоряженіяхъ разнаго рода, онъ игралъ весьма важную роль. Когда однажды онъ составилъ проектъ форта, и начались постройки, Петръ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами этихъ работъ (II, 36 и 37). Гордонъ старался окончить фортификаціонныя работы по возможности скорѣе. Объ этихъ работахъ находимъ въ дневникѣ много подробностей¹⁾.

Осада шла успѣшно. Турецкій флотъ оставался въ бездѣйствіи. Обстрѣливаніе города началось 16-го іюня съ большимъ успѣхомъ. Царь жилъ на морѣ и съ галеры *Principium* распоряжался осадой Азова. Но городскія укрѣпленія остались нетронутыми, и осаждающіе не знали чѣмъ дѣлать для достиженія желаемой цѣли. Выписанные иностранные инженеры, артиллеристы и минеры еще не пріѣзжали. Брать городъ приступомъ послѣ двукратной неудачи минувшаго года считали тѣмъ менѣе возможнымъ, что въ стѣнахъ его не было ни одного пролома, и непрерывный огонь съ Гордоновыхъ батарей, разрушавшій дома внутри города, не могъ повредить угловому бастиону, на который направлены были всѣ выстрѣлы. Гордонъ въ это время хворалъ и даже нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Впрочемъ, въ первыхъ числахъ іюля, оправившись, онъ сталъ снова руководить осадой.

¹⁾ И Голыковъ говоритъ, что Гордонъ наглавнѣйше располагалъ осадой, и что Шейнъ и Петръ ничего почти не дѣлали безъ его совѣта.

Уже 22-го іюля однако, когда спросили мѣнѣе солдатъ и стрѣльцовъ, какимъ образомъ они думаютъ овладѣть Азовомъ, они отозвались, что надобно возвести высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому, и засыпавъ ровъ, сбить Турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Какъ ни странно было это предложеніе, напоминавшее осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ въ X столѣтіи, полководцы согласились на общее желаніе войска; ночью на 23-е іюня приступили къ гигантской работѣ, къ возведенію земляной насыпи подлѣ непріятельскими выстрѣлами. Мало того: искуснѣйшій изъ Петровыхъ генераловъ, Гордонъ, съ жаромъ ухватился за неясную мысль войска, развилъ ее въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и составилъ проектъ такому валу, который превышалъ бы крѣпостныя стѣны съ выходами для вылазокъ, съ раскатами для батарей, такъ что съ него можно было бы чрезъ наружныя укрѣпленія стрѣлять по каменному замку (II, 44 и 49). Этотъ проектъ Гордона относится къ 3-му іюля, значитъ, уже десять дней послѣ начала работы. Гордонъ развилъ далѣе мысль, поданную войсками. Эти работы были сопряжены съ значительною потерей людей. Гордонъ въ своемъ дневникѣ разказываетъ отъ успѣхѣ этихъ работъ и замѣчаетъ, что когда онъ водилъ пріѣхавшихъ наконецъ, 11-го іюля, австрійскихъ инженеровъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, они дивились огромности работъ (II, 52). Неизвѣстно, какого мнѣнія они были объ этомъ валѣ, каждую ночь стапавившемся все выше и выше. Въ русскомъ лагерѣ особенно надѣялись на эту насыпь, изобрѣтеніе которой иногда даже приписывалось Гордону. Такъ, напримѣръ, Александръ Гордонъ, сдѣлавшійся впоследствии зятемъ Патрика и участвовавшій въ осадѣ Азова, въ своемъ сочиненіи о Петрѣ Великомъ говоритъ, что мысль о валѣ принадлежитъ всецѣло Гордону¹⁾. Сооруженіе вала, отважность Запорожцевъ, сдѣлавшихъ смѣлое нападеніе на крѣпость, искусство иностранныхъ инженеровъ, особенно мѣтко стрѣлявшихъ по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, и приготовленія къ общему штурму побудили Турокъ сдаться.

Сохранилось преданіе, что Петръ приписывалъ взятіе Азова главнымъ образомъ доблести и искусству Гордона. Нартовъ, разказывая о похоронахъ Гордона, сообщаетъ слѣдующее изреченіе Петра въ ту

¹⁾ См. нѣмецкое изданіе, стр. 114—115. Также и Поссельтъ въ своемъ сочиненіи о Дефорть, II, 339, замѣчаетъ, что Гордонъ предложилъ насыпать валъ. Самый точный разказъ у Устрялова, Ист. П. В., II, 284 и слѣд., по англійскому подлиннику дневника Гордона.

минуту, когда онъ бинуть земли въ могилу: „Я даю ему только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое государство земли съ Азовомъ“. Этотъ анекдотъ едва ли можетъ считаться историческимъ фактомъ. Дѣйствительно, бѣльшая доля успѣха при взятіи Азова принадлежала Гордону, но все же нельзя сказать, чтобъ онъ былъ завоевателемъ этой крѣпости. Еслибы даже онъ и былъ изобрѣтателемъ насыпи, — а мы знаемъ, что первая мысль принадлежала не ему, а солдатамъ, — онъ все-таки не могъ бы быть названъ героемъ Азова. Но косвенно Петръ занятіемъ Азова былъ обязанъ Гордону, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ ученикомъ его въ ратномъ дѣлѣ.

По окончаніи Чигиринскаго дѣла, — Гордонъ, какъ сказано выше, замѣтилъ, что Чигиринъ не былъ завоеванъ Турками, а былъ оставленъ Русскими. То же самое можно сказать о занятіи Азова. Турки уступили Азовъ въ силу капитуляціи. Турки вышли оттуда безъ бою, и Русскіе заняли городъ.

Тамъ вскорѣ устроились пиршества. Былъ праздникъ у генералиссимуса Шейна, на которомъ, какъ замѣчаетъ Гордонъ, — не жалѣли ни пороку, ни напитковъ; была попойка у Лефорта, и все были „порядочно навеселѣ“. Гордонъ въ то же время былъ занятъ сооруженіемъ укрѣпленій въ Азовѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Петромъ отправился отыскивать удобное мѣсто для гавани.

16-го августа войска отправились въ обратный путь. Гордонъ сообщаетъ многія подробности объ этомъ путешествіи. Въ Тулѣ онъ опять былъ встрѣченъ сыномъ Феодоромъ, который въ пышной рѣчи поздравилъ царя съ побѣдой. 30-го сентября былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Главную роль при этомъ случаѣ, какъ кажется, игралъ Лефортъ, ѣхавшій въ золотыхъ государевыхъ саняхъ въ шесть лошадей. Гордонъ съ своею конюшнею, штабомъ и генеральскимъ значкомъ занималъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ торжественномъ шествіи. Самъ Петръ шелъ въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана за великолѣпными санями адмирала. Стрѣлецкіе полки, стоявшіе на стойкѣ и державшіе ружья на караулъ, отдавали честь Зотову поклономъ, а Лефорту и Шейну — поклонами съ залпомъ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ. При входѣ въ триумфальныя ворота, Виніусъ съ вершины ихъ говорилъ въ трубу привѣтствіе стихами адмиралу, командору и генералиссимусу.

Каково было офиціальное отношеніе Гордона къ другимъ лицамъ, видно и изъ наградъ за службу въ Азовѣ. Шейнъ получилъ медаль

въ 13 червонцевъ, кубокъ, кафтанъ, 150 р. денегъ придачи и 305 дворовъ, Лефортъ -- медаль въ 7 червонцевъ, кубокъ, кафтанъ и 140 дворовъ, Гордонъ и Головинъ, по медали въ 6 червонцевъ, по кубку, по кафтану и по 100 дворовъ ¹⁾).

При раздачѣ помѣстій Гордонъ сначала получилъ деревню Красное въ вышней Рязанской губерніи и деревню Иваново (II, 90). Затѣмъ однако изъ-за Краснаго между Гордономъ и Лефортомъ вышелъ споръ или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣніе—, *différence*“, какъ говоритъ Гордонъ (II, 93), и деревня эта была отдана Лефорту; нѣсколько дней спустя Гордонъ получилъ другую деревню — Красную Слободу (II, 93). Эта перемѣна относится къ марту 1697 года, а еще въ февралѣ Гордонъ получилъ жалованную грамоту на имѣніе (III, 388—90), и въ ней подробно говорится о заслугахъ его при покореніи Азова. Была ли деревня Красное, доставшаяся сначала Гордону, а потомъ Лефорту, лучше Красной Слободы, мы не знаемъ. Изъ дневника Гордона не видно, былъ ли онъ недоволенъ такою перемѣною, или нѣтъ.

---

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 302—303; см. также П. С. З., III, стр. 29. № 1343; ср. дневникъ, II, 85.

А. Брикнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ АНАЛИЗЪ И СИНТЕЗЪ.

Человѣкъ убѣжденъ въ научной истинѣ только того, что для него очевидно; вслѣдствіе того чувство очевидности является единственнымъ руководителемъ человѣка въ дѣлѣ распознаванія истины. Нельзя сказать, чтобы этотъ руководитель былъ всегда въ одинаковой степени надеженъ: всякому, вѣроятно, много разъ приходилось наблюдать и на себѣ, и на другихъ, какъ казавшееся очевиднымъ вначалѣ, оказывалось ложнымъ впоследствии. Не смотря на такое несовершенство нашего руководителя, мы не можемъ его оставить, такъ какъ не имѣемъ рѣшительно ничего для его замѣны. Было бы, напимѣръ, странно думать, что чувство очевидности можетъ быть замѣнено какимъ-нибудь логическимъ правиломъ, такъ какъ приложеніе всякаго правила можетъ имѣть мѣсто не иначе какъ съ согласія того же чувства очевидности. И такъ, одно, что мы можемъ сдѣлать для огражденія себя отъ заблужденій, это — слѣдовать указаніямъ чувства очевидности съ возможно большею осторожностью и осмотрительностью. По отношенію къ простѣйшимъ элементарнымъ истинамъ, самымъ лучшимъ средствомъ для провѣрки указаній чувства очевидности можетъ служить общее согласіе всѣхъ не подверженныхъ психическимъ болѣзнямъ людей въ дѣйствительной очевидности такихъ истинъ. Высочайшею степенью вѣроятности, почти достоверностью, будутъ обладать, конечно, только тѣ изъ этихъ истинъ, которыя имѣютъ за себя согласіе всѣхъ людей и всѣхъ временъ. Всѣ такія истины — назовемъ ли ихъ аксіомами, придерживаясь обычной терминологіи, или просто первоначальными, — составляютъ основу всѣхъ нашихъ знаній и служатъ исходнымъ пунктомъ для познанія или приведенія въ очевидность новыхъ истинъ.

Приведеніе въ очевидность новыхъ истинъ совершается при посредствѣ болѣе или менѣе длиннаго ряда умозаключеній. При этомъ,

обыкновенно, представляются на выборъ различные ряды послѣдовательныхъ умозаключеній, изъ которыхъ каждый, по видимому, ведетъ къ цѣли. Способъ составленія каждаго изъ такихъ рядовъ, или выражаясь образно, путь, по которому направляются умозаключенія, называется *методомъ* умозрѣнія. Разсматриваемые отдѣльно, различные ряды умозаключеній выказываютъ не одинаковыя отношенія къ породившей ихъ цѣли: посредствомъ однихъ эта цѣль совсѣмъ не достижима, посредствомъ другихъ она достигается съ большею или меньшею легкостью. Изъ этого слѣдуетъ, что изученіе методовъ есть дѣло весьма большой важности, такъ какъ только оно одно можетъ показать, какъ нужно направить наши умозаключенія, чтобы достигнуть предположенной цѣли возможно скорѣе и легче. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ забывать, что какъ бы ни были хороши сами по себѣ выбранные методы, они все-таки не могутъ сообщить мыслителю достаточной увѣренности въ достиженіи предположенной цѣли при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Этимъ замѣчаніемъ, очевидно, нисколько не умаляется важность выбранныхъ методовъ, такъ какъ они, по справедливому замѣчанію Дюгамеля, „даютъ уму направленіе и научаютъ его *искусству искать*, съ которымъ нужно быть очень хорошо знакомымъ, чтобъ имѣть хотя какой-нибудь шансъ *найти*“¹⁾.

Особенно важное значеніе имѣютъ эти методы для наукъ умозрительныхъ или дедуктивныхъ, такъ какъ эти науки развиваются единственно и исключительно при посредствѣ умозрѣнія. Справедливость этого положенія видна изъ самаго опредѣленія умозрительной науки. Дѣйствительно, умозрительною наукою называется такая, въ которой всѣ истины выводятся какъ слѣдствія или изъ опредѣленія объекта науки, или изъ основныхъ принциповъ ея, что, очевидно, можетъ совершиться только при посредствѣ одного умозрѣнія.

Родъ вопросовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ прилагается тотъ или другой методъ, вообще говоря, оказываетъ на послѣдній вѣзкое вліяніе, измѣняя его, хотя — какъ мы это скоро увидимъ — и въ весьма незначительной степени. Всѣ вопросы, представляющіеся въ умозрительныхъ наукахъ, можно вообще раздѣлить на два вида, болѣе подробное разсмотрѣніе которыхъ необходимо для ясности послѣдующаго изложенія.

Къ первому виду принадлежатъ вопросы, имѣющіе цѣлью приве-

¹⁾ J. M. C. *Duhamel*. Des méthodes dans les sciences du raisonnement, première partie, p. 20.

деніе въ очевидность, или какъ обыкновенно выражаются, доказательство предложеній, не принадлежащихъ къ первоначальнымъ истинамъ и потому не очевидныхъ непосредственно. Такія предложенія вообще называются теоремами; они составляютъ самую важную часть, даже болѣе — все содержаніе умозрительной науки. До сихъ поръ всякій разъ, когда заходила рѣчь о первоначальныхъ истинахъ, только теоремы мы и имѣли въ виду.

При изслѣдованіяхъ, ведущихъ къ открытію новыхъ истинъ, умозрительной наукѣ часто приходится наталкиваться на новые предметы ¹⁾ и вводить ихъ въ свои изысканія. Для того, чтобы это введеніе сдѣлалось возможнымъ, необходимо опредѣлить отношенія новаго предмета къ предметамъ уже извѣстнымъ. Выраженіе этихъ отношеній составляетъ дефиницію новаго предмета. Изъ всѣхъ отношеній, могущихъ представиться при выводѣ дефиниціи, нужно выбирать только необходимыя и достаточныя для прочнаго установленія возможно полнаго понятія о новомъ предметѣ. Какъ только такія отношенія найдены, всѣ другія являются въ качествѣ ихъ простыхъ слѣдствій. При этомъ необходимо замѣтить, что не всякій предметъ можетъ имѣть дефиницію; это замѣчаніе съ совершенною очевидностью вытекаетъ изъ сейчасъ сказаннаго, такъ какъ для нахожденія дефиниціи всякаго предмета требуется предварительное знаніе другихъ предметовъ, и слѣдовательно, необходимо должны существовать предметы, не имѣющіе себѣ предшествующихъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что предметъ будетъ вполне определенъ, какъ скоро опредѣлены предметы, отношенія которыхъ къ нему составляютъ его дефиницію. Поэтому, опредѣленіе искомаго предмета, имѣющаго данныя отношенія къ какимъ-нибудь даннымъ извѣстнымъ предметамъ, приводится къ опредѣленію тѣхъ предметовъ, отношенія которыхъ къ нему составляютъ его дефиницію. Всѣ вопросы, имѣющіе цѣлью подобнаго опредѣленія какихъ бы то ни было предметовъ, называются *проблемами* и составляютъ второй видъ вопросовъ, представляющихся въ умозрительныхъ наукахъ.

При доказательствѣ теоремы, какъ мы уже замѣтили выше, а также и при рѣшеніи проблемы, могутъ представиться на выборъ

¹⁾ Подъ словомъ «предметъ» мы подразумеваемъ все, что можетъ быть субъектомъ или объектомъ матеріальнаго или не матеріальнаго дѣйствія, то есть, то же, что Дюгамель выражаетъ словомъ «chose» (см. Des méthodes etc., 1-ère partie, p. 13). Употребленіе слова «предметъ» въ живой русской рѣчи, кажется, не противорѣчитъ такому распространенію его смысла.

различные ряды умозаключеній. Какъ ни разнообразны, по видимому, способы составленія этихъ рядовъ умозаключеній, всѣ они, однако, не болѣе какъ только частные случаи того или другаго изъ двухъ основныхъ методовъ, общихъ всѣмъ умозрительнымъ наукамъ — анализа и синтеза. Методы эти суть естественные пути нашего мышленія: философъ и полинезійскій дикарь равно пользуются ими. Равенство это, впрочемъ, не идетъ далѣе самаго факта пользованія: въ то время, какъ философъ употребляетъ оба метода вполне сознательно и въ строго обдуманной формѣ, полинезійскій дикарь слѣдуетъ ихъ указаніямъ совершенно пассивно, не сознавая и даже не замѣчая ихъ. Поэтому нельзя говорить объ открытіи анализа и синтеза въ буквальномъ значеніи этого слова: подъ словомъ „открытіе“ здѣсь должно понимать введеніе въ сознаніе предмета, хотя и существовавшаяго прежде, но не сознаваемаго.

Подъ словомъ „анализъ“ обыкновенно понимаютъ „разборъ“ „разложеніе“. Ниже мы увидимъ, что это значеніе не имѣетъ ничего общаго съ сущностью анализа, какъ метода умозрительныхъ наукъ. Поэтому для устраненія недоразумѣній и сомнѣній, могущихъ встрѣтиться при чтеніи послѣдующаго, необходимо теперь же попросить читателя оставить привычныя значенія и встрѣтиться съ терминомъ „анализъ“ какъ съ совершенно новымъ—опредѣленіе котораго составляетъ одну изъ ближайшихъ цѣлей послѣдующаго изложенія.

Представившееся предложеніе будетъ приведено къ очевидности или доказано, если окажется, что оно вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ аксіомы или изъ принятаго уже предложенія, такъ какъ при правильности умозрѣнія, слѣдствія, вытекающія изъ истинныхъ предложеній, будутъ, очевидно, также истинны. Это замѣчаніе прямо приводитъ насъ къ способу доказательства представившихся предложеній. Сначала нужно поискать—не вытекаетъ ли представившееся предложеніе, какъ непосредственное слѣдствіе, изъ аксіомы или изъ принятаго уже предложенія; если эти поиски удадутся, то представившееся предложеніе доказано; если нѣтъ—то нужно найти, изъ какого еще не принятаго предложенія оно можетъ быть выведено, какъ непосредственное слѣдствіе, и тогда, очевидно, вопросъ приведется къ доказательству этого новаго, еще не принятаго предложенія. Чтобы доказать послѣднее, нужно, очевидно, поступать такимъ же образомъ, какъ и прежде, то-есть, искать сперва—не вытекаетъ ли новое предложеніе изъ аксіомы или изъ принятаго уже предложенія, какъ непосредственное слѣдствіе, и потомъ, въ случаѣ

неудачи, пайдти—изъ какого еще не принятаго предложенія оно можетъ быть выведено какъ непосредственное слѣдствіе. Въ первомъ случаѣ, какъ новое, такъ и первоначальное предложенія являются вполнѣ доказанными; во второмъ же вопросъ приводится къ доказательству втораго новаго предложенія. Точно такимъ же образомъ нужно поступать и при доказательствѣ втораго, третьяго и т. д. новаго предложенія до тѣхъ поръ, пока не представится аксіома или принятое уже предложеніе. Появленіе кого-нибудь изъ этихъ послѣднихъ доказываетъ справедливость всѣхъ предыдущихъ предложеній до первоначальнаго включительно и этимъ завершаетъ изслѣдованіе.

Такимъ образомъ, изложенный методъ доказательства теоремъ, извѣстный подъ именемъ *теоретическаго анализа*, состоитъ въ образованіи цѣли такихъ предложеній, изъ которыхъ каждое вытекаетъ изъ слѣдующаго, какъ непосредственное слѣдствіе. Первымъ звеномъ этой цѣли служитъ доказываемое предложеніе, а послѣднимъ — аксіома или уже принятое предложеніе. При такомъ составѣ цѣли первое предложеніе является необходимымъ слѣдствіемъ послѣдняго и потому должно быть считаемо истиннымъ.

Не трудно видѣть, что одно и то же предложеніе можетъ быть выведено какъ непосредственное слѣдствіе изъ весьма многихъ предложеній. Такимъ образомъ, для доказательства одной и той же теоремы могутъ быть составлены различныя цѣли предложеній: изъ этихъ цѣлей однѣ весьма скоро ведутъ къ желаемой цѣли, другія — медленнѣе, третьи же, наконецъ, дѣлаютъ эту цѣль совсѣмъ недостижимой — и это именно тѣ, которыя никогда не приводятъ къ признанной истинѣ, какъ бы далеко онѣ ни были продолжены. Нельзя, очевидно, составить никакихъ общихъ правилъ, которыми можно было бы руководствоваться при выборѣ наивыгоднѣйшей цѣли предложеній; только природное остроуміе, навыкъ и обширность свѣдѣній могутъ до нѣкоторой степени помочь въ этомъ дѣлѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о невозможности въ общемъ смыслѣ заранѣе предвидѣть невыгодность той или другой изъ представляющихся цѣлей. Слѣдствіемъ этого послѣдняго обстоятельства является то отсутствіе увѣренности въ неперемѣнномъ достиженіи путемъ анализа предположенной цѣли, о которомъ мы уже говорили выше.

Выбранная цѣль предложеній можетъ, очевидно, также привести къ предложенію, заведомо ложному. Каково значеніе этого явленія по отношенію къ доказываемому предложенію? Не будетъ ли и само

это предложеніе ложнымъ? Съ общей точки зрѣнія нельзя дать ни утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта на послѣдній вопросъ, такъ какъ истинное можетъ быть выведено также и изъ ложнаго. Справедливость послѣдняго положенія, утвержденнаго еще Аристотелемъ, можетъ быть обнаружена при помощи слѣдующихъ силлогизмовъ:

Всякій человѣкъ есть камень.

Всякій камень есть животное.

Слѣдовательно, всякій человѣкъ есть животное. —

Всякая лошадь есть животное.

Ни одинъ человѣкъ не есть животное.

Слѣдовательно ни одинъ человѣкъ не есть лошадь.

Въ первомъ силлогизмѣ обѣ посылки ложны, во второмъ—только одна: заключенія же въ обоихъ истинны.

Два предложенія, изъ которыхъ каждое вытекаетъ изъ другаго, какъ необходимое слѣдствіе, называются обратимыми, или точнѣе, абсолютно обратимыми. Напримѣръ: если хорды, принадлежащія одному и тому же кругу, равны, то равны и разстоянія ихъ отъ центра; обратно: если въ одномъ и томъ же кругѣ разстоянія хорды отъ центра равны, то и самыя хорды равны. Не трудно замѣтить, что предложенія, изъ которыхъ одно есть слѣдствіе другаго, не всегда бываютъ обратимы. Въ такихъ случаяхъ попытка обращенія необратимаго предложенія: „если есть А, то есть В“ приводитъ обыкновенно къ предложенію: „если есть В, то есть А или не А“. Такъ, напримѣръ, обращая предложеніе: „если въ четырехугольникѣ всѣ стороны равны и углы прямые (если онъ—квадратъ), то его діагонали при пересѣченіи дѣлятся пополамъ (если есть А, то есть В)“, мы получимъ предложеніе: „если діагонали четырехугольника дѣлятся при пересѣченіи пополамъ (если есть В), то или стороны его равны и углы прямые (есть А), или всѣ стороны его равны (ромбъ), или углы равны (прямоугольникъ), или противоположныя стороны параллельны (параллелограммъ) (есть не—А)“. Необратимы, обыкновенно, бываютъ предложенія въ томъ случаѣ, когда предложеніе В выражаетъ какое-нибудь подчиненное, уже содержащееся въ предложеніи А свойство, какъ это и имѣетъ мѣсто въ приведенномъ примѣрѣ. Предложеніе: „если есть А, то есть В“, если оно не обратимо, указываетъ на другое обратимое предложеніе: „если есть А', то есть В'“, въ которомъ необратимое содержится какъ простое логическое слѣдствіе, потому что или А' представляетъ болѣе общее свойство, чѣмъ А, или В'

представляетъ болѣе частное свойство, чѣмъ В. Такъ, взятое нами не-обратимое предложеніе указываетъ на слѣдующія три обратимыя: 1) А' болѣе общее, чѣмъ А: „если въ четырехугольникѣ противоположныя стороны параллельны, то его діагонали при пересѣченіи дѣлятся пополамъ“; 2) В' болѣе частное, чѣмъ В: „если въ четырехугольникѣ всѣ стороны равны и углы прямые, то его діагонали равны и при пересѣченіи взаимно перпендикулярны и дѣлятся пополамъ“; 3) А' болѣе общее, чѣмъ А; В' болѣе частное, чѣмъ В; „если въ четырехугольникѣ всѣ углы прямые, то его діагонали равны и при пересѣченіи дѣлятся пополамъ“.

При различныхъ математическихъ изслѣдованіяхъ часто бываетъ весьма важно знать — способно ли рассматриваемое предложеніе къ обращенію, или нѣтъ. Справедливость этого замѣчанія, явная сама по себѣ, обнаружится еще яснѣе при послѣдующемъ изложеніи. Однако же отысканіе критерія, способнаго дать такое знаніе, не обращало на себя вниманіе ученыхъ до самаго начала текущаго столѣтія, когда виртембергскій ученый Гауберъ впервые открылъ этотъ критерій и обнаружилъ его въ своемъ весьма замѣчательномъ, хотя, къ сожалѣнію, и очень мало распространенномъ сочиненіи „Scholae logico-mathematicae“, напечатанномъ въ 1829 году въ Рейтлингенѣ. Предложеніе, выражающее этотъ критерій, Гауберъ называетъ ¹⁾ „theoremata logicum novum nec inelegans et multiplicis in mathematica saltim doctrina usus“ и излагаетъ его въ слѣдующей формѣ ²⁾:

„Si genus aliquod dividatur in suas species duplici ratione, et singulis speciebus unius divisionis respondeant singulae species alterius ut attributa: vicissim etiam singulis speciebus alterius divisionis singulae species prioris ut attributa respondebunt.

„Ut si genus quoddam A dividatur primum in species b, c, ac deinde in species β , γ : ut omne A sit aut b aut c, et rursus omne A sit aut β aut γ ; et praeterea, quae sint ex specie b, iis attribuuntur β ; quae ex specie c, iis γ : his igitur positis, vicissim, quae sunt ex specie β , iis attribuuntur b; et quae ex specie γ , iis attribuetur c“.

Представленная въ этой формѣ, теорема Гаубера не способна къ многочисленнымъ приложеніямъ, такъ какъ, предполагая одно и то же подлежащее для условія и заключенія, она можетъ быть приложена только къ самымъ простымъ изъ предложеній. Поэтому, распро-

¹⁾ Scholae logico-mathematicae, Praefatio, стр. IX.

²⁾ Ibid., стр. 265.

страненіе теоремы Гаубера на два подлежащія, сдѣланное Дробишемъ, весьма важно и составляетъ необходимое дополненіе къ теоремѣ Гаубера. Дробишъ выражаетъ это распространеніе слѣдующимъ образомъ ¹⁾:

„Если подлежащему S соответствуютъ какъ сказуемыя или a, или b, или c, а подлежащему Σ — тоже какъ сказуемыя — или α , или β , или γ , и если сверхъ того извѣстно, что

- 1) если S . . . . . a, то всегда и Σ . . . . . α ,
- 2) если S . . . . . b, то всегда и Σ . . . . . β ,
- 3) если S . . . . . c, то всегда и Σ . . . . . γ ,

то и обратно

- 4) если Σ . . . . . α , то всегда и S . . . . . a,
- 5) если Σ . . . . . β , то всегда и S . . . . . b,
- 6) если Σ . . . . . γ , то всегда и S . . . . . c“.

Дробишъ считалъ распространенную такимъ образомъ теорему Гаубера доказываемою отъ противнаго (анагогически); но Мацка даетъ ей слѣдующее прямое доказательство ²⁾: „Изъ предположенныхъ двухъ раздѣлительныхъ и всѣхъ гипотетическихъ сужденій слѣдуетъ предложеніе: если S есть не a, и слѣдовательно, есть или b, или c, или d и т. д., то и Σ есть или β , или γ , или δ и т. д., и слѣдовательно, есть не α , — короче, если S не есть a, то и Σ также не есть α . Но отсюда черезъ противоположеніе тотчасъ же и самымъ строгимъ образомъ вытекаетъ доказываемое предложеніе: если есть Σ , α , то есть, и S a“.

Важность теоремы Гаубера и обширность ея примѣненій доказаны многочисленными примѣрами, находящимися въ цитированныхъ сочиненіяхъ Гаубера, Мацки и Дробиша и заимствованными первыми двумя авторами изъ области геометріи, преимущественно элементарной, а послѣднимъ — изъ области высшей математики. Гюнтеръ, авторъ статьи ³⁾, изъ которой мы заимствовали представленныя сей-

¹⁾ *Drobisch*. Neue Darstellung der Logik mit Rücksicht auf Mathematik und Naturwissenschaft, Leipzig, 1863. S. 227.

²⁾ *Matzka*. Betrachtungen einiger Gegenstände der Logik mit besonderer Rücksicht auf ihre Anwendungen in der Mathematik, въ *Grüner's Archiv der Mathematik und Physik*, 6 Band, S. 26.

³⁾ *Günther*. Ueber einige Anwendungen und Erweiterungen des Hauber'schen Theorems, въ *Grüner's Archiv der Mathematik und Physik*, 56 Band, S. 26.

часть указанія, рассмотрѣлъ также нѣсколько примѣровъ необратимыхъ предложеній и показалъ, что теорема Гаубера можетъ быть приложена съ большою пользою также и къ этимъ предложеніямъ, какъ орудіе, служащее для отысканія причинъ, породившихъ въ каждомъ данномъ случаѣ необратимость предложенія. Дѣйствительно, примененная къ такимъ предложеніямъ теорема Гаубера не только показываетъ, что желаніе пайдти въ этихъ случаяхъ обращенное предложеніе есть заблужденіе, но и даетъ цѣлый рядъ безошибочныхъ и весьма поучительныхъ заключеній. Кромѣ этого весьма существеннаго дополненія къ предыдущимъ работамъ, въ статьѣ Гюнтера заключаются также примѣры приложимости теоремы Гаубера къ вопросамъ, заимствованнымъ изъ анализа, теории уравненій и прикладной математики. Желаніе дать теоремѣ Гаубера болшую определенность по отношенію къ собственно геометрическимъ вопросамъ побудило Гюнтера сообщить ей слѣдующее выраженіе ¹⁾:

„Если объ одномъ геометрическомъ изображеніи S , также какъ и о другомъ Σ , можно сказать, что имъ соотвѣтственно принадлежатъ метрическія или проективныя ²⁾ свойства a, b, c и α, β, γ , и что при $S \dots a, S \dots b, S \dots c$ и пр.,

также и

$\Sigma \dots \alpha, \Sigma \dots \beta, \Sigma \dots \gamma$ и пр.,

всегда оказываются правильными, то обратимость всѣхъ такихъ предложеній исполнѣ возможна“.

Въ цѣии предложеній, составляющей аналитическое доказательство, нѣкоторыя изъ послѣдовательныхъ предложеній могутъ быть между собою обратимы. Вслѣдствіе того является возможность разсматривать зависимость такихъ предложеній въ обращенномъ видѣ, то-есть, считая послѣдующее предложеніе слѣдствіемъ предыдущаго. Если всѣ предложенія, входящія въ составъ цѣии, обратимы, то очевидно, обращеніе зависимости будетъ имѣть мѣсто на всемъ протяженіи цѣии: аналитическое доказательство въ этомъ случаѣ представляется цѣію предложеній, въ которой каждое послѣдующее предложеніе есть слѣдствіе предыдущаго, первое звено есть доказываемое предложеніе, послѣднее — принятая истина. Выводить слѣдствіе изъ

¹⁾ Ibid. S. 30.

²⁾ Подъ выраженіемъ «проективныя свойства» здѣсь разумѣются всѣ тѣ свойства, которыя относятся не къ величинѣ, но къ положенію отдѣльныхъ частей фигуръ.

предложенія въ большинствѣ случаевъ бываетъ гораздо легче, чѣмъ находить предложеніе, изъ котораго данное должно выводиться какъ слѣдствіе; такъ что на практикѣ вообще удобнѣе пользоваться этимъ частнымъ случаемъ теоретическаго анализа, какъ по отношенію ко всей цѣли, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ послѣдовательнымъ предложеніямъ; но при этомъ должна быть строго доказана обратимость предложеній, такъ какъ только при существованіи этой обратимости истинность слѣдствій будетъ доказательствомъ истинности предложенія, изъ котораго оно выводится. Истинность выводимыхъ слѣдствій при отсутствіи обратимости не доказываетъ истинности первоначальнаго предложенія, такъ какъ истинное можетъ быть выведено также и изъ ложнаго. Сравнительная легкость этого частнаго случая анализа составляетъ, конечно, главную причину его весьма частаго употребленія въ математическихъ наукахъ. Последнее обстоятельство, въ свою очередь, породило заблужденіе многихъ ученыхъ, полагающихъ, какъ это будетъ показано ниже, что этотъ частный случай вполне исчерпываетъ все содержаніе аналитическаго метода.

Разсмотрѣнный сейчасъ частный случай анализа можетъ быть иногда съ большою пользою приложенъ къ доказательству ложности предложеній, которыхъ несомѣстность съ доказанными истинами непосредственно не видна. Въ самомъ дѣлѣ, если въ ряду необходимыхъ слѣдствій, выведенныхъ по указанному способу изъ разсматриваемаго предложенія, окажется слѣдствіе заведомо ложное или же явно несомѣстное съ самимъ этимъ предложеніемъ или съ однимъ изъ выведенныхъ отъ него, то все это будетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ ложности разсматриваемаго предложенія, такъ какъ изъ истиннаго предложенія никогда нельзя вывести ложное или несомѣстное слѣдствіе. При выводѣ слѣдствій въ настоящемъ случаѣ, какъ не трудно видѣть, нѣтъ надобности заботиться объ обратимости.

Обнаруженіе ложности предложенія имѣетъ существенную важность въ *аналогическомъ* методѣ доказательства (*reductio ad absurdum*). Изложимъ въ короткихъ словахъ этотъ методъ.

Если изъ двухъ предложеній одно волюнѣ отрицаетъ другое, или говоря другими словами, если два предложенія—противорѣчанія, то очевидно, для убѣжденія въ истинности одного достаточно доказать ложность другаго. Въ болѣе сложныхъ вопросахъ, когда предложеніе, противорѣчащее предложенному, содержитъ въ себѣ нѣсколько

различныхъ случаевъ, приходится доказывать ложность каждаго изъ этихъ случаевъ: иначе не имѣли бы права считать доказываемое предположеніе истиннымъ. Этотъ методъ доказательства, какъ то ясно само собою, есть непрямой.

Переходя теперь къ примѣрамъ теоретическаго анализа, считаемъ необходимымъ напомнимъ читателю, что для общаго случая анализа обратимость предложеній не нужна, такъ какъ истинность предложенія служитъ полнымъ доказательствомъ истинности выводимыхъ изъ него слѣдствій: изъ истиннаго можно вывести только истинное.

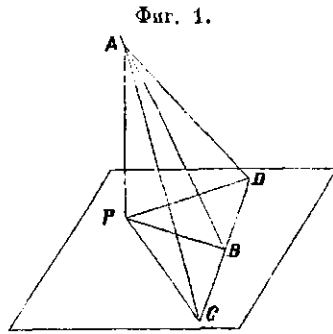
Первый примѣръ. Если имѣемъ рядъ равныхъ отношеній, то сумма предыдущихъ членовъ относится къ суммѣ послѣдующихъ, какъ одинъ изъ предыдущихъ къ своему послѣдующему.

Это предложеніе вытекаетъ какъ непосредственное слѣдствіе изъ предложенія: сумма предыдущихъ членовъ равна суммѣ произведеній каждаго послѣдующаго члена на отношеніе. Оба предложенія между собою обратимы. Второе предложеніе вытекаетъ какъ непосредственное слѣдствіе изъ предложенія: предыдущій членъ равенъ произведенію послѣдующаго члена на отношеніе, что представляетъ доказанную истину. Послѣднія два предложенія необратимы.

Докажемъ обратимость перваго и втораго предложеній и необратимость втораго и третьаго, пользуясь дополненною теоремою Гаубера. Отношеніе суммы предыдущихъ членовъ къ суммѣ послѣдующихъ (подлежащее S) или равно данному отношенію (сказуемое a), или не равно данному отношенію (сказуемое b): не трудно видѣть, что въ первомъ случаѣ сумма предыдущихъ членовъ (подлежащее Σ) равна суммѣ произведеній каждаго послѣдующаго члена на данное отношеніе (сказуемое α), во второмъ же—она не равна этой суммѣ (сказуемое β). Такимъ образомъ первое и второе предложенія обратимы. Второму и третьему предложеніямъ для облегченія разсужденій дадимъ общія выраженія. Первая изъ двухъ находящихся во второмъ предложеніи суммъ (подлежащее S) или равна второй суммѣ (сказуемое a), или не равна (сказуемое b); всѣ соотвѣтствующія первой суммѣ слагаемыя (частный случай которыхъ берется въ третьемъ предложеніи) (подлежащее Σ) или равны соотвѣтственно всѣмъ соотвѣтствующимъ второй суммѣ слагаемымъ (частный случай ихъ также берется въ третьемъ предложеніи) (сказуемое α), или не равны (сказуемое β); но въ то же время не трудно видѣть, что при $S \dots a$ или есть $\Sigma \dots \alpha$, или же $\Sigma \dots \beta$, такъ какъ при равенствѣ суммъ слагаемыя могутъ быть соотвѣтственно равны, или соотвѣтственно различны.

Что же касается до $S.....b$, то при немъ можетъ существовать только $\Sigma.....\xi$. И такъ, второе и третье предложенія необратимы.

Второй примѣръ. Линія, проведенная на плоскости черезъ основаніе наклонной перпендикулярно къ ея проэкции, будетъ перпендикулярна и къ этой наклонной.

Если мы отложимъ на прямой CD по обѣ стороны точки B (фиг. 1) равныя длины BC и BD и соединимъ точки C и D съ A, то доказываемое предложеніе будетъ вытекать какъ непосредственное слѣдствіе изъ предложенія: линія AC и AD равны. Линія AC и AD есть наклонныя: наклонныя равны, если ихъ проэкции равны; поэтому новое предложеніе является непосредственнымъ слѣдствіемъ предложенія: линія PD и PC равны; но линія PD и PC суть гипотенузы равныхъ прямоугольныхъ треугольниковъ; слѣдовательно, послѣднее предложеніе можетъ быть выражено такъ: гипотенузы равныхъ прямоугольныхъ треугольниковъ равны, что представляетъ принятое предложеніе. Не трудно видѣть, что всѣ предложенія, составляющія приведенную цѣпь, безусловно обратимы. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ изложеннымъ выше частнымъ случаемъ теоретическаго анализа.

Выше было сказано, что цѣль проблемы или задачи состоитъ въ опредѣленіи одного или нѣсколькихъ предметовъ, имѣющихъ указанныя отношенія къ даннымъ предметамъ, или что то же самое, удовлетворяющихъ даннымъ условіямъ. Эта цѣль будетъ, очевидно, достигнута, если мы съ умѣемъ найти тотъ же самый предметъ при такихъ новыхъ условіяхъ, изъ которыхъ данныя вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія. Поэтому, если предложенная задача не можетъ быть рѣшена непосредственно, необходимо отыскать эти новыя условія, или говоря другими словами, замѣнить первоначальную задачу новою, гдѣ опредѣляемый предметъ удовлетворялъ бы условіямъ, изъ которыхъ условія первоначальной задачи вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія. Этотъ приѣмъ, впрочемъ, можетъ быть разширенъ: предложенную задачу можно замѣнить также и такою, въ которой одинъ или нѣсколько новыхъ предметовъ удовлетворяютъ новымъ условіямъ, если только званіе этого или этихъ новыхъ пред-

•

метовъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ приводитъ непосредственно къ опредѣленію искомаго предмета, удовлетворяющаго даннымъ въ первоначальной задачѣ условіямъ. Предложенная задача будетъ, очевидно, рѣшена, если замѣнившая ее новая задача рѣшается непосредственно. Еслижъ эта вторая задача не можетъ быть рѣшена непосредственно, то примѣняя къ ней разсужденія, сдѣланныя по поводу предложенной задачи, получаемъ право замѣнить ее третьею задачею. Каждое рѣшеніе третьей задачи доставитъ рѣшеніе второй задачи, а это послѣднее, въ свою очередь, доставитъ рѣшеніе предложенной задачи. Если полученная такимъ образомъ третья задача не можетъ быть рѣшена непосредственно, то ее на изложенныхъ основаніяхъ замѣняютъ четвертою. Если четвертая задача не рѣшается непосредственно, то ее замѣняютъ пятою, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до задачи, рѣшающейся непосредственно. Всякое рѣшеніе этой послѣдней задачи доставляетъ рѣшеніе предыдущей, это послѣднее доставляетъ, въ свою очередь, рѣшеніе своей предыдущей и т. д. до рѣшенія предложенной задачи.

Не трудно видѣть, что изложенный методъ рѣшенія задачъ по существу совершенно тождественъ съ разсмотрѣннымъ выше методомъ доказательства теоремъ: второстепенныя вышнія различія происходятъ только отъ различія предметовъ, къ которымъ примѣняются эти методы. Изъ этого слѣдуетъ, что оба эти метода представляютъ не болѣе какъ частные случаи одного общаго метода, названнаго древними *анализомъ*. Изложенный методъ рѣшенія задачъ называется *проблематическимъ анализомъ*, въ отличіе отъ разсмотрѣннаго выше *теоретическаго анализа*, какъ метода доказательства теоремъ.

Говоря о теоретическомъ анализѣ, мы ужъ имѣли случай указать и на обиліе предложеній, изъ которыхъ разсматриваемое предложеніе можетъ быть выведено какъ непосредственное слѣдствіе, и также на обусловленную этимъ обиліемъ невозможность общаго рѣшенія вопроса о выборѣ наивыгоднѣйшаго изъ этихъ предложеній, или выражаясь съ большею общностью, — наивыгоднѣйшей цѣли предложеній. Тѣ же самыя явленія имѣютъ мѣсто и въ проблематическомъ анализѣ, такъ какъ и въ немъ, очевидно, условія или рѣшенія предложенной задачи, также какъ и каждой изъ замѣняющихъ, могутъ вытекать какъ непосредственныя слѣдствія изъ условій или рѣшеній весьма многихъ новыхъ задачъ. Изъ этихъ послѣднихъ однѣ могутъ ускорить и облегчить достиженіе предполагаемой цѣли, то-есть, разрѣшенія предложенной задачи, другія же, напротивъ того — замед-

лить и затруднить его; существуютъ также и такія, которыя дѣлають эту цѣль совсѣмъ недостижимою.

При замѣнѣ разсматриваемой задачи новою могутъ представиться, какъ это можно было замѣтить ранѣе, два главные случая: во-первыхъ, предметы обѣихъ задачъ одни и тѣ же; условія разсматриваемой задачи вытекають какъ необходимыя слѣдствія изъ условій замѣняющей; во-вторыхъ, предметы обѣихъ задачъ различны; рѣшенія разсматриваемой задачи вытекають какъ непосредственныя слѣдствія изъ рѣшеній замѣняющей. Займемся спеціальнымъ разсмотрѣніемъ этихъ случаевъ.

Первый случай. Такъ какъ въ этомъ случаѣ замѣняющая задача всегда выбирается такъ, что условія разсматриваемой задачи вытекають какъ необходимыя слѣдствія изъ условій замѣняющей, то всѣ рѣшенія послѣдней будутъ, очевидно, въ то же время и рѣшеніями первой. Но этими рѣшеніями не всегда исчерпывается все количество рѣшеній, принадлежащихъ разсматриваемой задачѣ: послѣдняя, очевидно, можетъ имѣть также и такія рѣшенія, которыя не удовлетворяють условіямъ замѣняющей. Такимъ образомъ въ-которыя рѣшенія разсматриваемой задачи могутъ не быть рѣшеніями замѣняющей и будутъ, очевидно, потерянны, если изслѣдованіе ограничится только разрѣшеніемъ замѣняющей задачи. Если же разсматриваемая задача не имѣетъ ни одного рѣшенія, не удовлетворяющаго условіямъ замѣняющей задачи, такъ что всѣ рѣшенія первой будутъ въ то же время и рѣшеніями второй, — то разрѣшеніе этой второй задачи вполнѣ исчерпываетъ всѣ рѣшенія первой. Ни потерянныхъ, ни лишннихъ рѣшеній при этомъ, очевидно, не будетъ: рѣшеніе разсматриваемой задачи является совершеннымъ и полнымъ. Условія обѣихъ задачъ въ этомъ случаѣ могутъ быть названы обратными и все сказанное сейчасъ о задачахъ съ такими условіями можетъ быть выражено вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: если разсматриваемая и замѣняющая задачи имѣють обратныя условія, то рѣшенія второй тождественны съ рѣшеніями первой.

Правильность употребленія термина „обратимый“ въ примѣненіи къ настоящему случаю, не очевидная сама по себѣ, пуждается въ подтвержденіи. Необходимо показать, что это примѣненіе вызывается самимъ принципомъ обратимости.

Общій принципъ обратимости, частный случай котораго — принципъ обратимости предложеній — уже былъ представленъ выше, можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: „если есть пред-

метъ А, то есть предметъ В“, и „если есть предметъ В, то есть предметъ А“.

Связь между условіями замѣняемой и замѣняющей задачъ въ томъ случаѣ, когда всѣ рѣшенія замѣняемой задачи удовлетворяютъ условіямъ замѣняющей, можетъ быть схематизирована, какъ не трудно видѣть, слѣдующимъ образомъ: „если есть условія S' замѣняющей задачи, то-есть, предметъ (одинъ или нѣсколько) А, удовлетворяющій какъ имъ самимъ, такъ и условіямъ S замѣняемой задачи; если есть этотъ предметъ (одинъ или нѣсколько) А, то есть и условія S замѣняемой задачи“ и „если есть условія S замѣняемой задачи, то есть предметъ (одинъ или нѣсколько) А, удовлетворяющій какъ имъ самимъ, такъ и условіямъ S' замѣняющей задачи (условіе обратимости); если есть такой предметъ (одинъ или нѣсколько) А, то есть и условія S' замѣняющей задачи“. Не трудно видѣть, что изъ этой схемы, которую также можно представить въ слѣдующемъ видѣ: „если есть S' , то есть А; если есть А, то есть S “, и „если есть S , то есть А; если есть А, то есть S' “,—выводится какъ непосредственное слѣдствіе схема: „если есть S' , то есть S “, и „если есть S , то есть S' “. Такимъ образомъ, условія S и S' оказываются дѣйствительно обратимыми.

Для большей ясности сейчасъ изложеннаго прибавимъ еще одно замѣчаніе, справедливость котораго очевидна. Если существуетъ предметъ, удовлетворяющій какимъ-нибудь условіямъ, то существуютъ и эти условія. Дѣйствительно, по сказанному выше, эти условія всегда вытекаютъ изъ дефиниціи предмета, какъ необходимыя слѣдствія.

Подобно теоретическому анализу, проблематическій анализъ также допускаетъ превращеніе требуемой имъ зависимости между условіями задачъ замѣняемой и замѣняющей: замѣняющая задача можетъ быть выбрана такимъ образомъ, чтобъ ея условія вытекали изъ условій замѣняемой какъ необходимыя слѣдствія. Если, при этомъ, условія обѣихъ задачъ не будутъ обратимы, то явленія, подобныя тѣмъ, которыя мы встрѣтили при изложеніи общаго случая, представляются и въ настоящемъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ рѣшенія разсматриваемой задачи должны удовлетворять условіямъ замѣняющей, какъ необходимыми слѣдствіями условій разсматриваемой задачи; въ то же время, вслѣдствіе предположенія о необратимости условій не всѣ рѣшенія замѣняющей задачи будутъ удовлетворять условіямъ разсматриваемой. Вслѣдствіе того разрѣшеніе замѣняющей задачи дастъ всѣ рѣшенія разсматриваемой задачи, и кромѣ того, одно или нѣсколько рѣшеній, не удовлетворяющихъ этой послѣдней. Такимъ образомъ,

ограничивъ изслѣдованіе только однимъ разрѣшеніемъ замѣняющей задачи, мы найдемъ вмѣстѣ со всѣми рѣшеніями разсматриваемой задачи одно или нѣсколько рѣшеній ей постороннихъ.

Второй случай. Такъ какъ замѣняемая и замѣняющая задачи отличаются другъ отъ друга: въ первомъ случаѣ только отношеніями между искомыми и извѣстными предметами, а во второмъ какъ этими отношеніями, такъ и искомыми предметами одновременно. — то второй случай, очевидно, является естественнымъ обобщеніемъ перваго. Вслѣдствіе того онъ даетъ несравненно большій просторъ и большую свободу въ выборѣ замѣняющей задачи. Обратимость условій во второмъ случаѣ будетъ состоять не въ обратимости только отношеній, какъ въ первомъ случаѣ, но въ обратимости отношеній и искомымъ предметомъ, разсматриваемыхъ совокупно. Поэтому, условія замѣняемой и замѣняющей задачъ въ настоящемъ случаѣ могутъ быть названы обратимыми только тогда, когда всѣ рѣшенія замѣняемой задачи вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ рѣшеній замѣняющей; когда, слѣдовательно, замѣняемая задача не имѣетъ ни одного рѣшенія, не вытекающаго какъ необходимое слѣдствіе изъ рѣшеній замѣняющей. Вѣрность этого опредѣленія можетъ быть легко доказана посредствомъ тѣхъ же приемовъ, какъ и въ первомъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, связь между условіями замѣняемой и замѣняющей задачъ въ разсматриваемомъ случаѣ можетъ быть схематизирована слѣдующимъ образомъ: „Если есть условія S' замѣняющей задачи, то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) A , удовлетворяющій этимъ условіямъ; если есть предметъ (одинъ или нѣсколько) A , то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) B , удовлетворяющій условіямъ S замѣняемой задачи; если есть этотъ предметъ (одинъ или нѣсколько) B , то есть и условія S замѣняемой задачи“, и „если есть условія S замѣняемой задачи, то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) B , удовлетворяющій этимъ условіямъ; если есть предметъ (одинъ или нѣсколько) B , то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) A , удовлетворяющій условіямъ S' замѣняющей задачи ¹⁾ (условіе обратимости); если есть этотъ предметъ (одинъ или нѣсколько) A , то есть и условія S' замѣняющей задачи“. Не трудно видѣть, что изъ этой схемы,

¹⁾ Это предложеніе нуждается въ поясненіи. Если условія, опредѣляющія предметъ B , вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ дефиниціи предмета A , то и обратно, какъ это слѣдуетъ изъ самаго понятія дефиниціи предмета, изъ дефиниціи предмета B будутъ вытекать условія, опредѣляющія предметъ A .

которую также можно представить въ слѣдующемъ видѣ: „если есть S' , то есть A ; если есть A , то есть B ; если есть B , то есть S'' , и „если есть S , то есть B ; если есть B , то есть A ; если есть A , то есть S'' “, выводится какъ непосредственное слѣдствіе схема: „если есть S' , то есть S'' , и „если есть S , то есть S'' “. Такимъ образомъ, условія S и S' оказываются дѣйствительно обратимыми, что и нужно было доказать. Затѣмъ, всѣ другія заключенія, сдѣланныя по поводу перваго случая, примѣняются безъ измѣненія и ко второму случаю.

Предыдущія изслѣдованія даютъ намъ весьма важное указаніе, которое необходимо весьма имѣть въ виду при выборѣ замѣняющей задачи; именно—эту послѣднюю нужно всегда стараться выбрать такъ, чтобъ ея условія были обратимы съ условіями замѣняемой задачи, такъ такъ, по предыдущему, только въ этомъ одномъ случаѣ мы можемъ считать себя вполне застрахованными какъ отъ потери нѣкоторыхъ изъ рѣшеній предложенной задачи, такъ и отъ полученія рѣшеній ея постороннихъ, и вслѣдствіе того, приобретаемъ увѣренность, что, найдя всѣ рѣшенія замѣняющей задачи, непосредственно затѣмъ найдемъ всѣ рѣшенія замѣняемой задачи. Конечно, въ большинствѣ случаевъ бываетъ весьма трудно найти замѣняющую задачу, удовлетворяющую изложенному требованію, но не найдя такой и воспользовавшись какою-нибудь другою, всегда должно помнить, что найденное разрѣшеніе вопроса, вообще говоря, недостаточно: между полученными рѣшеніями могутъ или находиться нѣкоторыя постороннія, или же отсутствовать нѣкоторыя изъ принадлежащихъ разсматриваемой задачѣ. Чтобъ устранить постороннія рѣшенія или открыть потерянные—необходимо особое изслѣдованіе.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію примѣровъ проблематическаго анализа, мы должны еще указать на весьма замѣчательный родъ вопросовъ, примѣненіе анализа къ рѣшенію которыхъ весьма много содѣйствовало поддержанію и укрѣпленію невѣрнаго взгляда древнихъ на сущность анализа, отождествлявшихъ его съ понятіемъ „разложенія“. Дѣло идетъ о вопросахъ, способныхъ къ разложенію на простѣйшіе вопросы. Разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ, очевидно, должно начинаться съ разложенія ихъ на эти простѣйшіе вопросы. Выгодность такого разложенія совершенно очевидная въ случаѣ, если эти простѣйшіе вопросы независимы другъ отъ друга и могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, не можетъ быть сомнительною также и въ томъ случаѣ, когда они зависямы другъ отъ друга и могутъ быть разсматриваемы только вмѣстѣ, такъ какъ простое вопро-

сы, вообще говоря, приводятся къ еще болѣе простымъ съ несравненно болѣею легкостью, чѣмъ содержащій ихъ всѣхъ сложный вопросъ.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ проблематическаго анализа. Но прежде, для болѣе ясной послѣдующаго изложенія, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Замѣняющія задачи, для болѣе опредѣленности рѣчи, могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) замѣняющія и 2) замѣщаемыя. Къ первому разряду принадлежатъ такія изъ замѣняющихъ задачъ, которыя имѣютъ одинъ и тотъ же искомый предметъ съ замѣняемою задачей, а ко второму—тѣ, которыя имѣютъ съ этою задачей разные искомыя предметы. Правильность такого дѣленія видна изъ того соображенія, что первыя дѣйствительно замѣняютъ предложенную задачу, тогда какъ вторыя, не замѣняя сами предложенной задачи, даютъ только возможность замѣнить ее, или тотчасъ же, или послѣ болѣе или меньшаго числа промежуточныхъ задачъ задачею, рѣшеніе которой уже извѣстно.

Первый примѣръ. Отецъ, по духовному завѣщанію, назначаетъ: старшему сыну, выдать 100 руб. и пятую часть остатка всего наследства, второму 200 руб. и пятую часть оставшейся затѣмъ суммы, третьему 300 руб. и пятую часть оставшейся затѣмъ суммы и т. д. Оказывается, что всѣ сыновья получили поровну, и что все имущество раздѣлено между ними. Сколько было сыновей? ¹⁾

Такъ какъ все наследство было раздѣлено поровну, между сыновьями, то искомое число сыновей, очевидно, найдется, если будетъ узнано, сколько разъ доля одного изъ братьевъ содержится во всемъ имуществѣ. Для рѣшенія этого вопроса необходимо опредѣлить имущество отца и величину доли каждаго изъ сыновей. Изъ этого слѣдуетъ, что предложенный вопросъ можетъ быть разложенъ на два зависимые другъ отъ друга вопроса: опредѣлить имущество отца и узнать величину доли каждаго изъ сыновей. Найдемъ сперва имущество отца.

Старшій сынъ получилъ 100 руб. и пятую часть того, что осталось, то-есть, пятую часть всего имущества безъ пятой части 100 р., или что то же самое, безъ 20 руб. Такимъ образомъ, доля старшаго сына содержала 80-ью рублями болѣе пятой части всего имущества. Для другихъ сыновей, слѣдовательно, останутся четыре пятыхъ всего имущества безъ 80 рублей. Второй сынъ получилъ 200 руб. и пятую

¹⁾ Давидовъ. Начальная алгебра. Изданіе второе, стр. 131.

часть оставшагося, то-есть, четыре пятыхъ всего имущества безъ 280 руб., что составитъ вмѣстѣ сумму на 144 рубля бѣльшую $\frac{4}{25}$ всего имущества. По условію задачи доли старшаго и втораго братьевъ должны быть равны. Такимъ образомъ, разсматриваемую задачу можно замѣнить слѣдующею, всѣ условія которой вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій предложенной:

Найти число, пятая часть котораго, сложенная съ 80, равняется $\frac{4}{25}$ себя самаго, сложеннымъ съ 144.

Такъ какъ эта задача, имѣя только одно рѣшеніе, не можетъ представить рѣшеній, не удовлетворяющихъ условіямъ предложенной задачи, то обѣ онѣ обратимы.

Такъ какъ равенство двухъ чиселъ не измѣняется при уменьшеніи ихъ на одно и то же число, то мы можемъ уменьшить каждое изъ нашихъ чиселъ на 80 и на $\frac{4}{25}$ неизвѣстнаго числа: тогда оказывается, что разсматриваемая задача можетъ быть замѣнена слѣдующею, всѣ условія которой вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій разсматриваемой:

Найти число, $\frac{1}{25}$ котораго составляетъ число 64.

Не трудно видѣть, что эта задача и предыдущая удовлетворяютъ условію обратимости. Найденная вновь задача разрѣшается непосредственно черезъ умноженіе числа 64 на 25, что даетъ число 1600. Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ, очевидно, одинъ и тотъ же предметъ удовлетворяетъ условіямъ каждой изъ трехъ приведенныхъ задачъ, то оказывается, что искомое имущество отца содержало 1600 рублей.

Обратимся теперь къ разрѣшенію второй задачи, то-есть, къ опредѣленію величины доли каждаго изъ сыновей по узанному имуществу отца. Такъ какъ, по условію задачи, эти доли равны, то достаточно опредѣлить долю только одного изъ братьевъ, на примѣръ, старшаго. Выше было найдено, что эта доля содержала 80-ю рублями болѣе $\frac{1}{5}$ всего имущества. Все же имущество содержало 1600 р.; $\frac{1}{5}$ его, слѣдовательно, будетъ содержать 320 руб. И такъ, разсматриваемую задачу можно замѣнить слѣдующею, всѣ условія которой вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій разсматриваемой:

Найти число, равное суммѣ двухъ чиселъ 80 и 320.

Эта задача и разсматриваемая, очевидно, обратимы. Складывая число 80 и 320, мы получаемъ число 400, которое и представитъ рѣшеніе замѣняющей задачи, а такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ

удовлетворяетъ условіямъ замѣняемой и замѣняющей задачъ, то мы должны заключить, что искомая доля старшаго сына содержала 400 рублей.

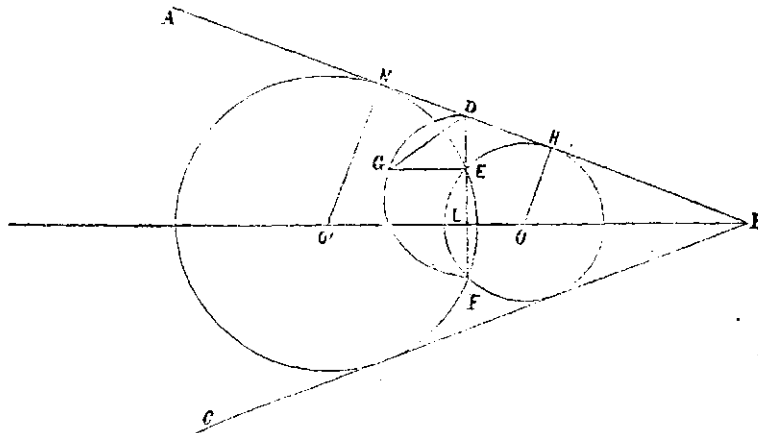
Опредѣливъ имущество отца и долю каждаго изъ сыновей, мы можемъ приступить къ рѣшенію предложенной задачи. Такъ какъ искомое число сыновей найдется, если мы узнаемъ сколько разъ содержится доля одного изъ братьевъ во всемъ имуществѣ отца, то предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею, всѣ условія которой вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій предложенной задачи:

Найти число, показывающее сколько разъ содержится число 400 въ числѣ 1600.

Эта задача и замѣняемая ею предложенная, очевидно, обратимы. Раздѣливъ число 1600 на число 400, мы получимъ число 4, которое и представитъ рѣшеніе замѣняющей задачи; а такъ какъ условіямъ замѣняемой и замѣняющей задачъ удовлетворяетъ одинъ и тотъ же предметъ, то искомое число сыновей есть 4.

Второй примѣръ. Черезъ данную внутри угла точку провести окружность касательную къ сторонамъ этого угла.

Фиг. 2.

Положимъ, что задача рѣшена, и искомая окружность найдена. Такъ какъ эта окружность касательная къ сторонамъ АВ и ВС даннаго угла, то центръ этой окружности долженъ лежать на линіи,

дѣлящей данный уголъ пополамъ. Если изъ данной точки E опустимъ на эту линію перпендикуляръ EL и на продолженіи его отложимъ длину LE , равную длинѣ EL , то по свойству хорды перпендикулярной къ радіусу, точка F будетъ лежать на окружности. Вслѣдствіе этого предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею: Черезъ точки E и F провести окружность касательную къ данной прямой AB .

Эта задача можетъ быть названа замѣняющею, такъ какъ она имѣетъ съ предложенною задачей одинъ и тотъ же предметъ. Всѣ условія новой задачи вытекаютъ изъ условій предложенной какъ необходимыя слѣдствія.

Принимая новую задачу рѣшенною, продолжимъ линію EF до пересѣченія съ данною линіею AB . Тогда на основаніи извѣстнаго свойства касательной найдемъ, что линія DN есть средняя пропорціональная между линіями DF и DE . Это замѣчаніе даетъ намъ возможность опредѣлять точку касанія N . Поэтому рассматриваемая задача можетъ быть замѣнена слѣдующею:

Найти среднюю пропорціональную между двумя данными линіями DF и DE .

Эта задача и замѣщаемая имѣютъ различныя предметы, и потому мы здѣсь встрѣчаемся съ примѣромъ замѣщающихъ задачъ. Всѣ условія замѣщающей задачи вытекаютъ изъ условій замѣщенной задачи какъ необходимыя слѣдствія.

Такъ какъ хорда, соединяющая конецъ діаметра съ точкою круга, изъ которой опущенъ перпендикуляръ на діаметръ, есть средняя пропорціональная между всѣмъ діаметромъ и прилежащимъ отрѣзкомъ, то рассматриваемая задача будетъ рѣшима при посредствѣ слѣдующаго построенія: На линіи DF какъ на діаметръ описываемъ полуокружность; изъ точки E возставляемъ перпендикуляръ къ діаметру и продолжаемъ его до пересѣченія съ полуокружностью; хорда GD будетъ искомою линіею. Отложивъ найденную длину вправо отъ точки D , мы получимъ точку касанія N искомага круга. Но найденная длина можетъ быть отложена также и влѣво отъ D , вслѣдствіе чего найдется точка X , которая, очевидно, будетъ служить точкою касанія для нѣкотораго другаго круга, также удовлетворяющаго всѣмъ условіямъ замѣщенной задачи и потому представляющаго второе рѣшеніе послѣдней.

Найдя такимъ образомъ третью точку искомага круга, мы ви-

димъ, что замѣщенная сейчасъ задача можетъ быть *замѣнена* слѣдующею:

Провести окружность черезъ три данныя точки F, E и H. Всѣ условія замѣняемой задачи, очевидно, вытекаютъ изъ условій новой задачи, какъ необходимыя слѣдствія.

Основываясь на извѣстномъ свойствѣ хорды перпендикулярной къ радиусу, мы найдемъ центръ круга въ точкѣ пересѣченія O линіи BL, дѣлящей данный уголъ пополамъ, съ перпендикуляромъ къ линіи HE, проведенномъ черезъ ея средину. Точно такимъ же образомъ мы можемъ найти центръ другаго круга, представляющаго, какъ мы видѣли, второе рѣшеніе предложенной задачи. Опредѣливъ центръ искомаго круга, мы можемъ безъ труда опредѣлить радиусъ этого круга и такимъ образомъ получить въ свое распоряженіе все, что нужно для построенія круга по извѣстному способу.

Третій примѣръ. Найти точку, изъ которой данная прямая видима подъ даннымъ угломъ.

Положимъ, что данный уголъ содержитъ n° , при чемъ $n < 180$. Зная, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, мы можемъ заключить, что въ равнобедренномъ треугольникѣ, въ которомъ основаніе есть данная прямая, а каждый изъ угловъ, прилежащихъ основанію, равенъ $90 - \frac{n^\circ}{2}$, вершина третьяго угла представляетъ искомую точку. Такимъ образомъ предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею:

Построить треугольникъ по сторонамъ и прилежащимъ къ ней двумъ равнымъ угламъ, изъ которыхъ каждый содержитъ $90 - \frac{n^\circ}{2}$.

Всѣ условія предложенной задачи, очевидно, вытекаютъ изъ условій замѣняющей, какъ необходимыя слѣдствія.

Построивъ требуемый треугольникъ по извѣстнымъ правиламъ, мы найдемъ искомую точку. Но не трудно видѣть, что кромѣ этой точки, будутъ еще и другія, удовлетворяющія условіямъ предложенной задачи. Въ самомъ дѣлѣ, всякій треугольникъ, въ которомъ одна изъ сторонъ есть данная прямая, а сумма прилежащихъ къ ней угловъ равна $180 - n^\circ$, дастъ точку, вполне удовлетворяющую условіямъ предложенной задачи. Отсюда слѣдуетъ, что предложенная и замѣняющая задачи необратимы и что ограничиться рѣшеніемъ, даваемымъ замѣняющею задачею, значитъ потерять безчисленное множество рѣшеній предложенной задачи.

Четвертый примѣръ. По данной гипотенузѣ и данной суммѣ высоты и обоихъ катетовъ опредѣлить эти катеты и высоту ¹⁾.

Положимъ, что число a выражаетъ длину данной гипотенузы, число s — данной суммы, числа x и y — искомымъ катетовъ, и наконецъ, число z — искомой высоты. Условія задачи приводятъ насъ непосредственно къ уравненію

$$1) \quad x + y + z = s,$$

а при посредствѣ извѣстныхъ свойствъ прямоугольнаго треугольника къ уравненіямъ:

$$2) \quad xy = az$$

$$3) \quad x^2 + y^2 = a^2$$

Такимъ образомъ предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею:

Опредѣлить величины x , y и z , удовлетворяющія уравненіямъ (1), (2) и (3).

Всѣ условія этой задачи вытекаютъ изъ условій предложенной какъ необходимы слѣдствія.

Видъ уравненій (1), (2) и (3) позволяетъ ввести въ процессъ ихъ разрѣшенія весьма важныя упрощенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, въ квадратномъ уравненіи вида $x^2 + px + q = 0$ сумма обоихъ корней есть $-p$, ихъ произведеніе q и сумма ихъ квадратовъ $p^2 - 2q$. Поэтому, пользуясь получаемыми изъ уравненій (1) и (2) выраженіями суммы и произведенія x y черезъ z , мы заключаемъ что искомыя величины x и y будутъ корнями уравненія.

$$4) \quad u^2 - (s-z)u + az = 0$$

Сумма квадратовъ корней этого уравненія есть

$$\bullet \quad (s-z)^2 - 2az$$

въ то же время, по уравненію (3) она есть a^2 . Такимъ образомъ получаемъ уравненіе

$$5) \quad (s-z)^2 - 2az = a^2$$

или

$$z^2 - 2(s+a)z + s^2 - a^2 = 0$$

¹⁾ *Dahamel.* Des méthodes dans les sciences de raisonnement. Troisième partie. P, 33.

опредѣляющее z . Разрѣшивъ его, получимъ

$$z_1 = s + a + \sqrt{2as + 2a^2}$$

$$z_2 = s + a - \sqrt{2as + 2a^2}$$

Первое изъ этихъ рѣшеній не удовлетворяетъ условіямъ предложенной задачи, такъ какъ оно даетъ для искомой высоты треугольника величину бѣльшую $s + a$, что, очевидно, не можетъ имѣть мѣста. Вслѣдствіе того первое рѣшеніе будетъ *постороннимъ* для предложенной задачи, а сама эта задача и замѣняющая ее будутъ необратимы. Что же касается до втораго рѣшенія, то оно вполне удовлетворяетъ условіямъ предложенной задачи, и будучи введено въ уравненіе (4), приводитъ его къ такому виду:

$$u^2 + (a - \sqrt{2as + 2a^2})u + a^2 + as - a\sqrt{2as + 2a^2} = 0$$

Оба корня этого новаго уравненія представляютъ искомыя значенія x и y .

Разсмотрѣніе примѣровъ проблематическаго анализа даетъ намъ возможность заключить, что необратимость условій задачъ имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ (Для сокращенія рѣчи въ послѣдующемъ изложеніи условимся называть *производною* ту задачу, всѣ условія которой вытекаютъ изъ условій другой задачи, которую мы назовемъ *производящею*, какъ необходимыя слѣдствія):

Первый случай—если какое-нибудь условіе производной задачи вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ различныхъ условій или комплексовъ условій. Примѣромъ этого случая можетъ служить третій примѣръ, гдѣ условіе, что уголъ между лучами зрѣнія содержитъ n° , можетъ выводиться какъ изъ условія замѣщающей задачи, такъ и изъ другихъ условій, выражающихъ вообще, что сумма угловъ, прилежащихъ данной прямой въ треугольникѣ, есть $180 - n^\circ$.

Второй случай—если два различные, иногда даже несомвѣстные, комплекса условій, изъ которыхъ одинъ входитъ въ производящую задачу, приводятъ къ одному и тому же слѣдствію. Примѣромъ этого случая можетъ служить четвертый примѣръ, гдѣ уравненіе (5) можетъ быть выведено, кромѣ найденныхъ условій, также и изъ условій: $x + y + s = z$, $xy = az$, $x^2 + y^2 = a^2$.

Если, взявъ за исходную точку какое-нибудь извѣстное предложеніе, мы послѣдовательно отыщемъ сперва—предложеніе, составляющее необходимое слѣдствіе взятаго предложенія, потомъ—пред-

ложеніе, составляющее необходимое слѣдствіе найденнаго, потомъ— предложеніе, составляющее необходимое слѣдствіе втораго найденнаго и т. д., то вообще говоря, между многими уже извѣстными предложеніями могутъ также оказаться и предложенія новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, истина которыхъ утверждается истиною перваго предложенія. Это наблюденіе обнаруживаетъ намъ существованіе другаго естественнаго метода открытія новыхъ истинъ—метода, названнаго древними *синтезомъ*. Всмотриваясь ближе въ сущность синтеза, мы замѣчаемъ, что онъ есть ничто иное какъ обращеніе анализа. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ цѣпь предложеній, составляющую аналитическое доказательство какого-нибудь новаго предложенія, и обратимъ ее такъ, чтобы послѣднее, извѣстное, предложеніе стало на первомъ мѣстѣ, предпоследнее на второмъ и т. д., и наконецъ, первое, доказываемое предложеніе на послѣднемъ, то мы получимъ цѣпь, первое звено которой есть извѣстное предложеніе, каждое изъ остальныхъ звеньевъ—необходимое слѣдствіе предшествующаго звена, и наконецъ, послѣднее звено—доказываемое новое предложеніе: такая цѣпь есть, несомнѣнно, синтетическая.

Синтезъ, какъ это легко видѣть по самой его сущности, можетъ быть приложенъ къ отысканію только такихъ новыхъ истинъ, которыя заранѣе не обозначены. Что же касается до предложеній, обозначенныхъ заранѣе, то первоначальное доказательство ихъ путемъ синтеза должно быть признано совершенно невозможнымъ. Синтетическое доказательство такихъ предложеній можетъ быть дано (если не обращать вниманія на слѣбую случайность) не равнѣе какъ послѣ отысканія аналитическаго доказательства. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить анализъ съ синтезомъ. Доказывая данное предложеніе аналитическимъ путемъ, мы всегда имѣемъ въ самомъ этомъ предложеніи точку исхода для всѣхъ послѣдующихъ разсужденій. Не то при употребленіи синтеза: тамъ мы не имѣемъ опредѣленной точки исхода, такъ какъ совершенно не знаемъ, какое изъ извѣстныхъ предложеній можетъ привести къ предложенію доказываемому: только случай можетъ натолкнуть насъ послѣ большаго или меньшаго числа безплодныхъ попытокъ на нужное предложеніе. Это свойство синтеза должно быть признано весьма важнымъ его недостаткомъ. Что же касается до испытываемаго при анализѣ затрудненія, какому изъ многихъ предложеній, приводящихъ къ разсматриваемому предложенію, какъ къ своему необходимому слѣдствію, должно отдать предпочтеніе при выборѣ замѣняющаго предложенія, то подоб-

ное ему имѣеть мѣсто также и при синтезѣ,—такъ какъ даже и послѣ открытія нужнаго предложенія мы еще не будемъ знать, какое изъ множества вытекающихъ изъ него слѣдствій приводитъ къ доказываемому предложенію. Такимъ образомъ, кромѣ своего собственнаго весьма важнаго недостатка, синтезъ имѣеть еще и недостатокъ свойственный анализу. Существованіе обоихъ этихъ недостатковъ, и въ особенности перваго, очевидно, дѣлають безнадежными всякія попытки приложенія синтеза къ доказательству заранѣе обозначенныхъ предложеній. За то, зная аналитическое доказательство какого-нибудь предложенія, мы, на основаніи доказаннаго выше свойства синтеза, можемъ безъ труда получить синтетическое доказательство того же предложенія путемъ обращенія аналитическаго доказательства.

Доказанное сейчасъ замѣчаніе о необходимости аналитическаго доказательства даннаго предложенія для отысканія его синтетическаго доказательства относится рѣшительно ко всѣмъ случаямъ, не исключая даже и тѣхъ простѣйшихъ, для которыхъ синтетическое доказательство, по видимому, отыскивается безъ всякаго участія анализа. Кажущееся нарушеніе общаго правила въ этихъ случаяхъ происходитъ единственно отъ того, что при нахожденіи синтетическаго доказательства, въ умѣ незамѣтнымъ вслѣдствіе простоты вопроса образомъ слагается, можетъ быть, даже неполное, аналитическое доказательство, указывающее—какое изъ извѣстныхъ предложеній нужно взять за исходную точку и какими слѣдствіями воспользоваться далѣе.

Неприложимость синтеза къ доказательству заранѣе обозначенныхъ предложеній даетъ намъ право заключить а priori, что употребленіе синтеза вообще и сознательное его употребленіе въ особенности должно было въ исторіи науки значительно предшествовать употребленію анализа,—такъ какъ первое время своего развитія при скудости научныхъ знаній и собственной неразвитости умъ человѣческой не былъ въ состояніи ставить себѣ вопросы; онъ бралъ только то и работалъ только надъ тѣмъ, что ему представлялось само собою.

При передачѣ другимъ доказательства какого-нибудь предложенія, часто замѣняютъ аналитическое доказательство его обращеніемъ—синтетическимъ доказательствомъ. Нельзя сказать, чтобъ этотъ пріемъ, хотя онъ и весьма употребителенъ, давалъ какія-нибудь особенныя выгоды. Дѣйствительно, при его употребленіи слушающій всегда остается въ невѣдѣніи, какія причины заставили выбрать то, а не

другое изъ извѣстныхъ предложеній, то, а не другое изъ возможныхъ слѣдствій. Незнаніе этихъ причинъ, конечно, должно ложиться тяжелымъ бременемъ на память, заставляя ее дѣлать усилія тамъ, гдѣ вполне можно было бы обойтись безъ нихъ. Единственная выгода, достигаемая посредствомъ указаннаго приема, состоитъ въ томъ, что выводить слѣдствія вообще легче, чѣмъ находить предложеніе, изъ котораго разсматриваемое вытекаетъ какъ необходимое слѣдствіе. Но эта выгода, незначительная сама по себѣ, становится совершенно недействительною, когда имѣютъ дѣло съ аналитическимъ доказательствомъ, выражаемымъ цѣлью предложеній обращенной зависимости.

Рѣшеніе задачъ посредствомъ синтеза производится совершенно такимъ же образомъ, какъ и доказательство предложеній; сперва берется задача, которую умѣютъ рѣшить, потомъ изъ ея рѣшенія выводятъ рѣшеніе замѣняющей задачи, изъ этого рѣшенія — рѣшеніе слѣдующей замѣняющей задачи и т. д., пока не получаютъ рѣшенія новой задачи. Отсюда не трудно заключить, что проблематическій синтезъ, также какъ и теоретическій, во первыхъ, есть обращеніе анализа, и во вторыхъ, можетъ быть приложенъ только къ рѣшенію задачъ, заранее не обозначенныхъ. Затѣмъ, всѣ прочія замѣчанія и заключенія, сдѣланныя при разсмотрѣніи теоретическаго синтеза, вполне могутъ быть приложены также и къ проблематическому. Что же касается до примѣровъ синтеза, то ими могутъ служить разсмотрѣнные выше примѣры анализа въ обращенномъ видѣ.

При рѣшеніи предложенныхъ задачъ аналитическимъ путемъ можетъ быть иногда съ большою пользою употребленъ синтезъ, какъ вспомогательное средство. Именно — можно заранее вывести изъ извѣстныхъ предложеній рѣшеніе одного или нѣсколькихъ вопросовъ, представляющихъ какую-нибудь аналогію съ предложеннымъ или подающимъ надежду быть встрѣченными при составленіи аналитической цѣли вопросовъ. Въ первомъ случаѣ могутъ быть получены важныя указанія, во второмъ — полное рѣшеніе предложеннаго вопроса. Изложенное примѣненіе синтеза имѣло весьма большое распространеніе въ древности и подъ именемъ „Данныхъ“ (Data) составляло предметъ отдѣльныхъ сочиненій.

Доказательство предложенныхъ теоремъ, очевидно, также допускаетъ указанное сейчасъ примѣненіе синтеза.

Разсмотрѣнная теорія анализа и синтеза, по своей общности, строгости и опредѣленности рѣзко отличающаяся отъ предшество-

вавшихъ ей теорій тѣхъ же двухъ методовъ, впервые была представлена Дюгамелемъ въ его превосходномъ сочиненіи: „Des méthodes dans les sciences de raisonnement“. И до него нѣкоторые изъ писавшихъ о томъ же предметѣ (Пашъ Александрійскій, Арно, авторъ „Logique de Port-Royal“¹⁾) близко подходили къ истинѣ, но по непонятной причинѣ, не останавливались на ней и уходили прочь, какъ бы не желая расстаться съ привычными заблужденіями. Все, что они приобрѣтали въ этомъ случаѣ отъ встрѣчи съ истиной, высказывалось ими въ формѣ случайныхъ мыслей, брошенныхъ мимоходомъ и притомъ безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Этимъ, понятно, еще болѣе усиливались свойственныя имъ неточность и туманность изложенія. Указывая на этотъ фактъ, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на немъ, такъ какъ онъ весьма подробно разсмотрѣнъ въ первой части названнаго выше сочиненія Дюгамеля. Гораздо лучше будетъ перейти къ разсмотрѣнію современныхъ взглядовъ на анализъ и синтезъ, частью распространенныхъ въ образованномъ обществѣ, частью перешедшихъ или грозящихъ перейти даже въ учебники. Эти взгляды, за исключеніемъ одного, совсѣмъ не разсмотрѣны въ сочиненіи Дюгамеля, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ они слишкомъ сильны, чтобъ ихъ игнорировать и считать безвредными для распространенія истинныхъ понятій о предметѣ.

Взглядъ Кондильяка на анализъ если не породилъ, то во всякомъ случаѣ весьма много содѣйствовалъ распространенію и укрѣпленію въ обществѣ и литературѣ того невѣрнаго понятія объ анализѣ, какъ о „разложеніи“, „разборѣ“²⁾, на которое мы уже указывали выше. По мнѣнію Кондильяка, анализъ состоитъ въ разложеніи цѣлаго на его простѣйшія части. Если дѣло идетъ о познаніи предмета, то по Кондильяку, цѣль достигнется, когда будутъ знать составныя части этого предмета, и когда, кромѣ того, пользуясь приобрѣтеннымъ знаніемъ составныхъ частей, будутъ въ состояніи сформировать изъ нихъ въ умѣ изучаемый предметъ. „Анализировать значитъ наблюдать въ послѣдовательномъ порядкѣ качества предмета съ цѣлью дать имъ въ умѣ тотъ самый порядокъ, въ ко-

¹⁾ *Duhamel. Des méthodes dans les sciences de raisonnement. Première partie, p. 75—78.*

²⁾ Это невѣрное понятіе встрѣчается даже и въ учебникахъ, напримѣръ, въ «Начальной алгебрѣ» *A. Лева* (см. изданіе второе, часть первая, стр. 60). *

торомъ они существуютъ въ дѣйствительности. Это есть именно то, что природа насъ всѣхъ заставляетъ дѣлать. Анализъ, который считаютъ извѣстнымъ только философамъ, такимъ образомъ извѣстенъ всѣмъ. Нѣтъ никого даже и изъ самыхъ незначительныхъ портнихъ, кто не убѣждалъ бы въ этомъ: потому что, если вы, давъ для образца платье особенной формы, закажете портнихамъ сдѣлать такое же, то онѣ естественнымъ образомъ придутъ къ мысли распоротъ и снова шить этотъ образецъ, чтобы научиться шить заказанное вами платье. И такъ, онѣ знаютъ анализъ также хорошо, какъ и философы; но онѣ понимаютъ его пользу гораздо лучше тѣхъ, которые упорствуютъ въ увѣренности, что есть другой методъ для того, чтобы научиться“¹⁾. Эти слова Кондильяка съ полною ясностью показываютъ, что анализъ его есть ничто иное, какъ грубо-эмпирическій, почти механическій методъ изученія готоваго, находящагося въ рукахъ или передъ глазами предмета. Этотъ методъ, очевидно, никогда не приведетъ къ открытію умозрительной истины; самое большее—если онъ наведетъ на ея слѣдъ; точно также онъ совершенно лишенъ способности дать рѣшеніе умозрительной задачи, такъ какъ послѣдняя имѣетъ дѣло съ предметомъ еще неизвѣстнымъ и потому неспособнымъ къ непосредственному разсматриванію. Единственная роль, которая можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выпасть на долю анализа Кондильяка при рѣшеніи умозрительныхъ вопросовъ, ограничивается приготовленіемъ къ этому рѣшенію, состоявшимся, какъ было показано выше, въ разложеніи (если оно возможно) вопроса на простѣйшіе вопросы.

Не считая пужнымъ долѣе останавливаться на взглядахъ Кондильяка, имѣющихъ отношеніе къ занимающему насъ предмету, отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними подробнѣе къ первой части „Des méthodes dans les sciences de raisonnement“ Дюгамеля.

Всѣма распространеннымъ можетъ считаться также мнѣніе, подразумѣвающее подъ анализомъ способъ рѣшать математическія задачи или доказывать предложенія посредствомъ вычисленій (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ посредствомъ уравненій), а подъ синтезомъ — употребленіе съ тою же цѣлью построеній и вообще геометрическихъ приемовъ²⁾. Все изложенное до сихъ поръ служитъ такимъ полнымъ,

¹⁾ *Duhamel*. Des méthodes dans les sciences de raisonnement. Première partie, p. 60.

²⁾ *Буяковскій*. Программа и конспектъ начальной геометріи для руководства

и главное, такимъ очевиднымъ опроверженіемъ приведеннаго мнѣнія, что остававливаться на подробномъ разборѣ послѣдняго не представляется никакой надобности: достаточно сдѣлать только нѣкоторые историко-библиографическія замѣчанія. Разсматриваемое мнѣніе, рѣдко высказываемое открыто и очень часто подразумеваемое, появилось въ наукѣ, по словамъ Кондорсе ¹⁾, со времени переворота, совершеннаго въ наукѣ Декартомъ. Упроченное традиціей и слабымъ распространеніемъ знаній по философіи и исторіи математики, оно и въ настоящее время встрѣчается иногда въ учебникахъ и справочныхъ книгахъ ²⁾, и вслѣдствіе того, еще долгое время обѣщаетъ быть препятствіемъ для распространенія истинныхъ понятій о предметѣ.

Выше мы уже имѣли случай упомянуть, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, „аналитическій способъ есть такой видъ умствованія, въ которомъ предполагаютъ найденнымъ то, что надобно доказать, и на этомъ уже основаніи выводятъ различныя слѣдствія, пока не дойдутъ до истины, очевидной самой по себѣ или доказанной прежде“ ³⁾. Это опредѣленіе приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Вопервыхъ, если имѣютъ дѣло съ обратимыми предложеніями, то разсматриваемый способъ есть ничто иное, какъ подробно изложенный выше частный случай анализа. Свойства этого послѣдняго вполне подтверждаютъ справедливость сдѣланнаго заключенія.

Во вторыхъ, если имѣютъ дѣло съ предложеніями необратимыми, то разсматриваемый способъ теряетъ всякое положительное значеніе. Дѣйствительно, выше было нами показано, что при необратимости предложеній разсматриваемый способъ можетъ имѣть только отрицательное значеніе, такъ какъ, убѣждая въ ложности разсматриваемаго предложенія въ случаѣ появленія ложнаго слѣдствія, онъ не можетъ

въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, стр. 38. Того же автора Лексиконъ чистой и прикладной математики, стр. 28.

¹⁾ Dictionnaire encyclopédique des mathématiques par M. M. d'Alembert etc. Tome second, p. 389—390.

²⁾ Для примѣра можно указать на Hoffmann's Mathematisches Wörterbuch. 1. e Band, S 71.

³⁾ Буяковскій. Программа и конспектъ начальной геометріи для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, стр. 36. То же самое, выраженное въ менѣ ясной и менѣ точной формѣ, см. въ другомъ сочиненіи того же автора: „Лексиконъ чистой и прикладной математики“, стр. 25.

убѣдить въ истинности предложенія при появленіи въ качествѣ слѣдствія истины, уже доказанной.

Довольно обширное распространеніе разсмотрѣннаго сейчасъ миѣнія легко объясняется частымъ употребленіемъ соответствующаго частнаго случая анализа, какъ это уже было своевременно замѣчено.

Въ заключеніе мы считаемъ полезнымъ привести разборъ взглядовъ недавно умершаго тюбингенскаго профессора Германа Ганкеля на синтезъ и теоретическій анализъ. Хотя эти взгляды, по всей вѣроятности, и не успѣли еще распространиться, но извѣстность автора въ наукѣ и особенно въ исторіи математики дѣлаетъ вполне возможнымъ ихъ распространеніе. Къ тому же и уваженіе къ научнымъ заслугамъ автора не должно позволять партизанамъ миѣній, несогласныхъ съ миѣніями автора, проходить мимо этихъ послѣднихъ, какъ бы не удостоивая ихъ своего вниманія.

Приступая къ разсмотрѣнію аналитическаго метода ¹⁾, Ганкель говоритъ: „Это неопредѣленное объясненіе (сущности аналитическаго метода, данное Евклидомъ), оставалось потомъ неизмѣннымъ въ школьныхъ традиціяхъ, и подробныя объясненія позднѣйшихъ писателей едва ли сдѣлали его болѣе понятнымъ. Въ послѣдующемъ я попытался охарактеризовать болѣе точнымъ образомъ сущность аналитическаго метода въ смыслѣ древнихъ и установить притомъ условія, при которыхъ онъ можетъ имѣть мѣсто“ ²⁾. Изъ этихъ словъ нельзя заключить, считаетъ ли авторъ свое послѣдующее изложеніе выясненіемъ сущности аналитическаго метода, разсматриваемаго въ самомъ себѣ, или же только выраженіемъ того представленія этой сущности, которое имѣли древніе; другими словами: думаетъ ли авторъ, что древніе владѣли совершеннымъ вполне исчерпывающимъ предметъ знаніемъ этой сущности, къ которому позднѣйшіе писатели ничего не прибавили или даже и не могли прибавить, или нѣтъ? Общій характеръ всей статьи и полное отсутствіе мѣсть, которыя прямо указывали бы на отрицательное рѣшеніе поставленнаго вопроса, заставляютъ болѣе склоняться на сторону положительнаго рѣшенія. Но независимо отъ этого замѣчанія, вполне достаточно и указанной сейчасъ неопредѣленности, чтобы наложить на критику обязанность разсмотрѣть взгляды автора съ точки зрѣнія каждаго изъ явив-

¹⁾ *Hermann Hankel. Zur Geschichte der Mathematik in Alterthum und Mittelalter*, S. 137.

²⁾ *Ibidem*, SS. 137—138.

шихся предположеній, то-есть, принимая его изложеніе или выраженіемъ сущности анализа, или выраженіемъ представленія этой сущности, какъ его имѣли древніе.

„Чтобы доказать теорему „А есть В“ обыкновенно примѣняютъ синтезъ, который состоитъ въ томъ, что прежде всего, посредствомъ уже доказанныхъ предложеній и признанныхъ аксіомъ, сплочиваютъ рядъ предложеній: А есть D, D есть E...., пока не дойдутъ до предиката F, о которомъ извѣстно, что F есть В. Тогда этотъ рядъ тотчасъ же даетъ заключеніе А есть В, что и требовалось доказать“.

„Древніе для своихъ предложеній или для доказательства правильности построеній постоянно давали такіа синтетическіа доказательства, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ они употребляли апагогическую форму доказательства (*reductio ad absurdum*). Чтобы доказать по этому послѣднему способу, что „А есть В“, поступаютъ такимъ образомъ: принимаютъ, что „А есть не В“, потомъ составляютъ синтетическій рядъ заключеній: не В есть С, С есть D и т. д., пока не дойдутъ до предложенія съ предикатомъ E, которое, будучи соединено съ А въ предложеніе „А есть E“, противорѣчитъ несомнѣнной истинѣ. Поэтому, предложеніе „А есть не В“ не возможно, слѣдовательно, „А есть В“, что и требовалось доказать“.....

„Чтобы добраться до доказательства какъ-нибудь найденнаго или произвести испытаніе представленнаго предложенія, древніе пользовались методомъ, который былъ названъ ими теоретическимъ анализомъ и который состоитъ въ слѣдующемъ:

„Чтобы доказать, что „А есть В“, они прежде всего принимаютъ это предложеніе за признанное, потомъ вводятъ его въ сочетаніе съ другими несомнѣнными предложеніями: „В есть С“, „С есть D“, „D есть E“... и т. д., соединяютъ ихъ въ „А есть С“, „А есть D“..., пока не прійдутъ къ предложенію „А есть E“, которое или ложно, или несомнѣннымъ образомъ относительно соответствующей фигуры А справедливо. Въ первомъ случаѣ представленное предложеніе ложно, а предложеніе „А есть не В“ справедливо; такимъ образомъ мы узнаемъ въ *reductio ad absurdum* случай теоретическаго анализа. Но если предложеніе „А есть E“—справедливо, то оно приведетъ къ синтетическому доказательству разсматриваемаго предложенія, если только будетъ возможно выйти отъ „А есть E“ и затѣмъ соединить въ рядъ заключенія: „E есть D“, „D есть С“, „С есть В“, изъ чего тогда и вытечетъ: „А есть В“. Для этого, какъ не трудно видѣть, однако же не-

обходимо, чтобы всѣ употребленныя въ анализѣ геометрическія предложенія были безусловно обратимы“¹⁾).

Прежде всего нужно замѣтить, что теорія синтеза, данная авторомъ, не достаточно обща. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть синтезъ съ общей точки зрѣнія, эта теорія рассматриваетъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ такой простой формы дедукціи, какова основанная на замѣнѣ одного предмета другимъ ему тождественнымъ. Хотя эта форма и есть одна изъ самыхъ полезныхъ и наиболѣе употребительныхъ въ наукахъ математическихъ, но ограничиться одною ею по меньшей мѣрѣ непрактично, чтобы не сказать ненаучно. Дѣло представится еще въ худшемъ видѣ, если обратить вниманіе на характеръ изложенія, который не только не позволяетъ появиться мысли о существованіи какой-нибудь другой формы дедукціи, кромѣ изложенной, но даже приводитъ мало свѣдущаго читателя къ убѣжденію въ несуществованіи такой формы.

Теоретическій анализъ, по взглядамъ Ганкеля, отличается отъ синтеза только первымъ предложеніемъ, которое для перваго есть предположеніе, а для втораго ужь извѣстная истина. Всѣ остальные предложенія составляютъ совершенно такой же (синтетическій, по словамъ самого автора; см. вышеприведенный параграфъ объ аналогической формѣ доказательства) рядъ умозаключеній, какъ и при синтезѣ; такъ что можетъ явиться сомнѣніе—стоило ли изъ-за одной такой разницы отдѣлять этотъ случай отъ синтеза и принимать его за особый методъ. Также кажется нѣсколько страннымъ, что при своемъ взглядѣ на теоретическій анализъ, авторъ не только излагаетъ теорію аналогическаго способа доказательства отдѣльно отъ анализа, но и дѣлаетъ изъ нея какъ бы переходное звено между синтезомъ и анализомъ.

Достаточно привести себѣ на память нѣсколько аналитическихъ доказательствъ какихъ-нибудь теоремъ, чтобы съ полною очевидностью убѣдиться въ недостаточности, неполнотѣ, и слѣдовательно, въ отсутствіи общности во взглядахъ Ганкеля на анализъ. Изложенная выше общая теорія анализа позволяетъ намъ, не вдаваясь въ подробныя объясненія, прямо заключить, что анализъ Ганкеля есть только одинъ изъ частныхъ случаевъ настоящаго анализа, и именно тотъ, въ которомъ зависимость послѣдовательныхъ предложеній спо-

¹⁾ *Hankel. Zur Geschichte der Mathematik in Alterthum und Mittelalter, SS. 139—141.*

собна къ обращенію. Но при этомъ необходимо замѣтить, что даже и этотъ частный случай представленъ далеко не съ тою общностью, къ которой онъ способенъ, такъ какъ все сказанное выше о синтезѣ Ганкеля можетъ быть вполне примѣнено и къ его анализу. Такимъ образомъ методъ, изложенный Ганкелемъ подъ именемъ теоретическаго анализа, есть не болѣе какъ частный случай частнаго случая настоящаго анализа. Такъ какъ существенное и основное свойство этого частнаго случая состоитъ въ способности послѣдовательныхъ предложеній къ превращенію зависимости, то проглядывающая въ послѣдней изъ выписанныхъ нами фразъ Ганкеля, хотя и не выраженная ясно, мысль, что употребляемыя при его анализѣ геометрическія предложенія могутъ и не быть обратимыми, должна быть признана совершенно ошибочною.

Мысль, что теорія автора есть только выраженіе представленія древнихъ о сущности анализа, также не можетъ долго держаться, такъ какъ, не имѣя за себя прямыхъ свидѣтельствъ, она не избавлена отъ противорѣчащихъ. Дѣйствительно, если и есть возможность согласиться съ авторомъ на устраненіе свидѣтельства Евклида по причинѣ его неопредѣленности и неполноты, то этого никакъ нельзя сдѣлать по отношенію къ столь же неопредѣленному, но болѣе полному свидѣтельству Паппа Александрійскаго, тѣмъ болѣе, что оно заключаетъ въ себѣ слѣдующее, прямо въ разрѣзъ идущее съ разсматриваемою теоріей мѣсто: „In resolutione enim, quod quaeritur ut jam factum supponentes, ex quo antecedente hoc consequatur expendimus: iterumque quodnam fuerit ejus antecedens; atque ita deinceps, usque dum in hunc modum regredientes, in aliquid jam cognitum, locoque principii habitum, incidamus. Atque hic processus Analysis vocatur, quasi dicas, inversa solutio“¹⁾. Эти слова не оставляютъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что древніе, хотя и не имѣли вполне яснаго понятія о сущности анализа, но тѣмъ не менѣе представляли его себѣ совершенно иначе, чѣмъ какъ это слѣдуетъ изъ теоріи Ганкеля.

На основаніи всего сказаннаго, мы получаемъ право заключить, что теорія анализа и синтеза, данная Ганкелемъ, какъ по существу дѣла, такъ и съ исторической точки зрѣнія, должна быть признана недостаточною.

¹⁾ См. седьмую книгу. *Collectiones mathematicae* въ латинскомъ переводѣ Галля. *Diuinitel. Des méthodes dans les sciences de raisonnement.* Première partie, p. 68.

ИЗЪ ПОЪЗДКИ ВЪ ЗАКАВКАЗСКИЙ КРАЙ ЛЪТОМЪ 1877 ГОДА.

Цѣлью моея поѣздки было — собрать на мѣстѣ матеріалы для изученія и изслѣдованія *мингрельскаго языка*.

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ, благодаря трудамъ двухъ ученыхъ — академика А. А. Шифнера и покойнаго барона П. К. Услара, изслѣдованіе горскихъ языковъ Кавказа сдѣлало громадныя успѣхи; можно сказать, что упомянутые изслѣдователи впервые открыли совершенно новый, невѣдомый міръ языковъ лингвистической наукѣ. Это открытіе пролило совершенно новый свѣтъ на этнографію, географію и исторію кавказско-горскихъ народовъ.

Въ настоящее время главные языки Кавказа, за исключеніемъ черкесскаго, изслѣдованы и сдѣланы уже достояніемъ науки. Нельзя того же сказать о языкахъ Закавказья, населеннаго *Грузинскимъ* или *Картвельскимъ* племенемъ. Въ послѣдніе тридцать лѣтъ, напротивъ того, весьма мало было сдѣлано для изслѣдованія языковъ грузинскаго, мингрельскаго, лазскаго и сванетскаго, составляющихъ картвельскую или иверійскую семью языковъ. Между тѣмъ, полное понятіе о характерѣ этихъ родственныхъ языковъ, равно и о характерѣ языка, лежащаго въ основаніи ихъ, можно составить только тогда, когда составятся общій сравнительный словарь и сравнительная грамматика этихъ языковъ, чему, естественно, должно предшествовать изслѣдованіе каждаго изъ нихъ порознь.

Я уже не разъ имѣлъ случай указывать ¹⁾ на грамматическую ли-

---

¹⁾ См. Сравнительный обзоръ морфологій иберійской группы кавказскихъ языковъ. С.-Пб. 1872 г., стр. 49—50.—О предполагаемомъ сродствѣ грузинскаго языка съ видо-европейскими и туранскими языками. *Журн. Мин. Нар. Просв.* сентябрь, 1872 г.—Обзоръ грамматической литературы грузинскаго языка. С.-Пб. 1873 г., стр. 77.

тературу этихъ языковъ, на различныя мнѣнія ученыхъ о ихъ характерѣ и сродствѣ, равно и на то, что теперь предстоитъ сдѣлать въ этой области изслѣдованія; поэтому переходу прямо къ предмету, насъ занимающему.

Я предположилъ себѣ начать изслѣдованіе съ мингрельскаго языка и для этой цѣли сталъ собирать матеріалы: 1) мнѣ прислали нѣсколько пѣсень изъ Мингрелии, впрочемъ не народныхъ; 2) получилъ я положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ вѣрственной зависимости въ Мингрелии, напечатанное (грузинскими буквами) на мингрельскомъ и русскомъ языкахъ; 3) самъ составилъ краткій мингрельско-грузинскій словарь. Весь этотъ матеріалъ я взялъ съ собою лѣтомъ прошлаго 1876 года и во время своего кратковременнаго пребыванія въ Мингрелии успѣлъ поправить и пополнить. Въ продолженіе лѣта текущаго 1877 года я пробылъ въ Мингрелии дольше и проникъ въ глубь страны, пересѣкъ ее въ двухъ направленіяхъ съ юга на сѣверо-западъ и сѣверо-запада на востокъ, по верхне-мингрельской дорогѣ, черезъ мѣстность, называемую „Салипартіано“¹⁾, и такимъ образомъ значительно увеличилъ число текстовъ на мингрельскомъ языкѣ.

Первое, что необходимо опредѣлить при изслѣдованіи языка, не имѣющаго письменности, — это границы его распространенія въ данное время; затѣмъ же должно указать мѣстности, говоръ которыхъ считается у туземцевъ лучшимъ по общедоступности, полнотѣ формъ и благозвучію выговора. Обыкновенно, одинъ изъ такихъ говоровъ полагается въ основаніе изслѣдуемаго языка, всѣ же другіе отступленія и отѣнки, неизбежныя въ каждомъ языкѣ, указываются особо. Такъ было поступлено и мною въ настоящемъ случаѣ. Но опредѣлить въ точности границы языка — задача не легкая, такъ какъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ говорятъ обыкновенно на двухъ языкахъ, на *родномъ* и на *пограничномъ*, и есть мѣстности, въ которыхъ нерѣдко затрудняешься отличить родное отъ неродного, напримѣръ, въ Самурзаканѣ, мѣстности, лежащей между рѣками Ингуромъ и Галидзга, гдѣ одинаково господствуютъ языки мингрельскій и абхазскій. Но въ этихъ затруднительныхъ случаяхъ рѣшающимъ вопросомъ является

¹⁾ Заимствуя географическаго содержанія, о своемъ путешествіи по Мингрелии я передалъ правителю дѣлъ Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества Л. П. Загурскому, который изъявилъ желаніе напечатать ее въ одномъ изъ изданій Общества.

языкъ женщинъ и дѣтей. Языкъ семейства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и родной языкъ даннаго народа. Границы района, занимаемаго мингрельскимъ языкомъ, не вполне совпадаютъ съ географическими и историческими границами бывшаго Мингрельскаго владѣнія. Судя по многимъ даннымъ, область распространенія мингрельскаго языка, должна была быть, въ прежнія времена, гораздо обширнѣе настоящей. На это указываетъ, между прочимъ, множество географическихъ названій чисто мингрельскаго происхожденія, которыя нынѣ остаются за предѣлами мингрельскаго языка. Въ настоящее время происходитъ борьба между имеретинскимъ говоромъ грузинскаго языка и мингрельскимъ языкомъ на юго-восточной сторонѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки Цхенись-цхали, и на сѣверо-востокѣ, хотя слабѣе, съ сванетскимъ языкомъ, въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ Сванетіей: это замѣтно особенно въ окрестностяхъ *Джвари* на р. Ингурѣ, жители котораго говорятъ грубымъ и своеобразнымъ говоромъ, не легкопонятнымъ для прочихъ Мингрельцевъ. На сѣверо-западѣ имѣетъ мѣсто столкнове- ніе между мингрельскимъ и абхазскимъ языками въ Самурзаканѣ, гдѣ у жителей мингрельскій языкъ хоть и считается роднымъ, — женщины и дѣти говорятъ на немъ, — но мужчины говорятъ и по абхазски. Въ настоящее время мингрельскій языкъ господствуетъ приблизительно въ слѣдующихъ предѣлахъ: юго-восточною границей можетъ считаться р. Цхенись-цхали, западною — Черное море, сѣверо-западною — рѣка Глайдзга (значитъ „берегъ рѣки“), а сѣверною — границы Сванетіи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что духовенство, князья, дворяне и ихъ прислуга съ давнихъ поръ говорятъ и по грузински, даже въ самомъ центрѣ Мингреліи. Лучшимъ говоромъ мингрельскаго языка по общедоступности, полнотѣ и разнообразію звуковъ и грамматическихъ формъ считается тотъ говоръ, которымъ говорятъ въ *Салипартіано* или *Салипартіо*. Мѣстность эта, находящаяся на 500 — 2.000 фут. надъ уровнемъ моря, лежитъ по обѣимъ сторонамъ р. Техура и включаетъ въ себѣ около 16 деревень, частью нанесенныхъ на пятиверстную карту Кавказа, частью пѣтъ, или пѣвро; таковы на лѣвомъ берегу р. Техура: Набуліи (= Нобулеви), Тцацхури, Ваха, Лецсе (= Лецевн), Сархино (= Салхино) — такъ называется собственно домъ кн. Дадіани, сама же деревня называется Катцари, — Ог'ури (= Урія, на 5-ти верстной картѣ?), Тамоко, Мацапихе, Таргамуули, Нахурціельуу (= Нахорцолу). На правомъ берегу р. Техура: Гурдзееми, Кытціе (= Кыція), Дошаг'ы (= Доша?), Талеери (= Талавари), Дгвана (= Тгвана), Жинота — такъ называются

поселенія по обѣимъ берегамъ Техура, близъ дома кн. Дадіани; эти мѣста часто воспѣваются въ мингрельскихъ историческихъ пѣсняхъ. Послѣ Салипартіано мѣстность, которая славится чистотою своего говора, это *Сачичуо*. Она лежитъ нѣсколько сѣвернѣе уѣзднаго города Ново-Сенаки, главнымъ образомъ, между рѣками Очхоури и Циви и состоитъ изъ слѣдующихъ деревень: Саджиджаа, Ахалидохоре, Хорши, Сагвасалио, Сааданаіо, Квалони, Зени, Зуби, Сагугуна, Сачичуо. Произведенія же народной поэзіи, особенно въ стихотворной формѣ, сохранились болѣе и цѣльнѣе всего въ окрестностяхъ г. Зугдиди.

Здѣсь кстати замѣтимъ относительно грамматической формы названій упомянутыхъ мѣстностей: Са-липартіан-о, Са-чичу-о, Са-джиджа-о и т. п., что она—грузинскаго происхожденія, какъ на примѣръ, Са-циціан-о, Са-баратіан-о, Са-чила о, Са-чхеидз-о, Са-церетл-о, то есть, владѣнія Циціановыхъ, Баратовыхъ, Чилаевыхъ, Чхейдзевыхъ, Церетели и т. п. Nomina possessionis въ мингрельскомъ языкѣ образуются иначе, такъ на примѣръ: Ле-бачил-е, названіе деревни близъ селенія Мартвили: въ ней живутъ крестьяне, до 20 семействъ по фамиліи Бачилава или Бачилаа; Ле-хаиндр-е, деревня между рѣками Абаца и Цхейнисъ-цахали: въ ней живутъ дворяне Хаиндрава; Ле-дгебі-е, деревня близъ гор. Зугдиди, жители которой вѣзья, дворяне и крестьяне, по фамиліи Дгебуадзе; Ле-шамуг-е, близъ сел. Джвари на р. Ингурѣ, жители по фамиліи Шамуга; Ле-сичиц-е, группа деревень близъ слиянія рр. Хопи и Очхоури, съ 200—300 семействъ жителей, по фамиліи Сичипава. Можетъ быть, и Ле-чхом-и такого же происхожденія.

Матеріалы, собранные мною въ продолженіе послѣдней поѣздки въ Мингрелію, состоятъ: изъ сказокъ, пѣсень, пословицъ и изреченій, перевода евангельскихъ притчъ и Молитвы Господней. Произведенія народной мингрельской поэзіи записаны мною частью съ устъ Зугдидцевъ, гдѣ особенно много всякаго рода разказчиковъ, импровизаторовъ, частью со словъ жителей Салипартіано и Сачичуо, въ произношеніи которыхъ нѣтъ большой разницы. Мингрельцы вообще одарены отъ природы превосходною памятью: тѣмъ подвижнымъ, скоро обнимающимъ и соображающимъ умомъ, что у Французовъ называется esprit; въ противоположность этому они не отличаются, на сколько я могъ замѣтить, избыткомъ фантазіи и воображенія; этимъ можно объяснить сравнительную бѣдность и блѣдность ихъ народно-устной поэзіи, въ которой принимаетъ непосредственное участіе творческая

сила фантазіи и воображенія, а именно, сказки, легенды и т. п. съ сверхестественными, чудовищными представленіями; этого рода произведенія Мингрельцевъ, кромѣ незначительности въ количественномъ отношеніи, отличаются еще и какою-то безцвѣтностью поэтического колорита, нѣкоторою прозаичностью и трезвостью. Напротивъ того, роды поэтическихъ произведеній, въ которыхъ ближайшее участіе принимаетъ живой умъ Мингрельцевъ, у нихъ въ большемъ изобиліи и пользуются особеннымъ почетомъ въ народѣ; таковы разныя остроумныя изреченія, поговорки, пословицы, загадки, эпизоды и анекдоты по части житейской мудрости, историческія, юмористическія и пасквильныя пѣсни на счетъ блага и чернаго духовенства обонхъ половъ, равно и на счетъ сосѣдей—Абхазцевъ и Имеретинъ (я ихъ записалъ), а вѣроятно, и на счетъ Свановъ. Произведеній вполне эпического содержанія мнѣ не попадалось. Вообще же цѣльныхъ и законченныхъ произведеній я нашелъ мало; всѣ они испещрены позднѣйшими вставками, побочнаго характера, прерывающими нить разказа и затрудняющими пониманіе его смысла. Впрочемъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось слышать двухъ братьевъ-раисововъ, извѣстныхъ во всей странѣ; они были на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но пѣсень эротическаго содержанія не мало, онѣ полны задушевности и простоты. Я привожу здѣсь въ переводѣ нѣсколько образчиковъ мингрельской народнѣйшей поэзіи.

Первая пѣсня: „Думы утопающаго“, рифмованная, 7-ми и 8-ми стопная; она слѣдующаго содержанія: молодецъ, можетъ быть, переправляясь черезъ плетневой мостъ или въ бродъ, упалъ въ воду, и ночь, утопая предается думамъ, вспоминаетъ въ эту критическую минуту близкихъ сердцу.

1. Думы утопающаго *).

Горе мнѣ! Вѣдь, въ злосчастную пятницу
 Я утонулъ въ рѣкѣ...
 Утопали и другіе,
 Но то, что случилось со мною, ничего такого не
 случилось съ другими:

Лапти мнѣ измѣнили,
 А то приплылъ бы, къ берегу...
 „У меня есть жена,
 Если бы послали къ ней человѣка,
 Она, думаю, стала бы облакивать меня..“

Вотъ, они — мой соколъ и ястребъ,
 Сидятъ (на рукѣ) у другаго!
 Вотъ, онѣ — мои гончія и лягавыя (собаки),
 Онѣ идутъ за другимъ!
 Вотъ, ворона сдѣлала каплуномъ ⁶⁾
 И зовутъ его (поѣсть мое мясо)!
 Вотъ, уже дни мои кончились,
 Лежу я (въ водѣ) у плетневаго (моста) ⁷⁾.

а) Это заглавіе дано пѣснѣ мною, какъ и двумъ нижеслѣдующимъ.

б) Каплуны въ большомъ употребленіи въ Мингреліи, какъ и Имеретіи; ихъ, обыкновенно, содержатъ особо и откармливаютъ черезъ-чуръ, давая имъ глотать нѣсколько разъ въ день кукурузное тѣсто. Утопающій предвидитъ тотъ моментъ, когда воронъ будетъ пожирать его трупъ и представляетъ его себѣ въ видѣ откармливаемаго каплуна.

в) „Плетневые мосты“, какъ ихъ называютъ туземцы, въ большомъ употребленіи въ Мингреліи; они — самой простой, первобытной конструкціи; ихъ устройство обыкновенно обходится весьма дешево. Они перекинуты черезъ рѣки на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга; множество деревень, лежащихъ на противоположныхъ берегахъ, соединены такими мостами. Существованіе ихъ вполне понятно, и никакіе американскіе мосты не въ состояніи ихъ вытѣснить: рѣки и рѣчки въ гористыхъ странахъ во всякое время года могутъ превращаться отъ дождей въ непроходимые потоки, по ширинѣ, силѣ и быстротѣ теченія весьма мало напоминающіе обыкновенный объемъ рѣки; слѣдовательно, устройство мостовъ тамъ дѣло не легкое, не говоря ужъ о томъ, что не дешево обойдется. (Разумѣется, этимъ нельзя оправдывать ихъ отсутствія тамъ, гдѣ ихъ можно и должно было бы устроить). Мингрельцы же не любятъ обходить кругомъ и предпочитаютъ прямо переправляться; и такъ какъ они отличные пловцы, наѣздники и лазуны, то или переплываютъ рѣку въ бродѣ, или верхомъ, или же переправляются черезъ плетневой мостъ. Мосты эти имѣютъ такую конструкцію: одни концы вѣтвей деревъ, обыкновенно крѣпкой породы, бьются закрѣплены въ грудѣ камней на одномъ берегу рѣки, другіе концы этихъ вѣтвей, доходя до середины рѣки, соединяются тамъ съ вѣтвями, которыхъ концы закрѣплены такимъ же порядкомъ на противоположномъ берегу рѣки. Вѣтви эти, образуя мостъ ширинною съ аршинъ, перевиты лозой дикаго винограда, имѣютъ иногда по сторонамъ еще вѣтви, въ видѣ перилъ, за кото-

рыя можно держаться. При переправѣ иной разъ мостъ такъ раскачается, что спускается почти до уровня воды, но затѣмъ снова выпрямляется и вдается въ сторону. На рѣкѣ Техурѣ мнѣ пришлось раза два переправляться по такому мосту. Многие, страдающіе головокруженіемъ при видѣ быстрого теченія рѣки, не рѣшаются переправляться по такимъ мостамъ. Несчастные случаи впрочемъ рѣдки. Одинъ изъ такихъ случаевъ послужилъ предметомъ приведенной пѣсни. Она по мингрельски довольно благозвучна. Мнѣ ее диктовалъ одинъ 60-ти лѣтній старикъ, напѣвая грустнымъ заунывнымъ тономъ, вполне гармонирующимъ съ ея содержаніемъ.

II. Шакаль и человекъ.

О Бургна ^{а)}, Бургна съ бѣлою бородой!
 Кто когда-либо слышалъ, чтобы снѣгъ выпалъ въ половинѣ
 октября?
 Вотъ, гуму ^{б)} покосился (отъ снѣга?), свинья же ѣсть его;
 А на виноградъ напустились собака и шакаль.
 „Шакаль ^{в)}, скиталецъ, ты куда илетишься?
 Кто тебѣ позволилъ обирать страну?
 Мингрельскія женщины говорятъ, что нѣтъ у нихъ курицы“...
 „Впустите-ка меня внутрь (въ курятникъ); посмотрю,
 есть или нѣтъ“...
 Вбѣжалъ я туда и вытащилъ оттуда
 Большихъ, жирныхъ куръ и грудныхъ поросятъ.
 „(Тогда) ты свою Вурмаршіа (кличка собаки) напустилъ
 на меня,
 „Я соскочилъ съ холма на холмъ и ускользнулъ!
 „Ты стрѣлялъ въ меня изъ своего плохого ружья,
 „Я покотился внизъ съ горы и (выстрѣлъ) не попалъ“...
 —

Въ настоящее время, когда баринъ (помѣщикъ) погостить
 у тебя,
 Все равно, еслибы погостилъ твой заклятый врагъ:
 Зарѣжь ты ему быка, а корову отправь вмѣстѣ съ нимъ,
 На ясляхъ будетъ мычать (только) осиротѣлый теленокъ.

а) Нѣкоторые произносятъ „Бурдгна“,—бличка мужчинъ и женщинъ въ Мингреліи. Бургна—названіе травы „аркантъ“ съ бѣлыми цвѣтами.

б) Гнуму, гнومي, Androgodon sorghum, хлѣбное растеніе въ родѣ проса, сѣется въ Мингреліи повсюду.

в) Шакаль „тура“ въ мингрельскихъ сказкахъ играетъ часто роль лисицы.

Эта басня одна изъ самыхъ распространенныхъ и старинныхъ въ Мингреліи. Ее вездѣ знаютъ и говорятъ, что она гораздо пространнѣе, хотя и не могли продиктовать мнѣ больше приведенной мною выше. Языкъ и размѣръ — старинные. Басня эта рифмована, послѣдніа созвучія мѣняются и чередуются; число слоговъ въ строфѣ тоже не одинаково, а колеблется между 11—14 слогами.

По видимому, послѣднее четверостишіе не клеится съ предшествующею половиной, если его не разсматривать какъ *нравоученіе*, въ которомъ помѣщикъ сравнивается съ шакаломъ.

III. Царь и Дадіани.

Вотъ лавръ ^{а)}, лавръ, лавръ,
 На холмѣ растеть у меня лавръ ^{б)}!
 Дадіани Леванъ ^{в)},—побѣдоносный,
 Опозорилъ царя ^{г)}!...
 „О, царь, дядька, дядька, дядька,
 „Ты подожди здѣсь (не ходи впередъ)!“
 Вѣдь (такъ) тебѣ говаривалъ всегда
 Суджунскій ^{д)} прорипатель!...“

а) Дафни, Дафнии, Данина лавровое дерево, *Laugus nobilis*.

б) Припѣвъ.

в) г) Упомянутые здѣсь Дадіани и царь, — это, по всей вѣроятности, владѣтельный князь Мингреліи, Леванъ II Великій (1591—1657), изъ первой династіи, и царь Имеретинскій Георгій III (1605—1639). Къ этимъ лицамъ приурочиваютъ приведенную выше историческую пѣсенку и мѣстныя преданія, и обстоятельства дѣла. Пѣсня эта намекаетъ на одну драму или мелодраму изъ вѣковой борьбы, происходившей между владѣтельными князьями Мингреліи, Гуріи, Абхазіи съ Имеретинскими царями и между собою. Имеретинскій царь Багратъ III (1510—1546), пригласивъ будто бы на охоту владѣтеля Мингреліи Левана I Дадіани въ 1546 году въ сел. Хони, въ 18 верстахъ отъ Кутаиса, близъ р. Цхенись-Цхали, обманомъ захватилъ его, связалъ, отвезъ въ Гелати, въ 8 верстахъ отъ Кутаиса, и заключилъ его тамъ въ крѣпость, откуда онъ однако успѣлъ бѣжать сначала въ Мингрелію, затѣмъ въ Константинополь.

Леванъ II Дадіани искалъ случая наказать, за такой вѣроломный поступокъ съ своимъ предкомъ, Имеретинскаго царя, съ которымъ не разъ сражался съ большимъ успѣхомъ. Такой случай представился. Карталинскій царь Ростомъ (1634—1658 гг.), желая привлечь на свою сторону Левана II Дадіани, чтобы въ лицѣ его имѣть союзника противъ Имеретинскаго царя Георгія III и друга его Кахетинскаго царя Теимураза I (1629—1634 гг.), просилъ руки сестры Левана II Дадіани Маріамы, бывшей жены Симона Гуріели, которому, послѣ одержанной побѣды, Леванъ велѣлъ выколоть глаза, и который въ то время еще былъ живъ. Леванъ согласился выдать за царя Ростомъ свою сестру, но боясь, чтобы по дорогѣ не напали на брачную свиту Имеретинца, пригласилъ Ростомъ прибыть со стороны горы Персати; самъ же, собравъ большое войско, взялъ съ собою сестру свою Маріаму, проѣхалъ черезъ Самикелао, Посе, р. Ріонъ и вступилъ на дорогу къ Какасъ-Хиди; здѣсь у сел. Багдади, нѣсколько южнѣе отъ Кутаиса, близъ слиянія рѣкъ Ханисъ-Цкали и Сакреула, вручилъ съ большимъ торжествомъ свою сестру прибывшему Карталинскому царю Ростому, который немедленно отправился обратно въ свое царство. Дадіани тоже собрался въ обратный путь. Но царь Имеретинскій Георгій III, узнавъ заранѣе о предполагаемой встрѣчѣ Левана II и Ростомъ, собралъ войско, желая напасть на Дадіани по дорогѣ; предварительно же царь, взявъ съ собою „горсть людей“, отправился осмотрѣть расположеніе и силу неприятеля. Дадіани, будучи предупрежденъ объ этомъ, послалъ людей подстеречь царя, котораго, въ самомъ дѣлѣ, застали въ—распlohъ, захватили и привели его къ Левану (въ 1636 г.). Тотъ взялъ его съ собою и торжественно въѣхалъ въ свое владѣніе съ плѣннымъ царемъ. Два года царь Георгій томился въ неволѣ у Левана. По истеченіи этого времени, царю была возвращена свобода, благодаря неуспыннымъ стараніямъ сына его Александра, который послалъ Левану, въ видѣ выкупа, кромѣ множества серебрянныхъ вещей, золотую корону, усыпанную драгоценными камнями, и сверхъ того, по особенному требованію Левана, послалъ ему еще всѣхъ армянскихъ и еврейскихъ купцовъ, жителей двухъ деревень Чихора и Чхара. Этихъ купцовъ Леванъ поселилъ въ Рухи (на р. Ингурѣ, въ 5-ти верстахъ отъ г. Зугдиди), который съ этихъ поръ, замѣчаетъ лѣтописецъ,—превратился въ городъ. По возвращеніи въ свою столицу, Кутаисъ, царь скоро умеръ, 1639 г. ¹⁾

¹⁾ Histoire de la Géorgie, II p., 1-re livraison, trad. par Brosset. St.-Petersb. 1856, pp. 264, 268, 269, 270—273.

Вѣроятно, на этотъ эпизодъ изъ вѣковой драмы и намекаетъ упомянутая выше пѣсня.

д) Выраженіе „Суджунскій прорицатель“, который будто бы предсказывалъ царю „не ходить впередъ“, — тоже имѣетъ историко-этнографическое основаніе. Суджуна — деревня на юго-западъ отъ уѣзднаго города Ново-Сенаки, близъ слиянія рѣкъ Техури и Абаша, и впаденія ихъ въ р. Ріонъ. Она извѣстна своею старинною церковью, куда ежегодно, въ день св. Георгія 23-го апрѣля, стекалось множество народа изъ всей Мингреліи. Наканунѣ праздника выбирали старца, преимущественно облеченнаго духовнымъ саномъ и извѣстнаго святостью своей жизни, заключали его на ночь въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ провести все время въ молитвѣ и созерцаніи будущаго; утромъ до обѣдни, въ день праздника, выводили его оттуда и поднимали на какое-нибудь возвышенное мѣсто, откуда онъ предвозвѣщалъ собравшемуся народу все, что должно было случиться съ владѣтелемъ Мингреліи и народомъ въ теченіе всего предстоящаго года до слѣдующаго праздника: побѣда ли падъ врагомъ, вторженіе ли врага въ страну, предстоящій урожай, болѣзни и т. п., все это составляло предметъ пророчества этого *Суджунскаго прорицателя*, къ словамъ котораго народъ питалъ безусловную вѣру. Мыъ разказывали, что этотъ прозорливый оракулъ существовалъ еще въ первой четверти текущаго столѣтія, и что праздникъ въ Суджунѣ постоянно сопровождался подобными церемоніями. Пѣсня приводитъ слова Суджунскаго оракула, будто бы предостерегаващаго царя отъ постигнаго его несчастія, которое было вмѣстѣ съ тѣмъ триумфомъ для Левана Дадіани Побѣдоноснаго.

Кромѣ оригинальныхъ произведеній мингрельской народной музыки, которыхъ образчики я привелъ выше въ переводѣ, въ моемъ собраніи мингрельскихъ текстовъ есть еще, какъ я замѣтилъ выше, переводы на мингрельскій языкъ. Переводы вообще не могутъ имѣть первостепеннаго значенія для грамматики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть, для этимологіи и синтаксиса, но для фонетики и для словаря они почти также важны, какъ и оригинальныя произведенія; особенно когда дѣло идетъ объ увеличеніи текстовъ, необходимо сдѣлать какъ можно большее число переводовъ. При участіи природныхъ Мингрельцевъ, которые будутъ поименованы въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, сдѣлаю мною переводъ евангельскихъ притчъ, числомъ до 12-ти. Я имѣю отдалъ предположеніе, какъ разказамъ простымъ и безцелесуднымъ, чуждымъ отвлеченнымъ понятіямъ, изобилующихъ примѣрами изъ обыденной, народной жизни, и притомъ, изложенныхъ въ повѣствованіи

тельной формѣ, слѣдовательно, легко переводимыхъ на языкъ не литературный, каковъ мингрельскій. Къ нимъ я присоединилъ и переводъ Молитвы Господней, которая вообще переводится нелегко. Всѣ эти переводы были прочитаны мною по нѣскольку разъ, провѣрены въ разныхъ мѣстахъ природными Мингрельцами и поправлены по слѣдующимъ ими замѣчаніямъ.

На основаніи указаннаго матеріала и личнаго знакомства съ живою рѣчью, постараюсь отмѣтить здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ характеристическія особенности грамматическаго строенія мингрельскаго языка, преимущественно такія, которыя или совсѣмъ чужды грузинскому языку, или же существуютъ въ немъ въ другомъ видѣ. При этомъ не ручаюсь, чтобы въ послѣдствіи, при ближайшемъ разборѣ и увеличеніи матеріала, мнѣ не пришлось кое-что измѣнить въ сказанномъ, но кажется не много...

Начнемъ со звуковъ: сверхъ пяти чистыхъ гласныхъ звуковъ а, е, и, о, у, которые свойственны и грузинскому языку, въ мингрельскомъ есть еще звуки приблизительно ѣ и ѣ. Въ первомъ какъ бы сливаются два звука е+и, но такъ, что эти оба звука образуютъ одинъ вполне цѣльный и нераздѣльный звукъ; второй звукъ имѣетъ такой же характеръ, только на половину слабѣе перваго и въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Первый изъ этихъ звуковъ имѣетъ не только фонетическое, но и грамматическое (въ тѣсномъ смыслѣ слова) значеніе; такъ онъ является въ цѣлой группѣ глаголовъ характеромъ 3-го лица въ обоихъ числахъ, когда въ двухъ первыхъ лицахъ встрѣчается простой звукъ и. Кромѣ того, въ метрической формѣ онъ играетъ роль гласнаго и представляетъ собою слогообразовательную единицу. Второй же звукъ ѣ является въ концѣ каждаго слова, гдѣ нѣтъ пяти упомянутыхъ гласныхъ, особенно же часто встрѣчается онъ въ концѣ косвенныхъ глагольныхъ формъ, оканчивающихся согласными звуками; иногда онъ встрѣчается въ серединѣ слова (напримѣръ, часто передъ и), и въ такомъ случаѣ смягчаетъ послѣдующій согласный звукъ,—словомъ имѣетъ фонетическое вліяніе, что даетъ ему право на самостоятельное существованіе.

Звукъ у, встрѣчаясь весьма часто съ гласными а, е, и, о, образуетъ двугласный звукъ, извѣстный въ грузинскомъ языкѣ подъ названіемъ у съ *броджу*.

Есть и придыхательный звукъ, встрѣчающійся передъ гласными особенно передъ е=he, и а=ha; конечно, нѣтъ никакой необходимости изобрѣтать особые спеціальныя знаки для каждаго отдѣльнаго слу-

чая, когда придыхательное является передъ гласными, какъ это существуетъ въ грузинскомъ алфавитѣ, а можно довольствоваться однимъ знакомъ придыханія, стави его каждый разъ при гласномъ звукѣ, долженствующемъ быть произнесеннымъ придыхательно,—такъ какъ придыханіе собственно одно, только послѣдующій гласный звукъ сообщаетъ ему тотъ или другой отгѣнокъ. Если же встрѣчается передъ согласнымъ, тогда придыханіе не имѣетъ никакого опредѣленнаго отгѣнка.

Относительно согласныхъ звуковъ слѣдуетъ замѣтить, что огромное большинство ихъ ничѣмъ не отличается въ произношеніи отъ грузинскихъ согласныхъ звуковъ, но есть и такіе, которые составляютъ исключительную принадлежность мингрельскаго языка; къ такимъ принадлежитъ звукъ *л*, который въ началѣ и серединѣ, передъ согласными произносится какъ напримѣръ, французское или нѣмецкое *l*, а передъ гласными и въ концѣ словъ—еще мягче, напримѣръ, *гольа* (гора), *Намколю* (названіе деревни) и т. п. Здѣсь *л* звучитъ приблизительно какъ въ словахъ: *лѣстить*, *лѣнуть* и т. п. Тогда какъ грузинское *л* всегда и вездѣ произносится, правда, не такъ твердо какъ *л* въ словѣ „колоколъ“, но, напримѣръ, такъ какъ нѣмецкое двойное *ll* въ словахъ „*sollen, wollen*“.

Есть и звукъ *ф*, соответствующій грузинскому *φie*.

Одинъ изъ самыхъ характеристическихъ звуковъ мингрельскаго языка—это *q*. Въ грузинскомъ языкѣ есть звукъ *q*, то-есть, мгновенный, глубокий, звучный и полный гортанный звукъ; такой же звукъ есть и въ мингрельскомъ, но есть и вышеуказанный звукъ *q* (*qуджи*, груз. *qури*, *ухо*, *qуа*, груз. *шубли*, *лобъ* и т. п.), который составляетъ половину звука *q*, и котораго нѣтъ въ грузинскомъ. Но я не нашелъ въ мингрельскомъ языкѣ двухъ *x* звуковъ, для выраженія которыхъ существуютъ въ грузинскомъ алфавитѣ два спеціальныя знака, между тѣмъ какъ въ настоящее время въ грузинскомъ языкѣ слышенъ только одинъ звукъ *x*; впрочемъ меня увѣрили, что у грузинскихъ горцевъ (*Пшавовъ* и *Хевсуровъ*) и теперь при произношеніи явственно слышатся два разнородные звука *x*, и что одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе гортанный характеръ, другой же небный. Ничего подобнаго я не могъ найти въ мингрельскомъ.

Все ученіе о морфологіи сводится къ двумъ важнѣйшимъ измѣненіямъ формъ, характеризующимъ эту часть грамматики—склоненіямъ и спряженіямъ. Къ нимъ мы и переходимъ теперь.

Въ мингрельскомъ языкѣ обѣ формы вполне выработаны и строго

разграничены между собою посредствомъ личныхъ знаковъ въ глаголахъ и падежныхъ именахъ. Спряженія отличаются особенною полнотою и разнообразіемъ, даже превосходящимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ грузинскія спряженія. Въмѣстѣ съ разнообразіемъ возникаетъ и трудность ихъ анализа.

Формы спряженій двухъ главныхъ залоговъ, дѣйствительнаго и страдательнаго, вообщѣ разграничены и отличаются другъ отъ друга специальными знаками. При этомъ дѣйствительный глаголь, начинаясь въ первомъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, личными знаками *и, б, в* требуетъ дательнаго падежа, какъ и въ грузинскомъ языкѣ. На основаніи этихъ личныхъ знаковъ, являющихся въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, мингрельскія спряженія можно раздѣлить на двѣ большія группы,— на начинающіяся въ упомянутой формѣ съ 1) *и, б, в* и 2) *и*. Первый отдѣлъ знаковъ соответствуетъ личному мѣстоименію—*и*, второй знакъ—также мѣстоименію перваго лица, только въ косвенныхъ падежахъ—*меня, мнѣ, мною*. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что спряженія первой категоріи имѣютъ нѣкоторыя времена, напримѣръ, давно-прошедшее, со знакомъ второй группы. Это различіе не ограничивается одною формальною стороною языка, но имѣетъ глубокой грамматической смыслъ: тогда какъ знаки первой группы сами, представляя личное мѣстоименіе 1-го лица въ прямыхъ падежахъ, требуютъ послѣ себя дополненія въ косвенныхъ падежахъ, знакъ второй категоріи спряженій, самъ, представляя мѣстоименіе въ косвенныхъ падежахъ, требуетъ дополненія большею частью въ прямыхъ падежахъ.

Залоги, виды, наклоненія, времена, числа, лица большею частью до сихъ поръ удерживаютъ свои специальные характеристическіе знаки.

Перечень глагольныхъ категорій, для которыхъ существуютъ специальные формы въ мингрельскомъ языкѣ: залогов—дѣйствительный и страдательный (средній и возвратный залогов имѣютъ или форму страдательную, или же форму 2-й категоріи спряженія); видов—однократный, многократный (или повторительный прошедшя времена), совершенный и несовершенный; наклоненія—изъявительное, условное, желательное, условно-желательное (спеціальной же формы для неопредѣленнаго наклоненія нѣтъ въ мингрельскомъ языкѣ), обнаружительное (не имѣетъ настоящаго времени), напримѣръ, побѣдиберекы *оказалось*, что я нашелъ, и повелительное наклоненіе; времена—настоящее, прошедшее совершенное, прошедшее несовершенное, давно-про-

шедшее, будущее, будущее совершенное; причастія всѣхъ трехъ временъ — настоящаго, прошедшаго и будущаго, дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ. Вопросительная форма также имѣетъ свой специальный знакъ.

Большая часть этихъ глагольныхъ формъ не сложна, а представляетъ одно органическое цѣлое; незначительная же часть ихъ образуется или посредствомъ вспомогательныхъ глаголовъ, или же посредствомъ приставляемыхъ въ началѣ и концѣ частицъ.

Въ роли вспомогательныхъ глаголовъ являются: *рина* быть (*esse*), *рона* быть (въ смыслѣ существованія), *шуена* имѣть (о неодушевленныхъ предметахъ), *руна* — имѣть (объ одушевленныхъ предметахъ), *вимина*, *кимина* дѣлать, сдѣлать и *ко*, *кона* (*коринеби*) должно, надо, слѣдуетъ. Описательныя частицы суть, префиксы: *ка*, *ко*, *кя*; онѣ ставятся въ началѣ глаголовъ, для показанія совершеннаго, утвердительнаго дѣйствія; префиксы *но*, *на*, для показанія прошедшаго времени, они являются во второстепенныхъ временахъ и наклоненіяхъ, наконецъ суффиксы: *ми*, *да*, служащія для показанія условія, желанія, повторенія дѣйствія и т. п.

Не всѣ наклоненія имѣютъ одинаковое число временъ; изъ нихъ больше всего приходится на долю изъявительнаго наклоненія.

Въ мингрельскомъ языкѣ три лица и два числа. Родовъ цѣтъ ни въ глаголахъ, ни въ именахъ.

Изъ этого краткаго перечня мингрельскихъ глагольныхъ формъ можно легко заключить о ихъ богатствѣ и разнообразіи. Приведу два примѣра въ доказательство многозначительности, выразительности и своеобразности констракціи этихъ формъ: *ми-шіи-б-ы-дес-и-ко-ни*, давно-прошедшее повторительное время, желательнаго наклоненія, отъ глагола *шіиба*, найдти, можно перевести такъ: какъ бы намъ желательно было бы, чтобы намъ можно было находить... *В-у-шіиб-и-дес*, или *В-у-шіиб-и-ди-ко-ни* страдательный залогъ желательнаго наклоненія давно-прошедшаго повторительнаго времени 1-е лицо единственнаго числа: желалъ бы, чтобы я долженъ былъ быть находимымъ ¹⁾.

Мингрельскія склоненія не столь сложны и разнообразны, какъ спряженія. Вообще органическими надежными формами могутъ счи-

¹⁾ Я воздерживаюсь отъ приведенія большаго числа примѣровъ, вслѣдствіе неудовлетворительности описательныхъ знаковъ, которыми я передавалъ здѣсь мингрельскія слова.

таться формы именительнаго, родительнаго, дательнаго и творительнаго падежей. Остальныя, если допустить ихъ существованіе потому единственно, что они часто употребляются въ живой народной рѣчи, — все-таки слѣдуетъ разсматривать какъ неорганическія падежныя формы, такъ какъ онѣ образуются посредствомъ сложенія формы именительнаго падежа (по смыслу и винительнаго) и послѣ слоговъ: *шени* для, *шах* до, *ша* къ, *ше* изъ и т. п., которые въ мингрельскомъ языкѣ, играя роль служебную, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательное значеніе и въ свою очередь *могутъ* быть склоняемы. Склоненія также имѣютъ два числа: единственное и множественное. Знакъ множественнаго числа слѣдуетъ непосредственно за темой слова или за формой именительнаго падежа, и только послѣ знака множественнаго числа являются падежныя окончанія, совершенно тождественныя съ падежными знаками единственнаго числа, напримѣръ:

Единственное число:	Множественное число:
им. <i>гуде</i> (домъ)	им. <i>гуде-епһи</i>
род. <i>гуде-ши</i>	род. <i>гуде-епһи-ши</i>
дат. <i>гуде-сы</i>	дат. <i>гуде-епһи-сы</i>
твор. <i>гуде-ты.</i>	твор. <i>гуде-епһи-ты.</i>

(Сложныя, или неорганическія падежныя формы):

<i>гуде-шени</i> (=дома для, то-есть, для дома)	<i>шени</i>	
<i>гуде-шахъ</i> (— до)	} <i>гуде-епһи-</i>	
<i>гуде-ша</i> (— къ)		шахъ
<i>гуде-ше</i> (— изъ)		ша
		ше

Достойно вниманія, что формы родительныхъ падежей обоихъ чиселъ употребляются какъ прилагательныя формы и могутъ быть въ свою очередь склоняемы, напримѣръ, *гуде-ши*: им. *гуде-ши*, род. *гудеш(и)-ш(и)*, дат. *гуде-шис(ы)*, твор. *гуде-ши-ты* и т. п. Множественное число: им. *гуде-епһи-ши*, род. *гуде-епһи-ши-ши*, дат. *гуде-епһи-ши-сы*, твор. *гуде-епһи-ши-ты* и т. п. Эти примѣры ясно показываютъ прилагательное значеніе формы родительнаго падежа существительнаго, каковое явленіе имѣетъ множество аналогій въ другихъ языкахъ.

Прилагательное въ мингрельскомъ обыкновенно предшествуетъ существительному и въ такомъ случаѣ не склоняется; если жъ оно слѣдуетъ за существительнымъ, тогда склоняется прилагательное, и

нерѣдко существительное вовсе не измѣняетъ своего прямого окончанія.

Самая характеристическая черта мингрельскихъ прилагательныхъ, — это образованіе степеней сравненія; оно происходитъ въ мингрельскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: къ положительной формѣ придается въ началѣ префиксъ *y*, а въ концѣ суфиксъ *аши*, *ши*. Форма же превосходной степени имѣетъ перифрастическій характеръ и образуется посредствомъ формы сравнительной степени и нарѣчія „хольо“ еще, „умоси“ болѣе, больше; такъ напримѣръ, положительная форма „скуами“, красивый, сравнительная степень *y*-скуам-аши, красивѣе, превосходная: хольо *y*-скуам-аши, еще красивѣе (красивѣйшій). Есть и неправильныя формы степеней сравненія отъ прилагательныхъ: хорошій, маленькій, великій и т. п.

Мингрельскія мѣстоименія имѣются также въ полномъ составѣ. Ихъ можно раздѣлить по значенію и по формѣ на существительныя, — таковы мѣстоименія личныя и указательныя, которыя тождественны съ личными мѣстоименіями 3-го лица, — и на мѣстоименія прилагательныя, то-есть, всѣ остальные категоріи мѣстоименій. Они склоняются какъ существительныя, и неправильныхъ формъ между ними не много.

Мингрельскія числительныя имена основаны вообще на десятичной системѣ счисленія; при этомъ важды *десять*, *двадцать* и *сто* составляютъ особую единицу, такъ: 30 значить 20 и 10; 50 значить 40 и 10; 70 значить 60+10; 90 значить 80+10; но 40 значить дважды 20 (а не четыре раза 10); $60=3\times 20$, $80=4\times 20$. Между тѣмъ 10 не значить дважды 5, или 20—дважды 10, или 100—пять разъ 20, а носятъ особыя наименованія, которыхъ этимологія не ясна. 1000 же значить 10 разъ 100.

Количественныя, порядковыя, дробныя, собирательныя числительныя имѣются всѣ, но они рѣдко склоняются и обыкновенно не согласуются въ числѣ и падежѣ съ существительнымъ; такъ, напримѣръ, говорятъ: оши схени буквально „сто лошадь“, ечи *гуде* буквально „двадцать домъ“, — хотя, конечно, ошибки не будетъ, если сказать: оши схен-еши, ечи *гуде*-еши, и всѣ поймутъ; только такая рѣчь покажетъ ся Мингрельцу черезъ-чуръ утонченною и непривычною.

Мингрельскій синтаксисъ также имѣетъ не мало своеобразныхъ характеристическихъ особенностей.

Вообще, всѣ части мингрельской грамматики вполне развиты и выработаны: звуки, имениныя и глагольныя формы, построеніе предложений и періодовъ, наконецъ значительное число корней, которыхъ

нѣтъ въ грузинскомъ языкѣ, и которые, вѣроятно, унаслѣдованы мингрельскимъ языкомъ отъ общаго языка, давашаго существованіе обонимъ пмт.,—все это носить свой особый отпечатокъ, типичный характеръ и явно обнаруживаетъ, что мингрельскій—вполнѣ сложившійся и сформированный языкъ, полноправный съ близкородственнымъ ему грузинскимъ языкомъ, и по всей вѣроятности, происшедшій отъ одного и того же отца.

Думаю, что дальнѣйшая разработка и болѣе точный анализъ фактовъ языка еще болѣе уяснить и подкрѣпить эту мысль. Но для этого необходимо располагать болѣе большимъ матеріаломъ, чѣмъ я успѣлъ собрать въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ; кромѣ того, этотъ матеріалъ необходимо разработать грамматически въ главныхъ частяхъ на мѣстѣ же, или по крайней мѣрѣ, въ присутствіи природнаго Мингрельца; въ противномъ случаѣ положеніе языкоислѣдователя похоже на положеніе композиста, вынужденнаго писать композицію безъ музыкальнаго инструмента. При изслѣдованіи языка само собою возникнетъ масса вопросовъ, на которые не даетъ намъ отвѣта записанный матеріалъ, какъ бы онъ ни былъ полонъ и обилецъ; напримѣръ, извѣстно, что нельзя встрѣтить въ текстѣ всѣхъ формъ и грамматическихъ измѣненій *всѣхъ* словъ, заключающихся въ текстѣ, а возсоздать ихъ аналогически, произвольно, тоже нельзя, потому что какъ разъ эти, недостающія въ текстѣ, формы могутъ составлять уклоненія или исключенія изъ общей нормы; составить же грамматическій очеркъ только по имѣющимся формамъ, значить—отказаться отъ возможной полноты изслѣдованія. Поэтому питаю надежду, что мнѣ возможно будетъ еще провѣрить на мѣстѣ выводы, сдѣланные относительно мингрельскаго языка, и увеличить имѣющійся матеріалъ.

Въ заключеніе краткой характеристики мингрельскаго языка считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность князю Николаю Давидовичу Мингрельскому и матери его княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ за обязательное содѣйствіе, оказанное мнѣ во время моихъ изысканій.

Не менѣе мингрельскаго языка интересна и поучительна этнографія Мингреліи, которая также мало извѣстна. Къ сожалѣнію, время не позволяло мнѣ обратить особенное вниманіе на этнографическую сторону Мингрельскаго народа; я отмѣчалъ по части этнографіи только то, что имѣло непосредственное отношеніе къ языку, и что, такъ сказать, отражалось въ языкѣ. Такъ, въ нѣкоторыхъ названіяхъ дней недѣли, мнѣ кажется, явно сохранились слѣды языческой старины и

міросозерпанія Мингрельцевъ; наиримѣрь: „воскресенье“ по мингрельски называется *жг-шха* (полная форма будетъ бжа-шха); бжа по мингрельски значитъ „солнце“; шха, этимологія котораго темна, является вторымъ составнымъ словомъ названія каждаго дня недѣли, слѣдовательно, условно можно перевести „день“. И такъ, названіе воскресенья по мингрельски будетъ значить „день солнца“. (Въ лазскомъ и сванетскомъ языкахъ названіе этого дня также значитъ „день солнца“). По мингрельски понедѣльникъ называется *тһутһа-шха* то-есть, „день луны“, тһутһа—луна. (Въ лазскомъ и сванетскомъ языкѣ то же самое значеніе имѣетъ названіе этого дня). Четвергъ по мингрельски называется *цг-шха*, то-есть, „день неба“, ца значитъ небо. (Въ сванетскомъ и лазскомъ значеніе названія этого дня тоже самое). Между тѣмъ въ грузинскомъ языкѣ всѣ названія дней недѣли носятъ христіанскій характеръ; такъ: воскресенье по грузински называется *квирә, квриәке*, очевидно—греческаго происхожденія *κοιρανῆ*; понедѣльникъ называется *ор-шабатһи*, то-есть, второй день послѣ субботы; четвергъ называется *хутһ-шабатһи*, то-есть, пятый день отъ субботы и т. п. Достойно вниманія, что суббота имѣетъ одинаковое экзотическое названіе во всѣхъ четырехъ упомянутыхъ языкахъ, такъ: по грузински — *шабатһи*, мингрельск. — *сабатһи*, сванетски — *сатһи*, лазски — *сабатон* (საბათონ).

Какъ ни странно на первый взглядъ, что грузинскій языкъ, имѣющій болѣе, чѣмъ тысячелѣтнюю литературу, не сохранилъ намъ того, что съ такимъ упорствомъ сохраняютъ до нашихъ дней его родственники, никогда не имѣвшие и не имѣющіе никакой нисмежности. — но это фактъ, который громко говоритъ въ пользу громадной важности для науки нелитературныхъ языковъ, по видимому, бѣдныхъ, способныхъ только удовлетворять самымъ элементарнымъ и естественнымъ потребностямъ общежитія.

Въ программу моей поѣздки не входила археологія, но мнѣ удалось видѣть нѣсколько достопримѣчательныхъ старинныхъ построекъ, наиримѣрь, извѣстный Гелатскій монастырь, въ 7 — 8 верстахъ отъ Кутаиса, не менѣе извѣстный Мартвильскій монастырь въ Мингреліи, между рѣками Абашой и Цхенись-цхали, Бетанійскую церковь не далеко отъ г. Тифлиса и др. Первые два монастыря часто посѣщаются путешественниками, которые описываютъ ихъ нерѣдко подробно и вѣрно. Поэтому распространяться о нихъ здѣсь считаю лишнимъ. Замѣчу только, что они съ наружной стороны довольно удачно реставрированы, такъ что съ перваго взгляда не легко за-

мѣтитъ въ наружной стѣнѣ позднѣйшія и новѣйшія работы, которыхъ впрочемъ не много; съ наружной стороны, зданія эти имѣютъ совершенно свѣжій видъ, который представляетъ рѣзкій контрастъ съ внутреннимъ видомъ, остающимся и по сіе время въ такомъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ за нѣсколько вѣковъ до нашего времени; слѣдовательно, эти монастыри имѣютъ глубокой исторической интересъ; между тѣмъ, какъ слышно, существуетъ предположеніе приступить къ ихъ внутренней реставраціи, если не относительно архитектуры, то относительно стѣнной живописи, которая сохранила намъ множество изображеній святыхъ и историческихъ личностей изъ грузинской исторіи; такъ напримѣръ, въ Гелатскомъ монастырѣ есть изображеніе царя Давида Возобновителя (1089—1125), католикоса Евдемоа XVI в.; въ Мартвили, напримѣръ, между прочимъ, встрѣчается изображеніе основателя второй династіи Дадіановъ и др. Подъ этими изображеніями имѣются надписи съ указаніемъ именъ, званій, года и т. п. Кромѣ изображеній туземныхъ святыхъ и историческихъ личностей, эта живопись сохранила намъ и изображенія общихъ древне-христіанскихъ святыхъ въ византійскомъ стилѣ; въ виду такого значенія живописи старинныхъ грузинскихъ церквей, желательно было бы, прежде чѣмъ стереть ихъ или замазать и покрыть новыми изображеніями,—предварительно снять ихъ вчерпѣ и оставить такимъ образомъ въ альбомѣ контуры старинныхъ изображеній, препроводивъ его на храненіе въ одно изъ государственныхъ книгохранилищъ. Этимъ способомъ можно было бы спасти эти драгоценныя памятники древне-религіознаго искусства отъ окончательной гибели и оказать большую услугу не только мѣстной археологіи и исторіи живописи, но и византійской.

Я не знаю, такъ ли было поступлено лѣтъ 25 тому назадъ, когда князь Г. Г. Гагаринъ росписалъ снова Тифлисскій Сіонскій соборъ; но такая попытка была сдѣлана относительно одного изображенія, снимки съ котораго теперь довольно распространены, и оно застраховано отъ исчезновенія. Это портретъ царицы Тамары ¹⁾ (XII в.), снятый княземъ Гагаринымъ съ стѣнной живописи въ Бетавійской церкви. Церковь эта заслуживаетъ особеннаго вниманія. Невольно поражаешься, встрѣтивъ такую монументальную и изящную постройку въ такой глуши, какъ ущелье р. Веры, хотя и не подалеку отъ Тифлиса. Дорога моя

¹⁾ На сколько онъ можетъ считаться действительно *портретомъ* царицы Тамары,—это, конечно, другой вопросъ.

лежала черезъ мѣстечко Коджори и бетанійское имѣніе барона Александра Павловича Николаи. Многоуважаемый баронъ обязательно предложилъ мнѣ въ качествѣ проводника своего человѣка, знакомаго съ мѣстностью, чѣмъ я охотно воспользовался.

Дорога или скорѣе тропа хотя не длинна (отъ имѣнія барона всего версты 4 — 5 до самой церкви), но весьма крутая и трудная: сначала она спускается въ ущелье и въ оврагъ р. Вѣры, и пройдя съ четверть версты въ самомъ руслѣ рѣки, обыкновенно, обильной водой, но на тотъ разъ совершенно высохшей по случаю весьма знойнаго лѣта ¹⁾, — потомъ снова поднимается вверхъ на противоположный берегъ по ущелью; пройдя тамъ версты двѣ, тропы снова спускается къ церкви, лежащей на холмообразной мѣстности, поднимающейся изъ котловины Вѣрскаго ущелья. Церковь не имѣетъ того величественнаго вида, какой представляютъ вышеупомянутые монастыри Гелатскій и Мартвильскій, не будучи такъ выгодно расположена, какъ они; но достоинствомъ своего строительнаго матеріала, состоящаго изъ разноцвѣтнаго тесаннаго камня, крѣпкой породы, изяществомъ и благородствомъ стила, она если не превосходитъ, то не уступаетъ имъ и производитъ на зрителя въ высшей степени свѣтлое впечатлѣніе. Видъ и размѣры церкви въ общихъ чертахъ таковы: церковь съ куполомъ, крыша котораго обвалилась въ одномъ мѣстѣ съ южной стороны, построена въ византійскомъ стилѣ, снаружи вся каменная, весь корпусъ церкви цѣль, только въ двухъ мѣстахъ у западныхъ дверей стѣна треснула. Церковная стѣна имѣетъ въ ширину около 2¹/₄ аршинъ, внутри она кирпичная, только своды и столбы каменные. Длина церкви внутри, съ западныхъ дверей до алтаря 23 шага, ширина церкви 15 шаговъ, алтарь, раздѣленный на три части, имѣетъ въ длину 8 шаговъ. Остается еще каменный иконостасъ на аршинъ вышиной. Внутри церковь имѣетъ видъ креста. Въ 9-ти шагахъ отъ западныхъ дверей стоятъ два столба на разстояніи 7-ми шаговъ отъ боковыхъ стѣнъ церкви. Полъ кирпичный. Вездѣ на стѣнахъ, гдѣ только штукатурка не отстала, остались изображенія, а въ алтарѣ они вполне уцѣлѣли. Въ церкви есть много надгробныхъ камней съ надписями. Церковь имѣетъ два притвора съ западной и южной стороны; крыша перваго изъ нихъ уже обрушилась, такъ что входъ съ западныхъ дверей совершенно загроможденъ обвалившимися камнями; южный

¹⁾ 14-го августа, когда я тамъ проѣзжалъ, жара была свыше 35 град. по Реомюру.

притворъ цѣль, оттуда и входъ въ церковь. Окружность дверей, оконъ и т. п. покрыта рѣзбою самого изящнаго характера; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна та наружная сторона церкви, которая обращена на сѣверо-востокъ. Вся церковь обнесена оградой. По словамъ грузинскаго географа Вахушта, церковь эта была посвящена имени Божьей Матери; это извѣстіе подтверждается отчасти народнымъ обычаемъ, оставшимся до сихъ поръ; жители сосѣднихъ грузинскихъ деревень приходятъ сюда наканунѣ 15-го августа поминать души своихъ усопшихъ, частью погребенныхъ тамъ и, переночевавъ въ оградѣ церкви, на другой день возвращаются домой. Это мнѣ сообщилъ грузинскій крестьянинъ, который стерегъ своего быка тамъ же, въ оградѣ церкви. Постройку ея Вахуштъ приписываетъ царицѣ Тамарѣ, которой портретъ вполне уцѣлѣлъ¹⁾ въ группѣ, находящейся на сѣверной стѣнѣ, направо отъ алтара. Длина группы 7 шаговъ, высота около 2-хъ сажень. По сторонамъ находятся изображенія святыхъ, лица которыхъ почти совсѣмъ стерты. Затѣмъ слѣдуетъ портретъ молодого человѣка безъ бороды и безъ усовъ; на немъ грузинская корона, одѣтъ въ грузинскую бархатную куртку (куладжа), носитъ саблю, стоитъ нѣсколько бокомъ къ Тамарѣ и указываетъ руками на нее. Въ изображеніи молодого человѣка видятъ портретъ Георгія Лаша, сына и наследника царицы Тамары. Сама Тамара представлена высокою, красивою женщиной (хотя и не съ столь тонкими и нѣжными чертами лица, какъ на гагаринскомъ снимкѣ), въ грузинской царской коронѣ, унизанной жемчугомъ, въ порфирѣ изъ синяго бархата, подбитой горностаемъ; двѣ большія косы висятъ по обѣимъ сторонамъ лица, которое совершенно открыто, руки обращены на возлѣ стоящаго, также въ порфирѣ и коронѣ съ бородой, мужа ея Давида, который въ одной рукѣ держитъ жезлъ, другой указываетъ на возлѣ стоящаго святаго. Къ сожалѣнію, копія снята не со всей группы, но только съ изображенія царицы Тамары.

Повторяю свое *pium desiderium*, прежде чѣмъ стереть или замазать старія изображенія при реставраціи подобныхъ памятниковъ церковной архитектуры и искусства, слѣдовало бы предварительно снять копія, но крайней мѣрѣ, съ важнѣйшихъ изъ нихъ, какъ это

¹⁾ Къ этому портрету и этой церкви относится прекрасное, глубоко почувствованное стихотвореніе, извѣстнаго грузинскаго поэта кн. Григорія Дмитріевича Орбелиани, подъ заглавіемъ: «портретъ царицы Тамары въ беганійской церкви».

сдѣлано относительно портрета Тамары княземъ Гагаринымъ по желанію умнаго и просвѣщеннаго правителя края кн. Воронцова, тогдашняго намѣстника кавказскаго. Не только копии съ изображеній, но и каждый камень съ чудною рѣзбой, которыхъ, напримѣръ, въ оградѣ Бетанійской церкви валяется множество, или падаетъ въ оврагъ и уносится рѣкой,—составили бы драгоценное украшеніе любого музея.

Къ числу историческихъ документовъ, которые мнѣ удалось осмотрѣть во время своей поѣздки, принадлежатъ „гуджари“ или дарственные грамоты Грузинскихъ царей. Въ настоящее время разработка исторіи Грузіи находится въ такомъ фазисѣ, когда всячески надо стараться увеличить количество фактовъ и данныхъ, сдѣлать извѣстнымъ имѣющимся историческій матеріалъ всякаго рода, чтобы приблизить время строгой исторической критики. Поэтому приведеніе въ извѣстность и публикація такого матеріала должна быть теперь на первомъ планѣ. Извѣстные лѣтописные сборники и хроники грузинскіе, изданные въ подлинникѣ и переводѣ, знакомятъ насъ преимущественно съ внѣшнею, политическою жизнью страны, но есть масса другихъ матеріаловъ, которые заключаютъ въ себѣ драгоценныя свѣдѣнія о внутренней жизни народа и организаціи бывшаго грузинскаго царства. Къ такимъ матеріаламъ принадлежатъ и документы, извѣстные подъ именемъ „гуджари“. Эти дарственные или жалованныя грамоты давались Грузинскими царями какъ отдѣльнымъ лицамъ свѣтскимъ и духовнымъ, такъ и учрежденіямъ, какъ-то: монастырямъ, церквамъ, и корпораціямъ, напримѣръ, латинскимъ миссіонерамъ разныхъ орденовъ и т. п. Въ нихъ подробно обозначены всѣ права и преимущества, которыя присвоиваются въ силу подобнаго акта данному лицу или учрежденію. Форма всѣхъ этихъ актовъ почти одинакова. Въ началѣ призывается Господь Богъ, Иисусъ Христосъ, Святой Духъ, Богородица, ангелы, святыя общіе и мѣстные, извѣстнѣйшіе въ странѣ образа, церкви и т. п. Такой-то царь Грузинскій (или владѣтель), потомокъ царей (еврейскихъ) Иессея, Давида, Соломона и жена его царица такая-то, дѣти ихъ такія-то, пожаловали такому-то (имѣніе, званіе и т. п.) за такія-то услуги или заслуги, оказанныя имъ царю и отечеству и т. п., что свидѣтельствуемъ самъ царь своимъ подписомъ и приложеніемъ печати. Датѣ обозначены перѣдко: число, годъ, иногда и мѣсто совершенія акта, равно имени дивана, или секретаря, писавшаго или скрѣпившаго актъ.

Такихъ актовъ находится и теперь множество; большая часть ихъ принадлежитъ времени послѣ XIV столѣтія. Хотя академикъ Брюссель,

въ бытность свою въ Грузіи, успѣлъ разобрать лишь незначительную часть ихъ, хранившихся въ 40-хъ годахъ въ архивѣ синодальной конторы (теперь они хранятся въ архивѣ губернскаго правленія въ Тифлисѣ), тѣмъ не менѣе, почтенный ученый результатами своего разбора подтверждаетъ громадную важность этихъ документовъ преимущественно для внутренней исторіи Грузіи.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какая масса этихъ гуджаровъ приходится, на примѣръ, на долю Кутаисской губерніи, я представлю здѣсь краткій перечень копій гуджаровъ, осмотрѣнныхъ мною въ архивѣ кутаискаго губернскаго правленія, въ томъ порядкѣ, въ какомъ я ихъ нашелъ. Порядокъ этотъ не хронологическій и не основанъ на внутренней связи документовъ, а такъ сказать, канцелярскій: документы регистрированы по мѣрѣ поступления и рѣшенія комиссіей, разбиравшею ихъ въ 1820-хъ годахъ въ Имеретіи, а въ Мингреліи въ 1859—1863 г. Имеретія раздѣлена на четыре округа, Мингрелія (съ Лечгумомъ) на три. Документы каждого округа связаны вмѣстѣ, каждая *связка* заключаетъ въ себѣ по нѣскольку *книжъ*, номерованныхъ по *листамъ* (собств. по полулистамъ) съ указаніемъ номеровъ, входящихъ въ нихъ *статей*. Каждая статья заключаетъ въ себѣ по документу, такъ что число статей равняется числу отдѣльныхъ документовъ. И такъ, мы укажемъ здѣсь число *связокъ*, *книжъ*, статей и листовъ относящихся къ каждому округу: 1) На Кутаисскій округъ приходится: *связокъ* 6, *книжъ* 89, статей 115,000, листовъ 8,285. 2) На Вакинскій округъ: *связокъ* 6, *книжъ* 75, статей 12,498, листовъ 6,995. 3) На Шоропанскій округъ: *связки* 3, *книжъ* 45, статей 5,948, листовъ 5,938. 4) На Рачинскій округъ: *связки* 4, *книжъ* 65, статей 9,264, листовъ 5,859. И того 19 *связокъ*, 334 *книги*, 39,210 статей и 27,077 листовъ. 1) На Сенакскій округъ приходится: *книжъ* 26, листовъ 4,815, статей 8,424. (*Связокъ* нѣтъ). На записку церковныхъ документовъ: *книги* 2, *листа* 441, статьи 353. 2) На Зугдидскій округъ: *связки* 2, *книжъ* 10, листовъ 2,468, статей 4,035. 3) На Лечгумскій округъ: *книжъ* 5, листовъ 1,399, статей 2,885. (*Связокъ* нѣтъ). И того *связокъ* 2, *книжъ* 45, листовъ 9,123, статей 15,344. Всего: 21 *связка*, 379 *книжъ*, 36,200 листовъ и 54,554 статьи.

Такова масса совершенно новыхъ, не тронутыхъ и невѣдомыхъ еще наукѣ документовъ. И сколько тамъ предметовъ совершенно новыхъ по каждой отрасли наукъ, которые привлекаютъ вниманіе изслѣ-

дователя. Вообще, не смотря на значительные успѣхи, сдѣланные по изученію Кавказа и Закавказья въ отношеніи географическомъ, этнографическомъ, лингвистическомъ, историко-археологическомъ, — эта классическая страна во многихъ отношеніяхъ представляетъ все еще не початую почву для науки: она въ состояніи доставлять обильный и самый разнообразный матеріалъ цѣлой корпораціи ученыхъ для изысканій всякаго рода на многіе и многіе десятки лѣтъ.

Ал. Цагарели.

ТОРГОВЫЯ СНОШЕНИЯ ПОЛОЦКА СЪ ЛИВОНІЕЙ ВЪ XIV ВѢКѢ.

Торговля, начатая Ливонскими Нѣмцами съ Россіей въ XII и XIII вѣкахъ ¹⁾, продолжалась и въ XIV, и приобрѣла большіе размѣры и болѣе опредѣленную организацію. Въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія мы видимъ, что въ Ригѣ живетъ значительное число Русскихъ; тамъ существовала особая русская улица, русская церковь съ церковнымъ дворомъ, русская гильдейская горница и русскіе домовладѣльцы, а предъ Песочными воротами даже русская деревня. Изъ древнѣйшей долговой книги города Риги, веденной съ 1286 по 1339 г., видно, что русскіе и литовскіе купцы наравнѣ съ иностранными купцами изъ Любека, Бремена, Мюнстера, Сэста, Кельна, Брауншвейга и др., а также наравнѣ съ Готландцами, Шведами и Англичанами, вели живыя торговля сношенія съ Рижанами; подписи русскихъ и литовскихъ купцовъ составляютъ цѣлую треть всѣхъ подписей ²⁾. Понятно, что въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ принималъ дѣятельное участіе Полоцкъ, какъ ближайшій къ Ригѣ торговый городъ. Изъ перемирныхъ грамотъ Литовскихъ князей съ Нѣмцами мы видимъ, что и тѣ, и другіе выговариваютъ себѣ, неприкосновенность торговли съ Полоцкомъ; такъ Гедиминъ, заключая въ 1323 г. договоръ съ Нѣмцами, включаетъ въ этотъ договоръ и Полоцкъ ³⁾; съ своей стороны и Нѣмцы не желали, чтобы торговля съ Полоцкомъ прекращалась; такъ напримѣръ заявлялъ магистръ Ливоніи Робинъ-фонъ-Эльцъ, заключая въ 1387 г. перемиріе съ Скиригайлой. „Мы желаемъ“, говоритъ онъ,—„чтобы всѣмъ гражданамъ, а въ особенноти Полоцка и Вильны,

¹⁾ См. «Торговля и мирныя сношенія Русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII вѣкѣ» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за май мѣсяць 1876 г.

²⁾ Bönnell, Russisch-Livländische Chronographie, 130.

³⁾ Bunge, Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch, II, 150—158, № DCXCIII и № DCXCIV.

позволено было по крайней мѣрѣ приходить въ Ригу съ своими товарами и тамъ торговать“¹⁾. Эта торговля съ Полоцкомъ была для Нѣмцевъ, какъ кажется, очень выгодна; по крайней мѣрѣ къ концу XIV столѣтія они постарались придать ей прочную организацію на манеръ общества нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ; именно 29-го сентября 1393 года рижскій совѣтъ далъ нѣмецкимъ купцамъ, торговавшимъ въ Полоцкѣ, инструкцію, коей нѣкоторые пункты взяты изъ посланной нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ. Согласно этой инструкціи, нѣмецкіе купцы должны были неизмѣнно соблюдать слѣдующія правила: Они должны выбирать изъ своей среды одного ольдермана, который заботился бы о пользѣ своихъ собратьевъ и во всемъ поступалъ справедливо; онъ долженъ защищать права купцовъ, руководствуясь, съ одной стороны, предписаніями рижской думы, а съ другой—собственными соображеніями. Изъ купцовъ никто не долженъ покупать со смѣсью сала и воска²⁾; никто не долженъ покупать того, что забраковалъ другой; нельзя дозволить, чтобы нѣмецкій купецъ покупалъ то, что покупаетъ русскій; нѣмецкимъ купцамъ нужно извѣстить объ этомъ ольдермана, и ольдерманъ долженъ сообщить своимъ купцамъ, чтобы они этого товара не покупали (этимъ распоряженіемъ, равно какъ и слѣдующимъ, уничтожалась конкуренція, и слѣдовательно, возможность возвышенія цѣнъ на русскіе товары). Также не должно ни одному купцу покупать кожаныхъ издѣлій, ластокъ или горностаевъ болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{4}$ тысячи. Никто не долженъ покупать кожаныхъ издѣлій³⁾, въ которыхъ замѣчена поддѣлка, также издѣлій изъ подкрашенной шерсти, и однимъ словомъ, никакихъ товаровъ, въ которыхъ замѣчена какая-либо фальшь; ни одинъ Нѣмецъ не долженъ покупать товару болѣе, чѣмъ на тысячу марокъ серебра, подъ условіемъ штрафа за неисполненіе того. Ни одинъ Нѣмецъ не долженъ посылать Рус-

¹⁾ Ibid., III, 499, № 1245.

²⁾ 26-го января 1332 г. нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ рѣшили, чтобы никто не покупалъ после 29-го числа дурнаго воска ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ, ни въ Полоцкѣ, ни въ Ригѣ, ни въ Дерптѣ, ни въ Ревелѣ, ни на Готландѣ. Chronographe, *Winnell*, 123.

³⁾ Постановленіемъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ отъ 29-го сентября 1346 г. запрещалось покупать испорченные меховые товары въ Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Феллинѣ, на Готландѣ и тамъ, куда только Русскіе ездить. Chronographe, 139.

своему провіантъ ¹⁾. Всѣ эти вышеписанные пункты должно содержать подъ страхомъ пени въ 10 марокъ серебра за неисполненіе. И если какой купецъ захочетъ уѣхать, то долженъ идти къ ольдерману и дать клятву, что все вышеписанное законоположеніе онъ сохранилъ безъ хитрости. И если кто-нибудь этого не захочетъ сдѣлать и тайнымъ образомъ поѣдетъ внизъ къ Ригѣ, то объ этомъ ольдерманъ долженъ извѣстить рижскій совѣтъ, а послѣдній долженъ судить его по своимъ купеческимъ уставамъ. Если же выбранный въ ольдерманы захочетъ уѣхать, то онъ объ этомъ долженъ дать знать своимъ купцамъ, и они должны выбрать другаго ольдермана. И если ольдерманъ призоветъ своего купца къ суду, или будетъ какое-либо дѣло предъ королемъ и Полочанами, то купецъ долженъ дать монету серебра (около рубля). И если купцы не прійдутъ, то должно читать предъ ними это право. Также если ольдерманъ кому-нибудь прикажетъ прійти, тотъ долженъ прійти, и если не прійдетъ, то долженъ заплатить ольдерману половину фердинга ($\frac{1}{4}$ марки). Рижскій совѣтъ хочетъ, чтобы всѣ эти вышеписанные пункты каждый соблюдалъ безъ хитрости.

Изъ этого мы видимъ, что общество нѣмецкихъ купцовъ въ Полоцкѣ имѣло во многомъ сходство съ устройствомъ нѣмецкихъ же купцовъ въ Новгородѣ; какъ здѣсь, такъ и тамъ устройство это было строго корпоративное; все было предусмотрено для отклоненія конкуренціи и возвышенія цѣнъ на русскіе товары. Теперь перейдемъ къ обзору торговыхъ сношеній Полоцка съ Ливоніей въ XIV вѣкѣ.

Около 1338 года между Русскими, Литовцами и Самогитами съ одной стороны и Нѣмцами съ другой происходила война; изъ-за чего была эта война и подробности ея мы не знаемъ. Миръ 1-го ноября 1338

¹⁾ «Ok ne schal neen dudessche den Russen sendene vuren». Издатель «Русско-Ливонскихъ актовъ» подъ словомъ vuren дѣлаетъ такое примѣчаніе: «vure wohlwoge, zusammengezogen von voder, fodr, Futter also Proviant oder Mundprovision». Съ этимъ соглашается и г. Руссвуръ, мѣстный ревельскій знатокъ ниже-нѣмецкаго языка; совѣтами и объясненіями его мы пользовались при переводѣ грамотъ, написанныхъ на ниже-нѣмецкомъ языкѣ. Г. Боннель думаетъ, что этимъ постановленіемъ запрещается веденіе комиссіонной торговли. Commentar., 213. Въ новгородской скръь есть подобное же мѣсто: «Neman ne kal os Waleu gut... noch Ruscen borger, noch to sendere voren»—никто не долженъ ни давать взаймы Валийцамъ... ни Русскимъ, ни брать у нихъ въ займы». О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами. *И. Андреевскаго*, стр. 91. Намъ кажется, правдоподобнѣе послѣдній переводъ.

года прекратилъ военныя дѣйствія. Договоръ, заключенный по этому поводу, содержитъ въ себѣ много важнаго для исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Ливоніей. По этому договору Двина должна быть свободною для купцовъ, идущихъ внизъ и вверхъ съ той и другой стороны,—будутъ ли они христіане или язычники; также должны быть свободны всѣ рѣки, впадающія въ Двину вверхъ отъ р. Эвесты ¹⁾. Далѣе нѣмецкимъ купцамъ должно ѣздить также далеко, какъ со- вѣтникамъ Литовскаго князя; и Русскимъ, и Литовцамъ обезпечивает- ся безопасность относительно жизни и имущества. Двину должно сдѣ- лать безопасною съ обѣихъ сторонъ всякимъ купцамъ, и заморскимъ. Если нѣмецкій купецъ придетъ въ Литовскую землю или въ Русскую, то онъ можетъ въ этой землѣ ѣхать, куда захочетъ. Равнымъ образомъ русскіе и литовскіе купцы, если придутъ въ Ригу, то могутъ идти, куда хотятъ въ странѣ Лифляндской, и такъ далеко, какъ управляетъ ма- гистръ. Далѣе, если нѣмецкій купецъ идетъ въ Литовскую землю, или въ христіанскую страну, то купцы могутъ оставлять свой то- варъ безопасно; но если они будутъ разбиты отъ разбойниковъ, то князь не долженъ вину ихъ принимать. Равнымъ образомъ, если ли- товское войско сдѣлаетъ походъ въ христіанскую страну и разобьетъ русскихъ или литовскихъ купцовъ, то магистръ не долженъ его вину принимать. Далѣе, если нѣмецкій купецъ украдетъ что-либо въ Литвѣ или на Руси, то должно судить его въ Ригѣ за этотъ проступокъ; и если Литвинъ или Русскій украдетъ у нѣмецкаго купца, то его должно судить за эту вину. И если нѣмецкіе купцы начнутъ споръ между собою въ Литвѣ или на Руси, то рѣшеніе его должно отло- жить до Риги, и тамъ судить. Равнымъ образомъ если Русскіе или Литовцы начнутъ споръ между собою въ землѣ магистра, то разбор- ку его должно отложить до ихъ старшины. Далѣе, если нѣмецкій купецъ завяжетъ споръ съ литовскимъ или русскимъ купцомъ, также Русскій или Литвинъ съ Нѣмцемъ, то должно судить тамъ, гдѣ онъ произошелъ. Убѣжить ли Литвинъ, или Русскій чрезъ мирную землю въ христіанскую страну и принесть съ собою имущество, и князь захочетъ взять его въ свои руки (конфисковать), то долженъ отдать товаръ, принадле- жащій другому. И также если убѣжить какой-либо мужъ изъ хри- стіанской земли чрезъ мирную землю къ Литовцамъ или въ Русь и принесть съ собою имѣнье, и захочетъ магистръ и ландмаршалкъ конфисковать это имущество, то онъ долженъ отдать имущество при-

¹⁾ Рѣка Эвеста впадаетъ въ Двину съ правой стороны.

надлежащее другому. И убѣжить Литвинъ или Русскій чрезъ немирную землю въ христіанскую страну и принесть съ собою имущество, то его отдавать не должно. Далѣе съ обѣихъ сторонъ не должно дѣлать никакого закладыванія. Этотъ миръ заключенъ на десять лѣтъ съ согласія короля Литовскаго, епископа и князя Полоцкаго и города Полоцка, и князя Витебскаго, и города Витебска, и съ согласія магистра, ландмаршалка и многихъ другихъ братьевъ и совѣтниковъ Рижскихъ.

Послѣ этого общаго договора Полоцкій епископъ Григорій и князь Глѣбъ-Наримунтъ, сынъ Гедимина заключили другой частный договоръ съ Нѣмцами относительно вѣсовъ ¹⁾. Вотъ этотъ договоръ: „Такъ хочемъ мы горожане съ мѣштеремъ: переже, како вѣсити воскъ на скалвахъ, а вамъ чинити такожь, въ тяжелѣй нашего полуиуда. Тотъ товаръ, который вѣсити на скалвахъ, а языкъ пускати на товаръ; а коли товаръ на стану станеть, отступи прочь, а рукою не приймай. А вѣсцѣви крестъ цѣловати, какъ ему право вѣсити, какой ни товаръ будетъ. А Нѣмцѣмъ дати вѣсчего отъ бѣрковьска заушня отъ воску, отъ мѣди, отъ олова. А соль вѣсити у пудный рѣмѣнь отъ бѣрковьска узати ему долгая, отъ рубля дати ему долгая. А в Ризѣ рускому купцѣви отъ вѣса дати ему отъ бѣрковьска полъ оври, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю. А соль вѣсити пуднымъ рѣмѣнемъ, отъ бѣрковьска дати ему отъ вѣса любѣцскій, отъ гривны серебра любѣцскій. А вѣсити чистый воскъ безъ подсады, безъ смолы, безъ сала, какъ вѣрхъ, тако исподъ. Аажо привѣзетъ нечистый товаръ, а не любъ будетъ, поехати ему назадъ со своимъ товаромъ, а свой князь тамо казнить его. Аже найдуть у Нѣмцевъ

¹⁾ Русско-Литовскіе акты № LXXIV, стр. 52—55. Боннель относитъ этотъ договоръ къ 1338 г. и доказываетъ это тѣмъ, что въ 1338 году 1-е ноября былъ заключенъ договоръ Гедимина съ Нѣмцами; въ этомъ договорѣ, какъ мы видели, принимали участіе епископъ Полоцкій, князь и все Полочане. Какъ они принимали участіе въ заключеніи этого общаго договора, такъ могли заключить и особенный договоръ о вѣсахъ; а такой договоръ могъ быть заключенъ не ранѣе возобновленія торговыхъ сношеній послѣ приостановки ихъ во время военныхъ дѣйствій и послѣ обезпеченія всеобщимъ мирнымъ договоромъ. Къ тому же запрещеніе покупать воскъ съ примѣсью послѣдовало отъ нѣмецкаго новгородскаго двора во второй половинѣ 1332 г., и слѣдовательно, этотъ договоръ никакъ не могъ быть заключенъ въ 1330 г. Имена епископа и князя значатся на привѣщенной къ этой грамотѣ печати. Подъ магистромъ здѣсь разумѣется Эбергардтъ фонъ Монгеймъ (1328—1340 г.). *Боннель. Commentar.*, 175—176.

нечистый товаръ у Руской земли, пойти ему назадъ с товаромъ у Ригу, тамъ его свой князь судить“.

До 1399 года мы не имѣемъ болѣе никакихъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Полоцкомъ съ Литовскими Нѣмцами. За то въ этомъ и слѣдующемъ году по поводу торговли происходила большая переписка между Витовтомъ, подъ властію котораго находился Полоцкъ, и Ливонцами. Въ 1399 году, 6-го марта, Витовтъ далъ грамоту Рижанамъ, которою подтверждались прежнія торговья права тѣхъ и другихъ. „Мы великій князь Витовтъ дали есмо сию грамоту бургомистру Ризскому Никъбругуе и всемъ Немцемъ и купцемъ Ризскимъ и инымъ всемъ, что же и у Полоцку Полочаномъ цоловати добрымъ людемъ крестъ цоловати на томъ, што имъ чинити Немцемъ всеу правду и во всей у торговли и во всякомъ торговомъ деле; а тако же і у Ризе и Полочаномъ цоловати крестъ Немцемъ, добрымъ людемъ на томъ, сто Полочаномъ чинити всеу правду и у вѣ сѣ і у торговли і во всемъ торговомъ деле. А рубежа не чинити промежи себе на обе стороне, ни Нѣмцемъ, ни Молочаномъ знати истцю истца. А на то на все дали есме сию грамоту і печать свою велѣли привесити. А пѣсана у Полоцку, у четвергъ четвертое недли поста, марта у шестий день, по Божьему нароченъи вышло лѣті тысяча и четыреста безъ единого лѣта“¹⁾. Можетъ быть, въ этомъ же году былъ заключенъ Полоцкимъ наместникомъ Монтигирдомъ и всѣми Полочанами договоръ по повелѣнію князя Витовта. Въ этомъ договорѣ говорится о крѣпкомъ держаніи мира, заключеннаго Нѣмцами съ княземъ Семеномъ и Полочанами; о томъ, чтобы въ ту и другую сторону путь былъ чистъ, а Нѣмцы и Полочане пользовались взаимною безопасностію. „Што есте со княземъ съ Семеномъ миръ узали и с мужи Полочаны, штобы то такъ: здержали тотъ миръ крепко, а мы такъ і держимъ крепко, доколе изидеть. А на томъ миру ваши пусть к намъ едутъ чисто, а наши к вамъ едутъ чисто; а вамъ блюсти Полочанина какъ бы своего Немчина, а мы хотимъ вашего Немчина блюсти какъ бы своего Полочанина“²⁾.

Въ 1400 году произошли столкновенія Полочанъ и Витовта съ Нѣмцами. Это видно изъ донесенія рижскихъ пословъ Тидемана Нибругге и Лобберта Виттенборга. Эти послы были сначала въ Смо-

¹⁾ Русско-Ливонскіе акты. № СХХІІ, стр. 44—45.

²⁾ Русско-ливонскіе акты. № СХХІV, 104.

ленскѣ для своихъ торговыхъ цѣлей, а потомъ для тѣхъ же цѣлей прибыли въ Полоцкъ. Съ ними послано было два боярина и письмо отъ Витовта. Въ письмѣ приказывалось Полочанамъ переговорить съ нѣмецкими послами о торговыхъ дѣлахъ и о пропускѣ нѣмецкихъ купцовъ по всѣмъ ихъ правамъ. По показанію нѣмецкихъ купцовъ, Полочане неохотно согласились на это; между послами и Полочанами произошелъ споръ. Полочане жаловались на Нѣмцевъ за то, что совѣтъ рижскій запретилъ Русскимъ торговать съ заморскими купцами въ Ригѣ, и что отъ Риги впервые произошло замѣшательство. На это нѣмецкіе послы отвѣчали, что этого не могло быть, потому что заморскіе купцы вольны торговать въ Ригѣ, съ кѣмъ хотятъ. Съ своей стороны нѣмецкіе послы тоже не остались въ долгу; они стали упрекать Полочанъ за то, что у нихъ неправильные вѣсы, напомнили о скалѣ и пудѣ, а также и о томъ, что они неправильно приняли нѣмецкую соль ¹⁾.

Столкновеніе съ Витовтомъ произошло по слѣдующему случаю: Витовтъ сталъ требовать, чтобы нѣмецкіе купцы продавали сукно въ долгъ, а расчетъ получили бы въ Вильнѣ; купцы отвѣчали, что это противно грамотѣ привилегій, въ которой сказано, что нѣмецкіе купцы должны торговать съ Русскими и Литовцами въ городѣ. Витовтъ на это разсердился и запретилъ имъ идти въ Ригу, а Литовцамъ и Русскимъ запретилъ ходить вверхъ и внизъ по Двинѣ; запретилъ Нѣмцамъ мелочной торгъ, покупать скотъ, рожь и медъ; необходимое для провіанта они должны были покупать тайкомъ; принуждалъ Нѣмцевъ насильно взять отъ Смольнянъ и Полочанъ воскъ со смѣсью ²⁾. Это подѣйствовало на Нѣмцевъ, и они, какъ видно изъ письма Витовта къ Рижанамъ отъ 4-го февраля 1401 года, отправили къ Витовту письмо, въ которомъ выразили свою скорбь вслѣдствіе подобныхъ столкновеній. Далѣе Витовтъ проводилъ ту мысль, что напрасно

¹⁾ Ibid. № СХХVII, 98 и 99.

²⁾ Ibid. № XXXV, 105. Запрещеніе торговать съ Русскими послѣдовало отъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ 25-го іюля 1318 года. *Вопель*, 107. Подобное же постановленіе было сдѣлано въ 1366 г. 24-го іюня собраніемъ уполномоченныхъ отъ приморскихъ городовъ въ Любекѣ, гдѣ для новгородскаго двора было постановлено: «никакой гость не долженъ ни продавать Русскому, ни покупать у него въ кредитъ, но на чистыя деньги или товары, подъ страхомъ пени пятидесяти марокъ серебра». О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами, *Изв. Андреевскаго*, 105.

ему не довѣряютъ, что никто отъ него еще не былъ несчастнымъ. Въ заключеніе говорится, что его города и земли въ ихъ волѣ: „Вольно вамъ къ намъ прїѣзжать и уѣзжать. Знайте также, что мы написали Полочанамъ, чтобъ они дали крестное цѣлованіе, что будутъ поступать справедливо, какъ въ отношеніи васъ, такъ и въ-совѣ“¹⁾.

---

¹⁾ Русско-ливонскіе акты, № СХХХVI, 106.

Ив. Тихомировъ.

О ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРѢ ЗАПАДНЫХЪ ФИННОВЪ ПО ДАННЫМЪ ИХЪ ЯЗЫКА ¹⁾.

Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Von D-r August Ahlqvist (Культурныя слова въ западно-финскихъ языкахъ. Вкладъ въ исторію древней финской культуры. Соч. д-ра Августа Алквиста). Helsingfors. 1875.

V,

Семейный бытъ у древнихъ Финновъ; названія родства; домочадцы. — Бытъ общественный: община, народный сходъ. — Военные обычаи; вооруженіе. — Религиозныя понятія: дѣленіе времени и праздники; народное творчество.

Для изображенія *семейнаго быта* финскіе языки предлагают обильный матеріалъ. Какъ собственно финскій, такъ и другіе языки той же группы — по замѣчанію г. Алквиста — сравнительно богаты самобытными словами, означающими родственныя связи, и въ этомъ отношеніи они могутъ быть поставлены на ряду съ языками литовскими и славянскими, въ которыхъ всѣ отгѣнки родства и свойства весьма точно отмѣчены различными словами. И такъ какъ названія родственныхъ связей въ большей части финскихъ языковъ одни и тѣ же, то изъ этого — думаетъ г. Алквистъ — можно заключить, что правильный семейный бытъ сложился у Финновъ самобытно, независимо отъ вліянія другихъ народовъ, и притомъ въ то еще время, когда Финны не дѣлились на многія племена. Таковъ общій окончательный вы-

---

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* текущаго года.

водъ почтеннаго изслѣдователя; но при этомъ нельзя не замѣтить, что въ болѣе частныхъ заключеніяхъ, относящихся къ исторіи развитія финскаго семейнаго быта, г. Алквисту нерѣдко приходится указывать слѣды чужаго вліянія.

Въ настоящее время, говоритъ онъ,—у Западныхъ Финновъ семья, финск. *pere*, *perhe*, эстск. и вотск. *pere*, лопск. *parad*, *bærað*, образуется далеко не тѣмъ способомъ, что въ древности. У Тюркскихъ народовъ, а также и у Восточныхъ Финновъ, издревле существуетъ обычай, что молодецъ, желающій вступить въ бракъ съ дѣвушкой, вноситъ отцу ея такъ называемый калымъ, то-есть, вѣно или извѣстный выкупъ, вознагражденіе—не только за ея прокормленіе и воспитаніе, но и за ту рабочую силу, которой лишается семья невѣсты съ выходомъ ея замужъ. Размѣръ этого выкупа бываетъ иногда весьма крупенъ; онъ зависитъ отъ того значенія, какимъ пользуется семья невѣсты, и въ особенности—отъ размѣра ея приданнаго. Но и у народа бѣднаго извозъ калыма столь обязательнъ, что иной немущій Татаринъ такъ и умираетъ неженатымъ, потому что не въ состояніи накопить довольно денегъ для покупки жены. Въ былое время отъ калыма избавлялись тѣмъ, что добывали себѣ жену похищеніемъ, умышкой: обычай, донынѣ существующій у степныхъ Тюркскихъ народовъ, и многочисленные слѣды котораго сохранились въ пѣсняхъ и преданіяхъ Урало-Алтайцевъ, живущихъ болѣе къ западу. Что же касается Финновъ Балтійскихъ, то ихъ брачный обычай составляетъ уже третью ступень въ общемъ развитіи семейнаго быта, такъ какъ, по всему вѣроятію, Финны, прійдя къ Балтійскому побережью, позаимствовали многое въ этомъ отношеніи у Литовскихъ народовъ и тѣмъ дополнили и развили кругъ собственныхъ обыкновеній. Наконецъ, дальнѣйшее измѣненіе послѣднихъ совершилось подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о бракѣ и церковныхъ обрядовъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго г. Алквистъ находитъ обильныя данныя въ кругу финскихъ словъ, относящихся къ семейному быту.

Женатый мужчина носитъ въ западно-финскихъ языкахъ двойное названіе: во первыхъ, финск. и ливск. *mies*, эстск. и вотск. *mees*, вепск. *mies*, собственно въ значеніи супруга, и во вторыхъ, финск. *uros*, мадыарск. *ur*, господинъ, зыр. *verüs* или *ures*. Оба эти слова г. Алквистъ сопоставляетъ съ соответствующими имъ арійскими: первое — со слав. *мужь*, лат. *mas*, и второе — съ лит. *vyras*, латышск. *airs*, лат. *vir*, какъ бы намекая тѣмъ самымъ, что корни этихъ словъ общи финскимъ и арійскимъ языкамъ. Впрочемъ, въ терминологіи

семейнаго быта можно, какъ увидимъ ниже, указать не одинъ примѣръ такого сходства.—Женщина имѣетъ по фински нѣсколько названій. Одно изъ наиболее распространенныхъ происходитъ отъ корня: *nai, nei*, отъ котораго въ разныхъ нарѣчіяхъ западныхъ и частію восточныхъ образуются какъ общее названіе женщины, такъ и болѣе частныя — сунруги, дочери, дѣвушки. Другое, также весьма распространенное названіе жены есть финск. *vaino*, одного корня съ этск. *vain*, духъ, душа, чувство, и лопск. *vainbo*, сердце; переходъ этого послѣдняго кореннаго значенія въ упомянутое выше производное объясняется, по мнѣнію г. Алквиста, употребленіемъ кореннаго слова въ ласкательномъ значеніи подобно нѣмецкому *mein Herzchen* или русск. *душенька*. Остальныя названія женщины суть финск. и лопск. *akka* и финск. *miija*; они имѣютъ оттѣнокъ шутовскости и употребляются преимущественно въ смыслѣ хозяйки; притомъ *miija* происходитъ отъ простонароднаго шведск. *moija*, имѣющаго то же значеніе.

Отъ самобытнаго *nai*, жена, происходитъ глаголъ финск., востк. и вепск. *nain*, жениться; посвататься означается по фински и этски словомъ *kosin*, по ливски *koī, kuoī*, происходящимъ отъ латышск. *kasas*, свадьба. Собственно въ финскомъ языкѣ свадьба называется самобытнымъ словомъ *häät*, по въ лопскомъ то же слово, въ формѣ *hæjak*, является лишь въ болѣе общемъ значеніи—угощенія; этскій языкъ также называетъ свадьбу словомъ, имѣющимъ не коренное, а переносное значеніе, именно *pulmad* (множ. число), что по прямому смыслу значить шумъ или толпа. Обручальное кольцо называется по фински *kihla*, лопск. *kihle*, этск. *kihli*; послѣднее слово, равно какъ и ливск. *kīl*, имѣетъ также значеніе залога, и вепск. форма *kehli* означаетъ закладъ. Хотя слово это распространено почти во всѣхъ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, происходитъ оно изъ арійской группы языковъ: по латышски залогъ также значить *kīls*, и это коренное значеніе слова, что объясняется др.-сѣв. *gisl*, шведск. *gislan*, датск. *Gidsel*, нѣм. *Geissel*, заложникъ. Не трудно объяснить, почему обручальное кольцо, залогъ и закладъ называются словами одного корня: если бьются объ закладъ, то въ обезпеченіе справедливости своего утвержденія даютъ залогъ; такъ и при обрученіи кольцо есть залогъ того, что женихъ исполнитъ свое обязательство относительно невѣсты.

Для лицъ, вступающихъ въ бракъ, нѣтъ въ финскихъ языкахъ самобытныхъ названій. Въ собственно финскомъ, этскомъ и лопскомъ слово, означающее невѣсту, финск. *morsian*, этск. *mōrsi*, лопск.

moarsse, объясняется изъ литовскаго; вепское *muksõin*, отъ того же корня, означаетъ молодуху; далѣе, въ ливскомъ невѣста называется *brut*, отъ нѣм. *Braut*, а въ вепскомъ, вогульскомъ и зырянскомъ сходно съ русскимъ — *nevest*, *nevesta*; наконецъ. и въ русско-корельскомъ мы опять встрѣчаемъ *neveska*, но лишь въ значеніи невѣстки. Какъ въ русск. *невестка* скрывается едва ли не древнѣйшій смыслъ этого слова — молодая жена, жена сына, ибо состояніе невѣсты, какъ дѣвицы, помолвленной за жениха, не соответствуетъ древнѣйшему обычаю умыканія и есть явленіе относительно позднѣйшее ¹⁾. — такъ и въ финскихъ языкахъ, при отсутствіи самобытнаго названія для помолвленной дѣвицы, есть чисто самобытное слово, означающее молодуху, еще не имѣющую дѣтей: финск. *morikko*, вотск. *noorikko*, эстск. *noorik*, отъ коренного *tori*, молодой.

Въ отношеніи къ названію жениха финскіе языки представляютъ нѣсколько выраженій; но одни изъ послѣднихъ, коренныя финскія, какъ напримѣръ, финск. *ylkä*, лонск. *ivge*, эстск. *peig*, означаютъ вступающаго въ бракъ человѣка только по переносному словупотребленію; другія же названія прямо переняты изъ языковъ чужихъ: такъ, слав. *женихъ* перешло къ Кареламъ, Води, Вогуламъ и Мордвѣ. Подобно тому заимствованнымъ оказывается и наиболѣе употребительное въ собственно финскомъ языкѣ названіе жениха *sulhanen*, и притомъ распространеніе этого слова въ языкахъ западно-финской группы представляетъ — по мнѣнію г. Алквиста — свидѣтельство объ одномъ замѣчательномъ явленіи древняго финскаго быта. Между тѣмъ какъ по фински *sulhanen* значитъ женихъ, въ эстскомъ языкѣ мы находимъ то же слово *sullane*, *sulane*, въ ливскомъ *sulli* — въ значеніи слуги, работника. Таково же значеніе и латышск. *sullainis*, которое послужило прототипомъ для вышеупомянутыхъ словъ, а само есть ничто иное, какъ уменьшительное отъ *sulha* = слав. *слуга*. По догадкѣ г. Алквиста, переходъ значенія слуги въ значеніе жениха объясняется тѣмъ, что въ древности у Финновъ, вѣроятно, былъ обычай, сходный съ еврейскимъ, — что молодой человѣкъ, желающій жениться на какой-либо дѣвушкѣ, долженъ былъ до свадьбы прослужить нѣкоторое время въ работникахъ въ домѣ отца невѣсты. — Чтобы покончить съ кругомъ словъ, относящихся непосредственно до брачныхъ отношеній, упомянемъ еще, что для означенія вдовы, вдовца финскіе языки или

¹⁾ См. Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, соч. П. Лауровскаго, стр. 90—91.

употребляютъ самобытное слово *leski*, *läsk* и пр., по первоначальному смыслу значущее вольный, свободный, или пользуются словами, заимствованными изъ русскаго языка.

Отъ терминовъ, касающихся собственно брачнаго состоянія, перейдемъ къ названіямъ кровнаго родства. Отецъ называется въ финскихъ языкахъ двояко: во первыхъ—финск. *isä*, эстск. *isa*, *iza*, вотск. *izä* и *itä*, вог. *säs'*, остяцк. *äsi*, мадьярск. *atya*, морд. *at'a*, старикъ, самецъ, *at'ai*, тестъ, вотяцк. *ata*, *atai*, черем. *äitä*; и во вторыхъ—финск. *taatto*, эстск. *taat*, вепск. *tat*, ливск. *tõt'*, черем. *t'ötä*, дѣдъ; но, по замѣчанію г. Алквиста, оба эти названія такъ смѣшиваются одно съ другимъ въ употребленіи, что являються какъ бы двумя формами одного въ сущности корня; къ этому можно прибавить, что какъ въ финскихъ названіяхъ мужа и жены г. Алквистъ усмотрѣлъ нѣкоторое сродство съ словами арійской группы, такъ то же можетъ быть замѣчено и въ отношеніи названій отца: вспомнимъ греч. *ἄτα*, лат. и готск. *atta*, слав. *отъ*, *отецъ*, греч. *τάτα*, литовск. *tėtis*, русск. *татя* ¹⁾. Какъ финск. *isä*, по мнѣнію г. Алквиста, стоитъ въ близкой связи съ прилагат. *iso*, большой, такъ и встрѣчающееся во многихъ финскихъ языкахъ названіе дѣда или вообще старика—*äijä* происходитъ отъ корня, означающаго многій, великій. Гораздо менѣе распространено другое названіе дѣда или вообще старика—*ukko*: мы находимъ его только въ финскомъ собственно да въ вепскомъ *uk*; въ эстскомъ же, въ формахъ простой *Uku* и сложной *imeukud*, оно получило только специальный характеръ, какъ названіе миоическихъ существъ: эстск. *Uku*—то же, что финское божество *Ukko*, а эстск. *imeukud* означаетъ сонныхъ духовъ. Къ этому должно прибавить, что *Ukko*, *Uku* не составляли однако, по мнѣнію Кастрена, коренныхъ личныхъ именъ почитаемаго Финскими племенами бога неба, но сперва придавались ему только какъ эпитеты, выражающіе почтеніе ²⁾.

Мать носитъ въ финскихъ языкахъ нѣсколько названій: одно изъ нихъ *emä*, *jema* и т. д. встрѣчается въ финскомъ собственно, вотскомъ, ливскомъ и остяцкомъ; другое—*emme*, *ædne* и т. д.—то же въ вотскомъ и остяцкомъ, и сверхъ того, въ лопскомъ, мадьярскомъ, вотяцкомъ и вогульскомъ. Кромѣ этихъ словъ самобытнаго происхож-

¹⁾ Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, П. Лауровскаго, стр. 10—11.

²⁾ М. Al. Castrén's Vorlesungen über die Finnische Mythologie. Uebersetzt von A. Schiefner (St.-Petersb. 1853), стр. 26 и слѣд.

денія, въ языкахъ корельскомъ, вепскомъ и зырянскомъ мы находимъ названія матери, образованныя сходно съ обще-арійскимъ словомъ *matra*; въ финскомъ же собственно нинѣ наиболѣе употребительно въ этомъ смыслѣ слово *äiti*, эстск. *eit*, происходящее, вѣроятно, отъ готскаго *atheī*. Бабка обыкновенно называется по фински *matto*, отъ шведск. *mormor*.

Дитя называется въ финскомъ *lapsi*; въ эстскомъ, ливскомъ и вепскомъ *laps*, въ вотскомъ *lahsi*; этому слову соответствуетъ мордовское *lefks*, въ значеніи дѣтенышъ. Названіе сына -- финск. и вотск. *poika*, вепск. *poig*, эстск. *poeg*, ливск. *puoga*, вотяць. и зыр. *pi*, мадырск. *fi* и *fiu*, вог. *pü*, остяцк. *poh*, принадлежитъ, по видимому, къ числу тѣхъ словъ, въ коихъ языки финскіе по своимъ корнямъ сближаются съ арійскими. Изъ сравненія формы этого слова въ западныхъ и восточныхъ финскихъ языкахъ г. Алквистъ заключаетъ, что окончаніе *ka* въ первыхъ есть слогъ производный, и что въ такой формѣ слово это сложилось, быть можетъ, подъ влияніемъ шведскаго *pojke*, гдѣ окончаніе *ke* имѣетъ уменьшительное значеніе сравнительно съ датск. *poj*, англ. *boy*, франц. *page* и греч. *παῖς*; болѣе же первоначальную физекую форму этого слова, по предположенію г. Алквиста, составляетъ эстск. *poji*, ребенокъ, и вотск. *pojo*. — Для представителя третьяго поколѣнія, внука, финскіе языки не имѣютъ вовсе самобытнаго слова и пробавляются заимствованіемъ слав. *унукъ* въ формѣ *unika* *unikka*, и т. д. — Названіе дочери въ большей части финскихъ языковъ образуется изъ самобытнаго слова *nei*, которое уже было упомянуто выше въ значеніи женщины; въ томъ же смыслѣ встрѣчаются въ финскомъ собственно *tyttö*; это слово г. Алквистъ считаетъ возможнымъ сблизить съ татарскимъ *tuta*, означающимъ старшую сестру; но кромѣ указанныхъ выраженій, въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ у Западныхъ, такъ и у Восточныхъ Финновъ, названіе дочери заимствовано изъ языковъ арійской группы. То же должно сказать и о названіи сестры въ большей части финскихъ языковъ, хотя въ эстскомъ и лонскомъ и для этого понятія встрѣчаются выраженія самобытныя.

Г. Алквистъ обращаетъ вниманіе на ту особенность урало-алтайскихъ языковъ, что во многихъ изъ нихъ старшіе и младшіе братья, старшія и младшія сестры называются различными словами, и что въ то же время дядя называется также, какъ старшій братъ, а тетка, какъ старшая сестра; впрочемъ, продолжаетъ почтенный авторъ, — особенность эта у Балтійскихъ Финновъ ужь утратилась

подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ и европейской культуры. Что же касается Финновъ Восточныхъ, то приведенные г. Алквистомъ примѣры доказываютъ, что языки ихъ еще сохраняютъ, хотя отчасти, вышеуказанную черту древности. Итакъ, согласно сказанному, въ нынѣшнемъ словоупотребленіи многихъ западно-финскихъ языковъ названіе брата вообще производится изъ одного корня: таково финск. *veijo, veikko, veli*, эстск. *veli, vend*, лопск. *vellja* и т. д. (форма *veikko* перешла и въ русскій народный говоръ Петербургской губерніи въ значеніи товарища, брата — *вейка*); но названія дяди дробятся смотря по тому, разумѣется ли дядя по матери, или дядя по отцу: первый называется по фински *emo*, по эстски и вотски *ono* и т. д., второй — финск. *setä*, эстск. *lell*; въ лопскомъ языкѣ дробленіе названія дяди по отцу идетъ еще далѣе, такъ что дядя, который старше отца, называется иначе, чѣмъ дядя моложе отца. Изъ восточно-финскихъ языковъ, тожество названій старшаго брата и дяди и отдѣльность названій младшаго брата особенно ярко выступаютъ въ мордовскомъ, черемисскомъ и вотяцкомъ, хотя при этомъ названные языки имѣютъ особые слова для означенія общаго понятія о братѣ. Наконецъ, тетка называется по фински, вотски и венски *titi*, по эски *tädi, töud*, и о происхожденіи этого слова г. Алквистъ не высказывается окончательно — заимствовано ли оно отъ слов. *тетя*, или же самобытное и стоитъ въ связи съ упомянутымъ выше финск. *tyttö*, дочь; но въ лопскомъ языкѣ мы опять находимъ особое названіе для тетки, которая старше матери — *goaska, koska*, и для такой, которая моложе матери — *muota*; подобно тому въ мордовскомъ, черемисскомъ и вотяцкомъ проводится различіе между старшею и младшею сестрой.

Не останавливаясь далѣе на подробномъ анализѣ второстепенныхъ родственныхъ названій у Финновъ, который предложенъ г. Алквистомъ, ограничимся однимъ, истевающимъ отсюда выводомъ, именно — что въ финскихъ языкахъ встрѣчаются самобытные слова, коренныя, или по крайней мѣрѣ производныя, для означенія вотчима, мачихи, пасынка, падчерицы, свекра, свекрови, зятя, свояка, шурина, деверя, снохи, золовки, невѣстки и свояченицы. Можно съ увѣренностью сказать, что именно это обиліе самобытныхъ терминовъ для мелкихъ отгѣнковъ родства и свойства и побудило почтеннаго финнолога высказать то заключеніе, что семья сложилась у Финновъ самостоятельно, прежде, чѣмъ они пришли въ соприкосновеніе съ Арійскими народами вблизи Балтійскаго моря.

Подобное точное и подробное разграниченіе различныхъ род-

ственныхъ оттѣнковъ, существовавшее въ старину у Славянъ, по замѣчанію изслѣдователя славянской терминологіи родства П. А. Мавровскаго, — „необходимо должно вести къ заключенію о происхожденіи его въ пору совмѣстной жизни цѣлаго рода, потому что только при такомъ условіи понятною становится потребность болѣе точнаго и опредѣленнаго выдѣленія родичей, а чрезъ это — и избѣжанія смѣшенія и недоразумѣній. Изъ наблюденія надъ постепеннымъ вымираніемъ родственныхъ названій“, продолжаетъ тотъ же ученый, — „въ послѣдующее, сравнительно позднѣйшее, историческое время жизни Славянъ, когда семейно-родовой бытъ ихъ видимо распадался, смѣло можно утверждать, что полнота родственныхъ терминовъ... относится къ самому полному развитію семейно-родовой связи“¹). Г. Алквистъ хотя и засвидѣтельствовалъ обиліе родственныхъ названій у Финновъ, но не могъ сдѣлать отсюда выводъ, что у нихъ было живое сознаніе родового начала. Напротивъ того, онъ прямо говорить, что семейная или родовая связь не вела у Финновъ къ социальному объединенію. Въ западно-финскихъ языкахъ существуетъ два слова, которыми означается понятіе рода: во первыхъ — финск. и востек. *siki*, эстек. и вепск. *sigi*, ливск. *sug*, лопск. *sokka*, и вторыхъ — финск. *heimo*, эстек. *hõim*, ливск. *aim*; по ни то, ни другое выраженіе не имѣетъ значенія триба, кантона, клана или чего-либо подобнаго, почему и нельзя думать, чтобы семьи, принадлежавшія къ одному роду, составляли у Финновъ одну социальную единицу. Да образованіе такой связи, прибавляетъ г. Алквистъ, — было и не возможно, потому что каждая семья жила сама по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, ради удобствъ охоты и пастьбы скота.

Отдѣльное жилище одной семьи, большое или малое, называется по фински и востеки *talo*, по эстски *talo*, *talu*, по ливски *tal*, по лопски *dallo*; крестьянская усадьба съ принадлежащею къ ней землею, такъ называемый геймать, означается по фински словомъ *tila*, а участокъ земли, предоставляемый въ пользованіе постороннему лицу за нѣкоторую плату или подъ условіемъ извѣстныхъ работъ, носитъ по фински названіе *torppa*, отъ шведск. *torp*. Для означенія домохозяйина, домохозяйки употребляются въ финскомъ собственно слова *isäntä*, *emäntä*, повторяющіяся также, съ небольшими измѣненіями, въ эстскомъ, ливскомъ, вепскомъ и лопскомъ; въ южно-емскихъ говорахъ выраженія эти получили значеніе господина, госпожи. Но во всякомъ

¹ Къ древнее значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, стр. 37—38.

случаѣ, по замѣчанію г. Алквиста, происхождение ихъ отъ финск. *isä*, отецъ, и *emä*, мать, указываетъ на то народное воззрѣніе, по которому домохозяева являются лицами, заступающими мѣсто родителей.

Названій слуги, работника въ финскомъ языкѣ есть нѣсколько, но они по большей части заимствованныя. Одно изъ наиболѣе старыхъ—финск. и вотск. *orja*, эстск. *ori*, въ современномъ употребленіи означающее уже не простого слугу, а раба; но такъ какъ у древнихъ Финновъ, по всей вѣроятности, рабовъ не было вовсе, и какъ въ восточно-финскихъ языкахъ вовсе нѣтъ самобытныхъ словъ для означенія этого понятія, то г. Алквистъ допускаетъ предположеніе, что и слово *orja*—пришлое и пожалуй не чуждо арійскому корню *ar*, что значитъ почитать, служить. Выше было упомянуто, что изъ слав. *слуга* образовалось эстск. *sullane*; финск. *holappa*, эстск. *hola*; также, очевидно, происходитъ изъ русск. *холодъ*. Любопытно, что въ восточной Финляндіи распространено слово *kasakka* въ значеніи наемнаго работника: въ томъ же смыслѣ употребляется оно и въ русскомъ языкѣ въ Архангельской, Псковской и Тверской губерніяхъ¹⁾. Кстати замѣтить, что и слово *бобыль* также перешло въ финскій языкъ въ формѣ *puhli* и также употребительно въ той части Финляндіи, которая примыкаетъ къ русскимъ предѣламъ.

Замкнутостью, несообщительностью финскаго народнаго характера г. Алквистъ объясняетъ то обстоятельство, что финскіе языки очень бѣдны словами, означающими товарища, друга. Въ Калевалѣ употребляется въ смыслѣ товарища описательное выраженіе *toinen mi-
es*, что буквально значитъ другой человекъ; въ современной финской рѣчи чаще всего встрѣчаются слова *kumppani*, *kumppali*, отъ шведск. *kumpan*, и *toveri*, отъ русск. *товарищъ*; послѣднее слово усвоено также Вепсами и Карелами. Другъ—по фински *ystävä*, отъ самобытнаго *yskä*, грудь; такимъ образомъ, по коренному своему смыслу слово это близко въ русскому *напереникъ*. Но наиболѣе любопытно въ этой группѣ понятій эстское слово *sõbr*, ливск. *sõbbõrs*. Г. Алквистъ указываетъ прототипъ его въ литовск. *sėbras*, товарищъ, и затѣмъ, говоритъ, что изъ эстскаго оно перешло въ финскій, гдѣ получило отвлеченное собирательно значеніе общества, товарищества. Что и въ финскомъ собственно оно имѣло въ старину форму *sepra*, на это—по предположенію г. Ал-

¹⁾ Опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 62.

квиста—указываетъ лопск. *sebre, serve*, заимствованное изъ финскаго. Ученый финнологъ идетъ и еще далѣе, предполагая, что отъ Эстовъ и Кареловъ слово это перешло также въ русскій языкъ въ формѣ *сябрь*—знакомый, пріятель, и *себра*, работа общими силами. Ему извѣстно только современное употребленіе этихъ словъ въ Псковской и Олонекской губерніяхъ, между тѣмъ какъ въ формѣ *шебѣръ, шибѣръ*, товарищъ, то же слово распространено во всей Великороссіи ¹⁾ и даже не чуждо другимъ славянскимъ языкамъ, напримѣръ, сербск. *себар*, земледѣлецъ ²⁾, почему и можетъ быть сочтено за коренное славянское.

До сихъ поръ въ этой главѣ мы слѣдовали за г. Алквистомъ въ характеристикѣ семейнаго быта Финновъ. Теперь же перейдемъ къ изображенію быта *общественнаго*, на сколько это дозволяетъ филологическій матеріалъ, собранный нашимъ ученымъ.

Мы уже видѣли, что г. Алквистъ не нашель въ финскихъ языкахъ свидѣтельства о существованіи у Финновъ рода какъ социальной единицы. Недостатокъ у нихъ общественности характерно обозначается отсутствіемъ самостоятельнаго слова и для названія сосѣда: отъ слова *vietä*, край, прилежащее, образовалось финск. *vieras*, что значить не сосѣдь, а чужой; для означенія же сосѣда западнофинскіе языки усвоили себѣ сканд. *nábúi*, шведск. *nabo*, а восточнофинскіе — русск. *сосѣдь*. При расселеніи Финновъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо границахъ между пастбищами и жилищами отдѣльныхъ семей; подобными границами могли служить только рѣки, горные врыжи и т. п. Jus prius occupantis представляло то или другое пространство въ извѣстныхъ руки, и земля, такимъ образомъ занятая, называлась *руһä*, заимка, займище. Когда являлась необходимость отмѣтить такой участокъ какимъ-либо знакомъ, ставился столбъ или клался камень, и его называли *рууһкі*, *рууһкі*; теперь это названіе межеваго знака. Другой, болѣе опредѣленной примѣты для поземельной собственности и не требовалось до тѣхъ поръ, пока земледѣліе не стало господствующимъ занятіемъ населенія. Отсюда понятно, заключаетъ г. Алквистъ, — почему фин-

¹⁾ См. Опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 201, 225, 261, 264. Ср. *сябровъ*, упоминаемыхъ въ Псковской судной грамотѣ 1467 г.; см. Руск. Ист. К. Н. Бестужева-Рюмина, I, 369 и 379.

²⁾ См. Сербскіи Рјечникъ, В. Караджича, стр. 674.

скіе языки не имѣютъ самобытныхъ словъ для означенія границы, края, рубежа, межи и пользуются для того выраженіями, заимствованными по большей части изъ русскаго; только у Вепсовъ встрѣчается самобытное слово *keskus*, но и оно есть лишь прямой переводъ русскаго *межа*.

Слабое сознаніе общественнаго принципа у Финновъ чувствуется и въ тѣхъ словахъ, коими они выражаютъ понятіе о населенномъ мѣстѣ и о народѣ. Деревня—по фински *kylä*, по эстски, ливеки и вепски *küla* и т. д., но въ этомъ словѣ отнюдь не разумѣется сельская община, а лишь нѣкоторая совокупность человѣческихъ жилищъ. Точно также финск., эстск. и вотск. *rahvas* или финск. *kansa* значатъ народъ только какъ множество людей. Впрочемъ г. Алквистъ указываетъ на одно самобытное финское слово, которое, по видимому, означало издревле нѣчто въ родѣ общины: это—*pitäjä*, что нынче значитъ приходъ, кѣрхшиль. Это послѣднее значеніе слово *pitäjä* получило, очевидно, послѣ принятія христіанства, каковъ же былъ его коренной смыслъ—остается неизвѣстнымъ. По догадкѣ г. Алквиста, слово это сложилось первоначально у Еми или Тавастовъ, такъ какъ у этого племени раньше всего развилась общинная жизнь, и притомъ не въ эпоху новгородскаго или шведскаго владычества, а гораздо ранѣе, когда Емъ была независима и находилась въ сношеніяхъ съ Литовцами и Русскими Славянами. Въ такомъ случаѣ развитіе финской *pitäjä* соотвѣтствовало бы развитію русскихъ погостовъ, которые прежде всего были отдѣльными сельбищами, а потомъ собраніемъ такихъ сельбищъ (изъ коихъ одно было главнымъ, а другія въ отношеніи къ нему выселками),—съ теченіемъ же времени получили значеніе религіозное—приходовъ и церквей, и гражданское—волостей съ центрами волостнаго управленія ¹⁾.

Г. Алквистъ предполагаетъ далѣе, что древняя финская *pitäjä* имѣла свое общественное собраніе, которое и называлось *kerüjä*: самобытное финское слово, сдѣлавшееся въ послѣдствіи названіемъ суда въ скандинавскомъ смыслѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отвергаетъ и русскаго вліянія на образованіе такихъ народныхъ сходокъ, такъ какъ у Вепсовъ эти собранія называются *sait*, то-есть, согласно съ русск. *сеймъ*. Напрасно однако г. Алквистъ полагаетъ, что это послѣднее слово не примѣняется къ народнымъ сходкамъ собственно

¹⁾ Срезневскій, Чтенія о древнихъ русскихъ летописяхъ (С.-Пб. 1862), стр. 34.

на Руси: слово *сѣмь* встрѣчается въ древне-русскихъ памятникахъ, а въ современномъ олонецкомъ говорѣ находимъ именно въ этомъ смыслѣ *сѣмь*, ближайшимъ образомъ сходное съ вепсск. *siim*. Въ богатомъ архаизмами вепсскомъ языкѣ сохранилось и другое замѣчательное слово—*kiim*, которымъ означается нынѣ всякій баринъ или чиновникъ: г. Алквистъ предполагаетъ, что въ древности такъ называли главу общины, или по крайней мѣрѣ, народнаго вождя во время войнъ. Всѣ прочія названія правителей (кромѣ еще этск. *izand*, по первоначальному смыслу—домохозяинъ) заимствованы финскими языками изъ русскаго, шведскаго или нѣмецкаго, равно какъ и большая часть другихъ словъ, относящихся къ общественному и государственному быту. Не вдаваясь поэтому въ подробности относительно терминовъ этого рода, скажемъ только, что Финны должны были позаимствовать у своихъ сосѣдей между прочимъ такія слова общаго значенія, какъ судъ, свободный человѣкъ, законъ и пр.

Обращаемся къ собраннымъ г. Алквистомъ даннымъ о *воинскихъ обычаяхъ* древнихъ Финновъ. Хотя, говорить нашъ ученый, — Финны вообще народъ миролюбивый, но въ войнѣ они всегда проявляли храбрость, хладнокровіе и стойкость. Упорное сопротивленіе, оказанное Эстами Нѣмцамъ и Вепсами и Карелой Русскимъ, морскіе набѣги Кареловъ изъ Финскаго залива на западъ, ихъ постоянная вражда со Шведами и Русскими, наконецъ безчисленныя войны, веденныя Финнами въ эпоху шведскаго владычества, свидѣтельствуютъ, что Финны отнюдь не боялись суровой военной потѣхи. Герои Калевалы являются въ минуты опасности по истинѣ мужественными, хотя нѣкоторые изъ нихъ вовсе не воины по ремеслу, и болѣе великолѣпнаго витязя, чѣмъ Лемминкайненъ, не воспѣлъ никакой другой народный эпосъ: доказательство, что военныя способности были высокими тѣмъ народомъ, который сложилъ этотъ эпосъ. Тѣмъ не менѣе, Финны не знали правилъ военнаго искусства до покоренія Шведами и сперва употребили на войнѣ только то орудіе, которое служило имъ на охотѣ за дикими звѣрми. Поэтому и терминологія ихъ военнаго быта оказывается самостоятельною только отчасти. Такъ, въ западно-финскихъ азыкахъ война называется самобытнымъ словомъ *sota, sodu, soattu* и т. д.; воинъ, врагъ также имѣютъ ни откуда не заимствованныя названія; но для отряда у Финновъ

¹⁾ См. Словарь къ Причтаніямъ Севернаго Края, *Е. В. Барсова*, стр. XVIII; только здѣсь вслѣдствіе опечатки, читается *сѣмь* вм. *сѣмь*.

уже не нашлось своего слова, кромѣ *joukko*, подъ которымъ разумѣется вообще толпа или множество, и *pulkka*, очевидно происходящаго изъ русск. *полкъ*. Точно также Финны не могли обойтись безъ заимствованія въ названіяхъ лагеря, стражи, знамени и пр.

Однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ оружія у Финновъ должно считать *puikko*, ножъ въ видѣ кинжала, чрезвычайно опасный, если искусно владѣть имъ. Такой ножъ, названіе котораго сохранилось только въ собственно финскомъ языкѣ, могъ быть одинаково употребляемъ и на войнѣ, и на охотѣ. То же, безъ сомнѣнія, должно сказать о *kortti*, оружіи, упоминаемомъ въ Калевалѣ и по своему названію соответствующемъ русскому слову *кортикъ*. Напротивъ того, спеціальное боевое оружіе—мечъ, финск. *miekka*, эстск. *miek* и т. д., носитъ въ западно-финскихъ языкахъ названіе, составленное по образцу готск. *meki* или др.-сѣв. *moskir*. Для копья существуетъ, кромѣ заимствованныхъ съ запада названій, два самобытныхъ: во первыхъ, финск. *saitta*, лонск. *saitte*, и во вторыхъ, финск. *tuura*, эстск. *tuur*; первое и теперь употребляется въ значеніи шеста, палки или трости, изъ чего можно видѣть, что древнѣйшее финское копье было не болѣе какъ палка изъ крѣпкаго дерева съ заостреннымъ концемъ, въ родѣ охотничьей рогатины. Такимъ же чисто народнымъ оружіемъ была дубина или палица, финск. *mija*, эстск. *mi*: самое слово однако происходитъ изъ латышскаго языка. Наконецъ, въ большомъ употребленіи у Финновъ былъ лукъ; онъ дѣлался двухъ родовъ: такъ называемый ручной лукъ—*kuari*, состоявшій только изъ дуги и тетивы, и самострѣлъ—*jousi*, заключавшій въ себѣ три части: дугу, тетиву и ложе. Названіе перваго извѣстно только у Еми и Эстовъ; второй же именуется сходными словами не только у большей части Западныхъ Финновъ, но и у нѣкоторыхъ Восточно-Финскихъ племенъ: это, безъ сомнѣнія, доказываетъ глубокую древность его употребленія Финнами. Г. Адквистъ сообщаетъ подробное и любопытное описаніе этого оружія со словъ извѣстнаго Лѣпрота, которому, лѣтъ сорокъ тому назадъ, удалось найти въ русской Карелѣ старинный финскій самострѣлъ. Употребленіе этого оружія было слѣдующее: въ крѣпко придѣланное къ концу ложа кольцо всовывали ногу, затѣмъ захватывали тетиву особымъ желѣзнымъ снарядомъ, прикрѣпленнымъ къ прочному кожаному поясу стрѣлка, и натягивали ее на зарубку валика, вращавшагося на желѣзномъ стержнѣ и внизу соприкасавшагося съ собачкой; такимъ образомъ, чтобы натянуть этотъ лукъ, требовалось усиліе всего тѣла, и даже самый большой силачъ не

могъ бы сдѣлать этого однѣми руками. Стрѣла владывалась въ плоскій жолобъ, и стрѣльба производилась прямо отъ руки: ложа къ плечу не прижимали, такъ какъ лукъ отдавалъ очень сильно. Стрѣла, употребляемая для самострѣла, дѣлалась съ острымъ наконечникомъ изъ крѣпкаго дерева, кости или желѣза; названіе ея — *nuoli*—очень распространено въ разныхъ языкахъ финской группы, между тѣмъ какъ названіе стрѣлы для лука ручнаго—*vasama*—извѣстно только у Финновъ собственно. Тѣ и другія стрѣлы для болѣе правильнаго полета снабжались на заднемъ концѣ тремя орлиными перьями. Стрѣлы хранились въ колчанѣ, финск. *vinti*, который дѣлался изъ толстой плетенки съ деревяннымъ дномъ; его носили за спиной, и стрѣлы вынимались изъ него черезъ плечо. Для защиты туловища въ бою, древніе Финны надѣвали костяной панцырь — финск. *luusto*, отъ *luu*, кость. Въ послѣдствіи времени вошли въ употребленіе латы, а равно и щиты; для тѣхъ и другихъ финскіе языки обладаютъ только такими названіями, которыя происходятъ изъ чужихъ языковъ.

Въ заключеніе своего очерка древней финской культуры на основаніи данныхъ языка, г. Алевистъ обращается къ характеристикѣ *религіозныхъ понятій* древнихъ Финновъ. Въ этомъ отношеніи крупнѣйшимъ фактомъ, который засвидѣтельствованъ и рѣчью народа, должно, по мнѣнію г. Алевиста, считать то обстоятельство, что Балтійскіе Финны прежде чѣмъ у нихъ утвердилось христіанство, успѣли къ своимъ понятіямъ и воззрѣніямъ, основаннымъ на системѣ шаманизма, присоединить много новыхъ чертъ, которыя позаимствовали у культурныхъ Арійскихъ народовъ, ранѣ ихъ обитавшихъ вблизи Балтійскаго моря. Наблюденіе это впрочемъ высказано было уже давно Кастреномъ и академикомъ Шифнеромъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ собрали не мало и фактическихъ данныхъ для его подтвержденія ¹⁾. Въ одной изъ статей своихъ о „Сампо“, знаменитомъ сокровищѣ финскаго эпоса, г. Шифнеръ высказываетъ между про-

¹⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen über die Finnische Mythologie*, стр. 82, 164 и слѣд., 169 и слѣд., 203, 210 и слѣд., 298 и слѣд.; отрывокъ отсюда: «Was bedeuten die Wörter Jumala und Ukko in der finnischen Mythologie» см. въ *Mélanges Russes*, т. II (St.-Pbrg, 1852), стр. 176 и слѣд. и по русски: *Учен. Зап. Импер. Акад. наукъ по I-му и III-му Отдѣл.*, т. I. Статя *А. А. Шифнера* о финской и эстонской мифологіи и о народномъ творчествѣ Финновъ и Эстовъ см. въ *Mélanges Russes*, т. I, II и IV; вторая статья о значеніи «Сампо» помѣщена также въ *Уч. Зап. Акад. наукъ*, I (1863).

чимъ слѣдующія соображенія: „Западныя вѣтви Финскаго племени, переселяясь изъ своей далекой или близкой прародины въ нынѣшнія мѣста жительства, не принесли съ собою сформированнаго ученія о богахъ, но узнали и приняли готовое лишь тогда, какъ пришли въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми народами Индо-Германскаго (Арійскаго) племени, опередившими ихъ въ образованіи... Но принявъ новое ученіе отъ сосѣдей, больше ихъ образованныхъ, они крѣпко держались его, и безъ сомнѣнія, сохранили нѣкоторыя черты древне-сѣверныхъ мифовъ, давно исчезнувшія въ Скандинавіи и въ дошедшей до насъ письменности“¹⁾. Въ той же статьѣ ученый академикъ замѣчаетъ, что въ такомъ же зависимомъ отношеніи финскій эпосъ находится и къ русскому, и что многія черты, которыя доселѣ считались перешедшими въ русскія сказки изъ финскихъ руунъ, на самомъ дѣлѣ всего скорѣе совершили обратный путь: „Кажется даже, какъ будто нѣкоторыя существенныя явленія въ Калевалѣ обязаны своимъ происхожденіемъ лишь сказочнымъ цикламъ“. Въ другой монографіи г. Шифнера находимъ не менѣе важныя указанія о томъ, что народное творчество Финновъ позаимствовалось эпическимъ матеріаломъ и отъ Литовцевъ²⁾. Въ виду столь установленнаго мнѣнія и достаточнаго количества собранныхъ фактовъ г. Алквисту не предстояло надобности входить въ особыя подробности въ настоящемъ случаѣ, и потому, говоря о свидѣтельствахъ языка относительно до-христіанскихъ вѣрованій Финновъ, онъ ограничился лишь нѣсколькими примѣрами заимствованій въ этой сферѣ.

Такъ, поклоненіе небу было однимъ изъ основными принциповъ религіи, господствовавшей у Урало-Алтайскихъ народовъ. И тѣмъ не менѣе, въ западно-финскихъ языкахъ названіе неба является заимствованнымъ: у Финновъ собственно и у Водя небо называется *täivas*, у Эстовъ *taevas*, у Ливовъ *tovas*. Должно замѣтить, что представленія о небѣ, богѣ грома и божествѣ вообще, какъ доказалъ Кастренъ, — нерѣдко у Финскихъ народовъ смѣшиваются³⁾; такъ, слово *jumala*, первоначально значившее — родина грома, съ теченіемъ времени получило у Финновъ значеніе бога грома и вообще божества. Въмѣсто же того, они позаимствовали у Литовцевъ, какъ названіе неба, *die-*

¹⁾ *Записки Импер. Акад. наукъ*, т. I, стр. 135; ср. *Mélanges Russes*, т. IV, стр. 195 и слѣд., также 157 и 158.

²⁾ Ueber Kalewa und Kalewingen, въ *Mélanges Russes*, IV, стр. 255 - 288.

³⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen ueber die Finnische Mythologie*, стр. 130 и сл.

vas, подь коимъ литовскій языкъ разумѣеть теперь вообще божество, но которое въ древности было имепемъ какого-нибудь особаго бога. Существованіе этого слова въ большей части арійскихъ языковъ (санскр. *dēva*, греч. *θεός*, *Zeús*, лат. *deus*, *divus*, латышск. *dēvs*, русск. *дѣво* и т. д.) несомнѣнно свидѣтельствуетъ о чисто арійскомъ его корнѣ. Отъ Литовцевъ же, по видимому, Финны взяли и другое слово — *perkele*, означающее лукаваго или Сатану; прототипъ этого слова есть лит. *perkimas*, латышск. *pērkonis*, значившее въ древности богъ грома, а теперь просто громъ. Сюда примыкаетъ и слав. *Перунъ*, и кажется, отъ этой послѣдней формы слѣдуетъ производить другое общераспространенное финское названіе дьявола — *pirtti*. У Лопарей, къ которымъ оба эти слова перешли отъ Еми, мы встрѣчаемъ ихъ въ формѣ *borgalak* и *birru*; у Эстовъ финскому слову *perkele* соответствуетъ *pörgel*, отъ котораго, въ свою очередь, образовалось *pörgu*, адъ. Изъ длиннаго ряда мнѣическихкихъ представленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и означающихъ ихъ словъ, заимствованныхъ Финнами отъ Скандинавскихъ народовъ, г. Алквистъ указываетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ: финское названіе водного духа *näkki* происходитъ отъ др.-шведск. *nīkr*, позже *necken*, *näck*, имѣющаго то же значеніе; по замѣчанію г. Алквиста, слово *näkki* замѣнило собою названія всѣхъ другихъ водныхъ божествъ, если только они когда-либо извѣстны были за предѣлами Карелы. Здѣсь кстати замѣтить, что, по мнѣнію Кастрена, упоминаемое въ Калевалѣ водное мнѣическое существо — *Wetehinen*, то-есть, въ водѣ пребывающій, какъ по образу своему, такъ и по названію (sowohl begrifflich, als etymologisch) соответствуетъ русскому *Водяному*. „Безъ сомнѣнія“, говоритъ Кастрень, — „представленіе объ этомъ существѣ заимствовано Финнами изъ славянской мифологіи, гдѣ Водяной играетъ гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ *Wetehinen* въ финской“¹⁾). Другой любопытный примѣръ заимствованія скандинавскихъ повѣрій Финнами указанъ г. Алквистомъ въ мнѣической личности *para*; такъ называютъ они нѣкотораго мелкаго духа, который сосетъ чужихъ коровъ и въ желудкѣ своемъ приноситъ эту добычу въ домъ къ своей хозяйкѣ, въ ея маслобойную кадку. У Шведовъ такое же существо носитъ названіе *bjära* или *bava*, а въ древне-сѣверномъ языкѣ оно называлось *tilberi*.

Новыя представленія и понятія, принесенныя къ Финнамъ хри-

¹⁾ Тамъ же, стр. 85.

стіанскимъ ученіемъ, породили цѣлую массу новыхъ словъ: нѣкоторая доля ихъ образовалась изъ собственнаго лексическаго запаса финскихъ языковъ, но большая часть заимствована изъ языковъ сосѣднихъ народовъ, которые возвѣстили христіанство Финнамъ. Есть примѣры усвоенія ими чужихъ словъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ихъ собственныхъ языкахъ могло бы найдтись самобытное выраженіе для соотвѣтствующаго понятія. Такъ, для выраженія понятія о молитвѣ во всѣхъ западно-финскихъ языкахъ нашлись самобытныя слова: финск. *rukous*, лопск. *rokkadus*, эстск. *palve*. Всѣ названныя языки обладаютъ также самобытными словами для означенія духа: финск. *henki*, эстск. *hing*, лопск. *haeg*; но для означенія христіанскаго понятія о душѣ, слово это осталось только въ эстскомъ языкѣ, тогда какъ въ финскомъ собственно и лопскомъ явились слова *sielu*, *siello*, очевидно происходящія отъ нѣм. *Seele*, ст.-шв. *sial*, *siel*. Точно также для выраженія понятія о вѣрѣ собственно финскій языкъ употребляетъ самобытное слово *usko*, которому въ эстскомъ соотвѣтствуетъ *usk*, и въ лопскомъ — *ossko*; въ русско-карельскомъ же это понятіе высказывается словомъ *vieru*, очевидно, съ русск. *вера*. Понятіе о грѣхѣ въ южно-емскихъ нарѣчіяхъ означаетъ словомъ *patt*, отъ самобытнаго финскаго корня; но сверхъ того, въ финскомъ же и лопскомъ языкахъ находимъ *sunti*, *sudlo*, съ нѣмецк. *Sünde*, а въ русско-карельскомъ *reähgä*, съ русск. *грѣхъ* (греч. *ἁμαρτία*).

Разумѣется, еще рѣзче видны заимствованія финскихъ языковъ въ терминологіи богослуженія и церковной іерархіи; оно и не могло быть иначе по самому свойству предмета, и потому интересъ этихъ заимствованій заключается не столько уже въ количествѣ или значеніи ихъ, сколько въ томъ, откуда, изъ какого языка взято то или другое слово. Такъ нѣкоторыя слова, относящіяся до предметовъ церковной жизни, попали въ языки Балтійскихъ Финновъ частію съ запада, частію съ востока; напримѣръ, монастырь въ Западной Финляндіи называется *kluostari*, *luostari*—отъ шведск. *kloster* (латинск. *claustrum*), а въ Восточной Финляндіи — *monasteri*, отъ русск. *монастырь* (греч. *μοναστήριον*); церковь у Финновъ-Еми — *kirkko*, у Финляндскихъ Кареловъ *kirikkö*, у Эстовъ *kirik* и т. д.—со шведск. *kyrka*, *kyrkia*, а у Русскихъ Кареловъ *tserkva*; монахъ имѣетъ по фински двойное названіе: *munk* — отъ шведск. *munkki*, и *manaha* — отъ русскаго слова. Символъ христіанства, крестъ носитъ въ западно-финскихъ языкахъ названіе русскаго происхожденія: финск. *risti*, эстск. *rist*, вепск. и ливск. *rist*, и это можетъ служить доказательствомъ.

что русскіе православные проповѣдники принесли христіанство къ Финнамъ, вѣроятно, задолго до завоеванія страны Шведами. Только Лопари, къ которымъ христіанская проповѣдь проникла изъ Швеціи, называютъ крестъ *krinos*, *ruossa* отъ сканд. *kors*, *kross*. Въ господствующихъ у Балтійскихъ Финновъ названіяхъ священника — финск. и вотск. *rappi*, лопск. вепск., этск. *por* и т. д., нельзя не узнать русск. *попъ*, что также свидѣтельствуетъ въ пользу первоначальнаго принесенія христіанства къ Финнамъ изъ Руси.

Г. Алавиетъ отводитъ даже литовскимъ языкамъ долю вліянія на финскіе въ кругу словъ, выражающихъ церковныя понятія. Табъ, ливск. *raganõs*, этск. *ragan*, финск. *rakana*, лопск. *baken*, *rakana* и даже вепск. *ragan*, нечистый, г. Алквиетъ объясняетъ лит. *ragõnas*, латышск. *ragans* — отъ лат. *raganus*. Весьма однако вѣроятно, что всѣ эти формы одного и того же слова заимствованы изъ русскаго языка, въ которомъ *поганскій*, *поганый* въ древности значило не только нечистый, но и прямо языческій, въ противоположность христіанскому. Точно также финское названіе Священнаго Писанія — *raamattu*, этск. *raamxt*, ливск. *rãmd*, образовалось по мнѣнію г. Алквиета, изъ литовскаго *grómata*, письмо, или латышск. *gramata*, письмо, писаніе, книга; литовскіе же языки получили это, греческое по происхожденію, слово изъ славянскаго. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы выводить финскія формы прямо изъ славянской, безъ посредства литовскихъ нарѣчій.

Еще нѣсколько словъ — о томъ, какія данныя собраны г. Алквиетомъ въ западно-финскихъ языкахъ относительно дѣленія времени и праздниковъ.

Въ названіяхъ минуты и часа западно-финскіе языки колеблются между выраженіями самобытными и заимствованными у Шведовъ; за то день — финск. и вотск. *räivä*, вепск. *räiv*, этск. *räev*, ливск. *räivka*, лопск. *bäiove* — получилъ имя чисто самобытное отъ солнца или солнечнаго, дневнаго свѣта. Названіе ночи также не заимствованное, и притомъ возводится къ одному корню не только въ западныхъ, но и въ восточныхъ финскихъ языкахъ. Недѣля у Финновъ собственно и Лопарей называется согласно съ старо-шведскимъ, затѣмъ у прочихъ Западно-Финскихъ племенъ и у большей части Восточныхъ Финновъ, обитающихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, встрѣчается болѣе или менѣе передѣланное русск. *недѣля*, и только у Вогуловъ и Остяковъ (а также у Мадьяръ) находимъ самобытное слово *soat*, *tläbet*, что по первоначальному смыслу значитъ семь (ср.

слав. *седмица*). Воскресный день и вообще праздникъ въ финскомъ собственно носятъ названія тожественныя; прочіе же шесть дней недѣли именуется частью просто по счету, частью словами шведскаго корня. Названіе мѣсяца во всѣхъ западно-финскихъ языкахъ самобытное—*kuu*, кромѣ однако лопскаго, гдѣ употребляется взятое изъ скандинавскаго слова *manu*; при этомъ должно замѣтить, что и *kuu*, и *manu* суть въ то же время названія луны. Древніе Финны, подобно многимъ народамъ Сибири, а также обитателямъ острововъ Тихаго океана, дѣлили годъ не на двѣнадцать, а на тринадцать мѣсяцевъ¹⁾; соотвѣтственно тому въ нарѣчій Русскихъ Кареловъ сохранилось для нихъ тринадцать названій; коренной смыслъ какъ этихъ послѣднихъ, такъ и современныхъ названій мѣсяцевъ у Финновъ собственно и у Эстовъ г. Алквистъ объясняетъ преимущественно различными явленіями природы, относящимися къ тому или другому времени года.

Что касается праздниковъ, то названія ихъ почти всѣ заимствованы Балтійскими Финнами отъ народовъ, которые принесли имъ христіанство: поэтому здѣсь встрѣчаются и шведскія, и датскія, и нѣмецкія, и русскія слова въ финской передѣлкѣ, и только одинъ христіанскій праздникъ Всѣхъ Святыхъ, кромѣ официального церковнаго названія — финск. *pyhäin miesten päivä*, святыхъ мужей день, эстск. *pyhade päev* — имѣетъ еще народное финское названіе *kekri* или новѣе *keuri*. Въ особенности оно распространено въ Восточной Финляндіи и объясняется тѣмъ, что такъ называлось у Финновъ, въ языческую эпоху, божество, служившее хранителемъ стада; празднованіе ему, совершавшееся осенью, было, по принятіи Финнами христіанства, перенесено на день Всѣхъ Святыхъ; и понынѣ во многихъ мѣстностяхъ въ этотъ день въ каждомъ домѣ убивается баранъ, пьется водка, пиво и кофе, а молодежь веселится пляской и играми.

Въ древнее время на этомъ праздникѣ, равно какъ и на другихъ празднествахъ народныхъ, удобіе всего могло проявиться народное творчество Финновъ въ произведеніяхъ музыки и поэзіи. Этимъ-то выраженіямъ финскаго народнаго духа г. Алквистъ посвящаетъ слѣдующія послѣднія строки своего обзора лексическихъ данныхъ о древнемъ финскомъ бытѣ: Начиная съ остроумныхъ загадокъ -- ar-

¹⁾ Ср. монографію акад. А. А. Шифнера *Das dreizehnmönatliche Jahr und die Monatsnamen der Sibirischen Völker* въ *Mélanges Russes*, III, стр. 307 и сл., и дополненіе къ ней д-ра Крейцвальда, тамъ же, стр. 400 и сл.

voitukset, *arvuutukset*, и мудрыхъ пословицъ — *sananlaskut*, выраженныхъ въ стихотворной формѣ, финское народное творчество восходитъ по всѣмъ ступенямъ величественной лирики въ мифическихъ пѣсняхъ и въ заговорахъ, смѣло возносясь до познанія начала всѣхъ вещей, и въ чудныхъ пѣсняхъ воспѣваетъ дѣянія предковъ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что Финны принесли даръ пѣсенъ изъ своей прародины; но сознали они этотъ даръ и стали имъ пользоваться лишь на берегахъ Балтiйскаго моря: это видно, между прочимъ, изъ того, что ихъ восточные родичи не обладаютъ ни стройно сложенной народной пѣснью, ни правильнымъ стихосложениемъ, а лишь въ высшей степени простыми и бѣдными балладами въ разбѣренной формѣ; въ послѣднихъ не замѣтно притомъ никакихъ слѣдовъ аллитерации; такимъ образомъ и это украшенiе стиха въ поэзiю Западныхъ Финновъ проникло подъ влiяниемъ народовъ Германскихъ, развившихъ его до высокой степени. Самое названiе пѣсенъ—*runo*, первоначально примѣнявшееся только къ пѣснямъ волшебнымъ, по видимому, заимствовано Финнами отъ этихъ народовъ.

VI.

Общiе выводы о древнемъ бытѣ Западныхъ Финновъ. — Современный бытъ Вогуловъ по личнымъ наблюденiямъ г. Алквиста. — Заключение.

Послѣдняя глава любопытной монографiи г. Алквиста содержитъ въ себѣ тѣ общiе выводы, которые истекаютъ изъ частнаго разсмотрѣнiя лексическаго запаса западно-финскихъ языковъ, какъ свидѣтельства о древней культурѣ Балтiйскихъ Финновъ.

„Если“, говоритъ онъ, — „мы бросимъ взглядъ на то, что уже было высказано нами въ предыдущемъ, то найдемъ, что положенiе Западныхъ Финновъ въ эпоху ихъ прихода на Балтiйское побережье было приблизительно слѣдующее: Они кормились преимущественно отъ охоты и рыболовства. Главнымъ домашнимъ животнымъ была у нихъ собака, но держали они также и лошадей, и коровъ, хотя изъ молока коровьяго еще не умѣли изготовлять ни масла, ни сыра. Овцу, козу и свинью они стали разводить только въ Балтiйскомъ побережьи. Земледѣлiе, по видимому, не было имъ совершенно чуждо, но то было земледѣлiе кочующихъ народовъ, то-есть, простое распаханiе нови: изъ видовъ хлѣба имъ былъ извѣстенъ только ячмень, а изъ корнеплодныхъ растений только рѣпа. Отъ сосѣднихъ народовъ Прибалтiйскихъ странъ научились они болѣе совершенной обработкѣ земли, а

также употребленію болѣе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, и стали засѣвать пшеницу, рожь, овесъ и стручковые плоды. Жилищемъ для семьи былъ шалапъ — *kota*, который строился конусообразно изъ древесныхъ стволовъ или жердей и иногда опирался на стволъ большаго дерева, а зимою покрывался звѣриными шкурами; другаго рода жилище составляла *sauna*, выкопанное въ землѣ углубленіе или землянка съ крышею надъ землею. Внутреннее устройство такого жилища было въ высшей степени просто: оно имѣло дверь, въ верху отверстіе для выхода дыма и по срединѣ—состоящее изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ камней мѣсто для разведенія огня; но не было въ немъ ни пола, ни оконъ, такъ какъ свѣтъ проходилъ или черезъ открытую дверь, или черезъ отверстіе, назначенное для выхода дыма. Съ рублеными жилищами, имѣющими крышу и полъ, съ отверстіями для воздуха, а позже съ окнами въ стѣнахъ, со скамьями и печами Финны познакомились только по приходѣ къ Балтійскому морю. Простая домашняя утварь состояла изъ нѣсколькихъ ящичковъ, плетушекъ и деревянной посуды. Остальное движимое имущество составляли принадлежности рыболовства и охоты, лыжи, санки и лодки. Орудіями передвиженія зимою служили лыжи, или же ѣздили на оленяхъ; лѣтомъ странствовали пѣшкомъ или верхомъ, а также въ лодкахъ. Дорогъ и ѣзды на колесахъ не существовало. Одежда состояла исключительно изъ звѣриныхъ шкуръ; одежду шила хозяйка дома костяными иглами. Мужчины дѣлали лодки, а также изготовляли принадлежности охоты и рыболовства. Что касается до другихъ промысловъ и рукодѣлій, то кажется, только кузнечное дѣло съ древнихъ временъ было знакомо Западнымъ Финнамъ, да и то можно еще сомнѣваться, было ли знаніе этого ремесла принесено ими изъ ихъ прародины. Изъ металловъ были имъ извѣстны, кажется, только мѣдь и серебро. Изъ рабочихъ инструментовъ для деревянныхъ подѣлокъ они знали только ножъ: каменный топоръ, по всей вѣроятности, былъ у древнихъ Финновъ въ употребленіи, но самое названіе этого оружія утратилось; съ желѣзнымъ же топоромъ они познакомились только на Балтійскомъ побережьи. Что касается до выдѣлки тканей, то вѣроятно, они знакомы были только съ валяемъ войлоковъ, хотя впрочемъ умѣли прясть нитки веретеномъ изъ волокнистыхъ кропивныхъ растений. Съ овцой они познакомились только здѣсь, а равнымъ образомъ и съ искусствомъ изготовлять изъ шерсти овыи пряжу и ткани. Но имъ было извѣстно дубленіе шкуръ, и для лѣтней одежды они красили просты-

ми красками какъ дубленія шкуры, такъ и питки, которыя пряли изъ кровивныхъ растеній. Съ моремъ и мореплаваніемъ Финны познакомились только на побережьи Балтійскаго и Вѣлаго морей. До прибытія въ Прибалтійскія страны суда ихъ состояли изъ небольшихъ простыхъ лодокъ для плаванія по рѣкамъ; суда ихъ не имѣли парусовъ, и гребли на нихъ не тѣмъ способомъ, какъ въ настоящее время, а посредствомъ вращенія одного или многихъ веселъ особаго вида, которыя на финскомъ языкѣ называются *mela*. Городовъ не было. Торговля была мѣновая. Денегъ, какъ мѣрила цѣнности, древніе Финны не знали. Средствомъ для мѣновой торговли были мѣха, преимущественно бѣличья, на которые Финны вымѣнивали у живущихъ на югѣ народовъ немногіе иноземные товары, для нихъ необходимые. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣръ длины, употребленіе мѣры и вѣса было заимствовано отъ сосѣднихъ народовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Семейная жизнь у Финновъ была, кажется, достаточно развита. Многочисленныя названія по этой части, по большей части самобытныя и общія большинству финскихъ языковъ, служатъ доказательствомъ тому, что выражаемыя ими понятія сложились прежде, чѣмъ произошло на востокѣ раздѣленіе Финскихъ племенъ. Но бракъ и соединенные съ нимъ обряды, по видимому, еще въ періодъ язычества подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ вслѣдствіе соприкосновенія съ Литовскими народами. Рабовъ не было, но были наемные свободные слуги и работники. Нѣчто въ родѣ общины, подъ названіемъ *pitäjä*, существовало, по видимому, у нѣкоторой части Еми: такая община имѣла своего главу и воинскаго начальника, которому, можетъ быть—то соглашенію или по древнему обычаю, принадлежало право разбирать распри. Писанныхъ законовъ и собственно судей не было, а также не было наследственныхъ князей и вообще никакого государственнаго устройства. Вообще кажется, древніе Финны, какъ всѣ кочевые и живущіе охотою народы, цѣнили болѣе безграницную индивидуальную свободу, чѣмъ спокойствіе и безопасность, которая въ государствѣ покупается цѣной ограниченія этой свободы. Этимъ отъращеніемъ жить вмѣстѣ, которое и въ настоящее время отчасти замѣтно у Финскихъ племенъ, можно объяснить, почему сосѣднимъ народамъ славянскаго и германскаго происхожденія такъ легко было подчинить себѣ Прибалтійскихъ Финновъ. Религія ихъ была шаманская, общая всѣмъ Урало-Алтайскимъ народамъ, прежде чѣмъ проникли къ нимъ буддизмъ, исламъ и христіанство. Что касается до Балтійскихъ Финновъ, то кажется, они уже во времена язычества

заимствовали отъ сосѣднихъ Литовскихъ народовъ разныя религіозныя представленія, чуждыя шаманству. Христіанская проповѣдь явилась къ Финнамъ прежде всего, кажется, отъ Русскихъ, но собственно распространилась и утвердилась христіанская религія среди Финновъ стараніями шведскихъ и нѣмецкихъ миссіонеровъ.

„Вотъ“, заключаетъ г. Алквистъ,—„въ самыхъ общихъ чертахъ картина культурнаго состоянія и образа жизни Балтійскихъ Финновъ въ то еще время, когда на нихъ не успѣли отказать вліяніе осѣдлые у Балтійскаго Моря народы арійскаго происхожденія. Что картина эта вѣрна и изображаетъ собою дѣйствительность, конечно, нельзя доказать съ полною очевидностію, но вѣроятность этого очерка подтверждается тѣмъ культурнымъ состояніемъ Угорскихъ Финновъ, въ которомъ они находятся еще и въ настоящее время“.

И въ самомъ дѣлѣ, климатъ и природа страны, въ которой живутъ Вогулы и Остяки, именно—пространства отъ средняго Урала до нижняго теченія Иртыша и до средняго теченія Оби, очень близко схожи съ климатомъ и природой страны на западъ отъ Урала подъ тѣмъ же градусомъ сѣверной широты, то-есть, съ климатомъ и природой сѣверной части Европейской Россіи, иначе—той страны, гдѣ Западные Финны, вѣроятно, жили за много вѣковъ до того, какъ пришли къ Балтійскому морю. Сходство это будетъ еще больше, если представить себѣ послѣднюю страну не тронутою замедѣлемъ и вообще безъ той культуры, которую внесли въ нее Русскіе, и которая естественнымъ образомъ имѣла вліяніе и на климатъ. Съ другой стороны, извѣстно, что на Вогуловъ и Остяковъ арійская и вообще всякая чужая культура оказала лишь весьма малое и непродолжительное вліяніе, а потому они и отстали отъ своихъ западныхъ братьевъ на цѣлыя столѣтія и стоятъ на той же или почти на той же степени культуры и ведутъ почти тотъ же образъ жизни, какой за много вѣковъ предъ симъ при одинаковыхъ условіяхъ, вели всѣ Финскіе народы. Вслѣдствіе этихъ-то обстоятельствъ, полагаетъ г. Алквистъ,— и можно внѣшній образъ жизни и культурное состояніе Угорскихъ Финновъ сопоставлять съ тѣмъ, что мы можемъ узнать объ образѣ жизни и степени культуры Финновъ въ то время, когда они пришли съ востока въ Прибалтійскія страны. Въ подтвержденіе этого своего соображенія г. Алквистъ предлагаетъ сравнить сейчасъ набросанную имъ картину древняго финскаго быта съ разказами Кастрена о бытѣ Угорскихъ Остяковъ, или съ тѣмъ, что ему самому удалось подмѣтить о жизни Вогуловъ. Это даетъ г. Алквисту поводъ привести цѣлкомъ тѣ наблюденія

надъ Вогулами, которыя были имъ сдѣланы въ 1858 году, во время пятинедѣльнаго пребыванія среди нихъ, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ эти наблюденія были тогда же имъ записаны. Съ своей стороны, и мы считаемъ необходимымъ воспроизвести здѣсь этотъ любопытный этнографическій очеркъ, какъ прямое подтвержденіе основной мысли, развитой въ монографіи почтеннаго финскаго ученаго ¹⁾:

„На востокъ отъ средняго Урала между 59-мъ и 64-мъ градусами сѣверной широты тянутся параллельно съ Уральскими горами, одна возлѣ другой, три или четыре незначительныя и узкія возвышенности, которыя совершенно изолированы отъ Урала, а также не имѣютъ никакой связи и между собою. Между этими возвышенностями, которыя на мѣстномъ русскомъ языкѣ называются увалами, беретъ начало и протекаетъ множество рѣкъ, частью довольно значительныхъ и соединяющихся или непосредственно, или чрезъ другія рѣки съ огромною рѣкой Иртышемъ-Обью. Значительнѣйшія изъ этихъ рѣкъ суть слѣдующія: 1) *Тура*, которая течетъ съ запада на востокъ и впадаетъ въ Тоболь; 2) *Тавда*, образуемая изъ двухъ параллельно текущихъ на юго-востокъ рѣкъ — *Сосва Южной* и *Лозвы*; Тавда принимаетъ въ себя текущій съ сѣвера *Пельмъ* и впадаетъ также въ Тоболь; 3) *Конда*, большая рѣка, образующая своимъ теченіемъ подобіе подковы, принимаетъ въ себя множество болѣе малыхъ притоковъ и впадаетъ въ Иртышъ; 4) *Сосва Сѣверная* ²⁾, образ-

¹⁾ Присоединяемъ къ этому очерку лишь нѣсколько поправокъ и дополненій, основанныхъ преимущественно на указаніяхъ Н. К. Чупина, который знакомъ съ Вогулами по своей многолѣтней жизни въ Пермской губерніи. Г. Чупинъ познакомился съ наблюденіями г. Алевиста по статьѣ берлинскаго ученаго Шотта въ *Erman's Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland*, т. 20, которую перевелъ и напечаталъ со своими примѣчаніями въ весьма мало распространенномъ изданіи — *Сборникъ Пермскаго земства* за 1874 г., кн. I; статья же Шотта есть въ сущности сокращенный переводъ статьи г. Алевиста, напечатанной въ одномъ синскомъ журналѣ; что очеркъ г. Алевиста былъ еще въ 1858 году напечатанъ самимъ авторомъ по нѣмецки же въ *Бюллетень Академіи Наукъ*, — осталось неизвѣстнымъ г. Чупину.

²⁾ Названія Сосва и Лозва, безъ сомнѣнія, зырянскія, внесенныя въ русскій языкъ Зырянами, которые первоначально познакомили Русскихъ съ этою страню. Слово *wa* по зырянски означаетъ воду и встрѣчается во многихъ названіяхъ рѣкъ въ странѣ, обитаемой Зырянами и Пермскими, наиримѣръ, Козва, Лизва, Койва, Яйва, Видьва, Сейва, Усва, Коява и т. д. На вогульскомъ языкѣ какъ Сѣверная, такъ и Южная Сосва называются *Тавтъ*; по русски Южная Сосва, послѣ соединенія ея съ Лозвой, также принимаетъ свое первоначальное названіе и именуется Тавдой. *Примѣчаніе г. Алевиста.*

ующаяся у подошвы Урала изъ соединенія многихъ маленькихъ рѣкъ, имѣетъ въ своемъ теченіи почти форму буквы S и впадаетъ въ Обь недалеко отъ Березова; самый большой ея притокъ съ запада *Сива* или *Ляпина* (на вогульскомъ языкѣ *Сакуя*), а съ юга *Таня*¹⁾.

„За исключеніемъ мѣстностей около Туры и Южной Сосвы, гдѣ земледѣліе производится весьма успѣшно, вся страна, омываемая этими рѣками, состоитъ изъ лѣсовъ и бездонныхъ болотъ, которыя человѣкъ еще никогда не пытался, и вѣроятно, никогда и не попытается подчинить своему господству. Самыя распространенныя породы въ этихъ неизмѣримыхъ лѣсахъ суть сосна, береза, ель, пихта, ива, кедръ и лиственница. Богатство этихъ лѣсовъ, а слѣдовательно, и богатство страны состоитъ изъ обитающихъ тутъ звѣрей, каковы: бобры, которые однако теперь встрѣчаются рѣдко, лисицы, также уже порѣдчавшія, песцы, встрѣчающіеся болѣе на сѣверѣ, соболи, которыхъ ловятъ въ большомъ количествѣ вмѣстѣ съ горностаями и бѣлками. Кромѣ этихъ пушныхъ звѣрей, которыхъ ловятъ ради ихъ мѣха, нужно также назвать въ числѣ лѣсныхъ обитателей лося или сохатаго и обыкновенныхъ лѣсныхъ птицъ (рябчиковъ, буропатокъ и тетеревей), которыхъ жители ловятъ себѣ на пищу²⁾. Рѣки, именно Сѣверная Сосва и Обь, такъ богаты различнаго рода рыбою, что человѣку, не жившему здѣсь долгое время, не возможно узнать и исчислить всѣ породы.

„Въ этой странѣ съ незапамятныхъ временъ живутъ Вогулы, которые съ ихъ близкими родичами Остяками уже въ древнія времена были извѣстны подъ именемъ Югры или Угровъ, но сами себя они называютъ Мансами (*Manssi*). Я не намѣренъ вдаваться въ историческія изслѣдованія, а также не буду увеличивать числа болѣе или менѣе счастливыхъ предположеній, которыя высказаны относительно названій Мансовъ и Вогуловъ; но касательно сего по-

¹⁾ На картѣ Регули (Ethnogr. geograph. Karte des nördlichen Ural-Gebiets, entworfen auf einer Reise in den Jahren 1844 bis 1845 von Anton v. Reguly, St.-Petersburg 1845), которая вообще довольно подробна и вѣрна, названіе это написано Таля (Talia), а равнымъ образомъ и въ некоторыхъ другихъ вогульскихъ наименованіяхъ замѣчается странное смѣшеніе буквъ l и s; напримеръ, *Mastau* вмѣсто *Massau*, а *Lepia* вмѣсто *Lepsjä* и т. д.; это тѣмъ болѣе удивительно, что г. Регули былъ самъ на мѣстѣ, и слѣдовательно, могъ слышать правильное наименованіе изъ устъ самихъ Вогуловъ.

Примѣчаніе в. Алквиста.

²⁾ Къ числу четвероногихъ г. Чупинъ присоединяетъ еще медвѣдя.

слѣднѣе должно замѣтить, что названіе это на самомъ мѣстѣ въ Сибири никѣмъ не употребляется, такъ какъ въ окрестностяхъ Пелыма Русскіе называютъ Вогуловъ просто инородцами или ясачными, а въ Березовскомъ уѣздѣ, какъ Вогуловъ, такъ и Остяковъ, называютъ Остяками¹⁾. Предположеніе г. Регули (въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*, изд. Бера и Гельмерсена, томъ IX), что Вогулы не первобытные обитатели этой страны, а лишь сравнительно въ позднѣйшее время переселились сюда съ юга, ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ того, названія рѣкъ, озеръ и горъ не только въ той странѣ, гдѣ теперь живутъ Вогулы, но и гораздо южнѣе и западнѣе, гдѣ издавна обитаютъ другіе народы, доказываютъ, что Вогулы были первобытными обитателями этихъ мѣстностей и давали названія тамошнимъ урочищамъ, но были постепенно вытѣснены болѣе сильными сосѣдями. Богатство вогульского языка относительно мѣстныхъ явленій природы и произведеній можетъ также служить доказательствомъ, что Вогулы весьма давно водворились въ этой странѣ.

„Южную границу занимаемой ими въ настоящее время области составляютъ рѣки Лозва и Тавда; но на сей послѣдней встрѣчаются Вогулы только въ трехъ небольшихъ деревняхъ Кошутской волости²⁾; на западѣ Уралъ служитъ ихъ естественною гранью со страной, обитаемою Зырянами; къ сѣверу область Вогуловъ распространяется не далѣе какъ по сѣвернымъ притокамъ Сѣверной Сосвы, а на востокъ простирается до соединенной рѣки Иртышъ-Оби въ окрестностяхъ Березова, между тѣмъ какъ болѣе къ югу берега какъ Оби, такъ и Иртыша, находятся въ области Остяковъ. Въ административномъ отношеніи Вогулы относятся къ двумъ губерніямъ, именно: Пермской, гдѣ они живутъ въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ, и Тобольской, гдѣ занимаемая ими мѣстность находится въ округахъ Туринскомъ и Березовскомъ. Число ихъ сравнительно съ пространствомъ, въ которомъ они живутъ, весьма невелико. Въ Тобольской губерніи считается приблизительно 900 душъ Вогуловъ, платящихъ

¹⁾ По свидѣтельству г. Чупина, Русскіе въ Чердынскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ Пермской губерніи употребляютъ и названіе Вогуловъ; Зыряне зовутъ ихъ Вагульясъ; Вогулы же Березовскаго уѣзда, живущіе въ Ляпинской и Сосвинской волостяхъ, называются дѣйствительно Остяками Ляпинскаго нарѣчія.

²⁾ Въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи (С.-Пб., 1871) упоминается, подъ № 2698, сел. Кошукское.

ясакъ, а если на каждого ясачнаго положить по шести не ясачныхъ, что будетъ почти вѣрно,—то число Вогуловъ, живущихъ въ губерніи, получится приблизительно въ 5.400 человекъ; въ Пермской губерніи все число ихъ не превышаетъ 900 человекъ; такимъ образомъ, общее число всѣхъ Вогуловъ составляетъ нѣсколько менѣе шести съ половиною тысячъ душъ обоого пола. Причинами такого слабаго населенія—суровость климата, образъ жизни, уменьшеніе пушнаго звѣря и происшедшее отъ того общее обѣдненіе, и наконецъ,—высокая плата за обрядъ вѣнчанія, вслѣдствіе чего многіе молодые люди изъ Вогуловъ, не имѣя возможности внести ее, остаются холостыми. Въ Березовскомъ округѣ вступленіе въ бракъ затрудняется еще обычаемъ платить калымъ за невѣсту. Къ общимъ причинамъ слабаго населенія должно также отнести заразительныя болѣзни, изъ которыхъ оспа и сифилисъ причинили большія опустошенія между Вогулами ¹⁾. Въ сосѣдствѣ съ Русскими число ихъ уменьшается и потому еще, что многіе Вогулы идутъ въ работники къ Русскимъ, отвыкаютъ отъ своего роднаго образа жизни и привыкаютъ къ быту Русскихъ, къ употребленію водки и такимъ образомъ отчуждаются отъ своего народа. Вообще мѣстные чиновники жалуются, что число какъ Вогуловъ, такъ и Остяковъ, ежегодно уменьшается,—по это составляетъ неизбѣжную долю всѣхъ тѣхъ народовъ, которые приходятъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціей и не хотятъ подчиниться ея владычеству ²⁾.

„Вогуловъ по образу жизни можно назвать осѣдлымъ охотничьимъ народомъ. Побочными промыслами являются у нихъ на югѣ, около рѣкъ Лозвы и Пелыма, кое-какое земледѣліе и скотоводство, а на сѣверѣ около Сосвы рыболовство и отчасти оленеводство. Но главное и любимѣйшее занятіе Вогула составляетъ охота: онъ производитъ ее какъ изъ своего дома, такъ и изъ юрты, которую ставитъ въ двухъ или трехъ дняхъ пути отъ роднаго поселка. Охота на лосей начинается въ августѣ или сентябрѣ, такъ какъ животное это бываетъ тогда особенно жирно. Любимымъ мѣстопребываніемъ лосей

¹⁾ Это не согласно съ показаніемъ д-ра Н. Маліева, который въ числѣ 49 Вогуловъ, видѣнныхъ имъ въ сѣверной части Верхотурскаго уѣзда не нашелъ ни одного сифилитика, не смотря на то, что на эту болѣзнь обращалъ особое вниманіе; см. Отчетъ о Вогульской экспедиціи *Н. Маліева* (Каз., 1872 г.), стр. 16.

²⁾ Напротивъ того, по свидѣніямъ г. Маліева, численность Вогуловъ обрусѣвшихъ значительно увеличивается, Вогулы же дикіе дѣйствительно уменьшаются въ числѣ; см. его Отчетъ, стр. 19.

служать сухіе острова среди болотъ, гдѣ главную ихъ пищу составляетъ зеленая трава; нерѣдко случается, что Вогуль, чтобъ усилить произрастаніе травы, выжигаетъ такую мѣстность; этимъ объясняются частые пожары, которые въ Сибири опустошаютъ лѣса, не имѣющіе здѣсь, конечно, еще никакой цѣнности. Въ такихъ мѣстностяхъ Вогуль скоро находитъ слѣды лося и начинаетъ его преслѣдовать со своими собаками; нерѣдко преслѣдованіе продолжается четыре, пять дней, а иногда и цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ лось подпуститъ охотника на такое близкое къ себѣ разстояніе, чтобы тотъ могъ стрѣлять въ него. Если выстрѣлъ былъ удачный, то убитое животное на самомъ мѣстѣ боя свѣжуется на части, и затѣмъ на деревѣ или на высокихъ столбахъ устраивается кладовая, гдѣ разрѣзанное на узкія полосы мясо вялится и сберегается отъ медвѣдей и другихъ хищныхъ животныхъ до зимы, когда его уносятъ отсюда. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ водятся лоси, ставятъ также большіе луки, которые сами стрѣляютъ при приближеніи животнаго, почему и называются по русски самострѣльцами или самострѣлами ¹⁾. Позже осенью, когда пушной звѣрь покрывается полною шерстью, когда вслѣдствіе замерзанія болотъ и протоковъ открывается удобный путь по лѣсамъ, и когда на первомъ выпавшемъ снѣгу обозначаются слѣды животныхъ, — начинается настоящая охота, которую составляетъ главнымъ образомъ промыселъ на соболей. Животное это ловятъ разными способами въ теченіе всей зимы до весны, когда снѣгъ уже не можетъ держать на себѣ ни человѣка, ни собаки. При такой охотѣ хорошая собака не оцѣнена, и за такую собаку даже у Вогуловъ платятъ до 30-ти рублей; никогда маленькія собачки, которыхъ такъ любятъ старыя барыни, не содержатся такъ хорошо, какъ Вогулы держатъ своихъ собакъ, которыя вѣрностью и послушаніемъ далеко превосходятъ своихъ городскихъ соплеменницъ. Цѣна собольей шкуры различна, смотря по достоинству, отъ четырехъ до десяти рублей, и при платѣ ясака хорошій соболь принимается правительствомъ какъ взносъ за три души. Другое маленькое животное, за которымъ еще чаще, чѣмъ за

---

¹⁾ «Обитающіе по р. Чусовой русскіе поселенцы и Вогульцы, замѣтивъ слѣды и тропы (лосей и оленей), настороживаютъ на нихъ большіе луки со стрѣлами, протягивая отъ нихъ сѣти, изъ тонкихъ бичевокъ состоящія, такъ что проходящій по тропѣ звѣрь задѣвается за оныя ногами. Отъ сего натянутый лукъ приходитъ въ дѣйствіе, и стрѣла пробиваетъ лося или оленя на вылетъ». См. *Юнона*, Хозяйственное описаніе Пермской губернии (С.-Пб., 1813 г.), ч. II, стр. 227.

соболемъ, промысляютъ Вогулы, это—бѣлка; за нею охотятся въ теченіе цѣлаго года, какъ для удовольствія, такъ и для выгоды. Вообще Вогуль никогда не отходитъ отъ своей юрты безъ собаки, ружья и топора. Если онъ отправляется въ путь пѣшкомъ, то собака сопровождаетъ его; если онъ плыветъ въ лодкѣ, то собака бѣжитъ по берегу рѣки слѣдомъ за нимъ. Какъ скоро собака подмѣтитъ бѣлку, то извѣщаетъ о томъ своего хозяина лаемъ; но хозяинъ бережетъ порохъ и дробь и стрѣлять бѣлку не станетъ; онъ просто ударяетъ обухомъ топора по стволу дерева, и если бѣлка при прыжкѣ на другое дерево не упадетъ на землю, то спугиванье такого рода продолжается до тѣхъ поръ, пока бѣлка не перестанетъ прыгать съ дерева на дерево и не засядетъ упорно на одномъ мѣстѣ. Тогда дерево подрубается, и при его паденіи животное дѣлается вѣрною добычею внимательно наблюдающей собаки. Цѣна бѣлки различна — отъ 6 до 10 копѣекъ за штуку. Рѣже бьютъ лисицъ, которыхъ трудно ловить, и конечно, еще рѣже—медвѣдей. Лѣсныхъ птицъ ловятъ такъ называемыми слопцами, которые ставятся недалеко отъ жилища, такъ что женщины и вообще болѣе слабыя члены семейства легко могутъ наблюдать за ними. Весною бьютъ много водяныхъ птицъ, которыхъ или ловятъ разставленными въ водѣ волосяными силками, или бьютъ стрѣлами; лукъ и стрѣлы составляютъ необходимую принадлежность каждой вогульской юрты.

„Рыболовство, которое на Тавдѣ и на ея притокахъ не особенно прибыльно, производится здѣсь обыкновенно зимою, такимъ образомъ, что въ сосѣдствѣ жилища рѣка или ручей совершенно перегородывается заколомъ, и въ оставленныхъ отверстіяхъ этого закола ставятся большія морды. Такого рода рыбная ловля можетъ быть производима и женщинами, и другими членами семейства. Но для Вогуловъ, живущихъ на Сѣверной Сосвѣ, рыболовство имѣетъ большее значеніе и болѣе прибыльно. Весною, какъ только вскрыются рѣки, и немного понизится вода въ нихъ, они собираются большими толпами близъ устья рѣкъ и близъ отмелей на Сосвѣ и на Оби и остаются тамъ, въ построенныхъ изъ древесной коры юртахъ, въ теченіе всего лѣта до сентября, такъ что для многихъ вслѣдствіе того охота на лосей дѣлается невозможною. Наиболѣе употребляемыя здѣсь рыболовныя сѣти суть неводы, и кто не видѣлъ такой рыболовной деревни на Сосвѣ или на Оби, тому трудно представить себѣ ту массу рыбы, какая ежегодно здѣсь ловится. Вогуль никогда не солилъ рыбы, частью потому, что онъ считаетъ это излишнею рос-

кошью, частью потому, что ему трудно было бы купить столько соли, сколько нужно. Все то, что Вогуль, съ своимъ семействомъ и собаками не поѣдаетъ на самомъ мѣстѣ ловли,—а это не малое количество — вялится на зиму на солнцѣ или коптится на шестахъ у разведеннаго огня.

„Кто хотя немного ѣздилъ по Россіи, тотъ, конечно, могъ замѣтить, что въ городахъ вмѣстѣ съ пряниками и другими лакомствами продаются также какія-то зерна, величиною съ бобъ, которыя простой народъ любитъ грызть по воскресеньямъ и праздникамъ, и отъ которыхъ, говорятъ, такъ полнѣютъ русскія купчихи. Зерна эти — орѣхи, растущіе въ кедровыхъ шишкахъ, и собираніе ихъ составляетъ немаловажный побочный промыселъ бѣднѣйшихъ сибирскихъ Вогуловъ, а также Русскихъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ Сибири. Фунтъ такихъ орѣховъ стоитъ, напримѣръ, въ Казани отъ 7 до 8 коп. сер., на мѣстѣ же цѣна ихъ за пудъ отъ 90 к. до 1 р. 50 к. сер. При хорошемъ урожаѣ одно семейство можетъ собрать въ годъ нѣсколько десятковъ пудовъ кедровыхъ орѣховъ и такимъ образомъ заработать себѣ порядочныя деньги.

„Какъ уже было упомянуто выше, живущіе по Ловѣ и Пелыму Вогулы начинаютъ понемногу заниматься земледѣліемъ, при чемъ, конечно, необходимо содержаніе скота и лошадей. Живущіе по Пелыму и въ его окрестностяхъ Русскіе вообще жалуются, что земледѣліе въ этихъ мѣстахъ мало прибыльно. Но на цѣлый градусъ сѣвернѣе Пелымской церкви или немного южнѣе 61-го градуса, въ вогульской деревнѣ *Массавъ* (*Massav*)¹⁾, которая находится въ сторонѣ отъ рѣки Пелыма по направленію къ Уралу, Вогуль мало по малу обработалъ себѣ такія хорошія пашни, что онѣ кормятъ его съ большимъ семействомъ въ теченіе цѣлаго года, а въ урожайные годы онъ даже продаетъ довольно значительное количество хлѣба. Это можетъ служить доказательствомъ, что земледѣліе еще можетъ вознаграждать здѣсь трудъ прилежнаго работника, хотя, конечно, морозъ часто разрушаетъ его надежды. Надо однако замѣтить, что эта деревня есть послѣднее мѣсто къ сѣверу, гдѣ еще встрѣчается земледѣліе, ибо въ *Äimje-paul*²⁾, на 30 верстѣ сѣвернѣе, сѣютъ только рѣпу, и то

¹⁾ Массавскій пауль (поселокъ) на р. Усь, см. Списокъ насел. мѣстъ Тобольской губерніи, № 2, 902.

²⁾ Такого названія въ Сп. насел. мѣстъ Тобольской губерніи не значится; быть можетъ, подъ этимъ названіемъ должно разумѣть, означенный подъ № 2903, *

въ маломъ количествѣ. Названная деревня есть также послѣдняя на этой рѣкѣ, гдѣ еще имѣются лошади.

„Вмѣсто лошадей Березовскіе Вогулы держатъ оленей. Но лишь немногіе изъ нихъ имѣютъ болѣе нѣсколькихъ десятковъ; на верховьяхъ рѣки Тапси такой Вогуль, который имѣетъ до двухъ сотъ оленей, будетъ считаться за очень богатаго человѣка, тогда какъ тотъ же Вогуль въ окрестностяхъ Обдорска, гдѣ болѣе богатые Самоѣды владѣютъ нѣсколькими тысячами этихъ животныхъ, считался бы почти за бѣдняка. Выгоды оленеводства вообще достаточно извѣстны, и потому нѣтъ надобности описывать ихъ здѣсь; но должно замѣтить, что кочевые народы сѣверной Сибири не умѣютъ доить важенокъ, какъ то дѣлаютъ Лопари финскаго и скандинавскаго сѣвера, отчего у нихъ и пропадаетъ немаловажная часть прибыли. Въ окрестностяхъ Березова мы находимъ однако у богатыхъ Вогуловъ скотоводство и лошадей, хотя высокая вода и разливы рѣкъ въ послѣдніе два года настолько повредили сѣнокосамъ, что какъ Русскіе, такъ и Вогулы, и Остики въ этихъ мѣстностяхъ должны были продавать свой скотъ.

„Земля, или лучше сказать, лѣсъ есть общее достояніе Вогуловъ, такъ что каждый имѣетъ право въ немъ охотиться и стрѣлять, сколько ему угодно. Живущимъ южнѣе по р. Пельму Русскимъ, приходящимъ сюда зимою для охоты, Вогулы не иначе позволяютъ охотиться, какъ только вмѣстѣ съ ними, и такимъ образомъ Русскіе и Вогулы соединяются и образуютъ небольшія охотничьи артели, въ которыхъ Вогуль свое право охоты дѣлитъ съ Русскимъ, а сей послѣдній снабжаетъ его за то хлѣбомъ, вся же добыча дѣлится на равныя части. Но относительно рыболовства существуютъ другіе порядки, такъ какъ всякое устье или другое какое-либо рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣетъ своего владѣльца, отъ котораго только Русскіе и могутъ брать эти мѣста на аренду.

„Немного на свѣтѣ жильевъ, которыя были бы по своей внѣшности такъ просты, какъ вогульскіе поселки или такъ называемые *паулы*. Они всегда ставятся на возвышенномъ мѣстѣ около рѣки или около соединенія двухъ рѣкъ, такъ какъ рыболовный промыселъ у устья рѣки всегда прибыльнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и кромѣ того, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, пути сообщенія по рѣкамъ удобнѣе, чѣмъ по лѣсу. Паулы эти находятся на большомъ разстояніи

Вершинскій вогульскій пауль на рч. Мотвалъ, въ 35 в. къ сѣв. отъ Миссавскаго паула, въ 6 дворовъ (юртъ).

другъ отъ друга, въ двухъ или трехъ дняхъ пути, чтобы каждый поселокъ владѣлъ достаточнымъ пространствомъ для охоты и рыболовства. Каждый пауль обыкновенно состоитъ изъ двухъ или трехъ юртъ; пять юртъ составляютъ уже значительный поселокъ, а самый большой изъ пауловъ, которые я видѣлъ въ моемъ путешествіи, это—выше названный *Ätimje-paul*, состоящій изъ семи юртъ. Юрты ¹⁾ бываютъ двухъ родовъ: зимнія и лѣтнія. Первыя построены изъ бревенъ, проконопачены мохомъ и покрыты крышей изъ древесной коры и планокъ. Они бываютъ рѣдко болѣе трехъ сажень въ ширину и глубину. Двери, предъ которыми рѣдко бываютъ сѣни или навѣсы, обыкновенно обращены къ югу, вѣроятно, по той причинѣ, что вѣтеръ съ этой стороны менѣе суровъ, чѣмъ съ другихъ сторонъ. Въ одномъ изъ угловъ около двери складывается изъ глины сбитой съ травой печь, имѣющая сходство съ англійскимъ каминомъ, и въ которой огонь горитъ въ теченіе цѣлаго дня; на ночь отверстіе въ крышѣ для выхода дыма закрываютъ берестой. Послѣ того какъ погаснетъ огонь, такая печь не даетъ тепла, да и притомъ она слишкомъ мала и сложена изъ слишкомъ дурного матеріала; ночью въ этихъ юртахъ порядочно зябнуть, и единственное средство противъ холода состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно ближе ложиться другъ къ другу. Дневной свѣтъ проникаетъ чрезъ окно, въ которое обыкновенно бываетъ вставлено стекло, а за неимѣніемъ его—рыбья кожа или бумага. По стѣнамъ юрты съ двухъ сторонъ устроены, въ поларшина вышиной, очень широкія лавки для сна, похожія на татарскія и покрытыя берестой или рогожами. Если въ юрту входитъ болѣе почетный гость, то на такой лавкѣ стелятъ оленью шкуру, но какъ ни привлекателенъ этотъ бѣлый и мягкій мѣхъ, нельзя посоветовать садиться на него, такъ какъ онъ бываетъ полонъ блохъ; вошедшій лучше всего сдѣлаетъ, если сядетъ на маленькую и низенькую скамью, служащую вмѣсто стола, такъ какъ скамья эта удалена отъ всякаго соприкосновенія съ лавками, и такимъ образомъ можно почти уберечься отъ блохъ. При каждой юртѣ находится одна или двѣ кладовыя для припасовъ, которыя строятся на высокихъ столбахъ, а непосредственно за ними начинается темный сосновый лѣсъ, шумъ котораго и свѣжій запахъ сосны такъ любезны сердцу Вогула. Лѣт-

¹⁾ Г. Азквистъ употребляетъ это названіе вогульского жилища согласно тому, какъ говорятъ Русскіе; сами же Вогулы называютъ свои жилища *küäl*, *кааль*.

нія юрты покрываются берестой; на Сосвѣ онѣ имѣютъ коническую форму; Вогуль всегда переходитъ въ такую юрту въ теплое время года, даже и въ томъ случаѣ, если онъ не удаляется отъ своей зимней юрты. Огонь въ лѣтнихъ юртахъ горитъ по срединѣ, и дымъ выходитъ чрезъ отверстіе въ крышѣ; юрты эти не имѣютъ пола и во всѣхъ отношеніяхъ менѣе удобны, чѣмъ зимнія.

„Такъ устроены жилища Березовскихъ Вогуловъ. Южные Вогулы, живущіе по рр. Лозвѣ и Целыму, рѣдко строятъ лѣтнія юрты, а живутъ лѣто и зиму въ бревенчатыхъ жилищахъ. Эти послѣднія отличаются отъ юртъ сѣверныхъ Вогуловъ только тѣмъ, что въ нихъ около очага вмазанъ довольно большой котель, изъ-подъ котораго чрезъ втулую трубу дымъ проходитъ въ верхнюю часть очага. Южные Вогулы начинаютъ уже ставить русскіе срубы, помѣщая ихъ за юртами, такъ что сіи послѣднія служатъ сѣнями къ избѣ, а самая изба чистою половиной.

„Домашняя утварь и другія принадлежности домашнего быта у народа, такимъ образомъ живущаго, не могутъ быть разнообразны. Кромѣ собаки, ружье составляетъ самое дорогое имущество Вогула, хотя обыкновенно ружья ихъ самага дурного качества. Затѣмъ у Вогула бываетъ еще оружіе—рогатина, топоръ и большой ножъ, который вмѣстѣ съ огнивомъ всегда виситъ у пояса. Кромѣ той посуды, въ которой варятъ пищу, вся остальная изъ бересты; даже ложки и дѣтскія люльки и качалки не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Издѣлія Вогуловъ изъ бересты вообще хороши, хотя далеко не такъ красивы и не такъ аккуратны, какъ тѣ, что изготовляются въ сѣверной Финляндіи. Лодки для небольшихъ рѣкъ выдалбливаются изъ одного древеснаго ствола и очень легки на ходу, но такъ низки, что на нихъ гребутъ не простыми веслами, а рулевымъ весломъ. На Сосвѣ и Оби есть однако у Вогуловъ и большія лодки съ мачтами; обыкновенно двѣ такія лодки соединяются для плаванія цѣлаго семейства.

„Одежда южныхъ Вогуловъ приблизительно та же, что и одежда живущихъ тамъ Русскихъ, но обыкновенно она хуже и болѣе изорвана. Одежду Вогуловъ на Сѣверной Сосвѣ составляетъ извѣстная малица, которая на лѣто шьется изъ русскаго крестьянскаго сукна, а на зиму—изъ оленьихъ шкуръ, такъ что мѣхомъ бываетъ обращена къ наружной сторонѣ и затѣмъ подбита мѣхомъ же съ внутренней стороны. Шапокъ обитатели Сосвы не знаютъ. Лѣтомъ длинныя и густые волосы, заплетенныя въ двѣ косы, составляютъ единственную защиту головы, но зимой какъ голова, такъ и лицо, покрываются

особаго рода мѣшкомъ изъ оленьихъ шкуръ, который пришить къ воротнику малицы. Обувь, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, составляютъ такъ-называемые пимы, родъ сапогъ съ длинными голенищами изъ оленьихъ шкуръ, которые на лѣто шьются изъ шкуръ, не покрытыхъ шерстью, а на зиму—изъ шкуръ, покрытыхъ шерстью, и притомъ внутри подбиваются оленьимъ мѣхомъ. Нижнее платье (рубашка и штаны) у нѣкоторыхъ — изъ русскаго холста, а у другихъ — изъ дубленыхъ оленьихъ шкуръ, которыя носятъ до тѣхъ поръ, пока не спадутъ съ тѣла въ лоскутьяхъ. Одежда женщинъ также изъ оленьихъ шкуръ и почти того же покроя, что у Татарокъ; голову Вогулки покрываютъ большимъ не завязаннымъ платкомъ, который, подобно Татаркамъ, спускаютъ и на лицо при появлеши незнакомаго человѣка. Въ косы, также какъ у Татарокъ, вплетаются пестрыя ленты, бисеръ и другія блестящія украшенія; на пальцахъ какъ женщины, такъ и мужчины, носятъ мѣдныя кольца. Замѣчательно, что вогульскія женщины татуируютъ себѣ руки и ноги; татуировка ихъ не представляетъ собою какого-либо опредѣленнаго рисунка, но состоитъ изъ симметрически расположенныхъ линій; она дѣлается въ дѣтствѣ чрезъ наколъ иглой и втираніе порокомъ наколотога мѣста.

„Относительно пищи Вогуль неизбалованъ и неразборчивъ. Главная его пища, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, лѣсная птица и рыба, съ тою разницею, что лѣтомъ рыба бываетъ свѣжая, а зимой сушеная. Мясо оленей и лосей ѣдятъ они рѣдко, и то только богатые. Для южныхъ Вогуловъ соль и хлѣбъ сдѣлались необходимою потребностію, но Сосвинскіе считаютъ ихъ предметами роскоши, и здѣшній Вогуль, возвращаясь изъ города, привозитъ ихъ по немножку дѣтямъ въ гостинецъ, подобно тому, какъ фивляндскій крестьянинъ привозитъ въ видѣ гостинца сахаръ и бѣлый хлѣбъ. Вообще Вогуль долгое время можетъ быть безъ пищи, и при его странствованіяхъ въ лѣсу случается, что за неимѣніемъ посуды онъ цѣлыя недѣли питается сырою рыбой и сырымъ мясомъ тетеревей. Но если Вогуль начнетъ ѣсть, то ѣсть много, такъ что за одинъ разъ можетъ съѣсть четыре или пять тетерекъ, выхлебать всю похлебку, въ которой онѣ варились, и сверхъ того, будетъ закусывать вмѣсто хлѣба сушеною рыбой. Единственный предметъ роскоши, который позволяетъ себѣ Вогуль, это—табакъ; куреніе его такъ распространено между Целымскими Вогулами, что даже бабы и дѣвки курятъ и обыкновенно имѣютъ

свои собственныя трубки; Вогулы же Сосвинскіе не курятъ, но за то большіе охотники нюхать табакъ.

„По тѣлосложенію Вогулы средняго роста; малорослыя мужчины встрѣчаются рѣдко; напротивъ того, довольно часто видишь мужчинъ стройнаго тѣлосложенія. Какъ охотникъ, Вогулъ скоро ходитъ и въ странствованіяхъ своихъ неутомимъ, но въ крѣпости плечъ уступаетъ Русскому. Лицо круглое съ немного выступающими скулами, какъ у всѣхъ Финновъ; носъ широкій, но не плоскій; самый обыкновенный цвѣтъ волосъ—темнорусый, но довольно много встрѣчается людей и съ совершенно свѣтлыми волосами; глаза у нихъ открытыя и круглыя, но часто болятъ, вслѣдствіе жизни въ дымныхъ юртахъ. Примѣси монгольскаго типа, какъ это полагаютъ нѣкоторые путешественники,—я не могъ подмѣтить въ Вогулахъ, если не считать за признаки ея у южныхъ Вогуловъ, именно Кондинскихъ, сильно выступающія скулы, темнoblѣдный цвѣтъ лица, какъ смоля черныя волосы и малое количество волосъ на бородѣ. Можетъ быть, Кондинскіе Вогулы болѣе смѣшались съ чужими элементами, чѣмъ ихъ сѣверные братья, которые по внѣшности своей болѣе схожи съ Европейскими народами. Это предположеніе получаетъ еще большую силу и потому, что ихъ область болѣе доступна и ближе къ другимъ народамъ, соприкасающимися съ ними юга и востока, чѣмъ остальная земля Вогуловъ.

„По характеру своему Вогулъ — тихое и добродушное дитя природы. Вогулы никогда не имѣютъ печальнаго вида, постоянно болтаютъ и смѣются между собою; въ рѣчи ихъ есть особаго рода оттѣнокъ доброжелательства, который служитъ неоспоримымъ доказательствомъ мягкости и доброты души. Это въ особенности относится къ Сосвинскимъ Вогуламъ, такъ какъ у Вогуловъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Русскими, открытость характера и добродушіе болѣе или менѣе исчезли. Не будучи мстительнымъ, Вогулъ однако легко раздражается даже при малой обидѣ, но также легко мирится и притомъ вполне чистосердечно. Въ пьяномъ видѣ однако онъ становится бѣшенымъ, и тогда опасно бываетъ спорить съ нимъ; но къ счастью, въ такое состояніе онъ приходитъ только два въ годъ, когда отправляется въ городъ или въ церковь, ибо вслѣдствіе благоразумной заботливости правительства всякая продажа водки строго запрещена въ вогульскихъ деревняхъ. Большой недостатокъ въ характерѣ Вогула составляетъ его лѣность, которая и служитъ причиною, почему ему, какъ работнику, платятъ въ половину менѣе, чѣмъ Русскому. Къ ручному труду этотъ народъ мало склоненъ. Женщины

однако шьютъ одежду для себя и для мужей, употребляя притомъ вмѣсто обыкновенныхъ нитокъ жилы оленей или пряжу изъ крапивы. Что касается мужчинъ, то они не изготовляютъ даже своей домашней утвари; ибо между ними нѣтъ даже кузнецовъ, почему и ружья отдаются ими въ починку въ отдаленныя мѣста русскимъ кузнецамъ, а равно тамъ же заказываются и другія кузнечныя подѣлки. Замѣчаніе М. Кастрена и Ю. А. Гагемейстера, что Остяки могли бы быть хорошими плотниками, сказано на вѣтеръ и возбуждаетъ только улыбку въ каждомъ Сибирякѣ, которому хорошо извѣстно, что плотники приглашаются сюда издалека, хотя вездѣ по сосѣдству живетъ много Вогуловъ и Остяковъ.

„Религиозное сознаніе Вогула заключается въ шаманизмѣ, въ которомъ столь многіе народы сѣверной Азіи находятъ удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ. Правда, Вогуль крещенъ, носитъ христіанское имя и внесенъ въ метрическую книгу; священникъ вѣнчаетъ его, креститъ дѣтей его и приглашается имъ отслужить панихиду надъ могилой умершаго члена его семьи, когда пріѣзжаетъ въ ту мѣстность; Вогуль, посѣщая по своимъ дѣламъ разъ или два въ годъ село, въ которомъ находится его приходская церковь, идетъ въ церковь, зажигаетъ восковую свѣчу передъ образомъ и нѣсколько разъ крестится. Но во всемъ остальномъ и въ душѣ Вогуль преданъ еще религіи своихъ предковъ. Обращеніе Вогуловъ въ христіанство началось въ первой половинѣ прошлаго вѣка и состояло болѣе въ насильственномъ разрушеніи ихъ идоловъ, чѣмъ въ проповѣди христіанскаго ученія. Съ этого времени они по названію христіане, и хотя, кажется, не воздвигали болѣе идоловъ, но по видимому, въ лѣсахъ ихъ есть извѣстныя мѣста, гдѣ Вогулы приносятъ въ жертву богамъ оленей, мѣха и серебряную монету, чтобъ они послали счастливую охоту. Хотя эти мѣста для жертвоприношеній остаются неизвѣстными чиновникамъ и вообще скрываются отъ Русскихъ, однако случается, что и Русскіе присутствуютъ при этихъ жертвоприношеніяхъ, когда они, какъ выше было сказано, вмѣстѣ съ Вогулами отправляются на охоту. Члены такой маленькой охотничьей артели присягаютъ другъ другу въ вѣрности передъ мордою медвѣдя, то-есть, они рѣжутъ эту морду однимъ ножомъ или кусаютъ ее зубами въ знакъ того, что если кто при общей охотѣ окажется безчестнымъ, то да будетъ поѣденъ медвѣдемъ, что, по твердому убѣжденію какъ Русскихъ, такъ и Вогуловъ, непременно должно случиться. Почитаніе медвѣдей, которое у предковъ Финскаго племени было всеобщее, проявляется у Вогуловъ

и въ другихъ чертахъ. Подобно тому, какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, гдѣ медвѣди еще вездѣ водятся, ихъ рѣдко называютъ — изъ почтенія или изъ страха — настоящимъ ихъ именемъ, а именуютъ „медовою лапой“ или другимъ какимъ-либо ласкательнымъ прозвищемъ, — такъ и Вогулы избѣгаютъ давать медвѣдю его настоящее имя и называютъ обыкновенно „старымъ“, чѣмъ, безъ сомнѣнія, хотятъ выразить свое къ нему уваженіе. Какъ въ Калевалѣ описывается тризна древнихъ Финновъ по медвѣдѣ, такъ и Вогулы тащутъ убитаго медвѣдя съ пѣснями, музыкой, съ выстрѣлами изъ ружей въ деревню, гдѣ смерть его празднуется пирушкой и попойкой.

„Въ древности славилась торговля Югры мѣхами. До утверженія русскаго владѣчества въ этой странѣ вся эта торговля была въ рукахъ Зырянъ, которые, — конечно, въ позднѣйшее время — должны были подѣлиться выгодами ея съ русскими бупцами, но и до сихъ поръ принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Торговлю эту производятъ Зыряне Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи ¹⁾ и для того ежегодно прѣзжаютъ сюда изъ-за Урала двумя путями на ярмарки въ Березовъ и Обдорскъ. Болѣе южная дорога идетъ изъ Березова по Сосвѣ, по ея притоку Сигвѣ и потомъ черезъ Уралъ, который въ этомъ мѣстѣ такъ узокъ, что отъ послѣднихъ юртъ Березовскаго округа у истоковъ Сигвы, если дорога хороша, можно доѣхать на оленяхъ въ 24 часа до береговъ Печоры; и переѣздъ черезъ Уралъ тутъ такъ легокъ, что по этой дорогѣ ежегодно перевозится нѣсколько тысячъ пудовъ муки на Печору, а оттуда доставляются болѣе грузные товары, какъ на примѣръ, ружья, топоры, котлы, салныя свѣчи и т. д. ²⁾. Другая болѣе сѣверная дорога идетъ изъ Обдорска по рѣкѣ Соби или Сивѣ до истоковъ впадающей въ Печору рѣки Усы и потомъ по Усѣ до Печоры ¹⁾. Вся торговля здѣсь

¹⁾ Такъ называемые Иженцы.

²⁾ Это такъ называемый Оранецкій путь, ведущій отъ Сукервинскихъ юртъ на Сигвѣ, вдоль впадающей тутъ въ Сигву р. Сукерви, потомъ черезъ Уралъ, далѣе мимо весьма высокой горы Сабли, находящейся уже на западной сторонѣ Урала, на д. Оранецъ на Печорѣ. См. письмо *Регули* къ акад. Кеппену въ III-й книжкѣ *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*, стр. 172 и 173; *Гофмана*, *Сѣверный Уралъ*, стр. 199. Проходъ здѣсь черезъ Уралъ у Гофмана названъ Саблинскимъ.
Прим. г. Чукина.

¹⁾ Тутъ у г. Алквиста ошибка: р. Сивья начинается и впадаетъ въ Обь далеко юнѣе Обдорска и верховья въ Усы. Вѣроятно, онъ разумѣлъ такъ называемый Елецкій переходъ отъ Обдорска вверхъ по долинѣ впадающей въ Обь р. Соби, потомъ черезъ Уралъ и вдоль Ельца, одного изъ верхнихъ притоковъ

мѣновая, при чемъ бѣлка служитъ общимъ мѣриломъ цѣнности товара. Подобно тому какъ на черемисскомъ языкѣ *ur* (по фински *orava*) означаетъ какъ бѣлку, такъ и копѣйку, такъ и на вогульскомъ языкѣ слово *lin* (*lēn*) означаетъ то же; такъ, напримѣръ, русскій гривенникъ по вогульски называется *lou lin* (10 бѣлокъ), рубль — *sēt lin* или *sat lin* (100 бѣлокъ). Но такъ какъ цѣна бѣлки въ настоящее время гораздо значительнѣе, чѣмъ въ то время, когда вошло въ употребленіе это выраженіе, то Вогулы, говоря о деньгахъ, прибавляютъ взятое изъ татарскаго языка слово *oksa* къ суммѣ, для того чтобы сдѣлать различіе отъ дѣйствительной бѣлки, напримѣръ, десять рублей: *lou sēt lin oksa* (10 сотень бѣлокъ денегъ), тогда какъ одно *lou sēt lin* означало бы тысячу настоящихъ бѣлокъ, цѣна которыхъ въ теперешнее время гораздо болѣе десяти рублей. Въ торговлѣ Зырянъ и Русскихъ съ здѣшними Вогулами существуетъ система кредита, которая для сихъ послѣднихъ только разорительна. Купецъ отпускаетъ товаръ свой покупателю въ долгъ до слѣдующей охоты, при чемъ, конечно, на товаръ свой назначаетъ большую цѣну, чѣмъ при наличной платѣ мѣхами; при уплатѣ же долга онъ старается по возможности уменьшить цѣну на товаръ должника. Вслѣдствіе того послѣдній затягиваетъ уплату долга и охотѣе продаетъ товаръ другимъ, чѣмъ своему кредитору. Чтобы покрыть убытки отъ такой несвоевременной уплаты, а равно и отъ утраты должной суммы вслѣдствіе смерти должника, купецъ при слѣдующемъ окредитованіи долженъ наложить на свой товаръ еще большую цѣну, часто вдвое. Исходомъ такой торговли въ кредитъ для многихъ Вогуловъ и Остяковъ бываетъ то, что сильно задолжавшій при неблагопріятной охотѣ или самъ долженъ поступить въ работники къ своему кредитору, или если у него есть сынъ, послать сына, что

Усы, къ этой послѣдней рѣкѣ. О Елецкомъ, иначе Большомъ, переходѣ Редуги въ письмѣ къ Кеппену говорятъ: «Эта большая дорога отъ Усы въ Обдорскъ — путь, по которому Русскіе изстари переправлялись черезъ Уралъ. Здѣсь проходятъ торгующіе Зыряне въ Обдорскъ, и тянутся толпами Самоѣды и частію Остяки. Этотъ проходъ, простирающійся въ длину на 30 верстъ (въ горахъ?), широкъ и просторенъ, но имѣетъ одинъ весьма важный недостатокъ: во время вьюгъ, свирѣпствующихъ здѣсь иногда по 3 и 4 дня сряду съ неимоверною силой, въ немъ нельзя найдти себѣ защиты, такъ что цѣлые караваны и стада оленей разгоняются и побиваются бурей, и даже нерѣдко замерзаютъ люди. Впрочемъ, дорога эта, довольно важная для Ижемскихъ Зырянъ, не имѣетъ никакого значенія для Вогуловъ».

Прим. г. Чупина.

часто обращается въ пожизненную кабалу, въ которой Вогуль или Остякъ отчуждается отъ своего племени и народа.

„У Вогуловъ нѣтъ дѣленія на роды, какъ у Самоѣдовъ и у нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ народовъ, но они, подобно Русскимъ, дѣлятся на волости, въ которыхъ имѣютъ своихъ собственныхъ головъ и старшинъ. Отъ ихъ прежняго самостоятельнаго управленія не осталось никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ того, что на Сосвѣ два-три семейства имѣютъ притязаніе называться князьями. Познакомившись съ двумя такими претендентами, я не могъ замѣтить никакой разницы между ними и ихъ соплеменниками, кромѣ того только, что лицо ихъ случайно было чище вымыто, между тѣмъ какъ по одеждѣ и по занятіямъ они ничѣмъ не отличались отъ другихъ и не требовали, кажется, отъ сихъ послѣднихъ никакого особеннаго къ себѣ почтенія. Вообще Вогулы, какъ и другіе живущіе здѣсь народы, управляются обыкновенными чиновниками изъ Березова и Обдорска, и это управленіе вѣдствіе ихъ покорности и послушанія весьма незатруднительно: болѣе преданныхъ подданныхъ едва ли можно найдти; вездѣ спрашиваютъ они путешественника: какъ здоровье золотого хана (*sornî kban*, то-есть, Государь), какой видъ имѣетъ его жилище, одѣвается ли онъ въ тѣ мѣха, которыми они платятъ ясакъ, существуетъ ли миръ и спокойствіе въ странѣ и т. д. И народъ этотъ не имѣетъ причины желать для себя лучшаго управленія. Ясакъ, который онъ платитъ, чрезвычайно незначителенъ и почти вполнѣ возмѣщается тѣмъ, что казна отпускаетъ имъ порохъ и муку по пониженной цѣнѣ. Со стороны чиновниковъ Вогулы также не терпятъ большаго притѣсненія, такъ какъ споры свои обыкновенно разрѣшаютъ между собою безъ суда и вообще живутъ такъ далеко отъ чиновниковъ, что видятъ ихъ только разъ въ годъ при взносѣ ясака; кромѣ того, они уже научились приносить жалобы на притѣсненія, и это заставляетъ чиновниковъ быть осторожными въ обращеніи съ ними“.

Таковъ бытъ Вогуловъ, какъ онъ очерченъ г. Алквистомъ. Описание это, конечно, очень коротко ¹⁾, но во всякомъ случаѣ оно несомнѣнно удовлетворяетъ той цѣли, ради которой включено въ мо-

---

¹⁾ Здѣсь кстати замѣтить, что этнографическій матеріалъ о Вогулахъ, представляемый русскою литературой, довольно великъ и содержитъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній, не отмѣченныхъ г. Алквистомъ; см. библиографію его въ статьѣ о Вогулахъ, въ Географическомъ и статистическомъ словарѣ Пермской губерніи, составленномъ Н. Чупинымъ (Пермь, 1873 г.), I, 334—360.

нографію о древней финской культурѣ. Если мы снимаемъ съ этой картины быта Вогуловъ нѣкоторыя позднѣйшія наслоенія, каково, на примѣръ, употребленіе огнестрѣльнаго оружія или водки, и даже самое знакомство Вогуловъ съ христіанскою религіей, то бытъ вогульскій представится намъ совершенно такимъ же, какъ древняя жизнь Западныхъ Финновъ, опредѣляемая данными ихъ языка. Итакъ, современная дѣйствительность оправдала научный приемъ, употребленный г. Алквистомъ, и подтвердила вѣрность его заключеній и выводовъ изъ данныхъ языка.

По справедливому замѣчанію автора, сейчасъ изложенная параллель доказываетъ также, что заимствованіе культурныхъ словъ въ финскіе языки отъ сосѣднихъ дѣлалось Финнами не безъ необходимости. не изъ простаго желанія украшать родную рѣчь чужестранными выраженіями и т. п. Если бы, вмѣстѣ съ заимствованіемъ словъ, не были заимствуемы и самыя предметы и понятія, этими словами обозначаемыя, — то не могло бы случиться, что различныя отрасли Финскаго племени, въ различныя времена и на дальнемъ разстояніи одна отъ другой, усваивали себѣ отъ сосѣдей слова, означающія одни и тѣ же предметы и понятія; а именно это обстоятельство замѣчаемъ мы при сравненіи языковъ финскаго собственно и мадьярскаго, финскаго и лопскаго, финскаго и эстскаго. Даже въ предѣлахъ той области, въ которой распространены собственно финскій языкъ, мы видимъ, что въ полосѣ болѣе западной, въ собственно емскомъ нарѣчій, извѣстное понятіе означается словомъ скандинавскаго происхожденія, а въ полосѣ восточной, среди Кареловъ, то же понятіе выражено словомъ, взятымъ изъ нѣмецкаго или русскаго языка. Очевидно, ни въ той, ни въ другой мѣстности Финны не имѣли понятія о тѣхъ предметахъ, названіе которыхъ имъ пришлось брать у сосѣдей, и стало быть, находились на низшей, сравнительно съ послѣдними, ступени развитія. Тѣмъ моложе однако—таково послѣднее слово г. Алквиста, — тѣмъ моложе Финны въ исторіи, и тѣмъ вѣроятнѣе, что наконецъ и для нихъ приходитъ пора внести свой вкладъ въ общечеловѣческую цивилизацію и самостоятельно развить тѣ культурныя задатки, которые усвоены ими отъ сосѣдей.

На этомъ мы можемъ покончить обзоръ содержанія книги г. Алевиста. Знатоки финскихъ языковъ, безъ сомнѣнія, подвергнутъ ее критическому разбору со стороны филологической;—наша задача была гораздо проще и скромнѣе: довѣряясь вполне ученому авторитету г. Алквиста, какъ одного изъ первыхъ современныхъ

финнологовъ, мы имѣли въ виду извлечь изъ его розысканій только этнографическіе результаты, которые могли бѣ освѣтить какъ современное, такъ и древнее культурное состояніе Западныхъ Финновъ и ихъ отношенія къ сосѣднимъ народамъ арійской расы.

Въ заключеніе позволимъ себѣ упомянуть о другомъ трудѣ по исторіи финскихъ языковъ, который имѣетъ много общаго съ книгой г. Алквиста: мы разумѣемъ ужь упомянутое выше изслѣдованіе датскаго ученаго г. В. Томсена: „О вліяніи германскихъ языковъ на финско-лопскій“. Между тѣмъ какъ г. Алквистъ основалъ свои результаты преимущественно на сравненіи финскихъ языковъ между собою и съ языками всѣхъ сосѣднихъ, какъ западныхъ, такъ отчасти и восточныхъ народовъ арійской расы, г. Томсенъ изслѣдовалъ филологически лишь одну область племенныхъ отношеній—культурныя связи Финновъ съ Германскимъ племенемъ, но за то постарался различить послѣдовательность въ развитіи этихъ связей по мѣрѣ соприкосновенія Западныхъ Финновъ съ тѣмъ или другимъ изъ народовъ Германскихъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы спеціалисты финской филологіи привели къ ближайшему соглашенію результаты, добытые обоими вышеназванными учеными, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обратили бы въ должной мѣрѣ вниманіе на отношеніе финскихъ языковъ къ славянскимъ. Подобныя изысканія, безъ сомнѣнія, прольютъ новый свѣтъ на все еще темные пока вопросы о древнихъ народныхъ движеніяхъ и зародышахъ гражданственности въ Восточной Европѣ.

Л. М.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА И ОБРАЗОВАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ВЪ РОССИИ¹⁾.

IV.

Императоръ Александръ II и современное состояніе училищъ.

А. Народныя училища. Предварительныя распоряженія; основанія устава 16 іюля 1864 г.; устрaненіе прежнихъ недостатковъ законоположеніемъ 26 мая 1869, учрежденіемъ инспекцій народныхъ училищъ и школъ образцовыхъ, а также изданіемъ инструкціи для инспекторовъ народныхъ училищъ 29 октября 1871; воззваніе къ дворянству; законъ объ элементарныхъ школахъ 25 мая 1874 г. — Статистика и характеристика современнаго положенія училищъ. — Образованіе учителей. Учительскія семинаріи; семинаріи въ с. Порѣцкомъ и Вейверлахъ; общіе недостатки подобныхъ заведеній; образованіе учителей введеніемъ педагогическихъ курсовъ при уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. — Съѣзды учителей въ Россіи. — *Б. Городскія училища* (указъ 31 мая 1872 г.). Уставъ о городскихъ училищахъ, учебные планы и штаты. Образованіе учителей. — Уставъ объ учительскихъ институтахъ; учебные ихъ планы; приведеніе въ исполненіе новыхъ предначертаній: дополнительные курсы въ учительскихъ институтахъ. — *В. Окраины государства и инородцы.* Западныя губерніи, Сибирь, Туркестанъ и т. д. Сельскія православныя училища въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. — *Взглядъ на будущее:* уставъ о воинской повинности 1 января 1874 г.; усиленное стремленіе въ школы.

Благополучное царствованіе Императора Александра II имѣетъ великое значеніе для развитія и распространенія образованія въ Россіи; когда обнаружатся ясные послѣдствія современныхъ реформъ въ этой области, въ сущности законченныхъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается до законодательной дѣятельности²⁾, тогда только вполне

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. Ноябрь 1877 года.

²⁾ За исключеніемъ устава университетовъ 18 іюня 1863 г., который въ часть СХСIV, отд. 3.

будетъ сознано, какую важную эпоху составляетъ вліяніе этого Государя на народное образованіе въ Имперіи. Постараемся представить здѣсь наглядный обзоръ результатовъ, достигнутыхъ въ устройствѣ элементарныхъ училищъ за послѣднее время, въ особенности со дня вступленія въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго (съ 14 апрѣля 1866 г.).

Народныя училища. Министерство народнаго просвѣщенія еще съ 1856 года (А. С. Норовъ, 1833—1858) приступило къ составленію проекта устава *общеобразовательныхъ* учебныхъ заведеній, въ который входило и устройство народныхъ школъ. Это выраженіе „общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“ весьма замѣчательно: оно здѣсь *въ первый разъ* было употреблено въ офиціальномъ училищномъ актѣ (*Вестель*, руководство I, 314) и показываетъ, что уже въ то время министерство не считало болѣе единственною цѣлью и назначеніемъ училищъ — удовлетвореніе потребностей какого либо одного сословія, или образованіе канцелярскихъ чиновниковъ и писарей. Въ 1861 г. комитетъ, составленный изъ членовъ отъ различныхъ вѣдомствъ, за вѣдующихъ училищами разнаго именованія ¹⁾, составилъ „общій планъ устройства народныхъ училищъ“, который не получивъ однако обязательной законной силы: преобразование училищъ низшаго разряда невозможно было въ то время, когда не были еще закончены реформы, касавшіяся устройства быта сельскаго населенія.

Юля 14-го 1864 года было Высочайше утверждено „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“, обязательное для всѣхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ и для воскресныхъ школъ.

Главные основанія, принятыя при составленіи этого законоположенія, заключаются въ слѣдующемъ (Ж. М. Н. Пр., сент. 1864):

1) Ускорить развитіе просвѣщенія въ народѣ, не понудительными, но поощрительными мѣрами. Начало безусловной обязательности, личной какъ въ Пруссіи, или въ отношеніи общины, какъ во Франціи — отвергнуто. Правительство не принуждаетъ никого учиться или содержать школу, но поддерживаетъ желающаго. Для такого

1876 г. вновь былъ подвергнутъ пересмотру въ особой комиссіи подъ предѣлительствомъ статсъ-секретаря Деянова.

¹⁾ Отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, удѣльн., внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія.

поощренія (снабжение школъ учебными пособиями, награды учителямъ и т. д.) была ассигнована по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1865 г. сумма въ 100,000 руб., съ тѣмъ, чтобы постепенное ея увеличеніе зависѣло отъ средствъ государственнаго казначейства.

2) Прекратить существовавшій антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ, какъ между отдѣльными вѣдомствами, такъ и между училищами правительственными и частными, и соединить, въ отношеніи народныхъ училищъ, разрозненную дѣятельность разныхъ вѣдомствъ, православнаго духовенства и земскихъ учреждений. Съ этою цѣлью учреждаются въ каждомъ уѣздѣ *уѣздный* и въ каждой губерніи *губернскій* училищные совѣты. Уѣздный училищный совѣтъ состоитъ изъ членовъ отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства, изъ двухъ представителей уѣзднаго земскаго собранія, кромѣ того по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя начальныя народныя училища, и изъ члена городского общества. Предсѣдатель избирается собраніемъ на два года; дѣлопроизводство возлагается на штатнаго смотрителя училищъ. Губернскій совѣтъ составляютъ: епархіальный архіерей, какъ первенствующій членъ, начальникъ губерніи, директоръ училищъ и два члена отъ губернскаго земскаго собранія. Училищные совѣты обязаны: имѣть точныя свѣдѣнія о всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда и губерніи, соотвѣтственно кругу ихъ дѣятельности; обзрѣвать училища; имѣть попеченіе объ открытіи новыхъ школъ и объ улучшеніи существующихъ; разрѣшать открытіе новыхъ начальныхъ училищъ; входить съ представленіями о пособияхъ, наградахъ и т. д. Размѣръ содержанія народныхъ училищъ устанавливается тѣми вѣдомствами, обществами и частными лицами, на счетъ которыхъ они учреждены. Такъ какъ члены училищныхъ совѣтовъ пользуются равными правами, то предполагалось, что ихъ возрѣнія на преподаваніе постепенно достигнетъ столь необходимаго для успѣха единства. Спеціальная обязанность представителя министерства народнаго просвѣщенія заключается въ предъявленіи совѣтовъ и мнѣній по вопросамъ педагогическимъ, въ указаніи полезныхъ учебныхъ пособій и въ надзорѣ за преподаваніемъ.

3) Избѣжать по возможности централизаціи и бюрократическаго управленія училищами. „До сихъ поръ, сказано въ объяснительной запискѣ въ положенію, элементарныя школы всѣхъ вѣдомствъ были сильно централизованы и управлялись большею частью бюрократическимъ порядкомъ. Все въ нихъ дѣлалось по предписаніямъ

высшей власти, все исходило изъ министерствъ, которымъ принадлежала и инициатива и окончательное рѣшеніе всѣхъ педагогическихъ и административныхъ вопросовъ. Въ этомъ, можетъ быть, заключается главная причина той всеобщей апатіи, рутины и застоя, которые повсемѣстно замѣчаются въ нашихъ училищахъ. При такомъ однообразномъ устройствѣ, во многихъ мѣстностяхъ, находящихся подъ вліяніемъ какихъ-либо особенныхъ условій, училища не могутъ удовлетворять потребностямъ народонаселенія. Отъ этого произошло, что наше общество чуждалось казенныхъ училищъ. Новое законоположеніе устранило централизацию; училищные совѣты, которымъ подчинены училища въ педагогическомъ отношеніи, конечно не имѣли характера бюрократическихъ учреждений, а завѣдываніе экономическою частью было вполнѣ предоставлено учредителямъ училищъ. Министерство народнаго просвѣщенія не домогалось забрать въ свои руки управленія всѣми школами, въ убѣжденіи, что городскія и сельскія общества, духовенство и различныя вѣдомства скорѣе и съ большимъ усердіемъ будутъ хлопотать объ учрежденіи училищъ, когда имъ извѣстно, что управленіе учрежденными школами непосредственно зависитъ отъ нихъ.

4) Сдѣлать ученіе по возможности свободнымъ, предоставивъ, какъ обществамъ, такъ и частнымъ лицамъ, большой просторъ въ учрежденіи училищъ и облегчивъ желающимъ доступъ къ учительской должности. Существовавшія до того времени ограниченія въ правѣ открывать училища и въ доступѣ къ учительской должности, съ теоретической точки зрѣнія, безъ всякаго сомнѣнія, были основательны и разумны; но на практикѣ, цѣль, имѣвшаяся въ виду, при ограниченіи свободы обученія, болѣею частью вовсе не достигалась. Отъ ищущихъ званія народныхъ учителей требовалось знаніе извѣстнаго круга предметовъ, но умѣнія обучать, педагогической способности не спрашивали; „съ другой стороны законъ о недопущеніи къ обученію лицъ, не имѣющихъ на то права, на практикѣ вовсе не исполнялся; не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ, обученіемъ постоянно занимались и занимаются лица, не имѣющія требуемыхъ закономъ свидѣтельствъ — отставные солдаты, писаря, грамотные мѣщане, крестьяне и т. п. Хотя такое обученіе и считалось противозаконнымъ, но правительство не имѣло никакой возможности воспретить его на дѣлѣ; при томъ строгія мѣры противъ подобныхъ учителей едва ли были бы полезны и справедливы“. Съ этого времени, для открытія элементарныхъ училищъ какимъ либо обществомъ или

частнымъ лицомъ требуется только согласіе уѣзднаго училищнаго совѣта. Для того, чтобы обучать грамотѣ на дому, не требуется никакихъ дозволений и свидѣтельствъ; напротивъ того, преподавать въ народныхъ училищахъ могутъ только лица, которыя получаютъ на то особое разрѣшеніе уѣзднаго училищнаго совѣта, по представленіи удостовѣренія въ доброй нравственности и благонадежности.

Законоположеніе 1864 г., едва прошло десять лѣтъ, было замѣнено новымъ уставомъ, дѣйствующимъ въ настоящее время, въ сущности основанномъ на тѣхъ же началахъ, но представляющимъ болѣе развитія и опредѣленности. Такъ какъ уставъ этотъ необходимо будетъ изложить во всей подробности, то мы ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что организація училищныхъ совѣтовъ не была вполнѣ удовлетворительна: большинство уѣздныхъ совѣтовъ выказало весьма мало дѣятельности. Причину этого недостатка конечно слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что вліяніе на народныя училища министерства народнаго просвѣщенія не преобладало надъ участіемъ другихъ вѣдомствъ и сельскихъ управленій (хотя, во всѣхъ странахъ, главная забота о распространеніи въ народѣ правильныхъ элементарныхъ школъ и главная отвѣтственность по этому предмету всегда возлагается на министерство просвѣщенія); поэтому силы, оживляющей и подвигающей впередъ, не доставало въ законѣ 1864 г. Независимо отъ этой юридической стороны дѣла, министерство народнаго просвѣщенія не имѣло въ своемъ распоряженіи необходимыхъ денежныхъ средствъ, чтобы выполнить свои предначертанія и поддержать свое вліяніе. Тѣмъ не менѣе, законоположеніе 1864 г. оказало значительную услугу, побудивъ вновь открытыя земскія учрежденія къ основанію многочисленныхъ училищъ и нѣкоторыхъ изъ существующихъ учительскихъ семинарій.

Къ устраненію сознанныхъ недостатковъ устава 1864 г. были направлены первыя же распоряженія гр. Д. А. Толстаго, касавшіяся законопроектовъ по народному образованію. Высочайше утвержденнымъ 26-го мая мѣсяцемъ государственнаго совѣта (Сб. Пост. IV, 1221) „объ учрежденіи инспекторовъ народныхъ училищъ, открытіи образцовыхъ училищъ и о другихъ мѣрахъ къ развитію народнаго образованія“ опредѣлено слѣдующее относительно 34 губерній ¹⁾, на которыя въ то время распространялись дѣйствія зем-

¹⁾ Эти 34 губерніи распределялись слѣдующимъ образомъ между учебными округами, 1) С.-Петербургскій округъ 5 губерній (С.-Петербургская, Новгород-

скихъ учрежденій: 1) для наблюденія за народными училищами назначается въ каждой губерніи инспекторъ сихъ училищъ, который въ то же время состоитъ непремѣннымъ членомъ губернскаго училищнаго совѣта; 2) штаты министерства увеличены съ 1870 г. на 306,000 руб., съ назначеніемъ: 68,000 на содержаніе инспекторовъ (по 1500 руб. жалованья и 500 руб. на разъѣзды), 32,000 руб. на учрежденіе двухклассныхъ (по 1000 руб.) и столько же на учрежденіе одноклассныхъ (по 226 руб.) образцовыхъ училищъ въ мѣстностяхъ, жители которыхъ обязуются уступить необходимый участокъ земли, содержать строеніе училища въ порядкѣ, отоплять и освѣщать его; 68,000 руб. на снабженіе училищъ учебными пособиями и на выдачу наградъ лицамъ, заслуживающимъ поощренія, за усердіе къ дѣлу народнаго образованія (въ особенности учителямъ); 51,000 руб. на стипендіи молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ духовной семинаріи, которые будутъ избраны въ преподаватели городскимъ или сельскимъ обществомъ; и столько же (преимущественно въ видѣ единовременнаго пособія) на поддержаніе училищъ, содержимыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, городскими, сельскими обществами или частными лицами. Въ 1869 г., кромѣ 102,000 руб., ассигновано было авансомъ еще 100,000 руб. на постройки и первое устройство образцовыхъ школъ.

ская, Олонеккая, Вологодская, Псковская; исключена Архангельская); 2) Московскій округъ 11 губерній (Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Смоленская, Владимірская, Нижегородская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская); 3) Казанскій округъ 5 губерній (Казанская, Вятская, Симбирская, Самарская, Саратовская, исключена Астраханская); 4) Харьковскій округъ 6 губерній (Харьковская, Тамбовская, Пензенская, Курская, Воронежская, земля войска Донскаго); 5) Одесскій округъ 4 губерній (Бессарабія, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская); 6) Киевскій 2 губерній (Черниговская и Полтавская, исключены Киевская, Волынская и Подольская); 7) Оренбургскій 1 губ. Пермская (исключены: Оренбургская, Уфимская, округа Уральскій и Тургайскій). Съ 1-го янв. 1876 г. элементарныя училища въ губерніяхъ Уфимской (Полож. 22-го ноябріа 1875 г. *Ж. М. Н. Пр.* т. 183, 1, 45) и Архангельской (9-го декабря, тамъ же, стр. 49) подчинены, въ каждой, особому директору народныхъ училищъ и его помощникамъ, должность же директоровъ губернскихъ училищъ упразднена (Ср. Зак. 25-го мая 1874 г.). Съ 1-го января 1877 г. низшія училища Астраханской губерніи подчинены надзору особаго инспектора народныхъ училищъ (Высоч. утверж. мн. госуд. совѣта 28 дек. 1876 г. *См. Ж. М. Н. Пр.* 190, 1, 107).

Число часовъ въ двухклассныхъ училищахъ съ 31-го мая 1869 г. распределено слѣдующимъ образомъ:

	I классъ.		II классъ.		
	1 годъ.	2 годъ.	3 годъ.	4 годъ.	5 годъ.
Заковъ Божій	6	6	4	4	3
Русскій языкъ	7	7	10	8	6
Ариметика	5	5	6	6	6
Исторія	—	—	—	2	3
Географія и естествен. исторія.	—	—	—	2	4
Рисованіе.	—	—	4	4	4
	18	18	24	26	26

Изъ обширной инструкціи обнародованной 4-го іюня 1875 г. для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія“ (Моск. Сборн. 378, Ж. М. Н. Пр. августа 1875 г.), слѣдуетъ здѣсь привести по крайпей мѣрѣ главные пункты. Когда мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ, что дозволяется только въ исключительныхъ случаяхъ, они не должны сидѣть на однихъ скамейкахъ (§§ 2 и 26). Къ обязательнымъ предметамъ причислено церковное пѣніе. Рисованіе или черченіе преподается только въ двухклассныхъ училищахъ (§ 3). По мѣрѣ средствъ и возможности вводятся: гимнастика, ремесла и мастерства для мальчиковъ и рукодѣлія для дѣвочекъ, также занятія садоводствомъ и пчеловодствомъ (§ 5). Правильное устройство и введеніе дополнительныхъ курсовъ, указанныхъ въ 5 §, возлагается на инспектора, который обязанъ имѣть по возможности въ виду потребности мѣстнаго населенія (§ 77 и слѣд.). Въ одноклассныхъ училищахъ, съ цѣлью облегчить обученіе ремесламъ, положенная по штату сумма (226 руб.) на содержаніе школы можетъ быть увеличена въ размѣрѣ отъ 100 до 140 руб. (§ 9). Для открытія образцовой школы, съ пособіемъ отъ правительства, требуется согласіе министра народнаго просвѣщенія, испрашиваемое попечителемъ, по представленію директора губернскихъ народныхъ училищъ (§ 11). Относительно училищъ, которымъ не отпускается пособія изъ суммъ государственнаго казначейства, достаточно согласія попечителя учебнаго округа (§ 13). Училища, подвѣдомственные министерству, состоятъ подъ наблюденіемъ директора народныхъ училищъ и инспекторовъ (§ 15 и зак. 25-го мая 1874 г.). Лица, особенно уважаемыя, изъ мѣстныхъ гражданъ, которыя могутъ оказать нравственную и матеріальную поддержку при учреж-

деніи или поддержаніи училища, избираются, участвующими въ его управленіи, въ званіе почетныхъ блюстителей (§ 20). Число учениковъ, поручаемыхъ одному преподавателю, не должно превышать 60-ти (§ 23). Дѣти мѣстныхъ обывателей обучаются бесплатно (§ 27), постороннія уплачиваютъ не болѣе 3 руб. въ годъ (§ 28). Курсъ ученія продолжается въ двухклассныхъ училищахъ 5 лѣтъ, въ одноклассныхъ же не менѣе 3 лѣтъ (§ 32). Время обязательной военной службы (шестилѣтній срокъ) сокращается на два года для тѣхъ, которые успѣшно посѣщали одноклассное училище, если не поступили въ службу вольноопредѣляющимися и не уволены отъ службы; окончившимъ курсъ ученія въ двухклассномъ училищѣ сокращается срокъ на три года (§§ 34, 35 и уст. о воин. новин. § 56). Кромѣ законоучителя, въ одноклассныхъ училищахъ полагается еще по одному преподавателю, въ двухклассныхъ по два учителя. Въ параллельныхъ классахъ преподаютъ особые учителя. По соображеніи съ мѣстными средствами могутъ быть назначаемы и помощники учителей (§ 56). Учители опредѣляются директоромъ по представленію инспектора; опредѣленіе законоучителей совершается съ согласія епархіальнаго начальства (§ 59). Съ дозволенія инспектора, преподавать въ училищахъ, устроенныхъ для мальчиковъ, могутъ и лица жепскаго пола (§ 60). Жалованья учителямъ полагается въ годъ не менѣе 330 руб., законоучителямъ не менѣе 100 р. (въ двухклассныхъ же училищахъ не менѣе 150 руб.); кромѣ того, имъ назначается квартира бесплатно (§§ 61 и 64). Вознагражденіе за обученіе ремесламъ или мастерствамъ полагается до 160 руб. въ годъ, за обученіе гимнастикѣ и рукодѣліямъ до 100 руб. (§ 63). При каждомъ училищѣ слѣдуетъ имѣть: 1) учительскую библіотеку, 2) ученическую библіотеку и 3) складъ учебныхъ книгъ¹⁾, тетрадей для

¹⁾ Учрежденіе подобныхъ складовъ, при неразвитости русской книжной торговли, крайне необходимо. И къ настоящему времени еще вполнѣ принято то, о чемъ говорило министерство народнаго просвѣщенія въ 1864 году: «число хорошихъ учебниковъ и изданій для народа у насъ весьма незначительно; даже и тѣ немногія изданія, которыя имѣются на лицо, доступны, можно сказать, для богатыхъ людей только въ столицахъ и близкихъ къ нимъ мѣстностяхъ, потому что снабженіе отдаленныхъ губерній, по неустройству у насъ книжной торговли, крайне затруднительно; нерѣдко случается, что пересылка книгъ на разстояніи какихъ-либо 1000 верстъ, увеличиваетъ вдвое ихъ цѣнность. Относительно учебниковъ и книгъ для народа, можно сказать навѣрное, что сбытъ въ спорномъ времени могъ бы удешевиться, еслибы только доставка ихъ

письма, письменныхъ принадлежностей и т. д., изъ котораго ученики могли бы покупать все для нихъ необходимое (§ 70).

Обязанности инспекторовъ народныхъ училищъ опредѣлены Высочайше утвержденною 29 октября 1871 г. инструкціею, выработанною министерствомъ народного просвѣщенія съ участіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ и вѣдомства православнаго исповѣданія (*Моск. Сборн.* 38—37). Согласно этой инструкціи инспекторамъ принадлежитъ исключительно и непосредственно надзоръ за училищами одноклассными и двухклассными, учреждаемыми министерствомъ народного просвѣщенія и за содержимыми отъ казны приходскими городскими училищами; за остальными народными училищами они надзираютъ совмѣстно съ членами училищнаго совѣта ¹⁾. Инспекторы должны обращать вниманіе на то: имѣютъ ли учителя законное право на преподаваніе, достаточно ли къ тому подготовлены и способны, и получаютъ ли должное вознагражденіе за свои труды (§ 7). Они входятъ съ представленіями о награжденіи усердныхъ учителей (§ 8), руководствуютъ неопытными (§ 9), устраняютъ отъ должности вовсе неспособныхъ временно, впредь до окончательнаго рѣшенія надлежащею властью (§ 10), заботятся объ усовершенствованіи готовящихся въ учителя и о выдачѣ имъ пособій (§§ 11, 12). Въ отношеніи къ надзору за преподаваніемъ, они обращаютъ вниманіе не только на методу, но также на объемъ, содержаніе и правильность изложенія (§ 14); далѣе прилагаютъ стараніе, чтобы въ подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ были введены церковное пѣніе, гимнастика и обученіе ремесламъ (§ 15). Они заботятся также, чтобы всѣ училища были снабжены учительскими и ученическими библіотеками и учебными руководствами и чтобы въ библіотеки не допускалось ни одной книги, предварительно не одобренной министерствомъ народного просвѣщенія ²⁾ или духовнымъ

сдѣлалась удобнѣе и дешевле. Очевидно, мы не достигнемъ этого до тѣхъ поръ, пока лица, занимающіяся у насъ книжною торговлею, будутъ вести свое дѣло по старинной рутинѣ и пока они не подумаютъ объ учрежденіи комиссіонерствъ и складовъ, о способахъ быстраго обихва изданій, разноску книгъ по деревнямъ, книжныхъ ярмаркахъ и другихъ подобныхъ способахъ, благодаря которымъ книжный товаръ такъ быстро обращается на заграничныхъ рынкахъ».

¹⁾ Директоры губернскихъ гимназій такимъ образомъ значительно облегчены въ ихъ трудахъ по надзору за училищами; окончательно они освобождены отъ этой обязанности законоположеніемъ 25 мая 1874 г.

²⁾ Списки одобренныхъ книгъ ежемѣсячно печатаются въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*

вѣдомствомъ (§§ 19, 20). Постоянно имѣютъ они въ виду вѣншее и внутреннее благоустройство училищъ, матеріальное ихъ обезпеченіе и стараются склонить учредителей или содержателей училищъ къ необходимымъ для того пожертвованіямъ (§ 26 и слѣд.) Съ цѣлью способствовать вѣншему благоустройству училищъ, они заботятся объ избраніи почетныхъ блюстителей при школахъ, непосредственно подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія, и почетныхъ попечителей при другихъ элементарныхъ училищахъ, и входятъ куда слѣдуетъ съ представленіями объ ихъ награжденіи соотвѣтственно заслугамъ (§§ 38 и 39). Обязаны по возможности стараться объ открытіи новыхъ училищъ, склоня къ необходимымъ для того пожертвованіямъ земства, городскія и сельскія управленія (§ 40 и слѣд.) Инспекторъ присутствуетъ съ правомъ голоса въ совѣтѣ попечителя, при обсужденіи вопросовъ, касающихся народныхъ училищъ (§ 53) и въ училищныхъ совѣтахъ. Противъ рѣшеній уѣзднаго училищнаго совѣта можетъ онъ возражать, предъявляя свое мнѣніе въ губернской училищный совѣтъ, а рѣшенія послѣдняго можетъ обжаловать попечителю округа (§ 56). Можетъ созывать уѣздный училищный совѣтъ на чрезвычайныя собранія, по предварительному соглашенію съ предсѣдателемъ совѣта (§ 58). Имѣетъ, кромѣ того, право осматривать учительскія семинаріи и руководить педагогическими курсами, открываемыми для учителей народныхъ училищъ (§ 60), присутствовать съ правомъ голоса во всѣхъ испытательныхъ комиссіяхъ, когда производится испытаніе на званіе учителей (§ 64) и руководствовать съѣздами учителей (§ 62).

Этою Высочайше утвержденною инструкціей министерство народнаго просвѣщенія приобрѣтало существенно важное вліяніе на учебныя заведенія, даже не принадлежавшія непосредственно къ его вѣдомству и управленію: затѣмъ, для полнаго успѣха въ развитіи народнаго образованія, оставалось еще привлечь въ участію въ этомъ дѣлѣ и вліятельнѣйшія общественныя силы. По смыслу уставовъ 1804 и 1828 годовъ, предоставлено было мало вліянія на народное образованіе дворянскому сословію, въ лицѣ его представителей—мѣстныхъ предводителей дворянства. Въ законоположеніи 1864 г. и въ приведенной выше „инструкціи инспекторамъ“, о дворянствѣ вовсе не упоминается. Въ виду того высокаго значенія, какое имѣютъ въ Россіи дворяне-землевладѣльцы, былъ изданъ Высочайшій рескриптъ, отъ 25 декабря 1873 года, на имя графа Д. А. Толстаго, въ высшей степени важный, составляющій эпоху въ исторіи образованія въ Россіи,

и поэтому мы считаемъ необходимымъ воспроизвести его здѣсь вполнѣ (*Моск. Сборн.* 105, *Жур. Мин. Нар. Просв.* янв. 1874 г.):

„Графъ Дмитрій Андреевичъ. Въ постоянныхъ заботахъ Моихъ о благѣ Моего народа, Я обращаю особенное Мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утверженіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, Я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленные, согласно съ такими Моими видами, уставы среднихъ учебныхъ заведеній вѣреннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполнѣ основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначающихъ себя къ онымъ—приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботясь равно о томъ, чтобы свѣтъ благаго просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь, что ожидаемое вслѣдствіе сего значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга.

„Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ Моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращено въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіи вѣковъ, собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія.

„Какъ лицо, призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученья были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, Я вмѣняю въ непремѣнную

обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе.

„Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и правдивности есть дѣло столь великое и священное, что поддерживаю и упроченію его въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ Мое довѣріе, Я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ поставленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію“.

Основанія, указанная въ приведенномъ здѣсь рескриптѣ, подробно разработаны и примѣнены къ дѣлу въ Высочайше утвержденномъ 25-го мая 1874 г. мнѣніи государственнаго совѣта и Высочайше утвержденномъ того же числа „Положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ“ (*Моск. Сборн.* 109—124; *Ж. М. Н. Пр.* авг. 1874). Мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлено: въ каждой изъ 34 губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, надзоръ за всѣми низшими училищами, какъ уѣздными такъ и городскими, возложить на 1 директора народныхъ училищъ и 2 инспекторовъ¹⁾. Директоръ получаетъ 2,500 руб. годоваго содержанія (1,000 руб. жалованья, 800 руб. квартирныхъ и на канцелярію, 700 руб. на разъѣзды). инспекторы, каждый по 2,000 руб. (900+600+500). На содержаніе кан-

¹⁾ Число инспекторовъ въ каждой губерніи, по § 20 положенія, опредѣляется министромъ. Если земства пожелаютъ имѣть болѣе инспекторовъ, то должны отъ себя назначить имъ содержаніе; производство пенсій относится на счетъ государственнаго казначейства (22-го ноября 1875 г. *Ж. М. Н. Пр.* 183, 1. 42). Закономъ 27-го апрѣля 1876 г. предоставлены министру народнаго просвѣщенія средства (148,000 руб. ежегодно) постепенно учредить еще 74 инспекціи (въ 1877: 25, 1878: 50, 1879: 74) и по мѣрѣ надобности распределять ихъ по губерніямъ (*Ж. М. Н. Пр.* 186. 1, 52, 86).

целярій ¹⁾ при 34 губернскихъ и 358 уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ опредѣлено по 250 р. на каждую, на всѣ вмѣстѣ 98,000 р. Положеніе ²⁾ указываетъ цѣль и различные виды начальныхъ народныхъ училищъ, а также способы преподаванія, и опредѣляетъ систему надзора за ними. Начальныя народныя училища имѣютъ цѣлью утвердить въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространить первоначальныя полезныя знанія (ст. 1). Къ начальнымъ народнымъ училищамъ относятся: а) вѣдомства духовнаго церковно-приходскія училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ въ городахъ, посадахъ и селахъ, съ пособіемъ или безъ пособія отъ казны, мѣстныхъ обществъ или частныхъ лицъ; б) вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія приходскія и низшія народныя училища, содержимыя на счетъ мѣстныхъ обществъ или частными лицами разнаго званія, исключительно на ихъ счетъ или частью на счетъ казны и пожертвованій благотворителей ³⁾; в) другихъ вѣдомствъ сельскія училища разныхъ наименованій, содержимыя на счетъ общественныхъ суммъ; г) всѣ вообще воскресныя школы ⁴⁾, учреждаемыя, какъ правитель-

¹⁾ Въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ Высочайше разрѣшено 28-го декабря 1876 г. учредить съ 1-го января 1877 г. особыя училищныя совѣты, на правахъ уѣздныхъ, для завѣдыванія начальными народными училищами этихъ городовъ (*Ж. М. П. Пр.* 190, 1, 113).

²⁾ Дополненія и измѣненія, послѣдовавшія въ изданныхъ правилахъ, для большей наглядности, будутъ указаны здѣсь въ выносахъ подъ страницей.

³⁾ Изъяты отъ дѣйствія этого закона образцовыя училища вѣдомства народнаго просвѣщенія, учрежденныя по положенію 26-го мая 1869 года.

⁴⁾ Первыя воскресныя школы въ Россіи (за исключеніемъ Дерптскаго учебнаго округа, въ которомъ воскресныя школы существуютъ съ двадцатыхъ годовъ) открыты были въ 1859 г. въ Кіевѣ, гдѣ нашлось нѣсколько студентовъ университета, изъявившихъ готовность обучать дѣтей ремесленниковъ и рабочихъ безплатно по праздничнымъ днямъ. Въ мартѣ 1860 года министерство народнаго просвѣщенія, по ходатайству С.-Петербургскаго генераль-губернатора, съ цѣлью распространенія грамотности и утвержденія твердыхъ религіозныхъ убѣжденій между ремесленнымъ населеніемъ столицы, предоставило попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа разрѣшить открытіе воскресныхъ классовъ, на первый разъ, при шести домахъ С.-Петербургскихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, съ тѣмъ чтобы потомъ, по мѣрѣ надобности, умножать число ихъ. Такъ какъ уже по истеченіи двухъ мѣсяцевъ эти помѣщенія оказывались недостаточными, Государь Императоръ 4-го іюня 1860 г. (Сб. Пост. III, 1525) Высочайше соизволилъ на помѣщеніе воскресныхъ классовъ въ зады стрѣльцоваго батальона, съ тѣмъ, чтобы на учрежденіе каждой новой школы въ зданіяхъ, военному вѣдомству принадлежащихъ, было испрашиваемо Высочайшее соизво-

ствомъ, такъ и обществами городскими и сельскими, и частными лицами, для обученія лицъ ремесленного и рабочаго сословія (ст. 2). Предметы преподаванія назначены слѣдующіе: законъ Божій (краткій катихизисъ и священная исторія), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариеме-

леніе (о такихъ созвоненіяхъ три раза упоминается въ Сборникѣ Постановлений, т. III, 650, 810, 838). Быстрое увеличеніе числа учащихся въ этихъ школахъ побудило министерство народнаго просвѣщенія 21-го сентября 1860 г. (Сб. Расп. III, 400), въ видахъ содѣйствія этому общественному дѣлу, предоставить для помѣщенія воскресныхъ школъ, кромѣ тѣхъ зданій, которыя уже занимаемы были ими, и всѣ остальные зданія, принадлежащія какъ гимназіямъ, такъ и уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ. Въ 1860 году, министромъ народнаго просвѣщенія циркулярно были сообщены начальствамъ учебныхъ округовъ основанія, на которыхъ могутъ быть открываемы въ городахъ воскресныя школы и общія правила для наблюденія за этими школами; затѣмъ, 30-го декабря 1860 г. (Сб. Расп. III, 423), министръ сдѣлалъ особое распоряженіе о предметахъ преподаванія въ воскресныхъ школахъ («преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ»). 8-го января 1861 г. (Сб. Пост. III, 649) послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы епархіальныя начальства сдѣлали распоряженіе о назначеніи въ каждую воскресную школу священника, который сверхъ обязанности преподаванія закона Божія, наблюдалъ бы, вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, за недопущеніемъ въ школы ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности. Быстрое въ началѣ распространеніе и развитіе воскресныхъ школъ къ концу 1861 г. стало видимо ослабнѣть относительно численности учениковъ и качества преподаванія: за увеличеніемъ, какъ часто бываетъ, послѣдовало скорое охлажденіе и совершенное равнодушіе. Къ тому же, въ распоряженіяхъ по воскреснымъ школамъ приняли участіе многія лица, не обладавшія необходимыми для такой дѣятельности качествами и познаніями. Когда, наконецъ, оказалось, что означенными школами неблагонамѣренныя лица готовы были воспользоваться для преступной пропаганды, послѣдовало 10-го іюня 1862 г. (Сб. Пост. III, 865) Высочайшее повелѣніе: «1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ; 2) впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни». Дѣйствіе сего повелѣнія не распространялось на Остзейскія губерніи, «гдѣ эти школы существуютъ издавна, но на другихъ основаніяхъ, слѣдовательно не представляютъ тѣхъ поводовъ къ закрытію, которые приняты были во вниманіе въ губерніяхъ великорусскихъ, западныхъ и южныхъ». Затѣмъ 22-го октября 1862 г. (Сб. Пост. III, 945) дозволено было Нарвскому бюргерскому цеховому обществу вновь отарыть въ г. Нарвѣ, на иждивеніи сего общества, воскресную школу для тамошнихъ ремесленныхъ учениковъ. Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 14-го іюля 1864 года учрежденіе воскресныхъ школъ снова повсемѣстно дозволено.

тики и, гдѣ возможно, церковное пѣніе ¹⁾). Преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ (ст. 3, 4). Дѣти обоюго пола могутъ обучаться въ одномъ и томъ же училищѣ только въ томъ случаѣ, если дѣвочки не старше 12 лѣтъ. Воскресныя школы учреждаются исключительно для учащихся одного пола (ст. 7). Установленіе платы за ученіе и освобожденіе отъ нея зависятъ отъ усмотрѣнія тѣхъ вѣдомствъ, обществъ и лицъ, на счетъ которыхъ училища содержатся (ст. 8). Правительственныя вѣдомства и духовное начальство открываютъ и закрываютъ учрежденныя ими начальныя народныя училища по своему усмотрѣнію, сообщая только объ этомъ, для свѣдѣнія, уѣздному училищному совѣту (ст. 9). Народныя училища учреждаются земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія уѣзднаго предводителя дворянства (ст. 10); размѣръ содержанія и порядокъ отчетности въ денежныхъ суммахъ устанавливаются тѣми вѣдомствами, обществами, лицами, которыми училища учреждены и содержатся, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства (ст. 12). Въ случаѣ беспорядковъ и вреднаго направленія ученія, училище временно закрывается по соглашенію инспектора съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; окончательное его упраздненіе за-

¹⁾ Правила объ испытаніяхъ 15-го октября 1874 г. (*Моск. Сборн.* 355 и *Ж. М. Н. Пр.* 176, 1, 37) ясные обозначаютъ цѣли преподаванія: отъ взаимующагося требуется, чтобы онъ читалъ по доступной его понятіямъ, не знакомой ему, книгѣ правильно, бѣгло, со смысломъ, и передавалъ прочитанное своими словами послѣдовательно или по меньшей мѣрѣ по предлагаемымъ ему вопросамъ, исчерпывая по возможности все содержаніе статьи. Онъ долженъ быть въ состояніи прочесть какуюнибудь четкую рукопись, а также Евангеліе или какуюнибудь изъ богослужебныхъ книгъ, напечатанныхъ церковно-славянскими буквами; долженъ уметь написать дектуемый отрывокъ, который предварительно имъ прослушанъ, четко, скорописью (средней скорости), притомъ безъ пропуска, искаженія словъ и съ надлежащими знаками препинанія. По арифметикѣ требуется умѣніе приложить четыре первыхъ дѣйствія къ рѣшенію несложныхъ практическихъ задачъ, встречающихся въ житейскомъ быту; экзаменующійся долженъ имѣть ясное понятіе о русскихъ мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ. Предписаніе «явеси церковное пѣніе тамъ гдѣ преподаваніе его будетъ возможно» встрѣчается уже въ законоположеніи 1864 г.; 18-го марта 1866 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой коммисіи для составленія руководства къ обученію въ народныхъ школахъ церковному пѣнію (*Сб. Пост.* IV, 291. Ср. статью С. Миропольскаго «Обученіе пѣнію въ народной школѣ» *Ж. М. Н. Пр.* 189, 3, 1—22).

виситъ отъ рѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта (ст. 11). Земство, а также городскія и сельскія общества, учреждающія и содержащія училища, имѣютъ право, для ближайшаго завѣдыванія ими, избирать особыхъ попечителей и попечительницъ¹⁾; тѣ и другія имѣютъ право засѣдать въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ и подавать голосъ по дѣламъ своихъ училищъ, вполнѣ отвѣтствуя за порядокъ въ этихъ заведеніяхъ. Тѣмъ же правами пользуются частныя лица по училищамъ и воскреснымъ школамъ, ими учрежденнымъ (ст. 13, 14). Начальныя училища освобождаются отъ всякаго рода срочныхъ вѣдомостей, донесеній и т. п. Необходимыя о нихъ свѣдѣнія собираются членами училищнаго совѣта, на мѣстѣ, при осмотрѣ училищъ (ст. 15). Законъ Божій можетъ быть преподаваемъ или приходскимъ священникомъ или особымъ законоучителемъ²⁾, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію инспектора народныхъ училищъ (ст. 16). Мѣстному же епархіальному архіерею принадлежитъ высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія вообще; если призываетъ нужнымъ, свои замѣчанія по сему предмету онъ сообщаетъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія (ст. 17). Прочимъ предметамъ могутъ обучать, съ дозволенія инспектора, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскія лица³⁾, которыя и утверждаются въ должности уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, по прошествіи того учебнаго года, въ которомъ, въ видѣ опыта, допущены къ преподаванію. Срокъ годичнаго испытанія, по обстоятельствамъ, можетъ быть сокращаемъ (ст. 18).

¹⁾ Каждая школа можетъ имѣть только одного попечителя (8-го апрѣля 1872, *Моск. Сборн.* 212). Земствамъ не дозволено избирать наблюдателей, на которыхъ возлагался бы надзоръ за земскими училищами цѣлаго уѣзда или губерніи (7-го сентября 1874 г., 18-го января 1875. *Моск. Сборн.* 332, 359).

²⁾ Выраженіе «приходскій священникъ или же особый законоучитель», отступающее отъ смысла устава 1828 г., повторяется въ законоположеніи 14-го іюля 1864 г., § 15. Въ 1870 году въ духовномъ вѣдомствѣ былъ возбужденъ вопросъ при какихъ условіяхъ можетъ быть допущено къ преподаванію закона Божія лицо не-духовное? По разсмотрѣніи этого вопроса Св. Синодъ опредѣлялъ, что лица, окончившія курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, даже когда не поступили на должности священника, для полученія права преподавать законъ Божій не подлежатъ никакому особому научному испытанію (Предп. мин. 22-го мая 1871; *Моск. Сборн.* 198).

³⁾ По предписанію министра отъ 3-го мая 1875 г. (*Моск. Сборн.* 364) пріеманіе и избраніе лицъ на учительскія должности обусловлено прежде всего желаніями и согласіемъ земства, общества и лицъ, содержащихъ училища. По ихъ представленію, инспекторъ выдаетъ разрѣшеніе начать преподаваніе.

Попечение объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и въ нравственномъ его направленіи возложено: въ уѣздѣ — на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ губервіи — на губернскаго предводителя и губернской училищный совѣтъ (ст. 19). Завѣдываніе учебною частью въ губервіи ввѣрено директору народныхъ училищъ и его помощникамъ, инспекторамъ, которыхъ число опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія, сообразно съ мѣстными условіями, пространствомъ, численностью населенія и т. п. (ст. 20). Директоръ народныхъ училищъ избирается попечителемъ учебнаго округа изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія; инспекторы избираются попечителемъ изъ лицъ, извѣстныхъ своею педагогическою опытностью¹⁾ и имъ же утверждаются въ должности (ст. 21). Директоръ слѣдитъ за ходомъ преподаванія въ начальныхъ училищахъ, посредствомъ личнаго осмотра, а равно и по донесеніямъ инспекторовъ, управляетъ дѣлами губернскаго училищнаго совѣта (ст. 22) и докладываетъ ему, со своимъ заключеніемъ, объ отчетахъ уѣздныхъ совѣтовъ (ст. 23). Уѣздный предводитель дворянства и инспекторъ могутъ устранять временно неблагонадежныхъ преподавателей²⁾ отъ исполненія ихъ обязанностей. Окончательное ихъ увольненіе зависитъ отъ уѣзднаго училищнаго совѣта (ст. 24). На обязанности инспектора лежитъ завѣдываніе дѣлопроизводствомъ уѣзднаго училищнаго совѣта³⁾ и составленіе годичнаго отчета по каждому изъ ввѣренныхъ ему уѣздовъ (ст. 26).

Училищные совѣты, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, состоятъ: уѣздный—подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ инспектора училищъ и членовъ,

¹⁾ Судя по этому, отъ нихъ не требуется безусловно университетскаго образованія.

²⁾ Также и въ педагогическомъ отношеніи неспособные учителя устраняются временно инспекторами, окончательно же увольняются уѣзднымъ совѣтомъ (Предп. мин. 10-го мая 1875 г.).

³⁾ Въ отсутствіи инспектора дѣлопроизводство (составленіе протоколовъ, счетоводство и т. д.) можетъ быть поручаемо другому члену совѣта изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (Предп. мин. 25-го января 1875 г.). Отчеты представляются министру народнаго просвѣщенія попечителемъ учебнаго округа въ подлинникъ. Директоры народныхъ училищъ могутъ, когда счтутъ это необходимымъ, прилагать къ нимъ свои объясненія (Предп. мин. 3-го ноября 1874 г.).

по одному, отъ министерства народнаго просвѣщенія (по назначенію попечителя учебнаго округа), отъ министерства внутреннихъ дѣлъ (по назначенію губернатора) и отъ епархіальнаго вѣдомства (по назначенію архіерея), двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и одного отъ городскаго общества, если оно жертвуетъ какія либо суммы на школы; губернской совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, состоитъ изъ директора народныхъ училищъ и членовъ — по одному отъ указанныхъ выше трехъ вѣдомствъ и двухъ отъ губернскаго земскаго собранія. Въ случаѣ отсутствія предводителей дворянства и лицъ, исправляющихъ ихъ должность, въ училищныхъ совѣтахъ предсѣдательствуютъ: въ губернскомъ директоръ, а въ уѣздномъ инспекторъ (ст. 27). Главныя обязанности уѣзднаго совѣта слѣдующія: изысканіе способовъ къ открытію новыхъ и къ улучшенію существующихъ училищъ; закрытіе признанныхъ вредными (ср. ст. 11); опредѣленіе и увольненіе учителей (ср. ст. 18 и 24); снабженіе училищъ учебными пособиями; представленіе губернскому совѣту о тѣхъ училищахъ и преподавателяхъ, которые заслуживаютъ поощренія; разсмотрѣніе и утвержденіе отчета, составляемаго ежегодно инспекторомъ, и представленіе его губернскому училищному совѣту (ст. 29). Уѣздный совѣтъ созывается уѣзднымъ предводителемъ дворянства и дѣла рѣшаетъ простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ (ст. 30). Инспекторъ наблюдаетъ за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, слѣдовательно и закона Божія; имѣетъ право, въ то время, когда нѣтъ засѣданій совѣта и въ предѣлахъ, опредѣленныхъ уставомъ, постановлять рѣшенія, съ личною, разумѣется, за нихъ отвѣтственностью (ст. 31). Губернскій совѣтъ имѣетъ предметами занятій: высшее попеченіе о начальныхъ училищахъ губерніи ¹⁾; пересмотръ заключеній директора объ отчетахъ инспекторовъ и представленіе этихъ отчетовъ съ своими замѣчаніями, черезъ директора, попечителю учебнаго округа ²⁾; разрѣшеніе представлений уѣздныхъ совѣтовъ и жалобъ на рѣшенія уѣздныхъ совѣтовъ и ихъ предсѣдателей; назначеніе пособій изъ суммы, предоставленной въ распоряженіе совѣта

¹⁾ Члены губернскаго совѣта, по его порученію, ревизуютъ училища, не дѣлая однако отъ себя никакихъ распоряженій относительно преподаванія; свои заключенія они представляютъ на усмотрѣніе совѣта (Предп. мин. 7-го декабря 1874 г.).

²⁾ Не позже 20-го января каждого года (Предп. мин. 12-го апрѣля 1875 г.).

министерствомъ народнаго просвѣщенія (ст. 32). Губернскій совѣтъ собирается по назначенію предводителя дворянства, по мѣрѣ надобности. Голосованіе такое же, какъ въ уѣздныхъ совѣтахъ (ст. 33, 34). Для дѣйствительности постановленій совѣтовъ требуется присутствіе, кромѣ предсѣдателя, не менѣе трехъ членовъ (ст. 35). Жалобы на рѣшенія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ приносятся первому департаменту сената, кромѣ вопросовъ по учебной части, которые подлежатъ разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія (ст. 37). Предводители дворянства, сверхъ исполненія прочихъ обязанностей, посѣщаютъ начальныя училища, по мѣрѣ возможности чаще, изыскивая средства къ удовлетворенію ихъ нуждъ, къ поддержанію существующихъ и открытію новыхъ училищъ; удостовѣряются въ нравственныхъ качествахъ учителей и въ полезномъ ихъ вліяніи на учащихся (ст. 38—40). Въ видахъ обезпеченія болѣе бдительнаго и постоянного наблюденія за нравственнымъ направленіемъ народныхъ училищъ, предоставлено губернскому совѣту избирать въ помощь уѣзднымъ предводителямъ дворянства особыхъ довѣренныхъ лицъ для надзора, изъ мѣстныхъ жителей, которые заявили чѣмъ либо свое сочувствіе народному образованію; эти лица не имѣютъ однако права распоряжаться самостоятельно и сообщаютъ свои наблюденія и предположенія предсѣдателю уѣзднаго училищнаго совѣта (ст. 41). По всѣмъ дѣламъ, заслуживающимъ особаго вниманія, предводители дворянства могутъ входить въ сношенія съ попечителемъ учебнаго округа, а въ случаяхъ особой важности — непосредственно съ министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 42). Губернаторъ, какъ глава мѣстной администраціи, имѣетъ наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія; кромѣ того можетъ свои соображенія сообщать министру народнаго просвѣщенія (ст. 43).

Статистика учебныхъ заведеній. Общее число всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ Имперіи, за исключеніемъ сельскихъ лютеранскихъ училищъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ (2,042 училища съ 86,812 учениками), составляло къ концу 1874 года (*Ж. М. Н. Пр.* 186, 1, 146 и 188, 1, 32), по свѣдѣніямъ, доставленнымъ попечителями учебныхъ округовъ, 22,389 (въ томъ числѣ 442 двухклассныхъ) съ 919,907 учащимися (754,655 муж. пола и 165,252 жен.). Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, число училищъ увеличилось на 1207 (102 двухклассныхъ, 1105 однокласс.), число учащихся возросло на 52,203 (34,819 муж. пола, 17,384 жен.). „Утѣшительная сторона приведен-

ныхъ цифръ заключается въ увеличеніи числа двухклассныхъ, то-есть наиболѣе благоустроенныхъ училищъ, и въ развитіи образованія между женскимъ населеніемъ, до сихъ поръ чуждавшимся школы и черезъ то тормозившимъ дѣло ученія; но, вообще говоря, какъ число училищъ, такъ и число учащихся нельзя не признать еще крайне недостаточнымъ по сравненію съ образованными государствами Европы. При 76-ти милліонномъ населеніи Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, Кавказа и областей Средней Азіи, которые не входятъ въ настоящее исчисленіе, приходится 1 школа на 3,394 человекъ, 1 учащійся на 82 человекъ всего населенія (точнѣе 82,6) и 1 учащійся на 12 дѣтей школьнаго возраста ¹⁾. Изъ дѣтей 7—14 лѣтняго возраста, посѣщаютъ школу 1 мальчикъ изъ 7 и 1 дѣвочка изъ 35-ти. Выводъ отсюда простой: чтобы наша народная школа могла удовлетворять вполне своему назначенію и доставлять начальное умственное и религиозное образованіе всему молодому населенію, намъ нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, въ 6-ть разъ болѣе школъ и увеличить число учащихся между мальчиками въ 7 разъ, а между дѣвочками въ 35 разъ, не говоря уже о томъ, что всѣ существующія школы должны быть снабжены достойными наставниками и обезпечены въ матеріальныхъ средствахъ своего существованія“. Особенное значеніе министръ придаетъ распространенію двухклассныхъ училищъ, потому что учрежденіе благоустроеннаго училища въ какой либо мѣстности неизбежно способствуетъ къ учрежденію подобныхъ же въ окрестности и привлекаетъ болѣе учениковъ; наоборотъ, дурно устроенная школа вкореняетъ общее къ ней равнодушіе и даже отталкиваетъ тѣхъ, которые ее посѣщаютъ.

На содержаніе двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ, по отчетамъ 1874 г., ассигновано было 5,127,478 руб. 67¹/₄ к. Распредѣленіе этой суммы между двухклассными и одноклассными училищами въ точности опредѣлено для каждаго учебнаго округа, за исключеніемъ Дерптскаго и Восточной Сибири; содержаніе 426 двухклассныхъ училищъ обошлось въ 571,624 руб. 53 к., то-есть каждаго изъ нихъ въ 1,341 руб. 84 к. и 21,072 одноклассныхъ училищъ въ 4,367,848 руб. 76³/₄ к., а каждаго въ 207 руб. 28 к. Источники содержанія показаны въ слѣдующей таблицѣ:

¹⁾ Если причислить лютеранскія сельскія училища Остзейскихъ губерній, то выводъ будетъ нѣсколько благопріятнѣе: 1 школа приходится на 311 жителей и 1 учащійся на 75,5.

	Двухклассныя училища.	Одноклассныя училища.	Двухклассныя и одноклассныя.
1. Изъ суммъ государ. казначейства.	317,216 р. 69 к.	491,162 р. 70 ¹ / ₄ к.	20,468 р. 43 к.
2. Отъ городскихъ об- ществъ.	112,241 > 55 >	470,720 > 73 ³ / ₄ >	77,975 > 14 ¹ / ₄ >
Кромѣ того	7,038 > 33 > ¹⁾	211,924 > 15 >	— —
3. Отъ сельскихъ об- ществъ и попечит.	39,045 > 19 >	1,169,480 > 9 ¹ / ₂ >	39,635 > 14 ¹ / ₄ >
4. Отъ земства.	43,477 > 7 >	1,617,315 > 96 ¹ / ₄ >	— —
5. Отъ дворянства ²⁾ .	— —	250 >	1,000 > —
6. Сбора за ученіе ³⁾ .	8,671 > 59 >	12,142 > 25 >	27,748 > —
7. Взноса почет. смо- трителей и бюрок. ⁴⁾	17,684 > —	78,373 > 60 >	— —
8. Пожертвованій ча- стныхъ лицъ ⁵⁾	14,897 > 21 >	116,634 > 90 >	7,260 > —
9. Войсков. суммъ ⁶⁾ .	— —	141,981 > 60 >	— —
10. Спец. средствъ.	8,177 > 31 >	39,642 > 1 >	12,828 > 66
11. Коробочнаго сбора съ Евреевъ	2,693 > 34 >	7,133 > —	— —
12. Отъ разныхъ въ- домствъ	54 > —	3,393 > 86	400 > —
13. Изъ другихъ источ- никовъ.	418 > 25 >	7,693 > 90 >	690 > —
	<hr/> 571,624 р. 53 к.	4,367,848 р. 76 ³ / ₄ к.	188,005 р. 37 ¹ / ₂ к. <hr/>
	5,127,478 руб. 67 ¹ / ₄ к.		

Пособіе, отпускаемое земствомъ въ пользу начальныхъ народныхъ училищъ, въ 1874 году увеличилось въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ на 439,887 руб. 3¹/₄ коп. Въ 1875 и 1876 годахъ эта сумма, конечно, возвысилась еще болѣе; хотя у меня не имѣется точныхъ по этому предмету статистическихъ выводовъ ⁷⁾, во всякомъ случаѣ это

¹⁾ Въ отчетъ Харьковскаго учебнаго округа суммы, поступающія отъ городскихъ и сельскихъ обществъ, показаны нераздѣльно.

²⁾ 250 руб. по Московскому, 1000 руб. по Дерптскому округамъ.

³⁾ 27,748 руб. по Дерптскому округу, 11,731 р. 59 к. по Московскому, 6969 р. по Киевскому. Въ учебныхъ округахъ: Харьковскомъ, Казанскомъ, Виленскомъ, Одесскомъ, и въ Сибири не взимается платы за ученіе.

⁴⁾ 44,059 руб. 60 к. по Казанскому округу, 21,916 руб. по Московскому, 15,020 руб. по Харьковскому, 9,246 р. по Одесскому, 3,816 р. по С.-Петербуржскому; въ другихъ не значится.

⁵⁾ 80,693 руб. 9 к. по Московскому учебному округу.

⁶⁾ По учебнымъ округамъ Казанскому и Харьковскому.

⁷⁾ По послѣднимъ свѣдѣніямъ, приложеннымъ ко всеподданнѣйшему отчету г. министра народнаго просвѣщенія за 1875 годъ, земствомъ израсходовано на

фактъ не подлежащій сомнѣнію, судя по многочисленнымъ извѣстіямъ, сообщеннымъ въ газетахъ, касательно учебной статистики и денежныхъ суммъ, ассигнуемыхъ губернскими и земскими земствами на потребности народнаго образованія. Такъ, на примѣръ, въ Бессарабіи въ 1875 г. насчитывалось 365 училищъ съ 22,690 учащимися мужскаго пола и 7,356 женскаго; 1 учащійся приходился на 36 жителей; въ Екатеринославской губерніи числилось 413 училищъ, 19,461 учащійся мужскаго пола и 3,630 женскаго, слѣдовательно 1 учащійся на 58 жителей. Земство Вятской губерніи отпускаетъ на училища 298,430 руб. 55 коп. въ годъ, что составляетъ при населеніи, въ 2.406,024 (въ 1870), нѣсколько болѣе 12 копѣекъ на человека; въ томъ числѣ 41,600 руб. поступаютъ отъ губернскаго земства (изъ нихъ 25,000 руб. ассигнуются на содержаніе училища, учрежденнаго для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній и образованія учителей); одиннадцать уѣздныхъ земствъ вносили въ свои годовыя смѣты 256,830 руб. 55 к., именно: 1) Вятскій уѣздъ 20,336 руб. 55 к. (въ томъ числѣ непосредственно на народныя училища 16,458 руб. 70 коп.); 2) Слободскій—14,903 р. (собственно на народныя училища 10,865 руб. 26 коп.); 3) Глазовскій—12,430 руб. 20 коп. (11,350 руб. 20 коп. на народныя училища); 4) Яранскій—41,052 руб. 91 коп. (35,051 руб. 91 коп. на народныя училища); 5) Елабужскій—15,118 руб. 41 коп. (13,478 руб. 41 коп. на народныя училища); 6) Котельничскій—20,427 р. (17,582 р. на народныя училища); 7) Нолинскій—24,508 руб. (22,208 руб. на народныя училища); 8) Уржумскій—22,890 руб. (8,915 руб. на народныя училища); 9) Сарапульскій—51,766 руб. 81 коп. (27,398 руб. 96 коп. на народныя училища); 10) Малмыжскій—8,591 руб. 17 коп. (6,762 руб. 17 коп. на народныя училища); 11) Орловскій—24,806 р. 50 коп. (17,708 руб. 50 коп. на народныя училища). Кромѣ суммъ, которыя здѣсь показаны собственно на содержаніе народныхъ училищъ, нѣкоторыя земства вносятъ въ свои смѣты довольно значительные расходы на исправленіе строеній, снабженіе мебелью и учебными пособиями (на примѣръ Вятскій уѣздъ 3,567 руб. 85 коп., Слободскій—3,757 руб. 74 коп.). Другіе расходы обращены на устройство педагогическихъ курсовъ, сѣздовъ учителей и т. д., иные вы-

содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ 2.069,550 руб. 14 коп., на 408,757 руб. 10³/₄ коп. болѣе, чѣмъ въ 1874 г. (*Ж. М. Н. Пр.*, ноябрь 1877 г. 1, 53).
Примѣч. переводчика.

дѣлены въ пособіе среднимъ училищамъ, женскимъ институтамъ и проч. (*S. Petersb. Herald*, 1876, № 167).

Для губерній, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, Высочайше утвержденнымъ 12-го февраля 1868 г. мѣнѣемъ Государственнаго совѣта повелѣно для содержанія народныхъ училищъ временно учредить особый сборъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. По разчисленію, сдѣланному 31-го октября 1876 г. на слѣдующій годъ, размѣръ сбора колеблется отъ 6½ к. съ души (Витебская губернія) до 7¾ к. (Кіевская губернія).

Для полной характеристики состоянія элементарнаго преподаванія въ Россіи, въ семидесятыхъ годахъ, могутъ послужить ниже изложенныя свѣдѣнія.

Въ официальномъ отчетѣ за 1872 годъ (*Ж. М. Н. Пр.*, 174, 1. 18) сказано: „Въ губерніяхъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго и Одесскаго округовъ считается до 11,000 начальныхъ народныхъ училищъ, изъ которыхъ, по донесеніямъ инспекторовъ, въ 532 вовсе не было учителей, а въ 3,138 должности эти занимали лица, совершенно не соответствующія учительскому званію, полуграмотные крестьяне, волостные писаря и отставные нижніе чины, которые случайно попали на педагогическое поприще и никогда о немъ не думали до того времени. Усилія инспекторовъ народныхъ училищъ въ педагогическому усовершенствованію такихъ лицъ оказываются напрасными, при совершенной ихъ неподготовленности, и ихъ приходится терять по неволѣ, чтобы не увеличить числа училищъ, остающихся вовсе безъ учителей“. Во многихъ сельскихъ школахъ Архангельской губерніи и въ 559 (изъ 1,359) элементарныхъ училищахъ губерній Псковской, Новгородской, Олонецкой и Вологодской, устроенныхъ въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ церквей, даже въ 1874 г. „вовсе не преподавался законъ Божій, важнѣйшій и самый главный предметъ сельской школы“ (*Ж. М. Н. Пр.* 186, 1, 147 и 148). По представленію министра народнаго просвѣщенія, св. синодъ разрѣшилъ въ Архангельской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ ея, гдѣ нѣтъ священниковъ, преподаваніе закона Божія и лицамъ, не получившимъ богословскаго образованія, съ тѣмъ, чтобы такія лица назначались, по надлежащемъ удостовѣреніи епархіальнаго начальства въ ихъ благонадежности и по прочтеніи въ мѣстной гимназіи, въ присутствіи законоучителя оной, пробнаго урока по этому предмету. и чтобы за направленіемъ преподаванія наблюдалъ мѣстный благочинный или другое духовное лицо по усмотрѣнію епархіаль-

наго начальства. Министръ полагалъ, что эту мѣру необходимо распространить и на мѣстности другихъ губерній, поставленная въ такія же неблагоприятныя условія относительно преподаванія закона Божія.

На учительскомъ съѣздѣ въ Олонецкой губерніи ¹⁾ въ 1873 году (*Ж. М. Н. Пр.* 172, 4, 6 и слѣд.) преподавателями высказано было слѣдующее: училища вообще находятся въ неудовлетворительномъ состояніи; приемъ учащихся не ограниченъ никакимъ опредѣленнымъ срокомъ; посѣщеніе классовъ самое неаккуратное; помѣщенія училищъ тѣсны, мрачны и для классныхъ занятій мало приспособлены. Петро-заводскаго уѣзда Великогубское училище постоянного помѣщенія не имѣетъ; зимой оно помѣщается въ крестьянской избѣ, темной и грязной, а лѣтомъ переводится въ тотъ домъ, гдѣ расположено волостное правленіе, но въ которомъ нѣтъ печи. Въ селѣ Сѣнной-Губѣ подлѣ училища отведена комната въ крестьянской избѣ, тѣсная и сырая, по сосѣдству питейное заведеніе; въ Остречинахъ дѣти занимаются въ кухнѣ хозяина дома; въ помѣщеніи Рѣчно-Георгиевской школы зимою такой холодъ, что ученикамъ и учителю приходится сидѣть въ шубахъ и теплыхъ сапогахъ. Не при всѣхъ училищахъ имѣются почетные попечители, и пожертвованія, ими дѣлаемыя, крайне незначительны.

Всѣхъ народныхъ школъ въ Полтавской губерніи въ 1875 году (*Ж. М. Н. Пр.* 189, 4, 45) находилось 547. Число учащихся простиралось до 22,269, изъ коихъ 1,463 дѣвочки. Всего на содержаніе этихъ школъ было израсходовано 115,412 руб. 84 коп. (изъ государственнаго казначейства — 4,528 руб., отъ городскихъ обществъ — 10,351 руб. 67 коп., отъ земства — 60,811 руб. 67 коп., отъ сельскихъ обществъ — 29,962 руб. 17 коп., сбора платы за ученіе — 1,535 руб. 50 коп.). Учебная часть въ означенныхъ училищахъ находилась вообще въ удовлетворительномъ состояніи: на первомъ мѣстѣ стоятъ двухклассныя и одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія. „Если дѣлать оцѣнку достоинствъ и заслугъ учителей народныхъ училищъ, то преимущество въ этомъ отношеніи едва ли не придется отдать лицамъ, окончившимъ курсъ въ гражданскихъ уѣздныхъ училищахъ, по той причинѣ, что почти всѣ они избираютъ учительскія должности совершенно сознательно и съ полною рѣши-

¹⁾ Въ 1875 году обстоятельства, кажется, переменялись уже къ лучшему. См. *Ж. М. Н. Пр.* 189, 4, 107.

мостію посвятить себя надолго, или даже навсегда, учительскому званію, и, не имѣя въ виду перехода къ чему-нибудь другому, болѣе обезпечивающему ихъ, ведутъ дѣло добросовѣстно и аккуратно. Что касается окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, никто не усъмнится, что и по познаніямъ, и по развитію, и потому, что они спеціально изучали въ семинаріи педагогику и дидактику, занимаясь при томъ практикой обученія въ воскресной школѣ, они вполне могутъ быть полезными дѣятелями по части народнаго образованія; но извѣстно, что учительская служба составляетъ для нихъ не конечную цѣль, а только средство къ достиженію другой цѣли, и потому большинство изъ нихъ, къ сожалѣнію, смотритъ на учительство какъ на временное только переходное состояніе; бывають исключенія, но они относятся лишь къ немногимъ избраннымъ молодымъ людямъ изъ этой категоріи“.

Въ Казанской губерніи (*Ж. М. Н. Пр.* 189, 4, 52) „большая часть помѣщеній далеко не удовлетворяють гигиеническимъ и педагогическимъ требованіямъ,—они тѣсны, холодны и сыры, не имѣють вентиляціи и учителю приходится для очищенія воздуха зимой открыть сѣнныя двери, или, вынувъ зимнюю раму, открывать окно. Есть и такія помѣщенія, гдѣ зимнія рамы вовсе не вставляются. Кромѣ того, училищныя помѣщенія и содержатся не совсѣмъ опрятно“.

О начальныхъ училищахъ Тамбовской губерніи сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: Въ Тамбовскомъ уѣздѣ (*Ж. М. Н. Пр.* 189, 4, 98) „помѣщенія, отводимыя обществами, по большей части тѣсны, грязны, холодны и неудобны“. Въ Кирсановскомъ уѣздѣ (тамъ же, стр. 100) шесть помѣщеній (изъ 11) „тѣсны, холодны и вообще неудобны... Балыклейская школа, расположенная въ караулѣ, въ которой отведена также комната и для арестуемыхъ, никогда зимою не отапливается. Во время осмотра этой школы инспекторомъ, и учитель, и дѣти сидѣли въ тулупахъ, но занятія письмомъ все-таки не могли происходить по причинѣ сильнаго холода“. Объ училищѣ Талицко-Чаплыцкомъ Усманскаго уѣзда (тамъ же, стр. 101) инспекторъ отзываясь, что „помѣщеніе состоитъ изъ подвального жилья и представляетъ собою родъ погреба, гдѣ мальчики положительно биткомъ набиты, такъ что между столами нѣтъ прохода и все-таки многимъ нѣтъ мѣста; воздухъ въ этой школѣ одуряющій“. Къ другимъ недостаткамъ, много разъ официально указаннымъ, сельскаго училищнаго быта слѣдуетъ отнести чрезмѣрно большое число мѣстныхъ

праздниковъ, очень неаккуратное посѣщеніе классовъ, неудовлетворительное вознагражденіе учителей за ихъ труды и т. п.

Къ этимъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ самимъ министерствомъ, слѣдуетъ присоединить и газетныя сообщенія. Въ четырехъ уѣздахъ Полтавской губерніи въ два года, 15 училищъ закрыты „по недостатку средствъ на содержаніе“. Хотя суммы, ассигнованныя на этотъ предметъ земствомъ, были во всякомъ случаѣ недостаточны, но даже и онѣ не вылачивались сполна. Въ Пирятинскомъ уѣздѣ, въ которомъ въ два года закрыты 14 училищъ, въ остальныхъ 15-ти половина учителей не получали жалованья. Тѣмъ не менѣе въ 1870 году оказалось въ остаткѣ по этому уѣзду 920 рублей изъ ассигнованныхъ 1,450, и въ слѣдующемъ году 785 рублей не израсходованы изъ назначенныхъ 1,825. Слѣдовательно въ два года оказалось 1,705 рублей „экономіи“ по смѣтѣ одного уѣзда, а между тѣмъ училища закрываются по недостатку средствъ къ содержанію ихъ! Общество распространенія грамотности въ Нижегородской губерніи въ 1873 году просило волостныя правленія доставить ему свѣдѣнія на слѣдующіе вопросы: 1) какія мѣры могутъ наиболѣе успѣшно содѣйствовать къ достиженію цѣлей общества? 2) въ чемъ заключаются существенныя недостатки училищъ? и 3) какого содержанія должны быть книги, наиболѣе полезныя для училищъ, чтобы выписать ихъ для храненія въ складахъ, проектированныхъ при каждомъ училищѣ? На эти вопросы одно изъ волостныхъ правленій отвѣтило: 1) въ волости не имѣется никакихъ мѣръ къ успѣшному содѣйствію цѣлямъ общества, такъ какъ въ волости не найдется ни одного образованнаго крестьянина, который былъ бы въ состояніи понять цѣли общества; 2) въ волости не имѣется училищъ и въ сосѣднихъ волостяхъ ихъ нѣтъ, поэтому волостное правленіе не можетъ указать ихъ недостатковъ; и 3) въ волости не находится никого, кто согласился бы содержать складъ книгъ для продажи, а поэтому никто изъ волостнаго схода не можетъ выразить своего мнѣнія о томъ, какія книги могутъ быть наиболѣе полезны для распространенія элементарныхъ свѣдѣній въ народѣ, и въ волостномъ собраніи нѣтъ никого, кто желалъ бы содѣйствовать этой задачѣ. Корреспондентъ „Голоса“ (февр. 1874 года), полагаетъ, что безъ преувеличенія, большинство волостныхъ правленій могло бы отвѣчать тѣми же словами на запросы общества. Если принять въ соображеніе, что сельскіе учителя получаютъ годоваго содержанія по 100, 75, 50, даже по 30 и 20 рублей въ годъ, то при всей ихъ

неспособности, невольно приходится ихъ считать „чрезмѣрно хорошими“. Число дѣтей 7—14 лѣтняго возраста достигаетъ въ губерніи до 183,000. Если считать на каждую школу въ 50 учениковъ, ежегоднаго расхода до 400 руб., то въ Нижегородской губерніи на 3,660 училищъ потребовалось бы ежегодно 1,464,000 руб.; между тѣмъ ассигновано было въ 1872 году на содержаніе элементарныхъ школъ въ губерніи всего только 55,594 руб. Въ отчетѣ по Харьковскому уѣзду за 1873 г. между прочимъ сказано: содержаніе учителей совершенно неудовлетворительно; учитель получаетъ, одинъ 15 руб., другой 13 руб. въ годъ. Какіе преподаватели служатъ за такое вознагражденіе и какъ долго могутъ они продержаться въ такомъ безотрадномъ положеніи, всякій легко себѣ самъ представить безъ дальнѣйшихъ объясненій. Едва ли можно пенять на учителей, когда они свои педагогическія услуги соразмѣряютъ съ получаемою платой. Такъ одинъ деревенскій дьячокъ, въ окрестностяхъ Харькова, получавшій 20 руб. годоваго содержанія, догадался запираеть, каждое утро, своихъ учениковъ на ключъ, и предоставивъ ихъ собственному усмотрѣнію, занимался другими своими работами. Въ Основскомъ училищѣ, единственно по тѣснотѣ помѣщенія, число учениковъ уменьшилось въ одинъ годъ съ 60 до 25. Результаты преподаванія были ничтожны, посѣщеніе классовъ неаккуратное. Преподаваніе закона Божія въ нѣкоторыхъ училищахъ не подвигается далѣе ветхаго завѣта, такъ что дѣтямъ ничего не разказываютъ о Спасителѣ и его ученіи (*St.-Petersb. Zeitung*, 1873 г. № 167). Съ линіи Кіево-Брестской желѣзной дороги *Русскій Миръ* сообщаетъ, что лѣтомъ 1876 г., въ ближайшихъ деревняхъ, не имѣлось еще помѣщеній, которыя могли бы служить для училища, и преподаваніе велось не рѣдко въ первой отведенной хижинѣ, въ которой, вмѣстѣ съ учениками, помѣщались и хозяева дома, отдавшіе его въ наемъ. Къ тому же, въ зимнее время, почти всѣ крестьянскія жилища того края служатъ одновременно и тепляками для домашняго скота.

Къ этимъ характеристическимъ даннымъ можно было бы еще многое прибавить. Но уже достаточно ясно, что потребуется очень много усилій для приведенія училищъ въ удовлетворительное состояніе. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что неудобства и недостатки годъ отъ году уменьшаются. Ручательствомъ за быстрое улучшеніе въ близкомъ будущемъ, по нашему убѣжденію, служить то обстоятельство, что министерство народнаго просвѣщенія само охотно сознаетъ

всякое обнаруженное зло и приводитъ его въ извѣстность въ официальномъ своемъ журналѣ.

Образованіе учителей. Учительскія семинаріи. Лучшимъ способомъ приготовленія учителей слѣдуетъ считать учрежденіе учительскихъ семинарій. Совершенное отсутствіе подобнаго рода заведеній въ Россіи составляло великій недостатокъ. Заслуга, заключающаяся въ томъ, что это обстоятельство было наконецъ понято и ясно сознано, принадлежитъ А. В. Головнину, хотя предложенное въ то время учрежденіе 15 семинарій и не состоялось по случаю увольненія г. Головнина отъ занимаемой имъ должности (14 апрѣля 1866 г.). Проектъ, выработанный въ 1860 г. объ учительскихъ семинаріяхъ для приготовленія преподавателей въ народныя школы, остался безъ примѣненія на практикѣ; точно также не имѣла послѣдствій посылка, въ 1862 и 1863 годахъ, за границу, нѣкоторыхъ ученыхъ для изученія, преимущественно въ Германіи и Швейцаріи, существующихъ тамъ способовъ приготовленія элементарныхъ учителей. Въ 1862 году открыта учительская семинарія въ Финляндіи, а въ 1864 году нѣсколько подобныхъ заведеній въ Привислянскомъ краѣ подъ названіемъ педагогическихъ ¹⁾ курсовъ. Высочайшими повелѣніями 29 ноября 1862 г. (Сб. Пост. III, 948) ассигновано 6,000 руб. въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа, 3 января 1863 г. (Сб. Пост. III, 954) въ распоряженіе попечителей округовъ Кіевскаго и Виленскаго, каждому по 3,062 руб. 50 коп. одновременно, для приготовленія учителей народныхъ училищъ. „Въ то же время на Кавказѣ возникли двѣ учительскія семинаріи, одна учрежденная обществомъ возстановленія православія — въ Тифлисѣ, другая на счетъ Кубанскаго казачьяго войска“ (*Вестель*, Руководство I, 321). Первую учительскую семинарію во внутреннихъ губерніяхъ открылъ въ 1863 году въ Москвѣ начальникъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковъ „для приготовленія учителей въ училища военнаго вѣдомства ²⁾, преобразованныя въ 1864 году въ начальныя военныя школы, а потомъ въ военныя прогимназіи“ (*Вестель*, I, 320). Первая учительская семинарія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія

¹⁾ Уставы педагогическихъ курсовъ изданы различныя для польскаго, греко-уніатскаго и литовскаго населенія (6/17 января 1866 г. Сб. Пост. IV, дополн. стр. 85, 95, 105).

²⁾ Училища военнаго вѣдомства преобразованы въ 1859 году изъ бывшихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ военныхъ кантонистовъ.

была (кромѣ Дерптской, которая получила новый уставъ 11 января 1861 г., Сб. Пост. III, 662) Молодечьянская (25-го іюня 1864 г., Сб. Пост. III, 1291, 1293). Затѣмъ, слѣдующее исчисленіе показываетъ постепенное распространеніе учительскихъ семинарій за послѣдніе годы:

Къ 1 января 1871 г. числилось 15 семинарій, въ томъ числѣ 11 учрежденныхъ правительствомъ: по одной въ Дерптѣ, Ригѣ, Молодечнѣ, Кіевѣ (въ 1873 г. переведенная въ Коростышевѣ) и 7 въ Варшавскомъ учебномъ округѣ (въ Варшавѣ, Вымыслинѣ, Сѣницінѣ, Бѣлѣ, Сольцѣ, Вейверахъ, Холмѣ); 3 семинаріи открыты земствомъ въ Рязани, Новгородѣ и Черниговѣ; кромѣ того Екатерининскій институтъ въ Тамбовѣ, основанный Д. С. С. Нарышкинымъ въ память умершей его супруги, на пожертвованный имъ капиталъ въ 250,000 рублей.

Къ 1 января 1872 г. числилось 25 семинарій, слѣдовательно 10 новыхъ, въ томъ числѣ 6 учрежденныхъ правительствомъ: въ Гатчинѣ (С.-Пб. учебн. округа), Новомъ (Моск. округа), Бѣлгородѣ (Харьк. округа), Самарѣ, Николаевѣ (позднѣе переведенная въ Херсонѣ), Ленцинѣ (Варшав. округа); 4 открыты земствомъ — двѣ для приготовленія учителей въ Поливановѣ (Моск. округа, съ 1874 содержимая отъ правительства) и въ Торжкѣ (Моск. окр., съ 10 іюня 1875 содержимая отъ правительства) и двѣ для приготовленія учительницъ въ Твери и Казани.

Къ 1 января 1873 года считалось 42 семинаріи, слѣдовательно 17 новыхъ, въ томъ числѣ 13 учрежденныхъ правительствомъ: въ Тотызѣ (С.-Пб. округа), Алферовѣ, Карачевѣ (Моск. округа), Казани, Порѣцкомъ (Казан. округа), Симферополѣ (татарск. учит.), Байрамчѣ (Одесс. округа), Полоцкѣ, Поневѣжѣ (Вилен. округа), Андреевѣ (Варш. округа), Уфѣ (татарск. учит.), Иркутскѣ, Омскѣ; 4 открыты земствомъ, двѣ для приготовленія учителей въ С.-Петербургѣ и Вяткѣ и двѣ для приготовленія учительницъ въ Костромѣ и Самарѣ.

Къ 1 января 1874 г. семинарій было 45, въ томъ числѣ вновь открытыхъ 3, отъ правительства 1 въ Красноярскѣ (Вост. Сибирь), 1 отъ земства въ Курскѣ и 1 семинарія для приготовленія учительницъ въ Москвѣ при братствѣ св. Равноапостольной Маріи.

Къ 1 января 1875 года всего было 50 семинарій, въ томъ числѣ новыхъ 5, отъ правительства 4, въ Псковѣ, Пензѣ, Волчанскѣ (Харьк.,

округѣ), Новомъ Бугѣ (Одесс. округѣ), 1 отъ земства для приготовленія учительницъ въ С.-Петербургѣ.

Къ 1 января 1876 г. всего было уже 57 семинарій, въ томъ числѣ новыхъ 8 (такъ какъ женская учительская семинарія въ С.-Петербургѣ закрылась); всѣ вновь открытыя семинаріи учреждены правительствомъ: въ Вытегрѣ, Череповцѣ (С.-Пб. окр.), Владимірѣ (позднѣ переведенная въ Киржачъ), въ Вольскѣ (Казан. окр.), Воронежѣ, Переяславлѣ (Одесс. окр.), Несвижѣ, Свислочь (Вилен. окр.).

Въ теченіе 1876 г., какъ видно изъ изданныхъ официальныхъ извѣстій, открыты 3 семинаріи правительствомъ въ Острогѣ (Кіев. окр.), Казани (татар. учит.) и Елисаветинѣ (переведенная въ Благовѣщенскій заводъ, Уфимской губерніи). Общее число существующихъ до настоящаго времени учительскихъ семинарій достигаетъ до 60, именно: 48 учрежденныхъ правительствомъ (3 для — приготовленія татарскихъ учителей въ Симферополѣ, Уфѣ и Казани); 10 содержимыя отъ земства: шесть мужскихъ (въ С.-Петербургѣ, Новгородѣ, Рязани, Вяткѣ, Курскѣ и Черниговѣ) и четыре женскихъ (въ Твери, Костромѣ, Казани и Самарѣ), 1 семинарія для учительницъ при братствѣ св. Маріи въ Москвѣ, 1 Еватерининскій институтъ. Такимъ образомъ въ теченіе перваго дѣсятилѣтія министерства графа Д. А. Толстаго открыто не менѣе 51 учительской семинаріи. Съ 1 іюля 1877 г. разрѣшено открыть еще семинарію въ Новочеркасскѣ (28 декабря 1876 года, *Жур. Мин. Нар. Просв.* 190, 1, 114). Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 190, 4, 36) открыты двѣ учительскія семинаріи: Кубанская въ станицѣ Ладовской и Закавказская въ городѣ Гори.

Г. Стракъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

Въ соисканіи наградъ графа Уварова въ настоящемъ году участвовали исключительно труды по части русской и славянской исторіи, такъ какъ учредитель этихъ премій счелъ умѣстнымъ измѣнить первоначальное ихъ назначеніе, исключивъ изъ права состязаться на нихъ драматическія произведенія и оставивъ впредь это право только за историческими сочиненіями. Такихъ сочиненій на нынѣшній разъ было представлено авторами двѣнадцать; кромѣ того, оставалось три сочиненія, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса. Всѣ эти пятнадцать сочиненій были печатныя. Комиссія, которую Академія, на основаніи правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила для разсмотрѣнія этихъ трудовъ и для постановленія о нихъ приговора, состояла изъ гг. академикомъ М. И. Броссе, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. О. Бычкова, М. И. Сухомянова, А. А. Куника и А. А. Шифнера. По предварительномъ просмотрѣ переданныхъ на ея судъ сочиненій, комиссія избрала для каждаго изъ нихъ рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ числа постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробныя рецензіи къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока, комиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, по той причинѣ, что рецензіи ихъ

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1877 г. непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

не были доставлены тѣми лицами, которыя приняли на себя ихъ составленіе. Затѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ сочиненій, комиссія положила: слѣдующія девять изъ нихъ удостоить Уваровскихъ наградъ (въ 500 руб. каждая).

I.

Варяги и Русь, историческое изслѣдованіе *С. Геденова*. С.-Петербургъ. 1876. Два тома.

Для оцѣнки этого труда комиссія сочла нужнымъ прибѣгнуть къ содѣйствію профессора университета Св. Владиміра *Ө. Я. Фортинскаго*. Сверхъ того, имѣя въ виду, что въ построеніи системы доводовъ автора въ пользу его теоріи начала Руси важное мѣсто занимаютъ соображенія, заимствованныя изъ области славянской филологіи, комиссія поручила разсмотрѣть трудъ г. Геденова со стороны этой науки академику *И. И. Срезневскому*. Составленные этими двумя учеными разборы послужили основаніемъ для приговора Академіи объ изслѣдованіи г. Геденова. Кромѣ того, членъ комиссіи академикъ *А. А. Куникъ* счелъ нужнымъ присовокупить къ рецензій г. Фортинскаго два замѣчанія свои о заслугахъ, оказанныхъ г. Геденовымъ норманистикѣ, и о томъ, должно ли считать Байера основателемъ норманской теоріи, какъ утверждаетъ это г. Фортинскій.

Въ своей рецензій г. Фортинскій входитъ въ фактическія подробности для оцѣнки прочности доводовъ автора и заключаетъ свою рецензій слѣдующими словами: „Изслѣдованіе г. Геденова, какъ представляющее попытку пересмотрѣть и разрѣшить варяжскій вопросъ въ цѣломъ его объемѣ, конечно, должно быть признано вполне соответствующимъ современнымъ потребностямъ русской исторической науки. Но являясь опаснымъ врагомъ норманской системы, г. Геденовъ, по нашему мнѣнію, оказывается не особенно осмотрительнымъ при постройкѣ своей собственной: то онъ употребляетъ въ дѣло матеріалъ весьма сомнительнаго качества (преданія), то неудачно примѣняетъ научныя пріемы къ объясненію источниковъ, то впадаетъ даже въ противорѣчія съ самимъ собою. Его система вендскаго происхожденія Варяжскихъ князей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она представлена имъ, едва ли будетъ усвояема. Впрочемъ, слабость системы зависитъ не столько отъ вины автора, сколько отъ скудости средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и во всякомъ случаѣ изслѣдованіе „Варяги и Русь“—цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу“.

Съ своей стороны, г. Срезневскій отзывается о книгѣ г. Геденова, какъ о произведеніи, на которое нельзя не смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ. По его словамъ, „это—плодъ огромной ученой работы, потребовавшей и много времени, и самоотверженной усидчивости, и разнообразной начитанности, и еще болѣе разнообразныхъ соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшимости бороться съ такими силами, которыхъ значеніе окрѣпло не только отъ ихъ внутренней стойкости, но и отъ общаго уваженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—плодъ не одного изъ тѣхъ людей науки, которые, по самому выбору дѣятельности своей жизни, обязаны трудиться надъ разрѣшеніемъ научныхъ задачъ, а одного изъ тѣхъ очень немногихъ любителей научныхъ занятій, которые должны отвлекаться отъ нихъ исполненіемъ другихъ обязанностей. Задача, за которую взялся г. Геденовъ; составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ въ области русской древности — одну изъ тѣхъ задачъ, которыя хотя и привлекали къ себѣ издавна наибольшее число ученыхъ силъ, но все еще остаются задачами и не столько уяснились изслѣдованіями, сколько отдаляли и отдаляютъ изслѣдователей отъ строгаго безпристрастія, завлекая ихъ въ борьбу на защиту какого-нибудь увѣровавшаго мнѣнія противъ всѣхъ другихъ. Самые осторожные изслѣдователи въ такихъ случаяхъ позволяютъ себѣ, даже сами не замѣчая того, порывы самоувѣренности и неуваженія къ мнѣніямъ противниковъ; а чѣмъ у кого меньше навыка остерегаться и больше шалкости, тѣмъ неизбѣжнѣе и рѣзче эти порывы. Нерѣдко доводили они людей науки до самозабвенія и превращали ихъ въ ярыхъ фанатиковъ, отвергавшихъ всякія научныя указанія и подбиравшихъ въ защиту избраннаго мнѣнія не ученыя доказательства, а толпу глашатаевъ, заглушавшихъ шумомъ ихъ голосовъ всякое другое мнѣніе и всякія доказательства. Все это тѣмъ возможнѣе, чѣмъ настойчивѣе требовательность общаго научнаго направленія подводитъ все къ окончательнымъ выводамъ, чѣмъ менѣе возможно оставаться при мнѣніи, что тотъ или другой вопросъ науки, при помощи только тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ виду въ данную минуту, долженъ оставаться въ числѣ нерѣшенныхъ. По нѣкоторымъ вопросамъ эта требовательность даже почти не отвратима, и въ ряду ихъ не можетъ не быть поставленъ тотъ, на которомъ остановился г. Геденовъ. Надобно быть слишкомъ равнодушнымъ къ судьбамъ Русскаго народа, надо быть не Русскимъ, чтобы не домогаться положительнаго отвѣта на него. Въ то же время надо быть слишкомъ мало требо-

вательнымъ въ научномъ отношеніи, чтобъ удовлетворяться здѣсь первымъ встрѣчнымъ отвѣтомъ, могущимъ показаться сколько-нибудь правдоподобнымъ. Тому же, кто не удовлетворенъ ни однимъ изъ отвѣтовъ, доселѣ сдѣланныхъ, ни подборомъ доказательствъ, его подтверждающихъ и уничтожающихъ значеніе всѣхъ другихъ отвѣтовъ, остается одно: самому идти въ чащу изслѣдованій и искать тамъ того, чтѣ не найдено другими. Въ такомъ положеніи, вѣроятно, былъ и г. Гедеоновъ, когда занялся самостоятельную разработкою данныхъ по вопросу о Варягахъ и Руси, и къ чести его нельзя не сказать, что онъ пошелъ въ чащу изслѣдованій не съ тѣмъ, чтобы потомъ имѣть только право сказать, что онъ былъ въ этой чащѣ, чтобъ остановиться только кое на чемъ и кое-какъ и самодовольно вынести оттуда какія-нибудь доказательства въ защиту отвѣта, ему болѣе нравящагося, и въ отпоръ всѣхъ другихъ отвѣтовъ: онъ пошелъ въ эту чащу, для многихъ и многихъ, даже для людей науки, непроглядную, не только съ самоотверженіемъ, но и съ любовью охотника, и съ тѣмъ, чтобы всю ея осмотрѣть и всею овладѣть для своего дѣла". Очертивъ такимъ образомъ значеніе и общій характеръ труда г. Гедеонова, г. Срезневскій входитъ въ подробное разсмотрѣніе филологическихъ доводовъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе его теоріи вендскаго происхожденія Варяговъ и Руси, и въ заключеніе заявляетъ, что, „не смотря на необходимость подтвердить эту теорію значительно болѣшимъ количествомъ болѣе вѣскихъ, чѣмъ у г. Гедеонова, доказательствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на необходимость болѣе положительно опровергнуть возможность глядѣть на языкъ древнихъ Руссовъ какъ на одну изъ вѣтвей тевтонскаго корня, изслѣдованіе автора достойно уваженія и признательности. Оно таково, что еслибы защищаемое имъ мнѣніе, по недостаточности выставленныхъ въ немъ доказательствъ, и было отвергнуто, все же теперь нельзя уже будетъ относиться и къ этому мнѣнію, и къ мнѣнію противоположному, имъ опровергаемому, съ тѣмъ апатическимъ спокойствіемъ, которое утверждалось все крѣпче, все безусловнѣе“.

II.

Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей 1553—1594. Грамоты, собранныя, переписанныя и издавныя Ю. В. Толстымъ. С.-Петербургъ. 1875.

Въ русской исторической литературѣ наше время отличается особеннымъ развитіемъ дѣятельности, направленной къ отысканію

и обнаруженію всякаго рода архивныхъ документовъ, какъ такихъ памятниковъ, которые всего болѣе даютъ возможность достигнуть полноты и достовѣрности въ изображеніи историческихъ дѣятеley и событій. Въ числѣ трудовъ, обогатившихъ науку въ этомъ направленіи, почетное мѣсто занимаетъ книга Ю. В. Толстаго, имѣющая своимъ предметомъ первыя сорокъ лѣтъ сношеній Россіи съ Англіей во второй половинѣ XVI столѣтія. Фазисы послѣдовательнаго развитія этихъ сношеній представляютъ собою много любопытнаго и поучительнаго, и авторъ оказалъ ихъ разъясненію истинную услугу изданіемъ въ свѣтъ 82 документовъ, извлеченныхъ имъ въ Лондонѣ изъ Британскаго музея и изъ тамошняго государственнаго архива, а также въ Москвѣ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ нѣкоторыхъ печатныхъ изданій. Собраннымъ документамъ авторъ предпослалъ очеркъ сношеній Россіи съ Англіей въ теченіе 40 лѣтъ, съ 1553 года по 1593, составленный на основаніи какъ этихъ матеріаловъ, такъ и другихъ документовъ, къ сожалѣнію, не вошедшихъ въ сборникъ.

О сношеніяхъ Россіи съ Англіей во второй половинѣ XVI столѣтія находятся довольно полныя свѣдѣнія у нашихъ историковъ князя Щербатова, Карамзина и Соловьева, а также у Чулкова — въ Историческомъ описаніи Россійской комерціи. О томъ же предметѣ подробно писали, въ разныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, академикъ Гамель и нѣкоторые другія лица. Тѣмъ не менѣе, по замѣчанію академика Бычкова, составившаго рецензію труда Ю. В. Толстаго, автору удалось въ своемъ очеркѣ сообщить нѣсколько любопытныхъ данныхъ, не бывшихъ въ виду ученыхъ, и представить новыя соображенія и новыя объясненія уже извѣстныхъ фактовъ. Главное достоинство очерка — сжатость изложенія, достигнутая безъ ущерба для полноты: все существенно-важное нашло въ немъ надлежащее мѣсто. Изложенные въ очеркѣ факты весьма наглядно, съ одной стороны, опредѣляютъ характеръ нашихъ сношеній съ Англіей, а съ другой — рисуютъ въ яркомъ свѣтѣ отношеніе къ намъ западной Европы.

Приложенные къ Очерку документы представляютъ собою матеріалъ большею частію официальнаго характера. Значеніе всѣхъ ихъ для предмета, къ которому они относятся, несомнѣнно; многіе же изъ нихъ замѣчательны и потому еще, что доставляютъ любопытныя черты для характеристики Іоанна Грознаго и его времени. Не смотря однако на обиліе документовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ

г. Толстаго, въ ней, по замѣчанію г. Бычкова, оказываются нѣкоторые пробѣлы, изъ которыхъ одни могли бы быть восполнены по печатнымъ изданіямъ, а другіе — по указаніямъ, находящимся въ этихъ же изданіяхъ. При нѣкоторыхъ документахъ даны переводы на современный русскій языкъ, тогда какъ существуютъ старыя ихъ переводы, всегда имѣющіе для изслѣдователя болѣе значенія. Въ нѣкоторыхъ документахъ встрѣчаются разночтенія съ прежде напечатанными, которыя иногда пополняютъ и текстъ. Наконецъ, легенды о документахъ, помѣщенные въ оглавленіи ихъ на англійскомъ языкѣ, не волюнѣ достаточны: такъ какъ не даютъ понятія о томъ, списанъ ли документъ съ подлинника или съ копіи, и если съ копіи, то съ современной или съ позднѣйшей и былъ ли онъ прежде кѣмъ-либо напечатанъ и какъ, съ пропусками или безъ пропусковъ, правильно или неправильно.

Все это, впрочемъ, нисколько не умаляетъ научнаго значенія документовъ, изданныхъ г. Толстымъ, и во всякомъ случаѣ его трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку, которая въ настоящее время, при богатствѣ обнаруженныхъ матеріаловъ, можетъ развиваться только при посредствѣ подобныхъ монографій.

III.

Сношенія Россіи съ Европейскими державами передъ войною 1812 года. Соч. А. Н. Попова. С.-Петербургъ. 1876.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе Александра Попова. Москва. 1875.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе Александра Попова. Москва. 1876.

А. Н. Поповъ принадлежитъ къ числу наиболѣе даровитыхъ нашихъ историческихъ писателей. Уже болѣе тридцати лѣтъ онъ работаетъ и надъ исторіей русскаго права, и вообще надъ русскою исторіей. Кто не знаетъ его трудовъ о Русской Правдѣ, о возмущеніи Стеньки Разина, о русскомъ посольствѣ въ Польшу въ 1673—1677 гг., о сношеніяхъ Россіи съ Римомъ въ 1845—1850 гг., его участія въ изданіяхъ Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Русскаго Историческаго Общества, его сочиненія о поѣздѣ въ Черногорію? Многосторонность свѣдѣній и интересовъ, выказанная въ этихъ трудахъ, постоянное стремленіе работать на основаніи первоначальныхъ и малоизвѣстныхъ источниковъ, живость изложенія—качества, общеизвѣстныя въ лите-

ратурной дѣятельности г. Попова, возбуждаютъ интересъ къ каждому вновь предпринимаемому труду.

Въ послѣдніе годы вниманіе почтеннаго историка было занято Отчественною войною 1812 года, и въ журналахъ стали появляться отдѣльныя его изслѣдованія, касающіяся этой любопытной эпохи. Три такія изслѣдованія, вполне оконченныя, вышли въ свѣтъ особыми книгами и явились нынѣ на судъ Академіи. Они составляютъ одно цѣлое, часть котораго, обнимающая дѣствія Кутузова по очищеніи имъ Москвы, печатается нынѣ въ журналѣ *Русскія Старина*. Увѣчивъ означенныя три монографіи Уваровскою наградою, Академія основала свой приговоръ о нихъ на отзывѣ, сообщенномъ ей, по ея просьбѣ, профессоромъ здѣшняго университета К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

Ученый критикъ признаетъ, что сложность тѣхъ замѣчательныхъ событій, исторію которыхъ излагаетъ г. Поповъ, а равно и обиліе относящагося сюда матеріала, частью разсѣяннаго по разнымъ изданіямъ на разныхъ языкахъ, частью не изданнаго и хранящагося въ архивахъ чуть ли не всѣхъ странъ Европы, дѣлала задачу автора весьма трудною, и что поэтому онъ, приблизясь къ ея разрѣшенію, вполне достоинъ вниманія и благодарности общества.

Ближайшій разборъ этихъ сочиненій рецензентъ начинаетъ съ того изъ нихъ, которое, по содержащимся въ немъ фактамъ, предшествуетъ двумъ остальнымъ. Главнымъ источникомъ для этого обзора дипломатическихъ сношеній нашихъ передъ войною 1812 г. служили г. Попову донесенія русскихъ посланниковъ, хранящіяся въ Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Для дополненія и поясненія ихъ онъ употребляетъ тѣ иностранныя сочиненія, къ которымъ имѣлъ наиболѣе вѣры, оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя, по мнѣнію рецензента, важныя пособія. Такъ, изъ обширной нѣмецкой литературы, обнимающей это время, г. Поповъ принялъ во вниманіе лишь очень немногое. Кромѣ того, читатель остается въ невѣдѣніи, какіе именно документы бралъ авторъ, и почему именно бралъ онъ ихъ. Г. Бестужевъ-Рюминъ находитъ, что изложеніе г. Попова болѣе подробно знакомитъ съ дипломатическою дѣятельностію нашихъ заграничныхъ агентовъ, чѣмъ это было сдѣлано другими нашими историками; многое, разказанное по русскимъ документамъ, представляется у него яснѣе, чѣмъ было извѣстно по документамъ, сообщеннымъ историками иностранными; но при всемъ томъ невольно является желаніе выслушать и свидѣ-

тельства чужестранной литературы, напимѣрь, показанія извѣстнаго Дункера, въ сочиненіи котораго, со свойственною этому писателю основательностью, представлены сношенія между Пруссіей и Россіей.

Другой недостатокъ разсматриваемой монографіи рецензентъ видитъ въ томъ, что авторъ, принявъ способъ изложенія по странамъ, держится въ каждой странѣ болѣе или менѣе хронологическаго порядка. Эта система, по мнѣнію рецензента, имѣетъ свои выгоды, но и свои невыгоды: она выгодна тѣмъ, что позволяетъ заразъ представить отношенія къ извѣстной странѣ и помогаетъ читателю составить себѣ понятіе о руководящихъ лицахъ и политическихъ побужденіяхъ страны; невыгодна же тѣмъ, что когда вопросъ сосредоточивается на одномъ пунктѣ, вниманіе читателя слишкомъ раскидывается и нелегко сосредоточивается на томъ или другомъ моментѣ. Вообще первую изъ трехъ книгъ г. Попова рецензентъ считаетъ обширнымъ и во многихъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ извлеченіемъ изъ русскаго архивнаго матеріала; можно было бы только пожелать болѣе полнаго сличенія съ матеріаломъ, хранящимся въ иностранныхъ архивахъ, хотя бы, на первое время, посредствомъ справокъ съ болѣе авторитетными сочиненіями. Само собою разумѣется, что главною причиною почти исключительнаго пользованія русскимъ архивнымъ матеріаломъ является у г. Попова привычка къ тщательной самостоятельной работѣ; тѣмъ не менѣе, читатель въ правѣ былъ бы пожелать болѣе ширины въ сближеніяхъ съ иностранными показаніями.

Вторая монографія г. Попова описываетъ состояніе Москвы до вступленія туда Французовъ. Въ изложеніи этого предмета авторъ, давая приличное мѣсто современнымъ актамъ, хранящимся въ архивѣ, вслущиваетъ возможно большее число свидѣтелей каждаго факта и извѣщиваетъ ихъ показанія, критически повѣряя одно другимъ. Въ результатѣ такого изученія является очень живое изображеніе Москвы и дѣйствовавшихъ въ ней личностей. Какъ на особенно рельефно очерченныя, рецензентъ указываетъ на личности графа Ростопчина и Кутузова, находя, что г. Поповъ уяснилъ первую изъ нихъ едва ли не окончательно, а вторую изобразилъ вполне симпатически, согласно съ тѣмъ образомъ великаго полководца и тонкаго дипломата, который присвоено Кутузову и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Къ заслугѣ автора рецензентъ относитъ то обстоятельство, что, выставляя отрицательныя стороны лицъ, онъ остается совершенно чуждъ неисторическаго направленія: лица, имъ выводи

мня на сцену, всегда окружены атмосферою своего времени, и читатель поставленъ въ возможность понимать, почему они дѣйствовали такъ, а не иначе. Вообще видно, что авторъ, еще не приступая къ своему труду, изучилъ всѣ доступные ему источники, вслѣдствіе чего едва ли много прийдется со временемъ измѣнить въ начертанной имъ картинѣ и едва ли не должно будетъ навсегда остановиться на его характеристикѣ главныхъ лицъ описываемаго имъ времени.

Что касается до третьяго изслѣдованія г. Попова, то обиліе матеріаловъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, позволило ему нарисовать чрезвычайно полную картину безпорядковъ въ Москвѣ при занятіи ея Наполеоновскою арміею, бѣдствій московскихъ жителей и тѣхъ отношеній, въ которыхъ войска, занявшія городъ, стояли къ ея жителямъ. Множество мелкихъ чертъ, подобранныхъ авторомъ въ различныхъ разказахъ о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, по мнѣнію рецензента, драгоцѣнны не только для исторіи 1812 г., но и вообще для исторіи русской жизни и для характеристики Русскаго народа. Всего любопытнѣе въ этой книгѣ разборъ вопроса о томъ, кто сжегъ Москву: авторъ, внимательно разобравъ существующія мнѣнія и преданія, основательно указываетъ и на роль Ростопчина, и на роль народа, и на случайныя обстоятельства въ этомъ происшествіи, такъ что сложный вопросъ о московскомъ пожарѣ едва ли не слѣдуетъ теперь считать рѣшеннымъ.

Вообще двѣ послѣднія монографіи г. Попова рецензентъ называетъ вполнѣ удачными и весьма важными въ научномъ отношеніи, потому что авторъ постоянно держался въ нихъ исторической критики, собиралъ какъ можно больше матеріаловъ, повѣрялъ ихъ между собою, опредѣлялъ степень ихъ достовѣрности и уже послѣ того пользовался ими для своей картины. Важность этихъ сочиненій тѣмъ значительнѣе, что они послужатъ къ распространенію въ публикѣ правильныхъ воззрѣній на достопамятныя событія 1812 года, будутъ поддерживать память о нихъ и самымъ своимъ объективнымъ безпристрастіемъ способствовать воспитанію патріотическихъ чувствъ, никогда прочно не поддерживающихся тенденціозными писаніями.

IV.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе генералъ-лейтенанта *М. И. Бодякова*. С.-Петербургъ. 1876.

Сл. просьбой о составленіи рецензіи на это новое, многотомное твореніе нашего неустоимаго, многоуважаемаго военнаго историка

комиссія обратилась къ полковнику П. О. Дубровину, о которомъ ей было извѣстно, что онъ спеціально изучалъ Восточную войну не только по всему наличному составу уже довольно богатой печатной литературы предмета, но и въ огромной массѣ рукописныхъ документовъ, сохраняемыхъ въ разныхъ русскихъ архивахъ. На такое приглашеніе г. Дубровинъ отозвался составленіемъ обширной записки, въ которой, независимо отъ внимательнаго разбора каждаго изъ сообщаемыхъ г. Богдановичемъ фактовъ, онъ изложилъ результаты собственныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій о предметѣ, такъ что эта рецензія можетъ считаться какъ бы доводеніемъ труда нашего маститаго военнаго историка.

До появленія книги г. Богдановича мы не имѣли полнаго изображенія всѣхъ событій, извѣстныхъ подъ названіемъ Восточной войны 1853 — 1856 годовъ, не смотря на то, что независимо отъ архивныхъ документовъ существуетъ уже обширная литература, касающаяся отдѣльныхъ эпизодовъ, описанія сраженій и проч. Кромѣ сочиненій Тотлебена, Ковалевскаго, Лихутина, Ушакова, Затлера, біографіи Корнилова, составленной Жандромъ, записокъ Алабина и Берга, — мы имѣемъ нѣсколько сборниковъ: „Сборникъ Рукописей“, изданныхъ по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, сборникъ Путилова и пять выпусковъ „Матеріаловъ для исторіи Крымской войны“. (Сверхъ того, существуетъ много иностранныхъ сочиненій, а въ нашей періодической литературѣ разбросана масса статей, относящихся къ этой войнѣ: большою частью онѣ, какъ свидѣтельство очевидцевъ, весьма важны при изученіи хода историческихъ событій, но онѣ требуютъ критической оцѣнки, точнаго и всесторонняго изученія.

„Для исторіи Восточной войны“, говоритъ г. Дубровинъ, — „есть столько матеріаловъ, что они своимъ обиліемъ, можно сказать, стѣсняють писателя. Въ нихъ найдутся данныя, при помощи которыхъ мы увидимъ живыхъ людей и ихъ дѣятельность, и мы въ правѣ желать, чтобы то и другое сдѣлалось достоинствомъ исторіи, чтобы она была живою и увлекательною. Никто не станетъ утверждать, чтобы характеры лицъ и даже цѣлыхъ массъ не имѣли вліянія на защиту крѣпости или на исходъ сраженій.... Мы защищали“, говоритъ далѣе г. Дубровинъ, Севастополь грудью въ буквальномъ смыслѣ слова, а не при помощи однихъ только укрѣпленій, и слѣдовательно, уловить особенность войскъ, характеры дѣйствующихъ лицъ, и наконецъ, побужденія, ими руководившія, столь же важно, сколько

перечисленіе батарей и указаніе, на какомъ мѣстѣ онѣ были поставлены“. Такой взглядъ давно ужъ установился въ военной литературѣ, и руководясь имъ, рецензентъ разбираетъ подробно, такъ сказать, шагъ за шагомъ, сочиненіе М. И. Богдановича, дополняя многія главы обширнаго его труда обстоятельнымъ изложеніемъ тѣхъ же событій по документамъ, которыми не пользовался г. Богдановичъ. Слѣдя за его разказомъ, г. Дубровинъ останавливается преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, которыя, по его мнѣнію, требовали болѣе полной обрисовки событій. При этомъ рецензентъ приложилъ къ книгѣ г. Богдановича много своего труда, именно въ убѣжденіи что сочиненіе г. Богдановича заслуживаетъ полнаго вниманія, имѣетъ несомнѣнныя достоинства и можетъ быть вполне отнесено къ числу тѣхъ сочиненій, которыя, во первыхъ, соответствуютъ современнымъ требованіямъ науки, а во вторыхъ, восполняютъ тотъ пробѣлъ, который ощущался въ нашей военной литературѣ. До сихъ поръ послѣдняя не имѣла общаго очерка борьбы Россіи съ Турціей и западными державами, и полная исторія Восточной войны явилась впервые въ изложеніи М. И. Богдановича.

Почтенный авторъ, за исключеніемъ исторіи обороны Севастополя, не имѣлъ путеводителя и долженъ былъ самъ прокладывать себѣ путь среди многочисленнаго и весьма разнообразнаго матеріала. Оцѣнка послѣдняго вполне зависѣла отъ личныхъ взглядовъ автора. Взгляды на достоинство и важность источника, даже на самыя событія могутъ быть различны и слагаются подъ впечатлѣніемъ характера и обилія источниковъ. Владѣя послѣдними въ большей или меньшей степени, авторъ можетъ останавливаться или на описаніи лишь однихъ фактовъ, или же, вмѣстѣ съ тѣмъ, изслѣдовать и причины, вызвавшія совершившіяся событія. „Восточная война“ М. И. Богдановича, можно сказать, принадлежитъ къ первой категоріи.

Придерживаясь преимущественно фактической спеціально-военной стороны, авторъ, за весьма немногими исключеніями, сообщаетъ точныя данныя о числительности и составѣ войскъ. Описаніе хода дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, на Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ и въ Тихомъ Океанѣ совершенно ново и основано на неизданныхъ документахъ. Въ особенности удачно изложеніе военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи. Владѣя частными записками и пользуясь указаніями многихъ лицъ, участниковъ этой кампаніи, авторъ имѣлъ возможность охарактери-

звать событія и лица и поставить ихъ въ то положеніе, въ которомъ они дѣйствительно находились.

Вообще характеристика дѣятелей и біографическія о нихъ свѣдѣнія придаютъ сочиненію характеръ жизненности, и въ этомъ отношеніи исторія Восточной войны не подлежитъ никакому упреку. Большая часть сраженій описана авторомъ весьма подробно, и притомъ сообщено много новыхъ свѣдѣній. Приводя въ своемъ сочиненіи многіе документы, до сихъ поръ не изданные и не всѣмъ доступные, М. И. Богдановичъ не отвергаетъ и иностранныхъ писателей. Сличая показанія двухъ противныхъ сторонъ и устраняя противорѣчія, въ нихъ встрѣчающіяся, авторъ, путемъ серьезнаго изученія матеріаловъ, достигъ того, что достоинства его сочиненія значительно превышаютъ замѣчаемые въ немъ рецензентомъ недостатки.

V.

Исторія Тверскаго Княжества. В. С. Борзаковскаго. С.-Петербургъ. 1876.

Подробный разборъ этого сочиненія былъ, по вызову комиссіи, составленъ профессоромъ Е. Е. Замысловскимъ, который, въ сдѣланной имъ весьма внимательной оцѣнкѣ труда г. Борзаковскаго, обрисовалъ въ главныхъ чертахъ исторію Тверскаго княжества, на сколько она выступаетъ въ общей исторіи сѣверо-восточной Руси.

Послѣ Москвы Тверь была однимъ изъ самыхъ значительныхъ центровъ русской жизни въ XIII и XIV столѣтіяхъ, такъ что отъ внимательнаго изученія исторіи этого знаменитаго княжества можно ожидать замѣтныхъ послѣдствій для русской исторической науки. То, что могла представить наша историческая литература для знакомства съ исторіей Тверскаго княжества до выхода въ свѣтъ сочиненія г. Борзаковскаго, далеко не могло удовлетворять тѣмъ научнымъ требованіямъ, какія явились съ тѣхъ поръ, какъ было обращено особенное вниманіе на изученіе исторіи отдѣльныхъ княжествъ. Событія, наиболее выдающіяся въ исторіи Тверскаго княжества, могли быть понятны только при внимательномъ и всестороннемъ изученіи дѣятельности каждаго изъ Тверскихъ князей. Выдѣливъ особенности Кіева, Новгорода, Пскова и другихъ центровъ русской жизни, наука не могла не желать собранія въ одно цѣлое всѣхъ дошедшихъ до насъ извѣстій о внутреннемъ строѣ Тверскаго княжества. Всѣмъ этимъ научнымъ запросамъ въ значительной степени удовлетворяетъ, по заявленію рецензента, сочиненіе г. Борзаковскаго

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ этого труда слѣдуетъ отнести добросовѣстное изученіе источниковъ, пользованіе ими согласно съ требованіями современной критики и основательное знакомство съ литературой, имѣющею отношеніе къ предмету изслѣдованія.

Исчисленіе источниковъ, которыми пользовался г. Борзаковскій при обработкѣ своего труда, послужило для рецензента убѣдительнымъ доказательствомъ неутомимаго трудолюбія и начитанности автора. Но при всемъ глубокомъ уваженіи къ тому, что имъ сдѣлано, слѣдуетъ однако замѣтить, что его сочиненіе болѣе удовлетворяло бы требованіямъ критики, еслибы къ нему было приложено обзорнѣе источниковъ и пособій, хотя бы съ краткими критическими замѣтками, еслибы обращено было вниманіе на послѣднее изданіе Лаврентьевской лѣтописи, и еслибы, наконецъ, ссылки на русскій переводъ сочиненія Герберштейна были дополнены ссылками на соответствующія имъ мѣста въ лучшихъ изданіяхъ Записокъ о Московіи. Нѣкоторыя библиографическія данныя, сообщаемыя авторомъ, могли бы быть дополнены указаніями на свѣдѣнія и замѣтки, заключающіяся въ указываемыхъ рецензентомъ изданіяхъ и сочиненіяхъ. Весьма было бы также желательно, чтобы г. Борзаковскій составилъ карту Тверскаго княжества и подробный указатель къ своему сочиненію.

Далѣе рецензентъ замѣчаетъ, что о задачахъ, которыя по предмету имѣлъ въ виду авторъ „Исторіи Тверскаго княжества“, можно только догадываться: имъ самими онѣ не опредѣлены. По видимому, одною изъ главныхъ задачъ было желаніе возстановить исторію вѣдшихъ сношеній Тверскихъ князей. Главы, посвященныя ей изложенію (II—VIII), составляютъ наилучше обработанную часть сочиненія г. Борзаковскаго и болѣе удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, чѣмъ тѣ главы (I, стр. 1—68; IX, стр. 205—240), въ которыхъ заключается обзорнѣе историко-географическое и очеркъ внутренняго состоянія Тверскаго княжества.

Къ сожалѣнію, авторъ не сдѣлалъ общаго обзорнѣя событій Тверскаго княжества, не опредѣлялъ его значенія въ ряду другихъ земель и княжествъ русскихъ, не свелъ въ одно цѣлое своихъ замѣтокъ, которыя касаются судебъ этого княжества. Въ своихъ общихъ выводахъ онъ не всегда принималъ въ соображеніе всю сумму историческихъ условій и данныхъ, на которыхъ они могли бы быть основаны, хотя указанія на эти условія и данныя отыскиваются въ „Исторіи Тверскаго княжества“, вообще отличающейся объективностію въ изложеніи фактовъ. Заботясь не столько объ отысканіи внутренней

связи между фактами и объ опредѣленіи ихъ значенія, сколько о томъ, чтобы ихъ вѣрно воспроизвести въ своемъ разказѣ, авторъ старался найти ближайшее отношеніе между отрывочными извѣстіями, непосредственно извлекаемыми изъ источниковъ, и сохранялъ все сколько-нибудь замѣчательныя фактическія подробности.

Значительную и весьма полезную въ научномъ отношеніи часть „Исторіи Тверскаго княжества“ составляютъ примѣчанія г. Борзаконскаго. Число ихъ доходитъ до 1263; они напечатаны мелкимъ убористымъ шрифтомъ и занимаютъ 152 страницы, а собственно исторія Тверскаго княжества, напечатанная шрифтомъ болѣе крупнымъ, — 240 страницъ. Въ примѣчаніяхъ авторъ постоянно отмѣчаетъ все сходныя извѣстія, имъ отысканныя въ источникахъ, выписываетъ изъ нихъ мѣста, въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныя или подтверждающія его мнѣнія, сопоставляетъ противорѣчивыя или сходныя между собою и сомнительныя и затѣмъ опредѣляетъ степень ихъ достовѣрности. Эта кропотливая работа, требовавшая много времени, конечно, будетъ по достоинству оцѣнена учеными изслѣдователями, занимающими и всю ея тяжесть, и всю ея важность, и необходимость.

VI.

Новый Мѣсяцесловъ Востока. Т. I. Восточная агіологія. Т. II. Святой Востокъ. Сочиненіе Архимандрита *Сергія*. Москва. 1876.

Постановляя свой приговоръ объ этомъ сочиненіи, комиссія имѣла въ виду подробный и обстоятельный разборъ его, составленный профессоромъ Московской духовной академіи И. Мансветовымъ, которому его собственныя труды по части церковной археологіи и литературы пріобрѣли право голоса при оцѣнкѣ сочиненій, относящихся къ этимъ спеціальностямъ. Сущность мнѣнія рецензента сводится къ слѣдующему:

Та отрасль церковно-исторической литературы, изученію которой посвященъ обширный трудъ архимандрита *Сергія*, пользовалась издавна особенною популярностью, сравнительно съ другими, возбуждала къ себѣ глубокий интересъ и представляла, для своего изученія, богатый запасъ письменныхъ данныхъ. Разказы о мученикахъ и святахъ занимали видное мѣсто въ древнѣйшихъ памятникахъ церковной исторіи въ видѣ сборниковъ и житій; эти сказанія составляли излюбленную книгу для чтенія; изъ этого матеріала черпали свое содержаніе церковная гимнографія и проповѣдь; наконецъ, календарныя записи легли въ основу церковнаго года и опредѣлили строй типика.

Однако, не смотря на богатство и относительную доступность агіологическаго матеріала, критическое его изученіе началось сравнительно недавно и первыми своими опытами, равно какъ и продолженіемъ, было обязано западнымъ ученымъ, начиная съ XVI—XVII вѣковъ. Какъ и въ другихъ отрасляхъ исторіи, эти ученые занимались здѣсь преимущественно памятниками христіанскаго запада, хотя ими было сдѣлано немало и по части восточной агіологіи. Вообще же говоря, научная разработка этой части находится еще въ очень неудовлетворительномъ состояніи, и не только нѣтъ цѣльнаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ, но и оставались до послѣдняго времени нетронутыми весьма важныя его стороны.

Архимандритъ Сергій поставилъ себѣ задачей обнять этотъ отдѣлъ науки въ возможной полнотѣ, рассмотреть его по возможности со всѣхъ главныхъ сторонъ, подлежащихъ изученію, и изслѣдовать въ порядкѣ происхожденія самыя памятники. Но сколь ни широки рамки, въ которыхъ вмѣщается авторъ свое изслѣдованіе о святыхъ восточной церкви, самая новость и малообработанность нѣкоторыхъ отдѣловъ этого предмета по необходимости ограничили его труды собраніемъ и изложеніемъ календарнаго и проложнаго матеріала, первоначальнымъ изученіемъ вновь открытыхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ, — словомъ, кропотливою черпковою работою надъ источниками, которыхъ еще не коснулась рука изслѣдователя. Поэтому во многихъ мѣстахъ сочиненія о. Сергія замѣтны подавляющее вліяніе факта и недостатокъ обработки. Перечни именъ и цифръ безъ обобщеній и выводовъ придаютъ изложенію автора видъ сухаго сборника фактовъ, часто не представляющихъ ничего новаго въ сравненіи съ прежде изложенными. Даже и тамъ, гдѣ сочинитель стоитъ въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, гдѣ на помощь ему приходятъ чужія изслѣдованія, — и тамъ онъ какъ бы боится обобщеній, не подводитъ итога своимъ черновымъ работамъ и подавляетъ читателя массою приводимыхъ фактовъ. Это должно сказать о второмъ отдѣлѣ агіологіи, гдѣ авторъ разбираетъ восточные мѣсяцесловы при евангеліяхъ и апостолахъ, объ отдѣлѣ житій святыхъ и о святцахъ. Но съ другой стороны, это неутомимое наблюденіе за фактомъ, эта кропотливая работа надъ массою именъ и цифръ, это богатство хронологическихъ указаній и мелкихъ историческихъ частныхъ, множество цитатъ и справокъ, придаютъ труду о. Сергія высокую цѣну и научное достоинство, потому что основаніемъ для всякаго ученаго труда служатъ именно эти фактическія данныя, и чѣмъ строже и тверже по-

ставлена фактическая сторона предмета, чѣмъ больше матеріала взято въ разсмотрѣніе, тѣмъ тверже бываетъ и самый выводъ ученаго. Но совмѣстить достоинство серьезнаго вывода съ первоначальною червовой работой удастся не всѣмъ, и авторъ не былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ общее значеніе и характеръ книги о. Сергія, рецензентъ входитъ затѣмъ въ ближайшее разсмотрѣніе каждаго изъ ея отдѣловъ, при чемъ указываетъ на встрѣчающіеся въ нихъ недостатки и промахи, мѣстами оспариваетъ выводы автора, дополняетъ сдѣланные имъ пропуски и обнаруживаетъ, гдѣ слѣдуетъ, недостатокъ обработки и обобщенія сыраго матеріала.

Въ заключеніе онъ, однако, признаетъ, что эти отрицательныя черты сглаживаются и блѣднѣютъ въ виду широкой задачи, поставленной авторомъ, и съ счастливаго выполненія, потребовавашаго обширныхъ, нелегко добываемыхъ пособій и такого настойчиваго научнаго усердія со стороны отца Сергія, такого долгаго и упорнаго труда, на какіе способны немногіе.

VII.

Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки, архимандрита *Амфилогія* съ приложеніемъ снимковъ. Москва. 1876.

Рецензія этого сочиненія была составлена академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Библіотека Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, созданіе патріарха Никона, составляетъ одно изъ древнѣйшихъ нашихъ книгохранилицъ, замѣчательное по богатству и важности собранныхъ въ немъ письменныхъ памятниковъ. Ученые обратили на нее вниманіе въ то время, когда стали заниматься изученіемъ вообще монастырскихъ бібліотекъ, съ цѣлью отысканія рукописей, важныхъ для исторіи. Впослѣдствіи этою бібліотекою занимались К. Ѡ. Калайдовичъ и П. М. Строевъ. Кромѣ того, новоіерусалимскія рукописи были разсматриваемы и нѣкоторыми другими изслѣдователями, посѣщавшими монастырь. Не смотря на все это, Воскресенская бібліотека, въ полномъ своемъ составѣ, оставалась неизвѣстною до тѣхъ поръ, пока не познакомилъ съ нею ученыхъ отецъ архимандритъ Амфилогій. Все достояніе бібліотеки, хранившееся долгое время безъ тщательнаго призора, было приведено въ порядокъ заботами отца архимандрита въ бытность его настоятелемъ Воскресенскаго монастыря. Но ограничиваясь этимъ, онъ сообщилъ въ *Извѣстіяхъ* Отдѣленія

Русскаго языка и словесности свѣдѣнія объ отдѣльныхъ воскресенскихъ рукописяхъ и между прочимъ особенно подробныя замѣчанія о спискѣ Антиоховыхъ Пандектовъ; затѣмъ онъ воспользовался нѣкоторыми изъ этихъ рукописей для своихъ работъ относительно памятниковъ древняго нашего языка и письменности, и наконецъ, издалъ отдѣльнымъ сочиненіемъ подробное описаніе всѣхъ 242 рукописей и 135 старопечатныхъ книгъ Новоіерусалимской библіотеки.

Представивъ общій обзоръ этого сочиненія, рецензентъ признаетъ, что оно удовлетворяетъ своей задачѣ, знакомя читателя со всѣмъ богатствомъ означенной библіотеки и останавливая вниманіе на нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностяхъ. Этими подробностями трудъ отца Амфилохія отличается, по отзыву г. Срезневскаго, отъ описаній, составленныхъ Калайдовичемъ и Строевымъ. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что они касаются не всѣхъ памятниковъ, которые того заслуживаютъ. Равнымъ образомъ, рецензентъ сожалѣетъ, что авторъ не помѣстилъ въ своей книгѣ указаній на то, что сдѣлано и издано относительно воскресенскихъ памятниковъ имъ самимъ и что — его предшественниками.

Достоинство книги отца Амфилохія увеличивается большимъ, приложеннымъ при ней, сборникомъ снимковъ почти со всѣхъ замѣчательныхъ памятниковъ библіотеки. Въ этомъ отношеніи, трудъ отца Амфилохія — рѣдкое явленіе въ нашей литературѣ. Представленія здѣсь палеографическія наблюденія автора важны, какъ по подробностямъ, въ нихъ заключающимся, такъ и потому, что обнимаютъ довольно большое пространство времени и даютъ немало новыхъ указаній.

Въ заключеніе г. Срезневскій отзывается о разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи, какъ о воистинѣ достойномъ Уваровской награды, тѣмъ болѣе, что его авторъ принадлежитъ къ небольшому у насъ числу изслѣдователей древнихъ письменныхъ памятниковъ, а по своей неутомимости занимаетъ, безспорно, первое мѣсто.

VIII.

Иванъ Посошковъ. Часть I. Посошковъ, какъ экономистъ. Сочиненіе *А. Брикера*. С.-Петербургъ. 1876.

Коммиссія передавала это сочиненіе, для ближайшаго разсмотрѣнія, академику В. П. Безобразову, который, въ составленной имъ рецензій, называетъ этотъ трудъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу, тѣмъ болѣе важнымъ и полезнымъ, что сочи-

неніе дочтеннаго Дерптскаго профессора относится къ наименѣе разработанной области исторіи Россіи. Задачей автора было характеризовать личность Посошкова, его общественную дѣятельность и литературные труды по отношенію къ русской жизни его времени и къ движенію просвѣщенія въ западной Европѣ. Исполненіе этой задачи представлялось заманчивымъ уже потому, что личность Посошкова весьма вынукло выдается въ величайшую эпоху нашей исторіи—предъ реформами Петра Великаго и во все время его царствованія, а между тѣмъ она была мало выиспана, не смотря на труды Погодина, который говоритъ о Посошковѣ, имѣя открытымъ, исключительно подъ влияніемъ восхищенія къ своему открытію. Но книга г. Брикнера переходитъ далеко за предѣлы этой прямой задачи; спеціальная тема автора послужила ему только исходною точкою для гораздо болѣе обширнаго изслѣдованія, а именно для начертанія картины экономическаго и финансоваго быта Россіи за цѣлый, самый интересный вѣкъ ея исторіи. Всѣ главнѣйшія отрасли народнаго хозяйства: земледѣліе, промышленность, торговля, характеристическія черты государственныхъ финансовъ XVII и XVIII столѣтій, и сверхъ того, общій экономическій строй русскаго общества, экономическія условія каждаго быта сословія и ихъ взаимныя отношенія рассмотрѣны авторомъ съ такою подробностью, что теперь, благодаря его книгѣ, мы имѣемъ общій систематическій обзоръ важнѣйшихъ хозяйственныхъ и финансовыхъ явленій въ жизни нашего народа въ эпоху перехода его отъ средневѣковой къ новѣйшей исторіи. Эти явленія описаны г. Брикнеромъ параллельно съ разборомъ сочиненій Посошкова. Для своего труда авторъ воспользовался существующими уже историческими работами, русскими и иностранными, а также изданными первоначальными источниками, каковы наши законодательные акты и записки иностранцевъ XVII и XVIII столѣтій.

Что касается до спеціальной темы сочиненія, то г. Брикнеръ представилъ подробное жизнеописаніе Посошкова, полную характеристику его какъ человѣка, общественнаго дѣятеля и писателя, критическій очеркъ всѣхъ его сочиненій и анализъ его экономическихъ взглядовъ. Въ этомъ отношеніи рецензентъ считаетъ трудъ г. Брикнера окончательнымъ, такъ что едва ли какіе-нибудь новые историческіе матеріалы и открытія еще больше разъяснятъ личность Посошкова, какъ мыслителя, и значеніе его общественной и литературной дѣятельности. Г. Безобразовъ полагаетъ, что благодаря г. Брикнеру, уже не будутъ болѣе возможны разныя гадательныя сужденія, встрѣ-

чавшіяся до сего времени о Посошковѣ и о его ученыхъ и государственныхъ трудахъ, хотя и нельзя согласиться со всеми мнѣніями автора объ этой личности. Г. Брикнеръ, какъ это часто случается, увлекся своимъ предметомъ и преувеличилъ глубину экономическихъ воззрѣній Посошкова; при всемъ томъ, это увлеченіе не вредитъ научнымъ достоинствамъ сочиненія, потому что авторъ съ крайнею добросовѣстностью не только излагаетъ и разбираетъ противоположныя ему мнѣнія, но и безпристрастно указываетъ на факты, основываясь на которыхъ, можно оспаривать его собственные мнѣнія и выводить заключенія, не согласныя съ его взглядомъ на Посошкова. Бѣльскаго требовать отъ ученаго труда рецензентъ не считаетъ возможнымъ, признавая, что увлеченія автора не могутъ быть поставлены ему въ укоръ, когда они не вредятъ точности его изслѣдованій и не искажаютъ выводовъ, къ которымъ приходитъ самъ читатель.

IX.

Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія. Сочиненіе *Н. Житецкаго*. Кіевъ. 1876.

Подробный разборъ этого сочиненія былъ, по приглашенію комиссіи, составленъ профессоромъ Харьковскаго университета А. А. Потебней, на мнѣніи котораго Академія основала свой приговоръ объ изслѣдованіи г. Житецкаго въ томъ соображеніи, что г. Потебня не только самъ занимался предметомъ этого изслѣдованія, но и отчасти подалъ поводъ къ появленію въ свѣтъ этого труда. Послѣ болѣе или менѣе ученыхъ опытовъ объяснить сущность малорусскаго нарѣчія, г. Потебня занимался разрѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ относительно звуковыхъ особенностей этого нарѣчія, стараясь объяснить ихъ помощію исторіи языка и сравненіемъ съ другими славянскими нарѣчіями. Его изысканія по этой части заключаются въ статьѣ о звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій (1866 г.) и въ замѣткѣ о малорусскомъ нарѣчіи (1871 г.). На основаніи этихъ отличныхъ трудовъ, а также и другихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій о наукѣ языка, г. Житецкій составилъ свой „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, съ цѣлью изложить звуковую исторію этого нарѣчія на основаніи живыхъ современныхъ говоровъ и памятниковъ русской письменности съ XI вѣка до XVII включительно, и провести, въ области звуковъ, возможно точныя границы между нарѣчіемъ малорусскимъ и языками церковно-славянскимъ и древне-русскимъ, касаясь тутъ же и нарѣчія великорусскаго. При этомъ онъ задался миссью

о необходимости изучить звуковую сторону малорусскаго нарѣчія въ исторической преемственности звуковыхъ явленій. Хотя авторъ намѣревался идти путемъ не сравнительнымъ, а историческимъ, однако, какъ это можно заключить изъ словъ г. Потебни, отношенія способа сравнительнаго къ историческому были ему не совсемъ ясны. Подвергнувъ сперва въ 1-й главѣ цѣль и приемы г. Житецкаго и во 2-й вопросъ о „п्राязыкѣ“ русскомъ довольно строгому разбору, рецензентъ обращается къ отдѣльнымъ вопросамъ, а именно—разматриваетъ въ 3-й главѣ малорусское *i* вмѣсто *ь*, въ 4-й малорусское *i* изъ основныхъ *o*, *e*, въ 5-й звукъ *ы* въ малорусскомъ нарѣчіи, въ 6-й *ъ* и *ь* въ начальной исторіи русскаго языка и количественныя черты малорусскихъ согласныхъ, а въ 7-й качественныя черты малорусскихъ согласныхъ. По мнѣнію ученаго критика, г. Житецкій не владѣлъ достаточнымъ матеріаломъ длѣ всѣхъ говоровъ малорусскаго нарѣчія, и потому ему часто приходилось обращаться къ разнымъ догадкамъ и комбинаціямъ, а это находится въ прямомъ противорѣчіи съ его увѣреніемъ, что онъ держится чисто-историческаго метода. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя новѣйшія сочиненія о наукѣ языка, и особенно лекціи Макса Мюллера, не остались безъ вреднаго вліянія на автора. Кромѣ того, онъ не довольно знакомъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, а потому не оцѣнилъ всей важности этого языка въ отношеніи къ малорусскому нарѣчію. Тѣмъ не менѣе стремленіе г. Житецкаго дѣлать выводы на основаніи существующихъ фактовъ заслуживаетъ всякой похвалы, и нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ замѣчаетъ, что одностороннія обобщенія, какъ бы они ни были несостоятельны, имѣютъ бесспорно то хорошее качество, что пробуждаютъ мысль къ открытію новыхъ путей, а эти послѣдніе приведутъ къ новымъ, болѣе широкимъ и вѣрнымъ обобщеніямъ. Такъ какъ авторъ отличается краснорѣчивымъ и живымъ изложеніемъ предмета, то можно надѣяться, что сочиненіе его найдетъ себѣ многихъ читателей, и между прочимъ такихъ, которые посвятятъ себя дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области исторіи русскаго языка, въ которой труду г. Житецкаго принадлежитъ почетное мѣсто.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія сочла долгомъ выразить свою признательность гг. постороннимъ критикамъ за содѣйствіе, которое они ей оказали чрезъ составленіе разборовъ конкурсныхъ сочиненій; пятерымъ же изъ нихъ, а именно Н. Ѡ. Дубровину, А. А. Потебнѣ, И. Д. Мансветову, Ѡ. Я. Фортинскому и Е. Е. Замысловскому она назначила золотыя Уваровскія медали.

ЭКСПЕДИЦІЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБЪ-НОРЪ.

Географическое изученіе внутренней Азии сдѣлало, въ послѣдніа десятилѣтія, чрезвычайные успѣхи, въ ряду которыхъ не малая доля принадлежитъ русскимъ путешественникамъ. Ихъ неутомимости и любознательности наука по преимуществу обязана этимъ огромнымъ развитіемъ свѣдѣній о значительной части Восточнаго Туркестана и Монголіи. Въ числѣ русскихъ дѣятелей по изученію Средней Азии имя подполковника генеральнаго штаба Н. М. Пржевальскаго занимаетъ видное мѣсто. Кромѣ путешествія въ Южно-Уссурійскій край, имъ исполнена въ теченіе трехъ лѣтъ (1870 — 1872 гг.) огромная экспедиція въ южную и юго-западную Монголію, на пространствахъ отъ Далай-нора до верхнихъ частей Янъ-цзе-кьяна, результатами которой были: глазомѣрная съемка на пространствахъ 5,300 верстъ; опредѣленіе широты 18 точекъ, которое повело къ перенесенію нѣкоторыхъ мѣстностей на картахъ на цѣлый градусъ по меридіану; девять наблюденій магнитнаго склоненія и семь пунктовъ горизонтальнаго напряженія въ странѣ, для которой подобныхъ данныхъ совсѣмъ не было; опредѣленіе 146 пунктовъ гипсометрически, съ точностью, дающею возможность судить о рельефѣ страны и ея абсолютномъ возвышеніи надъ уровнемъ моря; метеорологическія наблюденія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они до сихъ поръ не были производимы; измѣреніе температуры во множествѣ водоемовъ на пройденномъ пути; собраніе любопытныхъ этнографическихъ свѣдѣній о Монголахъ, Тангутахъ, Дунганахъ и Далдахъ, и наконецъ, собраніе обширныхъ коллекцій зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ.

Не успѣло еще кончиться предпринятое Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ изданіе подробнаго описанія этого путешествія ¹⁾, какъ г. Пржевальскій отправился въ новую экспедицію — въ западную часть средне-азиатской пустыни. При этомъ онъ началъ свое изслѣдованіе съ восточнаго Тянь-Шаня, отъ Кульджи и Хами, и предположилъ распространить ихъ чрезъ бассейнъ озера Лобь-Норъ въ Тибетъ до Гималая. Въ недавнее время полученъ въ С.-Петербургѣ отчетъ г. Пржевальскаго объ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ этого путешествія, о поѣздкѣ его изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобь-Норъ. Хотя неутомимому путешественнику и пришлось убѣдиться въ невозможности проникнуть въ Тибетъ этимъ путемъ, тѣмъ не менѣе самое описаніе его странствованій въ неизвѣстной мѣстности бассейна Лобь-Нора представляетъ большой въ географическомъ отношеніи интересъ. А потому небольшое извлечение изъ этого, еще неизданнаго въ свѣтъ, отчета не будетъ лишнимъ.

Утромъ 12-го августа 1876 года г. Пржевальскій и его спутники выступили изъ Кульджи, нанутствуемые добрыми пожеланіями соотечественниковъ, проживающихъ въ названномъ городѣ. Путь лежалъ первоначально вверхъ почти по самому берегу р. Или, долина которой здѣсь густо заселена Тарапчанами. Всюду видно, что населеніе живетъ зажиточно. Магометанская инсurreкція не коснулась своимъ разрушительнымъ потокомъ этой части Илиской долины. Красивыя, чистыя деревни съ садами и высокими серебристыми тополями слѣдуютъ чуть не сплошь одна за другою. Въ промежуткахъ раскинуты хлѣбныя поля, орошаемыя многочисленными арыками, а на лугахъ, по берегу самой Или, пасутся большія стада барановъ, рогатаго скота и лошадей.

Слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Или, экспедиція достигла до мѣста слиянія рѣкъ Кунгеса и Текеса, образующихъ рѣку Или. За Текесомъ путь ея лежалъ, все въ томъ же восточномъ направленіи, долиною нижняго Кунгеса, которая ничѣмъ особенно не отличается отъ верхне-илиской; только здѣсь въ большемъ обиліи встрѣчается ковыль. Крайнія горы, какъ и прежде, имѣютъ луговой характеръ и вовсе лишены лѣсной растительности. Такъ до рѣки Цанмы, лѣваго притока

¹⁾ Понимъ изданы два тома этого путешествія, подъ заглавіемъ: «Монголія и страна Тангутъ»; въ первомъ томѣ содержится общее описаніе путешествія и наблюденія г. Пржевальскаго надъ жителями Восточной Монголіи; во II томѣ разработаны данныя о климатѣ ея, собранныя во время путешествія.

Кунгеса. Здѣсь же, то-есть, на Цанмѣ, видѣются послѣднія пашни и кочевья Тургоутовъ. Далѣе, вплоть до выхода въ Карашарскую долину, путешественники вовсе не встрѣчали жителей. Отъ рѣки Цанмы, вмѣстѣ съ увеличеніемъ абсолютной высоты мѣстности ¹⁾, долина Кунгеса измѣняетъ свой характеръ: дѣлается уже и гораздо плодороднѣе. Въ замѣнъ прежней тощей растительности волнистая степь покрывается превосходною разнообразною травкою, которая съ каждымъ десяткомъ верстъ становится выше и гуще. Окрайнія горы также принимаютъ болѣе суровыя формы, и на нихъ появляются еловые лѣса, нижній предѣлъ которыхъ обозначаетъ собою поясъ лѣтнихъ дождей. По лѣснымъ дугамъ, а также по скатамъ сосѣднихъ горъ, вездѣ заросли густѣйшій, переплетенныя вьюнкомъ и павиликою, травы, часто въ сажень вышиною. Лѣтомъ въ подобной гущинѣ почти невозможно пробраться.

На рѣкѣ Кунгесѣ экспедиція рѣшилась остановиться на нѣсколько дней. Она выбрала для своей стоянки то именно мѣсто, гдѣ въ 1874 году стоялъ нѣсколько мѣсяцевъ постъ изъ одной казачьей сотни, и гдѣ еще остались цѣлы сарай, кухня и баня. Въ теченіе этой стоянки путешественники занялись охотой и ботаническими поисками весьма успѣшно.

Затѣмъ экспедиція направилась вверхъ по Кунгесу и далѣе по рѣкѣ Цанмѣ до самаго ея истока, и такимъ образомъ, придвинулась къ подножію хребта Нарата, составляющаго, вмѣстѣ съ своими западными продолженіями ²⁾, сѣверную ограду обширнаго и высокаго плато, помѣщеннаго въ самомъ сердцѣ Тянь-Шаня и извѣстнаго подъ именемъ Юлдуса.

Хребетъ Наратъ хотя и не достигаетъ предѣла вѣчнаго снѣга, но тѣмъ не менѣе имѣетъ самый дикій, вполне альпійскій характеръ. Вершины отдѣльныхъ горъ и ихъ крутые боковые скаты, въ особенности близъ гребня хребта, вездѣ изборожжены голыми, отвѣсными скалами, образующими узкія и мрачныя ущелья. Немного пониже разстилаются альпійскіе дуга, а еще ниже, на сѣверномъ склонѣ горъ, разбросаны островами еловые лѣса; южный же склонъ Нарата безлѣсенъ.

¹⁾ Абсолютная высота Кульджи около 2,000 футовъ.

²⁾ Западными продолженіями Нарата служатъ (въ послѣдовательномъ порядкѣ) хребты: Дагаты, Харя-воръ, Куку-суитъ, Джамби-дабанъ. Три послѣдніе, какъ говорятъ, вѣчно снѣговые.

Спустившись съ Нарата, путешественники очутились на Юлдусѣ. Имя это въ переводѣ означаетъ „звѣзда“ и дано описываемому плато, быть можетъ, вслѣдствіе его высокаго положенія въ горахъ. Отчасти такое названіе могло произойти и потому, что Юлдусъ представляетъ обѣтованную страну для кочевниковъ въ отношеніи скотоводства. Здѣсь вездѣ превосходная пастбища; притомъ же лѣтомъ нѣтъ мошекъ и комаровъ. „Мѣсто прекрасное, прохладное, кормное; только бы жить господамъ да скотинѣ“, говорили еще ранѣе путешественникамъ Тургоуты, рассказывая про Юлдусъ.

Самъ Юлдусъ состоитъ изъ двухъ частей: Большаго Юлдуса, занимающаго болѣе обширную западную половину всей котловины, и Малаго, помѣщеннаго въ ея меньшей восточной части. Въ общемъ какъ тотъ, такъ и другой Юлдусъ имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ; разница лишь въ величинѣ. Малый Юлдусъ, весь пройденный вдоль экспедиціей, представляетъ собою степную равнину, протянувшуюся на 135 верстѣ по долготѣ и расширенную по срединѣ верстѣ тридцать. Абсолютная высота Малаго Юлдуса, по приблизительному вычисленію, простирается отъ 7500 до 8500 тысячъ футовъ.

Какъ разъ серединою Малаго Юлдуса, во всю его длину, протекаетъ порядочная рѣчка Бага-Юлдусъ-голь, впадающая въ Хайдуголь, который проходитъ по Большому Юлдусу и затѣмъ несетъ свои воды въ озеро Багарашъ¹⁾. Самыя низкія части Малаго Юлдуса лежатъ по нижнему теченію Бага-Юлдусъ-гола; на верховьяхъ этой рѣчки и ближе къ крайнимъ горамъ мѣстность выше.

На Юлдусѣ экспедиція провела около трехъ недѣль, занимаясь, главнымъ образомъ, охотою на звѣрей. Послѣднихъ было добыто болѣе десятка прекрасныхъ экземпляровъ для коллекціи, въ томъ числѣ два самца *Ovis Poli*. Этотъ великолѣпный баранъ, свойственный исключительно высокимъ нагорьямъ Средней Азии, встрѣчается на Юлдусѣ часто, иногда стадами отъ 30—40 головъ.

Вдоволь поохотившись на Юлдусѣ, путешественники направились въ долину Хайду-гола черезъ южный склопъ Тянь-Шаня. Подъемъ на перевалъ со стороны Юлдуса чрезвычайно пологій, даже едва замѣтный, хотя абсолютная высота этого перевала 9,300 футовъ. За то спускъ крайне труденъ. Едва замѣтная тропинка идетъ здѣсь, на протяженіи 40 верстѣ, ущельемъ р. Хабцагай-гола, а затѣмъ 22 версты по Балгактай-голу. Оба ущелья чрезвычайно узки (мѣстами не

¹⁾ Бостанъ-норъ на картахъ. Калмыки называютъ это озеро Тенгызъ-норъ.

болѣе 60 сажень), дно ихъ усыпано осколками камней и валунами, бока же обставлены громаднѣйшими отвѣсными скалами.

На Хайду-голѣ путешественники остановились въ урочищѣ Хара-мото, гдѣ встрѣтили первыхъ жителей Тургоутовъ, которые приняли ихъ радушно. Между тѣмъ быстро разнесшійся слухъ о приближеніи Русскихъ всполошилъ все ближайшее мусульманское населеніе. Увѣрили, что идетъ русское войско, и что на Хайду-голѣ появился уже передовой отрядъ. Подобному слуху еще болѣе повѣрили, когда съ перваго же дня прихода начали раздаваться выстрѣлы путешественниковъ по фазанамъ и другимъ птицамъ. Мусульмане, живущіе по Хайду-голу, недалеко отъ Хара-мото, до того струсились, что побросали свои дома и убѣжали въ Карашаръ.

На третій день прихода путешественниковъ въ Хара-мото къ нимъ явились шесть человѣкъ мусульманъ, посланныхъ правителемъ города Корлы (въ 50 в. на юго-востокъ отъ Карашара)—Токсобаемъ—узнать о цѣли ихъ прихода. Г. Пржевальскій объяснилъ, что идетъ на Лобъ-Норъ, и что про его путешествіе хорошо извѣстно Якубъ-беку¹⁾. Съ такими вѣстями посланцы отправились обратно въ Корлы, но на противоположной сторонѣ Хайду-гола былъ поставленъ небольшой пикетъ для наблюденія за путешественниками. На слѣдующій день къ нимъ опять явились тѣ же посланцы и объявили, что Токсабай отправилъ гонца къ владѣтелю Восточнаго Туркестана, нынѣ уже умершему, Якубъ-беку, находившемуся тогда въ г. Токсумѣ, недалеко отъ Турфана, и что до полученія отвѣта нельзя идти далѣе.

Простоявъ семь дней въ Хара-мото, путешественники получили наконецъ разрѣшеніе идти въ городъ Корла (но не въ Карашаръ), черезъ который лежитъ путь на Лобъ-Норъ. Отъ Хара-мото до Корлы 62 версты. Они прошли это разстояніе въ три дня, сопровождаемые тѣми же людьми, которые прѣзжали къ нимъ въ первый разъ. Дорогою на каждой стоянкѣ путешественникамъ приводили барана и приносили фруктовъ. Прежде чѣмъ достигнуть Корлы, необходимо пройти черезъ послѣдній отрогъ Тянь-Шаня ущельемъ, по которому стремится рѣка Конче-дарья, вытекающая изъ Багараша въ Таримъ. Это ущелье имѣетъ верстъ десять длины и чрезвычайно узко. При входѣ

¹⁾ Ранѣе выступленія экспедиціи изъ Кульджи, Якубъ-бекъ уведомилъ письменно Туркестанскаго генералъ-губернатора, въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго, что Русскіе, идущіе на Лобъ-Норъ, встрѣтятъ гостепріимство въ предѣлахъ Джигышара.

и выходѣ устроены изъ глины два укрѣпленія, въ которыхъ стоятъ небольшіе караулы.

Лишь только путешественники пришли въ Корлу и помѣстились въ отведенномъ внѣ города домѣ, какъ къ нимъ былъ приставленъ караулъ подѣ предлогомъ охраненія, а въ сущности для того, чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Въ то же время и путешественниковъ не пускали въ городъ. „Вы — наши гости дорогіе“, говорили имъ, — вамъ не слѣдуетъ беспокоиться, все что нужно будетъ вамъ доставлено“. Имъ каждый день доставляли барана, хлѣбъ и фрукты; но этимъ да сладкими рѣчами и ограничивалось гостепримство. Все что только интересовало ихъ, что составляло прямую задачу ихъ изслѣдованій, было для путешественниковъ закрыто. Они не знали ни о чемъ далѣе воротъ своего двора. На всѣ вопросы, относительно, на примѣръ, города Корлы, числа здѣшнихъ жителей, ихъ торговли, характера окрестной страны и пр. они получали самые уклончивые отвѣты или явную ложь. Такъ было во все время шестимѣсячнаго пребыванія экспедиціи во владѣніяхъ Якубъ-бека, или какъ называли его подданные, Бадуалета (счастливецъ). Только впоследствии, на Таримѣ и Лобъ-Норѣ, путешественникамъ удавалось изрѣдка, тихомолкомъ, вывѣдать кой-что у мѣстныхъ жителей, которые были вообще къ нимъ расположены, но боялись явно выказывать такое расположеніе. Отъ Таримцевъ же путешественники узнали, что въ Корлы, съ окрестными деревнями, считается до шести тысячъ жителей обоюга пола. Самый городъ состоитъ изъ двухъ частей, обнесенныхъ глиняными стѣнами: стараго, населеннаго торговцами, и новой крѣпости, въ которой живутъ только войска. Послѣднихъ во время посѣщенія Корлы членами экспедиціи было очень мало: всѣ ушли въ г. Токсумъ, гдѣ Якубъ-бекъ, подѣ личнымъ своимъ надзоромъ, возводилъ укрѣпленія противъ Китайцевъ.

На другой день по прибытіи въ Корлу, къ г. Пржевальскому явился одинъ изъ приближенныхъ Бадуалета, ибкій Заманъ-бекъ, бывший русскій подданный, выходецъ изъ города Нухи въ Закавказьи, и сколько кажется, Армянинъ по происхожденію. Этотъ Заманъ-бекъ, состоявшій ибкогда даже въ русской службѣ, отлично говорилъ по русски и съ первыхъ словъ объявилъ, что присланъ Бадуалетомъ соупутствовать экспедиціи на Лобъ-Норъ. Очевидно было, что Заманъ-бекъ посылается для наблюденія за экспедиціей, и что присутствіе официальнаго лица будетъ не облегченіемъ, но помѣхою

для ея изслѣдованій. Такъ и случилось впоследствии. Впрочемъ Заманъ-бекъ лично былъ весьма расположенъ къ Русскимъ, и на сколько было возможно, оказывалъ имъ услуги. „Глубокою благодарностию обязанъ я“, говоритъ г. Пржевальскій, — „за это почтенному беку. Съ нимъ на Лобъ-Норѣ намъ было гораздо лучше, нежели съ кѣмъ-либо изъ другихъ довѣренныхъ Якубъ-бека — конечно, на столько, на сколько можетъ быть лучше въ дурномъ вообще“.

4-го ноября экспедиція выступила изъ Корлы въ направленіи къ Лобъ-Нору. Кромѣ людей ея каравана, съ Заманъ-бекомъ ѣхалъ еще какой-то хаджи и нѣсколько человѣкъ прислуги. Съ перваго шага эти спутники г. Пржевальскаго заявили себя самымъ непривлекательнымъ образомъ. Чтобы не показывать города, Русскихъ повели отъ квартиры окольнымъ путемъ, по полямъ, и не стыдились увѣрить, что лучшей дороги нѣтъ. Пришлось по неволѣ прикидываться незнайкой, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и много разъ впоследствии. Про самую пустую вещь путешественники не могли ничего точно узнать, не видя ея собственными глазами. Ихъ подозрѣвали и обманывали на каждомъ шагу. Мѣстному населенію запрещено было даже говорить съ ними. Выходило, что экспедиція шла подъ конвоемъ; ея спутники были шпионы — не болѣе. Заманъ-бекъ часто видимо тяготился подобнымъ положеніемъ, но не могъ, конечно, измѣнить своего поведенія относительно Русскихъ. Впоследствии на Лобъ-Норѣ, когда къ нимъ уже присмотрѣлись, прежняя подозрительность немного исчезла, но сначала полицейскій надзоръ былъ самый строгій. Даже каждую недѣлю являлся гонецъ отъ Баджалета или Токсабая „узнать о здорьевѣ Русскихъ“, какъ наивно сообщалъ Заманъ-бекъ.

Вѣроятно, для того, чтобы заставить путешественниковъ отказаться отъ дальнѣйшаго странствованія, ихъ повели къ Тариму самую трудную дорогою, идя которою пришлось переправляться вилавъ черезъ двѣ довольно большія и глубокія рѣчки — Конче-дарья и Инчике-Дарья. Избравъ этотъ путь, вѣроятно, хотѣли запугать Русскихъ трудностію переправы вилавъ, при морозахъ, достигавшихъ —16,7 Ц. на восходѣ солнца.

Переходъ отъ Корлы до береговъ Тарима, на разстояніи 86 верстъ, г. Пржевальскій посвятилъ, между прочимъ, на собраніе свѣдѣній касательно бассейна средняго теченія Тарима и на изученіе жителей этой страны. Послѣ переправы черезъ рѣки Конче и Инчике, экспедиція вышла на Таримъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ Угенъ-дарья, а отсюда, сдѣлавъ еще переходъ, добралась до деревни

Ахтармы, самаго большаго изъ всѣхъ таримскихъ и лобъ-норскихъ селеній. Здѣсь имѣеть мѣстопребываніе управитель Тарима — нѣкій Аэлямъ-ахунъ. Не смотри на свой громкій титулъ, который, какъ переводилъ Русскимъ Заманъ-бекъ, — означаетъ „наученѣйшій человекъ“, этотъ ахунъ совершенно безграмотенъ.

Въ Ахтармѣ, гдѣ путешественники простояли восемь дней, было сдѣлано астрономическое наблюденіе долготы и широты, а барометромъ была измѣрена абсолютная высота. Последняя достигаетъ 2,500 фут. Озеро Лобъ-Норъ поднимается надъ уровнемъ моря на 2,200 фут. такъ что нижній Таримъ имѣеть сравнительно небольшой наклонъ, Тѣмъ не менѣе теченіе въ этой рѣкѣ весьма быстрое; оно достигаетъ, при среднемъ уровнѣ воды, около 180 футовъ въ минуту.

Изъ Ахтармы путь экспедиціи лежалъ внизъ по Тариму. То удаляясь отъ берега, то приближаясь къ нему, экспедиція прошла по Тариму около 190 верстъ до слиянія его съ рукавомъ Кокъ-ала-дарья; здѣсь выстроены глиняный фортъ. Отсюда путешественники направились не на Лобъ-Норъ, до котораго было уже недалеко, а прямо на югъ въ деревню Чархалыкъ, основанную лѣтъ тридцать тому назадъ ссыльными, а частію добровольными переселенцами изъ Хотана. Въ настоящее время эта деревня состоитъ изъ 21 двора и глинянаго форта въ которомъ помѣщаются ссыльные. Они обязаны заниматься хлѣбопашествомъ на пользу казны; прочіе же жители сѣютъ для себя. Вода для орошенія полей получается изъ рѣки Чархалыкъ-дарья; вытекающей изъ соседнихъ горъ. Эти горы стоятъ на южной сторонѣ Лобъ-Нора, достигаютъ громадныхъ размѣровъ и извѣстны подъ именемъ хребта Алтынъ-тагъ.

Верстахъ въ трехстахъ къ юго-западу отъ Чархалыка, на рѣкѣ Черченъ-дарья, лежитъ небольшой городъ Черченъ, правитель котораго вѣдаетъ и Чархалыкомъ. Отъ Черчена далѣе къ юго-западу десять дней пути до большаго оазиса Ная (900 дворовъ), откуда черезъ три дня прѣзжаютъ въ городъ Керію, имѣющій, какъ сообщали путешественникамъ, до трехъ тысячъ домовъ. Изъ Керіи, черезъ городъ Чжиру, путь лежитъ въ Хотанъ. Последній, равно какъ Керія и Черченъ, находится въ зависимости отъ Якубъ-бека Кашгарскаго. Въ одномъ днѣ пути отъ Керію въ горахъ добываютъ золото. Золотые рудники находятся также въ пяти переходахъ отъ Черчена, въ верховьяхъ Черченъ-дарьи. Здѣсь, какъ говорили Русскимъ, ежегодно добываютъ около шестидесяти пудовъ золота, поступающаго въ казну Якубъ-бека.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ Чархалыкъ, видны развалины глиняныхъ стѣнъ стариннаго города, который путешественникамъ называли Оттогушъ-шари. Эти развалины имѣютъ около трехъ верстѣ въ окружности; впереди главной стѣны были выстроены сторожевыя башни. Кромѣ того, въ двухъ дняхъ пути отъ Чархалыка къ Черчену лежатъ развалины другаго города—Гасъ-шари. Наконецъ, близъ Лобъ-Нора путешественники нашли остатки третьяго города, весьма обширнаго. Это мѣсто зовется просто Коне-шари, то-есть, старый городъ. Отъ мѣстныхъ жителей путешественники не могли однако узнать никакихъ преданій о всѣхъ этихъ древностяхъ.

Отдохнувъ недѣлю въ Чархалыкѣ, г. Пржевальскій оставилъ здѣсь большую часть своего багажа и при немъ трехъ казаковъ, съ остальными же тремя и помощникомъ своимъ Ф. Л. Эглономъ отправился на другой день Рождества въ горы Алтынъ-тагъ на охоту за дикими верблюдами, которые, по единогласному увѣренію Лобъ-норцевъ, водятся въ вышеазванныхъ горахъ и пустыняхъ къ востоку отъ Лобъ-Нора. Заманъ-бекъ съ своими спутниками также остался въ Чархалыкѣ.

Хребетъ этотъ начинаетъ виднѣться еще отъ переправы Айрылганъ, то-есть, верстѣ за полтораста, сначала узкою, неясною полоскою, чуть замѣтною на горизонтѣ. Послѣ утомительнаго однообразія долины Тарима и прилегающей къ нему пустыни, путникъ съ отрадою смотритъ на горный кряжъ, который съ каждымъ переходомъ дѣлается все болѣе и болѣе яснымъ. Можно уже различать не только отдѣльныя вершины, но и главныя ущелья. Опытный глазъ видитъ издали, что горы не маленькихъ размѣровъ, и не ошибается. „Когда мы пришли въ д. Чархалыкъ“, сообщаетъ г. Пржевальскій, — „то Алтынъ-тагъ явился передъ нами громадною стѣною, которая далѣе къ юго-западу высилась еще болѣе и переходила за предѣлы вѣчнаго снѣга. Намъ удалось изслѣдовать описываемыя горы, то-есть, собственно ихъ сѣверный склонъ, на протяженіи около 300 верстѣ, считая къ востоку отъ Чархалыка. На всемъ этомъ пространствѣ Алтынъ-тагъ служитъ окраиною высокаго плато къ сторонѣ болѣе низкой Лобъ-норской пустыни. Хотя намъ и не удалось, по причинѣ глубокой зимы и недостатка времени, перейти за Алтынъ-тагъ и измѣрить абсолютную высоту мѣстности на южной сторонѣ этихъ горъ, но несомнѣнно, что тамъ разстилается высокое плато, поднятое надъ уровнемъ моря не менѣе 12 или 13 тысячъ футовъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно предполагать, судя по огромной абсолютной

высотѣ долины передовыхъ уступовъ Алтынъ-тага. Проводники наши, не одинъ десятокъ разъ охотившіеся на той сторонѣ описываемыхъ горъ, сообщали намъ, что если идти къ югу по старой дорогѣ, которою прежде (до Дунганскаго возстанія) Калмыки ходили въ Тибетъ, то тотчасъ же за Алтынъ-тагомъ разстилается высокая равнина шириною верстъ 50. За нею стоитъ опять поперечный хребетъ (верстъ 20 шириною), не имѣющій особеннаго названія, а за этимъ хребтомъ вновь является равнина, шириною верстъ до сорока. Эта равнина обильна ключевыми болотами (сазами), и по южную ея сторону высится огромный вѣчно-снѣговой хребетъ Чамень-тагъ. Обѣ вышеупомянутыя долины уходятъ къ востоку за горизонтъ; туда тянутся и хребты, параллельно другъ другу. Къ западу же всѣ три хребта—Алтынъ-тагъ, безымянный и Чамень-тагъ—соединяются недалеко отъ г. Черчена въ одинъ вѣчно-снѣговой хребетъ—Тугузъ-дабанъ, потинувшійся къ городамъ Керіи и Хотану. Въ общемъ описываемыя горы характеризуются своимъ крайнимъ бесплодіемъ. Только по высокимъ долинамъ и въ ущельяхъ здѣсь можно встрѣтить кой-какую растительность, два-три низкихъ уродливыхъ солончаковыхъ растения, преобладающихъ по высокимъ долинамъ, три-четыре породы сложноцвѣтныхъ, низкіе кустики *Potentilla*, *Eriogon* и др.". Далѣе, нѣсколько любопытнѣйшихъ страницъ своего разказа г. Пржевальскій посвящаетъ описанію охоты за дикимъ верблюдомъ и зоологическимъ подробностямъ объ этомъ любопытномъ животномъ, четыре экземпляра котораго ему удалось добыть для своей коллекціи.

Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, миновавъ озеро Карабуранъ, сквозь которое протекаетъ Таримъ, экспедиція достигла до Лобъ-Нора. По своей формѣ это озеро, или вѣрнѣе, болото представляетъ неправильный эллипсъ, сильно вытянутый отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Наибольшая длина въ этомъ направленіи около 90 или 100 верстъ; ширина же не превосходитъ 20 верстъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщали членамъ экспедиціи мѣстные жители. Самому г. Пржевальскому удалось изслѣдовать только южный и западный берега Лобъ-Нора и пробраться въ лодкѣ по Тариму до половины длины всего озера; далѣе вѣхать было нельзя по причинѣ мелководья и густоты тростниковъ. Эти послѣдніе поростають сплошь весь Лобъ-Норъ, оставляя лишь на южномъ его берегу узкую (отъ 1 до 3 вв.) полосу чистой воды. Кромѣ того, небольшія чистыя площадки разсыпаны, какъ звѣзды, среди тростниковъ. По разказамъ туземцевъ, описываемое озеро, лѣтъ тридцать тому назадъ, было глубже и гораздо

чище. Съ тѣхъ поръ Таримъ началъ приносить меньше воды, озеро мельтъ, а тростники размножаться. Такъ продолжалось лѣтъ двадцать, по теперъ, уже шестой годъ, какъ вода въ Таримѣ снова прибываетъ, и не имѣя возможности помѣститься въ прежней, нынѣ заросшей тростникомъ рамкѣ озера, заливаешь его берега.

Весь февраль мѣсяць экспедиція посвятила сначала на ознакомленіе съ населеніемъ Лобъ-Нора и затѣмъ уже занялась исключительно наблюденіемъ падъ пролетомъ птицы.

Лобъ-Норцы или Кара-Курчины (по мѣстному названію) — народъ, находящійся на самой низкой степени умственнаго развитія, можетъ быть, стоитъ съ этой точки зрѣнія еще ниже, нежели обитатели первобытныхъ свайныхъ построекъ. Живя на плоскихъ отмеляхъ среди Лобъ-Нора, люди эти, не смотря на суровый климатъ, довольствуются жалкими шатрами, сшитыми изъ мѣстнаго камыша, въ которыхъ они защищены отъ непогоды на столько же, какъ и на открытомъ воздухѣ. Жалкая одежда, едва прикрывающая ихъ наготу и сотканная изъ волоконъ мѣстнаго водянаго растенія, нѣсколько рыболовныхъ сѣтей и челнокъ составляютъ все движимое имущество семьи, питающейся круглый годъ рыбкою, которую жители добываютъ здѣсь же, вокругъ своего жилища. Если у Кара-Курчиновъ и встрѣчаются иногда металлическія вещи, ножи и топоры, то это рѣдкое явленіе: предметы эти вымѣниваются ими отъ приходящихъ сюда жителей Корлы.

Наблюденія г. Пржевальскаго надъ пролетомъ птицы дали ему обильные результаты для орнитологіи вообще. Невозможно представить себѣ того громаднаго количества птицъ, которое прилетаетъ на Лобъ-Норъ, чтобъ отдохнуть на пути съ юга, и ежедневно смѣняется ими прилетающими видами.

Въ мартѣ мѣсяць экспедиція двинулась въ обратный путь. Конецъ марта и начало апрѣля были проведены въ долинѣ нижняго Тарима; не смотря на весеннее тепло, экспедиція нашла здѣсь то же царство смерти, что и зимою.

Возвратясь 25-го апрѣля въ г. Корлу, путешественники были помѣщены въ прежнемъ домѣ, опять содержались въ заперти и подъ карауломъ. На пятый день по приходѣ они имѣли свиданіе съ Якубъ-бекомъ. Послѣдній принялъ ихъ ласково, по крайней мѣрѣ наружно, и все время аудіенціи, продолжавшейся около часа, не переставалъ увѣрять въ своемъ расположеніи къ Русскимъ вообще, а къ г. Пржевальскому лично въ особенности. Однако, факты показываютъ противоположное. Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія, путеше-

ственниковъ, также подъ карауломъ, проводили за Хайду-голь и при разставаніи не устыдились попросить росписку въ томъ, что они остались всѣмъ довольны во время своего пребыванія въ предѣлахъ Джитышара.

Въ отвѣтъ на подарки, сдѣланные г. Пржевальскимъ Якубу-беку и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ, члены экспедиціи получили четыре лошади и десять верблюдовъ. Последніе были до крайности плохи и всѣ издохли въ два дня, лишь только Русскіе вошли въ горное ущелье Болгантой-гола. Положеніе путешественниковъ сдѣлалось тогда весьма труднымъ. Ворочаться назадъ нечего было и думать, а между тѣмъ на лицо осталось только десять верблюдовъ и шесть верховыхъ лошадей. Завьючивъ послѣднихъ и сжегши всѣ лишнія вещи, безъ которыхъ можно было обойтись, путешественники взяли пѣшкомъ на Юлдусъ. Отсюда г. Пржевальскій послалъ казака и переводчика въ Кульджу дать знать о трудномъ положеніи экспедиціи и просить помощи. Черезъ три недѣли явились новыя вьючныя животныя и продовольствіе. Въ послѣднемъ путешественники особенно нуждались, такъ какъ ихъ небольшіе запасы, взятые изъ Корлы, вскорѣ истощились, и пришлось питаться исключительно охотою.

Въ половинѣ мая, когда они пришли на Юлдусъ, растительная жизнь развернулась здѣсь еще весьма мало. Много было работы солнцу растопить глубокой зимней снѣгъ и согрѣть оледенѣвшую почву. Не скоро, только въ іюнѣ мѣсяцѣ, мертвящій холодъ уступилъ мѣсто благотворному теплу.

Переваливъ, въ началѣ іюня, черезъ хребетъ Наратъ, на южномъ склонѣ котораго весенняя флора была еще разнообразнѣе, чѣмъ на Юлдусѣ, экспедиція спустилась на верховья р. Цаймы. Здѣсь сразу измѣнился характеръ климата и растительности: появились словесы лѣса, а по долинѣ и горнымъ склонамъ густая трава достигала уже двухъ футовъ вышины. Дожди падали каждый день; черноземная почва была напитана водою словно губка. То же обиліе влаги встрѣтили путешественники и въ сосѣдней долинѣ Кунгеса. Только здѣсь, при меньшей абсолютной высотѣ, травянистая растительность была еще болѣе развита и богаче цвѣтущими видами. Закончивъ здѣсь съ своими изслѣдованіями, путешественники поспѣшили въ Кульджу, куда и прибыли въ началѣ іюля, усталые и оборванные, но за то съ богатою научною добычею.

„Оглянувшись назадъ“ — такъ г. Пржевальскій заключаетъ свой отчетъ, — „нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мнѣ

удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ равьше, ни годомъ позже, изслѣдованіе Лобъ-Нора не удалось бы. Ранѣе, Якубъ-бекъ, еще не боявшійся Китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе того у Русскихъ, едва ли согласился бы пустить насъ далѣе Тянь-Шаня. Теперь же о подобномъ путешествіи нечего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя, послѣ недавней смерти Бадухета, начали волновать весь Восточный Туркестанъ“.

Что касается научныхъ результатовъ экспедиціи на Лобъ-Норъ, то они заключаются въ слѣдующемъ: 1) сдѣлана маршрутно-глазо-мѣрная съемка всего пути отъ Кульджи на 1,200 верстъ внутрь Азіи; 2) астрономически опредѣлена долгота и широта семи пунктовъ; 3) сдѣланъ рядъ барометрическихъ опредѣленій высотъ; 4) произведенъ рядъ метеорологическихъ наблюдений — четыре раза въ сутки; 5) составлены этнографическія описанія неизвѣстныхъ до послѣдняго времени народовъ, живущихъ въ бассейнѣ нижняго Тарима и на Лобъ-Норѣ; 6) специально изслѣдована мѣстная фауна: млекопитающихъ найдено вмѣстѣ съ домашними 55 видовъ, и птицъ 218 видовъ; 7) собраны коллекціи зоологическая и ботаническая; въ первой величайшую рѣдкость составляютъ четыре экземпляра дикаго верблюда. Обиліе этихъ результатовъ говоритъ само за себя, и потому нѣтъ надобности распространяться о разнообразныхъ заслугахъ нашего неутомимаго путешественника: одною вышеописанною поѣздкою Н. М. Пржевальскій приобрѣлъ себѣ почетное имя въ кругу современныхъ дѣятелей географической науки.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УЧЕБНИКАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ТАТАРСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ.

Въ январьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* г. Смирновъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школь“, въ которой онъ разбираетъ между прочимъ „Грамматику русскаго языка, составленную для Татаръ Восточной Россіи. Соч. В. Р. (Казань, 1873)“.

Г. Смирновъ начинаетъ съ того, что цѣлую страницу (9 и 10) посвящаетъ разбору предисловія къ „Грамматикѣ“, которое само не занимаетъ и третьей части объема этого разбора. Авторъ главнымъ образомъ не можетъ понять слѣдующаго мѣста: „Грамматика эта имѣетъ быть учебникомъ для всѣхъ Татаръ вообще и въ особенности для шакирдовъ медресь“. Слова эти объясняются легко: они вытекали изъ положенія нашихъ русско-татарскихъ школь. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, при магометанскихъ медресахъ открыты съ 1870 г. русскіе классы, въ курсъ которыхъ вошло между прочимъ краткое изученіе русской грамматики. Шакирды (то-есть, студенты магометанскаго богословія) этихъ медресь, изучавшіе подробно арабскую грамматику, сами желали введенія этого курса и требовали отъ учителей, чтобы они преподавали имъ грамматику русскаго языка. Учители со своей стороны не знали, какъ приняться за дѣло. Русскія грамматики, изданныя до тѣхъ поръ, не годились, потому что изложены лишь на русскомъ языкѣ; поэтому преподаватели обратились ко мнѣ съ просьбою достать имъ требуемыя для классовъ грамматики. При такихъ обстоятельствахъ я считалъ лучшимъ средствомъ для достиженія цѣли составить рядъ парадигмъ флексій русскаго языка и соединить эти парадигмы краткимъ объяснительнымъ текстомъ на татарскомъ языкѣ, изъ котораго шакирды могли бы нѣсколько позна-

комиться съ грамматическими правилами. Составить объясненія было не легко, потому что воззрѣнiя Арабовъ на грамматику во многихъ отношенiяхъ расходятся съ нашими воззрѣнiями, подобная же книга должна имѣть задачей пополнить пробѣлы въ понятiяхъ учениковъ о грамматикѣ вообще и примѣнить знакомыя имъ категорiи къ пониманiю русской грамматики. Второе затрудненiе состояло въ томъ, что, по принципу, я употребляю въ книгахъ, издаваемыхъ на татарскомъ языкѣ для нашихъ народныхъ школь, разговорный татарскiй языкъ, писать же на этомъ языкѣ сжатые грамматическiя объясненiя очень трудно. Сколько разъ каждая фраза была переписана и передѣлана для того, чтобы точнѣе выразить мысль! Сколько разъ отчаялся я въ возможности изложить то, что требовалось, простымъ разговорнымъ языкомъ! Наконецъ, послѣ продолжительныхъ трудовъ, татарскiй текстъ былъ составленъ. Для ознакомленiя учениковъ съ нашей терминологiей въ этотъ текстъ были внесены въ скобкахъ всѣ русскiе термины, какъ это сдѣлано между прочимъ г. Николичемъ въ русской грамматикѣ для Нѣмцевъ. Кромѣ того, для ближайшаго объясненiя русскихъ терминовъ иногда былъ поставленъ арабскiй терминъ и дословный татарскiй переводъ русскаго термина. Последнее было возможно только при введенiи множества неологизмовъ, а такъ какъ неприродный Татаринъ легко можетъ ошибиться при образованiи неологизмовъ, то относительно каждаго новаго термина я совѣтовался предварительно съ лицами, которымъ я выразилъ въ предисловіи свою благодарность за оказанную ими мнѣ помощь.

Что первоначальная грамматика чужаго языка должна быть составлена на родномъ языкѣ учениковъ, это всеобщее принятый принципъ, и всѣ грамматики нѣмецкiя, французскiя, латинскiя и греческiя, употребляемыя въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, составлены по русски. Даже Татары, вовсе не знаменитые педагоги, учатъ въ медресахъ арабской этимологiи по руководствамъ, составленнымъ на татарскомъ языкѣ.

Когда татарскiй текстъ былъ уже изготовленъ къ печати, во мнѣ пробудилось сомнѣнiе, въ состоянiи ли учителя, получившіе образованiе въ русскихъ учебныхъ заведенiяхъ, точно понимать этотъ татарскiй текстъ, и я рѣшился составить для означенныхъ учителей дословный русскiй переводъ татарскаго текста. Тутъ новое затрудненiе. Бѣдность не разработаннаго разговорнаго языка придала дословному переводу скудный и однообразный характеръ, и дословный переводъ оказывался просто невозможнымъ, когда я желалъ какъ-нибудь сносно

выразить фразу по русски. По совѣту извѣстнаго оріенталиста Н. И. Ильминскаго, я предпочелъ пожертвовать исправностью русскаго слога и по возможности строже держаться дословнаго перевода. Удивительно ли послѣ того, что дословный русскій переводъ наполненъ татаризмами, и не странно ли, что мой критикъ не замѣтилъ причины этихъ погрѣшностей?

Обратимся теперь къ объясненію словъ предисловія. Наша грамматика составлена для шакирдовъ, знающихъ арабскую грамматику, и должна служить для нихъ руководствомъ; для нихъ писанъ и татарскій текстъ; русскій же переводъ служитъ облегченіемъ для учителей. А такъ какъ въ другихъ школахъ тоже необходимо упражняться въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, то эта грамматика можетъ служить и въ другихъ школахъ учебнымъ пособіемъ для учителей.

Я не имѣю намѣренія разбирать подробно критику г. Смирнова. Сознаюсь, что въ моей грамматикѣ дѣйствительно громадное число опечатокъ и неточностей, что отчасти произошло отъ того, что она была набрана Татариномъ, почти не знающимъ по русски, отчасти же отъ того, что во время печатанія я нѣсколько разъ находился въ отлучкѣ. Объ этомъ недостатокѣ перваго изданія грамматики я крайне сожалѣю и очень благодаренъ г. Смирнову, что онъ съ такимъ терпѣніемъ разсмотрѣлъ ее, такъ что его указанія послужатъ для улучшенія втораго изданія, которое уже готовится. (Первое изданіе, какъ опытъ, было отпечатано только въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ и совершенно разошлось). Но значительное число замѣтокъ ученаго рецензента все-таки нужно считать придирками. Авторъ нигдѣ не обнаруживаетъ желанія исправить мои ошибки, но только старается выставить невѣжество сочинителя. Въ доказательство этого разберу начало критики.

§ 1. Г. Смирновъ не взялъ въ соображеніе, что параграфъ этотъ нуженъ для шакирдовъ, которыхъ арабская грамматика учила, что слово состоитъ изъ буквъ; онъ необходимъ для объясненія слѣдующихъ параграфовъ, доказывающихъ невѣрное воззрѣніе арабской грамматики. Замѣтка объ опечаткахъ есть чистая придирка; ясно видно, что при печатаніи отпали 4 крайнія буквы. Слово „отдѣльный“ правда, не ловко употреблено; слѣдовало сказать: „ему только свойственныя отѣлки“. Татарское слово „бирдаи“ (sic) не соответствуетъ слову „отдѣльные“, а слову „общее“: видно, что г. Смирновъ вовсе не поглянулъ татарскаго текста.

§ 5. „Собственный голосъ“—не метафора, а дословный переводъ

слова „таушь“, и кромѣ того, употреблено для разъясненія слова „гласныя“.

§ 9. „Выдыханіе“—переводъ татарскаго слова „тын чыгаруы. Опре- дѣленіе это было необходимо, потому что Татары называютъ „сло- гомъ“ совершенно другое.

§ 14. „Словъ“ есть опечатка; это ясно изъ того, что „миръ“ набрано курсивно, и послѣ него вѣтъ запятой, которую поставилъ г. Смирновъ. Примѣчаніе объ *i* и *u*—придирка: напи учителя не знаютъ другаго названія.

Упомянутыя послѣ этого выраженія, рѣжуція русское ухо, про- исходятъ отъ дословнаго перевода татарскаго текста.

§ 39. „На мѣсто“=вмѣсто, моя личная ошибка, какъ я могъ убѣ- диться изъ рукописи.

Замѣчаніе о § 35 сдѣлано г. Смирновымъ для краснаго словца.

§ 42. Я согласенъ, что дословный переводъ съ татарскаго не хорошо переданъ по русски, но думаю, что г. Смирновъ все-таки по- нялъ смыслъ, не смотря на увѣреніе въ противномъ.

Замѣчаніе о 26-й страницѣ справедливо; правило, изложенное тутъ, не полно, но если ученый рецензентъ желалъ помочь дѣлу, онъ долженъ былъ бы дополнить его, говоря: „слова на *л, р, н, с*“. То, что авторъ возражаетъ противъ склоненія словъ на „ей“, какъ напри- мѣръ, „соловей“, болѣе чѣмъ наивно. Желалъ ли онъ, чтобы я изъяснилъ ученикамъ, откуда является эта неправильность: что слова на „ей“ склоняются совершенно такъ, какъ слова на „енъ“, и что неправиль- ность происходитъ отъ силлабическаго графическаго принципа рус- скаго алфавита „соловей, соловја, солонју“ и т. д.

§ 62. Для Татарина, знающаго только правильное склоненіе, всѣ обозначенныя въ этомъ параграфѣ формы множественнаго числа явля- ются неправильностями. Желалъ ли г. Смирновъ, чтобы я объяснилъ причину всѣхъ неправильностей, что слова *братья, друзья* и т. д. по своему происхожденію не множественное число, а собирательныя имена женскаго рода?

§ 65. „Господь“ вмѣсто „Господи“—опечатка.

Думаю, что читатель могъ изъ вышесказаннаго достаточно убѣ- диться, что пріемъ г. Смирнова совершенно своеобразный: онъ ра- дуется, отыскавъ опечатку, неточность и довольствуется тѣмъ, что ставить „:ic“ или прибавляетъ насмѣшливое примѣчаніе.

Теперь обращаюсь къ той части грамматики, которую я осмѣлился въ предисловіи назвать самостоятельною работою, и на которую болѣе

всего нападаетъ г. Смирновъ. Словами „самостоятельная работа“ очень недоволенъ мой критикъ; онъ видитъ въ этой части моей грамматики безсмысленный хаосъ и утверждаетъ, что ее составлялъ человѣкъ, не имѣющій понятія о формахъ русскаго глагола. Такая строгая критика принуждаетъ меня представить на судъ читателей, кто изъ насъ заслуживаетъ порицанія, а такъ какъ грамматика моя знакома только весьма незначительному числу читателей, то я долженъ самъ болѣе подробно указать на причины, побудившія меня изложить ученіе о глаголѣ способомъ, отличнымъ отъ способа учебниковъ, употребляемыхъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, надѣюсь, что подобное объясненіе не будетъ безъ интереса для педагоговъ.

При составленіи учебника грамматики я долженъ былъ главнымъ образомъ обращать вниманіе на умственное развитіе учениковъ, для которыхъ назначенъ былъ учебникъ. Ученики русскихъ классовъ при медресахъ большею частью почти взрослые люди отъ 15—25 лѣтъ, знающіе очень плохо по русски, изучавшіе подробно этимологию и синтаксисъ арабскаго языка, но не имѣющіе понятія о грамматикѣ роднаго языка. Познанія ихъ въ арабскомъ языкѣ очень тверды, — объ этомъ я могу засвидѣтельствовать вопреки увѣреніямъ г. Смирнова. Кромѣ того, ученики медресъ изучали арабскую грамматику съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ изучаются священныя книги, и считаютъ грамматическія правила неопровержимыми догматами. Всякій человѣкъ, знающій арабскій языкъ, легко пойметъ, что познанія, извлеченныя изъ арабской грамматики по арабскимъ источникамъ, могутъ помочь ученику при изученіи русской грамматики только для пониманія грамматическихъ категорій и для синтаксическихъ объясненій, но что пріобрѣтенныя такимъ путемъ познанія не въ состояніи облегчить пониманіе фонетическаго строя и флексій изменяемыхъ частей рѣчи русскаго языка. Родной же языкъ учениковъ, который они знаютъ только практически, есть языкъ аглутинирующій и еще дальше отстоящій отъ фонетики и флексій русскаго языка, чѣмъ арабскій, а поэтому въ немъ нельзя найти необходимыхъ данныхъ для сравненія съ русскимъ языкомъ. Наконецъ, незнаніе учениками русскаго языка препятствуетъ тому, чтобъ искать матеріалъ для объясненій въ самомъ же русскомъ языкѣ.

При такихъ обстоятельствахъ изложеніе спряженія русскаго глагола представляло громадныя затрудненія. Вѣдь и для самихъ Русскихъ это спряженіе остается непонятнымъ, и до сихъ поръ оно еще

не окончательно разработано, потому что требуетъ, для своего объясненія, полнаго знанія исторической грамматики всѣхъ славянскихъ языковъ, и кромѣ того, русскія слова писаны по силлабическому графическому принципу, препятствующему понимать истинныя причины фонетическихъ измѣненій.

Учебникъ нашъ имѣлъ единственною цѣлю объяснить флексіи русскихъ словъ, и потому я долженъ былъ по возможности сократить синтаксическія опредѣленія. Это было облегчено познаніями учениковъ въ арабской грамматикѣ, и я дѣлалъ болѣе обстоятельныя опредѣленія только тогда, когда побуждало меня къ тому особое возрѣніе Арабовъ на извѣстный вопросъ.

Для примѣра я приведу здѣсь § 108.

„Глаголь показываесть дѣйствіе и состояніе предметовъ, поэтому мы раздѣляемъ глаголы: 1) на глаголы дѣйствительные или переходящіе; 2) на средніе или не переходящіе. Глаголы перемѣняютъ свои окончанія, чтобы выразить времена и лица рѣчи. Эту перемѣну мы называемъ спряженіемъ“.

Раздѣленіе глаголовъ на дѣйствительные и средніе не требовало подробнаго объясненія, потому что арабскіе термины „шутагади“ и „лазимъ“, находящіеся въ татарскомъ текстѣ, вполне опредѣляютъ названныя категоріи; напротивъ того, объясненіе слова „спраженіе“ потребовалось потому, что такое слово не имѣетъ соответствующаго арабскаго термина.

Затѣмъ, при составленіи учебника я долженъ былъ обратить вниманіе на степень образованія учителей, которымъ предстояло заниматься по моей грамматикѣ. Незначительное вознагражденіе за это преподаваніе едва ли даетъ возможность опредѣлять учителей, получившихъ какое-нибудь высшее образованіе, и мы должны радоваться—по крайней мѣрѣ въ настоящее время,—если имѣемъ учителей, окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. Понятно, что отъ такихъ учителей нельзя требовать научнаго взгляда на фонетику славянскихъ нарѣчій, и всякое объясненіе, выходящее изъ круга ихъ понятій, не облегчило бы пониманіе формъ, но напротивъ того, еще болѣе запутало бы ихъ слабыя познанія.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ составить рядъ практическихъ, какъ можно болѣе опредѣленныхъ правилъ, такъ чтобы ученикъ могъ усвоить себѣ практическимъ путемъ всѣ флексіи измѣняемыхъ частей рѣчи русскаго языка.

Теперь обращаюсь къ изложенію глагола, и представляя общій ходъ этого изложенія, присоединю необходимыя замѣчанія.

I. Предварительныя понятія о глаголѣ.

Перечисленіе всѣхъ глагольныхъ формъ: § 109. Наклоненія, времена. — § 110. Причастныя формы. — § 111. Дѣепричастія. — § 112. Paradigma: я работаю. — § 113. Объ основахъ и о неопредѣленномъ наклоненіи.

Я хорошо понимаю, что совершенно неудобно приписать исходною точкою для образованія спряженія неопредѣленную форму (которую, по примѣру русскихъ грамматикъ, я называю наклоненіемъ, хотя она не имѣетъ ничего общаго съ наклоненіями). Но такъ какъ всѣ словари и грамматики принимаютъ эту форму основаніемъ глагола, то и я былъ вынужденъ покориться этому обычаю. Чтобы облегчить образованіе остальныхъ глагольныхъ формъ отъ неопредѣленной формы, я составилъ рядъ правилъ для нахождения такого состава глагольнаго корня, который могъ бы служить для болѣе легкаго производства этихъ формъ. Означенный составъ корня я назвалъ основой и объяснилъ его арабскимъ терминомъ „асл“, который представлялъ для учениковъ совершенно опредѣленное понятіе, соответствующее русскому термину.

Основы эти приведены въ томъ порядкѣ, какой показался практичнымъ для образованія остальныхъ формъ:

1) Основы, оканчивающіяся на гласную букву: *а, я, ѣ* (сохраняющія эти буквы во всѣхъ формахъ), *оа, сва, ы* (перемѣняющія эти окончанія на *у, ю, о*), *о, у* (отбрасываемыя при образованіи настоящаго времени) *на, са* (перемѣняющія эти слоги на *и, ие*).

2) Основы, оканчивающіяся на твердую согласную букву *т, д* (выбрасываемыя въ прошедшемъ времени), *б, с, з* (сохраняемыя всегда), *н, г* (измѣняющіяся на *и* и *же*).

3) Основы, оканчивающіяся на смягченную согласную букву *ль, рь, чь, шь* (сохраняемыя во всѣхъ формахъ), *ть, дь* (измѣняющіяся на *и* и *же*), *бь, нь, вь, мь*.

Приведенныя мною основы не имѣютъ притязанія быть дѣйствительными историческими основами, объясненіе коихъ только затрудняло бы и безъ того трудное для шакирдовъ спряженіе. Возможно ли объяснить научнымъ образомъ настоящее производство этихъ основъ дѣтямъ, да еще инородцамъ, не знающимъ ни русскаго языка, ни другихъ славянскихъ нарѣчій, не говорящимъ даже ни на одномъ изъ языковъ индо-европейской семьи? Не останутся же такія полунауч-

ныя объясненія непонятнымъ для учениковъ наборомъ словъ, выдаваемымъ за научную истину? Какъ объяснить, на примѣръ, вставку буквы *о* въ глаголь „колоть“? Считаетъ ли г. Смирновъ возможнымъ объясненіе этой вставки инородцамъ, да еще народными учителями? Тогда потребовалось бы также объясненіе неокончательнаго наклоненія какъ дательнаго падежа отглагольнаго имени, указаніе на основно-славянскую невозможность оканчивать слоги согласными звуками. Чтобы понять все это, необходимо знаніе исторической грамматики.

кол-т-и = кол-о-т-и = колоть

мел-ко = мол-ко = мол-о-ко

гал-ва = гол-ва = гол-о-ва

(Bart, barba) бар-да = бар-да = бор-о-да.

Такія объясненія въ народной школѣ не возможны. Не проще ли наше правило: „Глаголы на *отъ* имѣютъ основу на *о*, и эта буква при образованіи настоящаго времени отбрасывается“? Или можно ли касаться объясненія перехода *к* и *г* основы на *ч* и *ж* въ словахъ „беречь“, „печь“:

$$\left. \begin{array}{l} \text{гт} \\ \text{кт} \end{array} \right\} = \text{тj} = \left\{ \begin{array}{l} \text{шт (др.-болг.)} \\ \text{ч (русск.)} \\ \text{ц (польск.)} \\ \text{h (сербск.)} \end{array} \right.$$

(bergen) берг-т-и = бер-кт-и = бер-тj-и = бер-е-ч-(и) = беречь
пек-т-и = пе-кт-и = пе-тj-и = печь

Какъ объяснить эти переходы безъ сравнительной грамматики и строгаго изученія звуковыхъ законовъ не только славянскихъ, но вообще всѣхъ индо-европейскихъ языковъ?

Что касается трудности дать ученикамъ понятіе о глагольныхъ основахъ, то я позволяю себѣ описать, какъ это дѣлается въ казанской татарской учительской школѣ, гдѣ я могъ убѣдиться, что подобное ученіе не причиняло ученикамъ ни малѣйшаго затрудненія. Учитель сначала просилъ учениковъ образовать нѣкоторыя формы татарскаго глагола и доводить ихъ вопросами до того, что они находили сами, что въ татарскомъ спряженіи основой служить второе лицо повелительнаго наклоненія ¹⁾. Послѣ этого учитель обращался

¹⁾ Г. Смирновъ спрашиваетъ: есть ли такіе языки, гдѣ основы существуютъ самостоятельно? Значитъ ему невѣстны спряженія тюркскихъ глаголовъ; но есть еще много другихъ языковъ, даже индо-европейскихъ, съ самостоятельно употребляемыми основами, не говоря ужъ о санскритскомъ языкѣ — какъ на примѣръ, латинскій: ama! mone! audi! греческій: φέρε, λέγε! славянскій: жено, рече.

къ формамъ глагола: „работать“, и ученики убѣждались, что здѣсь нельзя найти такой самостоятельной формы, которая могла бы служить основой, но что во всѣхъ формахъ находятся три слога „работа“, къ которымъ прибавляются всегда окончанія спряженія. Эти три слога были названы *основой* („асл“), и было объяснено, что эта основа въ русскомъ языкѣ не употребляется въ живой рѣчи. Пройденная такимъ образомъ глава объ основахъ не представляла никакого затрудненія, и ученики пріучивались отыскивать основы въ теченіе какого-нибудь полчаса.

§ 114. Прошедшее время. Образование прошедшаго времени изъ вышеупомянутыхъ основъ не представляетъ никакого затрудненія. Я устанавливаю для этого образования три правила. Прошедшее время образуется:

1) изъ основъ, оканчивающихся на гласную букву и на *т* и *д* чрезъ прибавленіе окончаній *лъ, ла, ло, ли*;

2) изъ основъ, оканчивающихся на смягченную согласную букву чрезъ прибавленіе окончаній: *илъ, ила, ило, или*;

3) изъ основъ, оканчивающихся на твердые согласныя буквы чрезъ прибавленіе *ъ, ла, ло, ли*.

Здѣсь же приведено нѣсколько глаголовъ, отступающихъ отъ этихъ правилъ: а) глаголы на *ереть*, б) глаголы на *нуть*, отбрасывающіе *ну*, в) неправильныя *шелъ* и *ошибся*.

Образование прошедшаго времени было усвоено учениками въ одинъ и тотъ же урокъ, вмѣстѣ съ предыдущею главою.

Упомянутыя выше глаголы на *ереть* (умереть—умеръ) приведены въ видѣ исключенія, потому что мнѣ не хотѣлось устанавливать отдѣльную основу на *р* для трехъ глаголовъ, и слова: „какъ будто основа ихъ оканчивается на согласную букву“ относятся къ правилу § 113, гдѣ не приведены основы на *р*. Очевидно, г. Смирновъ не понималъ въ чемъ здѣсь дѣло; иначе онъ не сталъ бы придиратъ къ этимъ словамъ.

§ 116. Настоящее время вообще. Здѣсь, по весьма понятной причинѣ, я раздѣлилъ глаголы на два спряженія: 1) *ю (у), ешь, етъ, емъ, ете, ютъ (утъ)*; 2) *ю (у) шь, итъ, имъ, ите, ятъ (атъ)*; я не объяснялъ причины этого двойкаго спряженія, а просто сказалъ, что глаголы, основы которыхъ оканчиваются на гласную и на твердую согласную букву, спрягаются по первому спряженію, а глаголы съ основами на смягченную согласную букву—по второму.

Какъ же было поступить иначе? Желаетъ ли г. Смирновъ, чтобы

я объяснилъ это дѣло историческимъ путемъ? Какъ было растолковать, что первое спряженіе вставляетъ тематическій слогъ *je* (*e*), а второе прибавляетъ окончанія прямо къ основамъ на *и*, не отличая общеглагольныхъ основъ отъ основъ настоящаго времени? Считаетъ ли онъ практичнымъ объяснить въ послѣдствіи слитіе тематическаго *je* съ предыдущимъ согласнымъ звукомъ и выразить это лингвистическимъ алфавитомъ, потому что въ дѣйствительности русскій алфавитъ при господствующемъ въ его теперешнемъ примѣненіи силлабическомъ графическомъ принципѣ не годится для нагляднаго объясненія этого процесса:

пис-а-т-и=пис-је-у=пишу, пис-је-т, пи-ш-еть
 во-јев-а-т-и=во-јеу-је-у=во-ю-ю, во-јеу-је-ть=во-ю-еть
 цѣл-ов-а-т-и=цѣл-ау-је-у=цѣлу-ю, цѣл-ау-је-т=ца-лу-еть
 кли-к-а-т-и=кли-кје-у=кли-ч-у, кли-кје-т=кли-ч-еть.

Я увѣренъ, что практическія мои правила понятнѣе для шакирдовъ и для ихъ учителей.

§ 117—126. Разные классы настоящаго времени. Для образованія настоящаго времени, я раздѣлилъ глаголы на девять классовъ, изъ которыхъ первые шесть принимаютъ окончанія перваго спряженія, а послѣдніе три — окончанія втораго спряженія. Классы эти соотвѣтствуютъ по своему порядку основамъ, приведеннымъ въ § 113. Они суть слѣдующіе:

I. Спряженіе.

- I классъ—основы на *а*, *я*, *ь*—прибавляютъ окончанія безъ перемѣны основы.
- II классъ—основы на *ова*, *ева*, *ы*—перемѣняютъ окончанія основы: *ова* на *у*, *ева* на *ю*, *ы* на *о*.
- III классъ—основы на *о*, *у*—отбрасываютъ эти гласныя буквы отъ основы.
- IV классъ—основы на *ка*, *га*, *за*, *са*, *ска*—перемѣняютъ эти послѣдніе слоги основъ
ка на *ч*, *га* на *ж*, *са*
 на *ш*, *ска* на *щ*.
- V классъ—основы на *б*, *д*, *з*, *с*—прибавляютъ окончанія, не измѣняя основы.
- VI классъ—основы на *к*, *г*—перемѣняютъ во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и въ 1-мъ и 2-мъ лицахъ множественнаго числа *к* на *ч*, *г* на *ж*.

Перехожу ко второму спряженію:

VII классъ—основы на *ль, рь, чь, жь, шь*—прибавляютъ оконча-
нія, не измѣняя основъ.

VIII классъ—основы на *бь, вь, мь, нь*—вставляютъ въ первое мѣ-
лицѣ единственнаго числа
букву *ль*.

IX классъ—основы на *сь, зь, ть, дь, сть*—измѣняютъ въ первомъ
лицѣ единственнаго чи-
сла послѣднія буквы:
с на *ш*, *з*, *д* на *ж*, *т*
на *ч*, *ст* на *щ*.

Что вышеозначенные классы составлены только въ видахъ прак-
тическаго изученія для инородцевъ, объ этомъ едва ли нужно здѣсь
упоминать; это, я полагаю, сейчасъ же замѣтитъ всякій, кто загля-
нетъ въ нихъ повнимательнѣе. Мнѣ нечего было здѣсь гоняться за
ученостью. Могу увѣрить г. Смирнова, что я хорошо понимаю, что
научное изложение спряженія должно быть совершенно другое; я во-
все не возвращаюсь къ отжившимъ ученіямъ, но только руковод-
ствовался педагогическими соображеніями. Я былъ бы очень благода-
ренъ г. Смирнову, еслибы онъ сдѣлалъ какія нибудь улучшенія въ
моей системѣ, которая—сознаюсь въ этомъ—имѣетъ много недостат-
ковъ, но этихъ именно-то недостатковъ и не замѣтилъ мой критикъ.
Если г. Смирновъ издастъ когда-нибудь грамматику, годную для на-
шихъ школъ, увѣряю его, что не стану продолжать своихъ трудовъ
на этомъ довольно чуждомъ для меня поприщѣ.

§ 127. Неправильное образованіе настоящаго времени. Выставивъ
вышеупомянутые девять классовъ настоящаго времени, я, понятно,
былъ принужденъ считать всѣ глаголы, не подходящіе подъ эти ру-
брики, отступающими отъ общихъ правилъ. Это кажется мнѣ на
столько яснымъ, что я не могу себѣ и представить, какъ слѣдовало
бы поступить иначе. Удивительнѣе всего, что г. Смирновъ и падъ
этимъ любезно насмѣхается. Учившись по латини или по гречески,
г. Смирновъ видалъ, конечно, нѣкоторыя изъ грамматикъ, употребле-
мыхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ,—Кюнера, Цумпта, Шульца,
Беллермана, Бутмана и т. д. У нихъ дѣло изложено совершенно
также, какъ въ моей грамматикѣ. Они выставляютъ образцы правиль-
наго спряженія и называютъ всѣ отступленія неправильностями. Ду-
маетъ ли г. Смирновъ, что всѣ эти филологи не знали, отчего про-
исходятъ эти неправильности латинскаго или греческаго спряженія?

Только Нидерле и Курциусъ стараются ввести болѣе научные взгляды на флексіи греческаго языка и въ низшихъ классахъ гимназій, но ихъ система далеко не принята всѣми педагогами. Совѣтую г. Смирнову прочесть по этому поводу возраженія, сдѣланныя Курциусу Крюгеромъ, и предисловіе къ латинской грамматикѣ Шульца, и онъ, можетъ быть, убѣдится, что я не одинъ воинъ въ полѣ, что я имѣлъ болѣе права употребить практическую систему, ибо названные мною ученые писали для гимназистовъ, я же писалъ для народныхъ школь.

Отступленія отъ общихъ правилъ спряженія опять введены въ опредѣленную систему и раздѣлены на девять главныхъ категорій, обозначенныхъ римскими цифрами; четыре же второстепенныя отступленія отъ перваго главнаго отступленія обозначены арабскими цифрами.

I. Отбрасываніе отъ основъ послѣднихъ гласныхъ буквъ *a, я, ѵ*: 1) опредѣленіе класса, по которому образуется настоящее время послѣ отбрасыванія гласной буквы (звука); 2) прибавленіе буквы; 3) расширеніе основы; 4) не подходящія подъ классы.

II. Перемѣна конечной гласной буквы.

III. Глаголы на *за, да, та, ха*, спрягаемые по V классу.

IV. Неправильные на *у*.

V. Неправильные на *о*.

VI. Глаголы съ главною буквою предъ окончаніемъ *итъ*.

VII. Основы на *тъ*, образующіе неправильно первое лицо.

VIII. Основы, прибавляющія букву.

IX. Неправильные глаголы (аномалія).

Значительное число неправильныхъ глаголовъ встрѣчается только въ первой категоріи. Чтобы дать понятіе объ этихъ таблицахъ, я позволяю себѣ сдѣлать болѣе обстоятельный обзоръ перваго подраздѣленія первой категоріи, то-есть, образованіе неправильнаго настоящаго времени глаголовъ, основа коихъ оканчивается на *a*.

I a. Глаголы, основа коихъ оканчивается на *a*, которые отбрасываютъ гласную букву *a* при образованіи настоящаго времени:

1) Отбросивъ спрягаются по 1-му классу: *ора(ть)*, *ор-ю*, *-ешь* и т. д.; 2) по пятому классу: *ора(ть)*, *ор-у*, *-ешь*; 3) по шестому классу: *лга(ть)*, *лг-у*, *лж-ешь* и т. д.; 4) по седьмому классу: *бренча(ть)*, *бренч-у*, *-ишь* и т. д.; 5) по восьмому классу: *спа(ть)*, *сп-л-ю*, *сп-ишь* и т. д.; 6) прибавляя буквы *л, н, м*, *дрема(ть)*, *дрем-л-ю*, *-л-ешь* и т. д.; *жа(ть)*, *ж-п-у*, *-н-ешь* и т. д.; *жа(ть)*, *ж-м-у*, *-м-ешь* и т. д.; 7) расширяютъ основу вставленіемъ гласной буквы: *бра(ть)*, *б-е-р-у*, *ешь*

и т. д.; гна(ть), г-о-н-ю, -ишь и т. д.; 8) неподходящіе подъ классы: ѣха(ть), ѣ-д-у, -ешь и т. д.; (по)сла(ть), шл-ю, -ешь и т. д.; бѣжа(ть), бѣ-г-у, бѣжишь бѣг-уть.

Здѣсь приведено только по одному примѣру; напротивъ того, въ моей грамматикѣ я старался дать по возможности полный списокъ означенныхъ глаголовъ. Пробѣлы въ этомъ отношеніи будутъ дополнены въ слѣдующемъ изданіи. Такимъ образомъ мои таблицы въ состояніи служить ученикамъ и справочною книгою для вѣрнаго опредѣленія спряженія любого глагола встрѣчаемаго учениками.

Насмѣшки г. Смирнова надъ „не подходящими подъ классы“ глаголами ясно показываютъ, что онъ опять не понялъ моего раздѣленія. Какъ можно называть его исключеніемъ изъ исключеній? Главная его неправильность состоитъ въ отбрасываніи основы *а*; подъ эту рубрику подходитъ глаголъ ѣхать (основа ѣх(а)), но класса, въ которомъ *х* перешла бы на *д*, нѣтъ въ нашемъ раздѣленіи, поэтому и слѣдуетъ считать его не подходящимъ подъ классы. Точно также „бѣжать“ (основа бѣж(а)) спрягаемая, какъ будто это глаголъ VI класса, но принимающая въ 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и 1-мъ и 2-мъ лицахъ множественнаго числа окончанія втораго спряженія.

Г. Смирновъ во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ какъ будто обвиняетъ меня въ незнаніи причинъ этихъ неправильностей и желаетъ всегда между строками учить меня, но въ то же время, довольствуется одними только намеками! Такъ напримѣръ, и послѣ *жати*, *жну* и *жати*, *жму* ставитъ онъ свой обычный *sic*. Думаетъ ли г. Смирновъ, что я предполагаю, будто эти *ж* и *н* дѣйствительно вставки?

$$\begin{array}{l} \text{жен-т-и} = \text{ж-(н)е-ти} \\ \text{ж-а-т-и} \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{жен-т-и} \\ \text{ж-а-т-и} \end{array}} \right\} \text{жати.}$$

$$\begin{array}{l} \text{жем-т-и} = \text{жен-ти} = \text{ж-(м)е-ти} \\ \text{ж-а-т-и} \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{жем-т-и} \\ \text{ж-а-т-и} \end{array}} \right\} \text{жати.}$$

Неправильность здѣсь, очевидно, въ неопредѣленномъ наклоненіи но вѣдь моею задачей было объяснить образованіе настоящаго времени изъ неопредѣленнаго наклоненія. Такое же обратное образованіе представлено мною при глаголахъ:

$$\begin{array}{l} (\text{сггг}) \text{ бер-т-и} = \text{бр-а-ти} = \text{брати} \\ \text{мен-т-и} = \text{ме-ти} \\ \text{м-а-ти} \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{бер-т-и} \\ \text{мен-т-и} \\ \text{м-а-ти} \end{array}} \right\} = \text{мяти.}$$

$$\text{мел-ти} = \text{мол-ти} \mid = \text{мол-о-ти} = \text{молоть.}$$

Въ послѣднемъ глаголѣ переходъ *е* на *о* объясняется фонетиче-

скимъ правиломъ, что въ извѣстный періодъ развитія русскаго языка гласный звукъ *е* передъ твердою *л* всегда переходитъ на *о* (мел-ко= мол-ко). Въ настоящее время *е* корня не требовало измѣненія, потому что изъ *лј* образовался смягченный *лъ* (мел-је-а перешло въ мел-а= мелю). Объяснять такіе переходы въ народной школѣ я считаю просто невозможнымъ, а потому и назвалъ глаголы, представляющіе подобныя звуковыя измѣненія, неправильными и выпустилъ всякое популярное объясненіе.

Точно также я поступилъ съ многочисленными глаголами на *ь*, отбрасывающими эту букву и спрягаемыми по второму спряженію (классы VII, VIII, IX), и съ глаголами на *ать*, какъ „держать“, „ворчать“. Всѣ эти глаголы при научномъ объясненіи должны образовывать одинъ отдѣлъ, потому что „держать“ „ворчать“, развились изъ „держѣть“, „ворчѣть“, гдѣ предшествующими шивящими звуками *ч*, *ж*, *ш* обусловленъ переходъ древняго долгаго *е* (то-есть, *ь*) въ *а*.

вор-кѣ-ѣ-ти = вор-чѣ-ти = ворчать
 дер-гѣ-ѣ-ти = дер-жѣ-ти = держать
 вел-ѣ-ѣ-ти = вел-ѣ-ти = велѣть.

Также не научно объясненіе:

пѣть — пою и пить — пью.
 паі-ти = пѣ-ти | паі-ам = пој-у = пою
 пі-ти = пі-ти | пі-ам = пі-у = пью.

§ 128. Повелительное наклоненіе. Здѣсь приведены три правила для образованія повелительнаго наклоненія изъ втораго лица настоящаго времени окончаніями: 1) и—ите, 2) ѣ—йте, 3) ь—ьте. Затѣмъ упомянуто о неправильномъ образованіи: пей, бей, лей, шей. Г. Смирновъ считаетъ послѣднее правило лишнимъ или неполнымъ. По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, — слѣдуетъ прибавить: рой, вой“ и т. д. Какъ же это? Мы говорили, что повелительное наклоненіе образуется изъ втораго лица настоящаго времени безъ *ешь* чрезъ прибавку окончанія повелительнаго наклоненія. Такъ отъ „пешь“ остается *нь*, слѣдовательно, правильное повелительное наклоненіе было бы *пьи*, а между тѣмъ употребляется *пей*, развѣ это правильно? „Вой“ напротивъ того образуется изъ *во—ешь*. Что же тутъ неправильнаго?

§ 141. Образованіе дѣпричастій. Этотъ параграфъ можетъ быть немного измѣненъ, но замѣчанія г. Смирнова не представляютъ ничего существеннаго. Что касается формы „давая“, то мнѣ хорошо извѣстно, что она употребляется только съ предлогами.

§ 148. О видахъ глагола. Здѣсь выставлены безъ особыхъ объясненій, виды 1) опредѣленный и неопредѣленный, 2) однократный и многократный, 3) совершенный и несовершенный. Причина, побудившая меня помѣстить ученіе о видахъ послѣ образованія настоящаго времени, была та, что безъ объясненій совершеннаго и несовершеннаго видовъ не возможно образовать будущее время. Смѣшивая будущее совершеннаго вида съ настоящимъ, называя ихъ формами настоящаго съ значеніемъ будущаго, оказалось неудобнымъ. Я вполне согласенъ, что эта глава изложена слишкомъ сжато, но я имѣлъ здѣсь дѣло только съ этимологіей русскаго языка; объяснять же значеніе и употребленіе видовъ есть дѣло синтаксиса.

§ 151—153. Возвратные глаголы. Такъ какъ употребленіе возвратныхъ глаголовъ причиняетъ большое затрудненіе Татарамъ, и глаголы эти показываютъ нѣкоторыя измѣненія глагольныхъ окончаній, то я посвятилъ имъ особую главу. Сначала упомянуто объ образованіи ихъ посредствомъ окончанія *ся* (сь), а потомъ изложено, что такіе глаголы имѣютъ тройное значеніе: 1) глаголовъ возвратныхъ, 2) взаимныхъ и 3) общихъ. Для болѣе точнаго объясненія показано, что татарскій языкъ имѣетъ такія же формы, и что эти формы образуются въ татарскомъ языкѣ чрезъ прибавленіе буквъ *н* и *м*. Въ § 152 приведена парадігма спряженія.

Еслибы г. Смирновъ зналъ, какъ трудно удастся Татарамъ употребленіе означенныхъ глаголовъ, онъ не удивился бы тому, что я изложилъ ихъ въ особой главѣ. Совершенно напрасно порицаетъ онъ меня за то, что я привелъ правила образованія татарскихъ глаголовъ: по моему, слѣдовало бы порицать, что я прибѣгалъ слишкомъ рѣдко къ такимъ сравненіямъ, которыя лучше всего объясняютъ чужія формы. Во второмъ изданіи постараюсь исправить эту ошибку.

§ 157. Однократный видъ. Здѣсь показано спряженіе однократныхъ глаголовъ оканчивающихся на *нутъ*. Общее правило § 157 слѣдующее: „Однократный видъ образуется изъ такихъ глаголовъ, значеніе которыхъ допускаетъ однократность и мгновенность, то-есть, изъ глаголовъ, выражающихъ движеніе и звукъ“. Въ этомъ правилѣ г. Смирновъ усматриваетъ ошибку противъ логики. Всякій, я думаю, понимаетъ, что послѣ „то-есть“ и хотѣлъ выставить для примѣра два значенія глаголовъ, допускающихъ мгновенность. Слѣдовало, пожалуй, послѣ „то-есть“ поставить слово „напримѣръ“ или „какъ“ или прибавить еще нѣкоторыя другія значенія.

§ 159—161. Образованіе многократнаго вида. Здѣсь выставляются,

вопервыхъ, тѣ перемѣны основъ глаголовъ, которыя происходятъ при образованіи этого вида; потомъ приводятся окончанія: *ивать, ивать, вать, ать, лать*, образующія многократный видъ, и указанія, въ какихъ случаяхъ эти окончанія употребляются; наконецъ, приведены тѣ глаголы, которые образуютъ многократный видъ не окончаніями, но перемѣнами глагольныхъ основъ, то-есть, односложныхъ глаголовъ, расширяющихъ основы вставкою гласныхъ, какъ на примѣръ брать, — бирать, звать — зывать, жать — жимать. Я ставилъ простыя формы этихъ глаголовъ, которые большею частью употребляются только съ предлогами, жидать, вмѣсто ожидать или дожидаться. Въ этомъ я слѣдовалъ примѣру г. Николаича. Но г. Смирновъ выставляетъ это какъ незнаніе мною русскаго языка.

Не хочу хвалить сдѣланнаго мною изложенія спряженія глаголовъ, но смѣю думать, что общій ходъ этого изложенія слѣдуетъ строгому принципу, вытекающему изъ чисто-педагогическихъ соображеній. Что этотъ первый опытъ страдаетъ многими погрѣшностями, что въ немъ много пробѣловъ—это не удивительно. Но надѣюсь, что всякій безпристрастный судья не назоветъ его хаосомъ, какъ поступилъ мой рецензентъ. Если г. Смирновъ не уяснилъ себѣ хода моего изложенія, то это доказываетъ, что у него мало педагогической опытности,—я же былъ болѣе десяти лѣтъ преподавателемъ языковъ и убѣдился, что грамматика чужаго языка должна быть составлена иначе, чѣмъ грамматика языка роднаго. Что мой трудъ вполне самостоятеленъ, съ этимъ согласится всякій, кто только знавомъ съ русскими грамматиками, составленными для иностранцевъ. Если я упомянулъ объ этомъ въ предисловіи, то не изъ хвастовства, но единственно съ цѣлью принять на себя полную отвѣтственность за придуманное мною изложеніе.

Теперь перехожу къ тому предмету, который собственно и побудилъ меня отвѣчать г. Смирнову, и который я считаю главною цѣлью его критики.

Г. Смирновъ на стран. 22-й и 23-й нападаетъ на татарскій текстъ моей грамматики. По его мнѣнію, задача русской грамматики вовсе не та, чтобъ учить Татаръ татарскому языку. Но развѣ мы обучаемъ учениковъ татарскому языку, если стараемся на этомъ для нихъ природномъ языкѣ излагать правила русскаго языка? Можно даже порицать меня за то, что я слишкомъ мало прибѣгалъ къ сравненіямъ съ роднымъ языкомъ учениковъ, потому что подобныя сравненія легче всего объясняютъ правила чужаго языка. Еслибы даже

ученики начали изучать въ нашихъ школахъ и татарскій языкъ, то и тутъ я не видѣлъ бы вреда. Только изученіе арабскаго языка можетъ замѣтно отвлечь ихъ отъ русской культуры, но не изученіе языка роднаго, который вовсе не служить представителемъ и толкователемъ мусульманскихъ стремленій. Авторъ критики болѣе всего нападаетъ на меня за то, что для передачи объясненій на татарскомъ языкѣ я употребилъ шрифтъ арабскій; онъ требуетъ транскрипціи татарскаго текста русскими буквами, да еще безъ всякихъ дополнительныхъ знаковъ. Что же сказали бы г. Смирновъ, еслибы кто-нибудь сочинялъ татарскую грамматику для Русскихъ, и ему вздумалось бы изложить всѣ русскія объясненія арабскими буквами? Для кого годилась бы эта грамматика? Между прочимъ, критикъ мой указываетъ на превосходство русскаго алфавита предъ арабскимъ и на то обстоятельство, что никакимъ алфавитомъ нельзя съ точностью обозначать звуки какаго бы то ни было языка. Эта мысль—безспорно вѣрна. Русскій алфавитъ вовсе не передаетъ отчетливо всѣхъ звуковъ русскаго языка, а арабскій алфавитъ еще хуже передаетъ звуки языка татарскаго. Но русскій алфавитъ приспособленъ къ передачѣ звуковъ русскаго языка, какъ и арабскій—къ передачѣ звуковъ татарскаго. Татары, принимая арабскія буквы, измѣнили отчасти ихъ значеніе такъ что въ настоящее время чужіе знаки соотвѣтствуютъ главнымъ законамъ татарскаго языка, такъ напримѣръ, буквы *кап* и *кеф*, *синч* и *сидч*, *Гейнч* и *Гейфч* получили вовсе имъ не свойственную роль служить выраженіемъ гармоніи гласныхъ, для которой арабская азбука не имѣла достаточныхъ знаковъ. Думаетъ ли г. Смирновъ, что возможно употребленіе алфавита, не приспособленнаго къ звуковымъ законамъ того языка, для передачи звуковъ котораго онъ долженъ служить? Пусть онъ попробуетъ написать болѣе обширный французскій текстъ русскими буквами, или русскій текстъ нѣмецкими! Развѣ латинскія буквы Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ одинаковы? Нѣтъ. Онѣ приведены для каждаго изъ этихъ языковъ въ своеобразную систему и эта система, называемая обыкновенно правописаніемъ, упрочивалась и устанавливалась лишь въ теченіе продолжительнаго времени и послѣ безчисленныхъ трудовъ. Пусть г. Смирновъ сравнить русскую азбуку съ греческою, которая послужила первообразомъ русской. Въ этой послѣдней принятъ силлабическій графическій принципъ, совершенно чуждый не только греческому, но и непосредственно изъ него развивавшемуся кирилловскому алфавиту, давшему, съ своей стороны, начало русской азбукѣ. Въ русской азбукѣ нѣкоторыя

перемѣны согласныхъ выражаются начертаніемъ слѣдующихъ за ними гласныхъ своеобразно звуковымъ законамъ русскаго языка.

Когда мы желаемъ писать на какомъ-нибудь языкѣ чужимъ алфавитомъ, то должны приспособить этотъ алфавитъ къ звуковымъ законамъ даннаго языка. А что русская азбука въ такомъ видѣ, въ какомъ она употребляется для русскихъ текстовъ, не годится для передачи текстовъ татарскихъ, въ этомъ долженъ сознаться каждый знающій татарскаго языка. Я считаю себя въ этомъ вопросѣ компетентнымъ судьей. Никто—могу это смѣло сказать—болѣе меня не написалъ татарскихъ текстовъ русскими буквами, и я сознаю, что болѣе привыкъ писать по татарски русскими буквами, чѣмъ арабскими.

Еще прошлою осенью имѣлъ я случай убѣдиться въ вѣрности этихъ возрѣній. Я познакомился въ Казани съ капитаномъ Алтынъ-Сарыномъ, Киргизомъ, получившимъ образованіе въ русскомъ учебномъ заведеніи и служившимъ много лѣтъ въ Оренбургскомъ генераль-губернаторствѣ. Онъ въ первый разъ увидѣлъ у меня изданные мною киргизскіе тексты; посвятивъ полчаса на разсмотрѣніе этихъ текстовъ, онъ началъ читать ихъ также быстро, какъ русскую книгу, не смотря на то, что при транскрипціи я употребилъ лишніе для практики знаки и даже ввелъ отчасти нерусскія буквы. Потомъ я показалъ ему киргизскую хрестоматію г. Терентьева, писанную подобно текстамъ русскаго языка, безъ всякихъ знаковъ, какъ желаетъ г. Смирновъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ не были въ состояніи добраться до смысла приведенныхъ тамъ текстовъ безъ помощи русскаго перевода. Г. Алтынъ-Сарынъ замѣтилъ, что эта письменность, по его мнѣнію, никогда не можетъ быть употребляема на практикѣ, и что она въ десять разъ затруднительнѣе арабской, которую онъ лично терпѣть не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе г. Алтынъ-Сарына совершенно справедливо. Только такой алфавитъ можетъ у Киргизовъ (или пожалуй и у Татаръ) вытѣснить арабскій, который представилъ бы народу значительное облегченіе. Что и русскимъ алфавитомъ безъ знаковъ можно отчетливо и вѣрно передать татарскій текстъ, это—безспорно. Въ русскомъ алфавитѣ болѣе 30 буквъ, а столькихъ буквъ для татарскаго языка даже и не нужно. Но тогда надо замѣнить силлабическій графическій принципъ русской азбуки. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ создать такіе звуковыя принципы, чтобы буквы для обозначенія гласныхъ звуковъ не имѣли отношенія къ предыдущему согласному: такъ что е = е (франц.) э = ö, ю = у, я = ä, и слоги,

начинающіеся съ согласной *j*, слѣдовало бѣ обозначать посредствомъ двухъ буквъ *ie, iz, iju, iy* и т. д. Тогда всякая сбивчивость устранилась сама собою. Правила же, въ родѣ предлагаемыхъ г. Смирновымъ, а именно, что въ однихъ словахъ буква *y* должна выговариваться какъ русское *y*, въ другихъ какъ французское *u*, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Только та азбука годится для чтенія, которая имѣетъ опредѣленную орфографію и не требуетъ лишней догадливости читателя.

Г. Смирновъ касается и другой стороны вопроса, а именно, возможно ли и удобно ли, въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, вводить въ учебники для Татаръ татарскіе тексты, писанные русскими буквами, и утверждаетъ, что это не только возможно, но даже полезно. Я никакъ не могу согласиться съ его мнѣніемъ. Что полезно распространить русскую азбуку у инородцевъ, которые не имѣютъ своей письменности, каковы крещенные Татары, Черемисы, Вотяки и Киргизы, — въ этомъ я самъ убѣжденъ, и тѣ, которые стараются распространить ее, дѣлаютъ великое благо и государству — и этимъ народамъ. Но положеніе нашихъ Татаръ — совершенно другое. Грамотность у нихъ распространена до такой степени, что — можно смѣло сказать — болѣе 60% умѣютъ писать и читать арабскимъ алфавитомъ. Въ нашихъ краяхъ находятся сотни медресъ, тысячи народныхъ школъ, въ которыхъ болѣе ста тысячъ дѣтей и молодыхъ людей обучаются большую часть года. Въ одной Казани печатается ежегодно до 100.000 букварей для изученія арабской грамоты. Правительство желаетъ теперь распространить знаніе государственнаго языка среди этого населенія, и самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли является учрежденіе отдѣльныхъ русскихъ классовъ при существующихъ магометанскихъ школахъ. Татары неохотно соглашались на открытіе подобныхъ классовъ. Кромѣ того, они очень подозрительны и постоянно опасаются, что упомянутые классы ведутъ къ ослабленію ихъ религіозныхъ воззрѣній. Всѣ эти обстоятельства тормозятъ благія стремленія правительства, не смотря на безусловную ихъ вѣрность. Нужно ли еще больше увеличивать встрѣчаемыя имъ затрудненія? Должны ли мы вредить своему дѣлу, твердя Татарамъ теперь, когда мы еще не приобрѣли ихъ довѣрія: „ваша письменность никуда не годится, бросьте ее и употребляйте русскія буквы“. Должны ли мы стать въ положеніе враждебное къ мулламъ — учителямъ и дать фанатикамъ поводъ къ распространенію вредныхъ для нашего дѣла слуховъ? Развѣ наши ученики не посѣща-

ють тоже магометанскія школы? Развѣ они отличаются въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ отъ тѣхъ учениковъ, которые не посѣщаютъ русскихъ классовъ? Какое это не зараженное мусульманскимъ фанатизмомъ юношество, о которомъ упоминаетъ г. Смирновъ, и что онъ подразумѣваетъ подъ словомъ русская школа? Нѣтъ, громкими фразами нельзя измѣнить истиннаго положенія дѣлъ! Если мы желаемъ ввести русскій языкъ какъ полезный для Татаръ предметъ въ ихъ школы, то должны связать пріобрѣтенныя учениками знанія съ тѣми знаніями, которыя мы намѣрены имъ привить; если же мы убѣдились, что татарскіе тексты, написанные арабскимъ алфавитомъ, служатъ лучшимъ средствомъ для первоначальнаго введенія новаго предмета, то и нужно начать новое ученіе по этимъ книгамъ, и только впоследствии переходить къ книгамъ русскимъ.

Всѣ доводы г. Смирнова нисколько не убѣдили меня въ превосходствѣ употребленія русской транскрипціи. Что Турки открыто высказывались о неудобствѣ арабскаго алфавита, я знаю, и нисколько этому не удивляюсь. Но эти Турки совершенно неправильно называли мусульманскими архистаровѣрами; я думаю, что софты и имамы не соглашались съ ихъ мнѣніемъ. Въ мусульманскомъ мірѣ, гдѣ я вращаюсь пятнадцать лѣтъ, такіе Турки называются полуневѣрными. У нашихъ Татаръ и у Татаръ Средней Азіи нѣтъ людей съ подобными взглядами; между ними никто не сомнѣвается, что азбука арабская ниспослана самимъ Богомъ, и что истинный мусульманинъ не долженъ писать на своемъ языкѣ другими буквами, какъ только буквами Корана.

Я благодаренъ г. Смирнову за его замѣчанія, которыя могутъ служить для улучшенія втораго изданія грамматики, но говорю впередъ, что и оно будетъ составлено въ духѣ изданія перваго, которое, не смотря на всѣ его недостатки, припело на практикѣ значительную пользу.

На сколько критика г. Смирнова изобилуетъ замѣчаніями о русскомъ переводѣ моей грамматики, на столько она бѣдна относительно татарскаго текста, который, по моему мнѣнію, и долженъ былъ болѣе всего интересовать ученаго оріенталиста.

Г. Смирновъ не хочетъ, по видимому, знать звуковыхъ законовъ татарскаго языка, гармонія гласныхъ для него не существуетъ, и едва ли прислушивался онъ къ выговору татарскихъ словъ. Какъ же объяснить себѣ иначе транскрипцію „бир-даі“ вмѣсто „бірдэй“, „равиши“ вмѣсто „рэуши“ (еслибъ это слово выговаривалось „равиш“, то

слѣдовало по крайней мѣрѣ писать „равышы“. Я могъ бы привести еще цѣлый рядъ такихъ ошибокъ, находящихся въ примѣчаніяхъ на счетъ учебника г. Казаса, каковы „дыши“, „джакильликъ“. То же слѣдуетъ сказать и о грамматическихъ замѣчаніяхъ г. Смирнова: я перевелъ слово „страдательный залогъ“ сложнымъ словомъ „азаб рэуши“: это г. Смирнову не нравится. Онъ нашелъ, что у меня гдѣ-то переведено слово „мученіе“ черезъ „изаб“: говоритъ, что персидское слово „равиши“ означаетъ походку, похождение; слѣдовательно, по мнѣнію его, „азаб раваша“ значитъ „поучительная походка“, или „похождение“. Не говоря ужъ о томъ, что „азаб“ значитъ: мученіе и страданіе, и что слово „рэуш“ не значитъ по татарски походка или похождение, но „видѣ“ „положеніе“ (впрочемъ это слово имѣетъ такое же значеніе и въ персидскомъ языкѣ), г. Смирновъ своимъ переводомъ доказываетъ только, что ему еще неизвѣстно, что сопоставленіе двухъ именъ существительныхъ можетъ выразить двойное понятіе. Если два слова просто сопоставляются въ casus indefinitus, тогда первое принимаетъ значеніе прилагательнаго; если же при сопоставленіи двухъ именъ существительныхъ въ casus indefinitus ко второму имени прибавляется мѣстоименіе притяжательное третьяго лица, то первое слово принимаетъ значеніе родительнаго надежа, и потому „азаб рэуши“ значитъ: „состояніе страданія“ совершенно также, какъ нѣмецкое: Leidenform. Такое сопоставленіе именъ весьма обыкновенно во всѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ (Казан каласы, la ville de Kazan, Идил крыш, берегъ Волги и т. д.). Такимъ образомъ надѣюсь, слово „азаб рэуши“ не хуже передаетъ понятіе „страдательный залогъ“, чѣмъ латинскій терминъ vox passiva¹⁾.

А вотъ еще одна странность въ критикѣ г. Смирнова. Русскіе знаки препинанія я назвалъ въ татарскомъ текстѣ такъ, какъ ихъ уже называли ученики русскихъ классовъ раньше изданія моей грамматики. Такъ напримѣръ, „запятая“ названа „ютюр“ (үтүр). Г. Смирновъ, не

¹⁾ Когда я писалъ эту статью, случайно пришелъ ко мнѣ шакирдъ Кашкардскаго медресе Губайдулла Мухтаровъ не знающій ни одного слова по русски и не видѣвшій еще моей грамматики. Чтобы убѣдиться въ томъ, годится ли терминъ «азаб рэуши», я заговорилъ съ нимъ о грамматикѣ, и между прочимъ сказалъ, что русскій глаголъ имѣетъ два «рэуш»: 1) «эмал рэуши» и 2) «азаб рэуши»; напримѣръ: *жапты*—онъ закрылъ—есть «эмал рэуши»; какъ же будетъ «азаб рэуши»? Шакирдъ не останавливаясь отвѣтилъ: «*Жабылды*»; должно быть твое слово «азаб рэуши» означаетъ то же самое, какъ нашъ «маджкул». Отвѣтъ этотъ доказываетъ, что мой переводъ вовсе не смѣшенъ.

зная, что такъ называютъ Татары арабскую „дама“, похожую съ виду на русскую запятую, думаетъ, что я назвалъ её „утир“=„садись“! какъ будто въ значеніи „остановись“. Не знаю, за кого г. Смирновъ меня принимаетъ, допуская, что я передаю имя существительное черезъ повелительное наклоненіе, но этого мало: онъ думаетъ, что изъ повелительнаго наклоненія я образовалъ новое имя существительное окончаніемъ, которымъ образуются только существительныя изъ существительныхъ, именно окончаніемъ „даш“ (дэш). Г. Смирнову извѣстно, что я жилъ болѣе пятнадцати лѣтъ среди Татарскихъ племенъ; извѣстно ему, что въ теченіе всего этого времени я занимался изученіемъ ихъ языка, и послѣ всего этого онъ полагаетъ, что я не изучилъ даже первыхъ элементовъ ихъ грамматики. Нѣтъ „ютюрдэшлэр“ просто значить „товарищи дама“ или „пары ковычекъ, сопровождающихъ всегда другъ друга“, это названіе не выдумано мною, а усвоено отъ учениковъ нашей казанской школы, которые сами дали кавычкамъ такое совершенно подходящее названіе.

Надѣюсь, что мое возраженіе опровергаетъ большую часть нападокъ моего рецензента. Во всякомъ случаѣ продолженіе спора я считаю безполезнымъ. Это—мое послѣднее слово.

В. Радловъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

I. ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Ветеринарные институты.

а) *Харьковскій ветеринарный институтъ.*

Въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, по штату 8-го мая 1873 года, положено 10 преподавателей существенныхъ ветеринарныхъ предметовъ, именно: ординарныхъ профессоровъ, въ числѣ коихъ и директоръ института—3, экстраординарный—1, доцентовъ—4 (изъ нихъ 2 для существенныхъ ветеринарныхъ предметовъ, 1 для сельскаго хозяйства и 1 для фармакогнозіи и фармаціи), 1 прозекторъ и 1 ученый вузнецъ. Предметы вспомогательные, какъ-то химія, физика, ботаника, зоологія, минералогія, физическая географія, богословіе, языки русскій и нѣмецкій, студенты института слушаютъ въ Харьковскомъ университетѣ совмѣстно съ студентами медицинскаго факультета. Къ 1-му января 1877 года на лицо состояло 7 штатныхъ преподавателей; затѣмъ вакансій преподавательскихъ было—3, именно 1 ординарнаго профессора и 2 доцентовъ. Предметы, по коимъ не имѣлось преподавателей, поручены были наличнымъ преподавателямъ, именно: клиника внутреннихъ и заразительныхъ болѣзней и чтеніе ученія о повальныхъ заразительныхъ болѣзняхъ — профессору клиники наружныхъ болѣзней, директору института Мельниченко, частная патологія и терапія — экстраординарному профессору Журовскому, гигиена и діететика—ординарному профессору Полють, ученіе о заводахъ — доценту Павловичу, общая патологія — приватъ-доценту Ковалевскому.

Совѣтъ Харьковскаго ветеринарнаго института имѣлъ въ теченіе 1876 года 36 засѣданій, изъ нихъ 18—для обсужденія разныхъ институтскихъ дѣлъ и 18—экзаменаціонныхъ при испытаніяхъ студентовъ и фельдшерскихъ учениковъ, ищущихъ степени ветеринарнаго врача и званія ветеринарнаго фельдшера. Для усиленія учебной дѣятельности и поощренія студентовъ, просившимъ и заслужившимъ по успѣхамъ назначены отъ института стипендіи; кромѣ этого, какъ стипендіатамъ, такъ и своекоштнымъ студентамъ, выдавы были денежныя пособія изъ остатковъ штатныхъ суммъ, а нѣкоторые освобождены были отъ платы за слушаніе лекцій. На соисканіе наградъ медалями совѣтомъ института предложены были двѣ темы: а) „Изложеніе рациональнаго способа леченія чумы рогатаго скота во всѣхъ ся періодахъ, основаннаго на современной физиологіи“ и б) „Механизмъ движенія“. За представленныя на первую изъ сихъ темъ сочиненія награждены окончившіе курсъ съ званіемъ ветеринарнаго врача: золотою медалью — Владимиръ *Лисицынъ*, серебряною — Александръ *Рождественскій*, почетнымъ отзывомъ — Федоръ *Лисицынъ*, Павелъ *Воиновъ*, Іосифъ *Карцевскій* и Александръ *Остапенко*. На вторую изъ названныхъ темъ не было представлено ни одного сочиненія, что, по объясненію совѣта института, произошло вслѣдствіе невозможности студентамъ старшаго курса заняться письменными работами въ виду какъ значительнаго числа лекцій, выслушанныхъ ими вслѣдствіе ускореннаго выпуска, такъ и наступившихъ вскорѣ затѣмъ выпускныхъ экзаменовъ.

Изъ числа окончившихъ курсъ студентовъ, двое: Алексѣй *Каклюшнъ* и Александръ *Остапенко*, по избранію совѣта, оставлены при институтѣ въ званіи приватъ-доцентовъ.

Преподаватели и другія служащія въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ лица издали въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературныя труды: директоръ института, профессоръ *М. Мельниченко* — отлитографировалъ 3-ю часть своихъ лекцій по предмету теоретической хирургіи; исправляющій должность экстраординарнаго профессора *М. Журавскій* — напечаталъ статьи: въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ — „Операціонный столъ“ и въ Медицинской газетѣ — „Объ опредѣленіи родины чумы рогатаго скота“; доцентъ *І. Павловичъ* — напечаталъ диссертацию на степень магистра сельскаго хозяйства подъ заглавіемъ: „О кормовыхъ травахъ, дико растущихъ и воздѣлываемыхъ въ Украйнѣ“; приватъ-доцентъ *А. Остапенко* — отлитографировалъ свои лекціи по предмету акушерства для студентовъ IV курса. Команди-

рованы были съ ученою цѣлью: директоръ института Мельниченко — въ Россію и преимущественно въ губерніи Кіевскую и Подольскую, для изслѣдованія и изученія причинъ появленія и способовъ распространенія чумы на рогатомъ скотѣ. и ординарный профессоръ Полюта — въ Варшаву, для присутствованія въ качествѣ депутата отъ института на 5-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей.

Денежныя средства института въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: по финансовой смѣтѣ ассигновано было къ отпуску изъ государственнаго казначейства: на личный составъ — 23,091 руб., на отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы — 2,450 руб., на бібліотеку и кабинеты — 2,300 руб., на вознагражденіе бібліотекаря изъ преподавателей — 150 руб., на клинику съ ветеринарною аптекою — 1,400 руб., на содержаніе педеля и служителей — 1,600 руб., на кузницу — 100 руб., на канцелярскіе припасы — 150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института — 400 руб., на изготовленіе медалей — 100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлью — 550 руб., на стипендіи студентамъ — 3,000 руб., на обмундировку студентамъ, окончившимъ курсъ — 900 руб., на содержаніе стипендіатовъ коннозаводскаго вѣдомства — 2,327 руб. 18 коп., а всего, вмѣстѣ съ 6,433 руб. 62 коп., оставшимися отъ 1875 года, въ приходѣ было — 44,951 руб. 80 коп. Изъ этой суммы въ теченіе года израсходовано — 38,522 руб. 31 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1-му января 1877 года имѣлось — 6,429 руб. 69 коп. Суммы сбора съ учащихся за слушаніе лекцій, составляющей спеціальныя средства института, въ остаткѣ отъ 1875 года имѣлось — 1,044 руб. 49½ коп., въ теченіе 1876 года поступило — 1,936 руб., всего такимъ образомъ въ приходѣ было — 2,980 руб. 49½ коп., израсходовано — 2,093 руб. 64 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1-му января 1877 года было — 886 р. 85½ коп.

Учащихся къ 1-му января 1876 года состояло — 220, въ томъ числѣ: студентовъ — 211 и фельдшерскихъ учениковъ — 11; въ теченіе 1876 года вновь поступило: въ студенты — 87 и въ фельдшерскіе ученики — 13; выбыло: студентовъ — 105, изъ нихъ по окончаніи курса — 75, не окончивъ курса — 30; фельдшерскихъ учениковъ, окончившихъ курсъ — 4; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось: студентовъ — 193, фельдшерскихъ учениковъ — 20. Изъ общаго числа студентовъ освобождено отъ платы — 10, получили отсрочки во взносѣ платы — 21, принято на казенныя стипендіи — 10, получили пособія — 19. Стипендіатовъ состояло: институтскихъ — 12, области вой-

ска Довскаго — 3. разныхъ земствъ изъ фельдшерскихъ учениковъ — 10. Изъ числа окончившимъ въ 1876 году курсъ, удостоено ветеринарныхъ степеней и званій: ветеринарнаго врача — 75, ветеринарнаго помощника — 1 и ветеринарнаго фельдшера — 4.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ институтской библиотекѣ числилось книгъ, періодическихъ изданій, гравюръ и эстамповъ — 2,863 названія 4,185 томовъ на сумму 12,176 руб. Въ физическомъ кабинетѣ — 246 номеровъ на 4,420 руб. Въ химическомъ кабинетѣ — 677 номеровъ на 482 руб. Въ химической лабораторіи студенты 2-го курса, а нѣкоторые и изъ 3-го курса, подъ руководствомъ лаборанта фармаціи, занимались упражненіями въ химическомъ анализѣ. Въ фармакогностическомъ кабинетѣ читались — 267 номеровъ на 203 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ — 1,666 номеровъ на 430 руб.; въ гербаріи и ботаническомъ саду — 6,000 номеровъ на 430 руб. Въ музеѣ анатомическаго театра: въ отдѣленіи физиолого-анатомическомъ — 3,715 номеровъ на сумму 4,714 руб., въ отдѣленіи патолого-анатомическомъ — 241 номеръ на 1,051 руб. Въ анатомическомъ театрѣ, студенты 1-го, 2-го и 3-го курсовъ, подъ руководствомъ прозектора, занимались упражненіями въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ, а студенты 4-го курса изготовляли препараты для окончательныхъ испытаній изъ практической анатоміи. Въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ числилось — 61 номеръ на сумму 255 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ — 73 номера на 252 руб.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ — 196 номеровъ на 2,473 руб.; въ аптекѣ — 1,344 номера на 2,750 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ — 189 номеровъ на 625 руб. Въ кузницѣ при институтѣ студенты 3-го курса, подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ ученаго кузнеца, занимались приготовленіемъ подковъ для копытъ здоровыхъ и патологическихъ, а во 2-мъ семестрѣ студенты 4-го курса сами изготовляли подковы и сами же пригоняли ихъ къ копытамъ, что и составляетъ окончательный экзаменъ изъ этого предмета. Въ собраніи зубныхъ препаратовъ числилось — 40 номеровъ на 105 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 343 номера на 1,986 руб.; въ клиникѣ — 83 номера на 396 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ — 2,800 номеровъ на 3,794 руб. Движеніе больныхъ животныхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ постоянной клиникѣ оставалось отъ 1875 года — 7, въ теченіе 1876 года посту-

пило — 238; изъ этого числа выздоровѣло — 167, получило облегченіе — 21, признано неизлечимыми — 2, пало 44, затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось на излеченіи—11; въ амбулаторной клиникѣ больныхъ животныхъ пользовалось—176, въ поликлиникѣ—187.

б) *Дерптскій ветеринарный институтъ.*

Въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ, руководствующемся въ дѣйствіяхъ своихъ уставомъ и штатомъ, общими съ ветеринарными институтами Харьковскимъ и Казанскимъ, къ 1-му января 1877 года состояло штатныхъ преподавателей ветеринарныхъ предметовъ—9, именно: ординарныхъ профессоровъ (въ числѣ ихъ и директоръ института)—3, экстраординарный профессоръ—1, доцентовъ—4, прозекторъ—1. Вспомогательные предметы учебнаго курса въ институтѣ преподаются за особое вознагражденіе, на что по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1876 году, назначено къ отпуску изъ государственнаго казначейства по 1,500 руб. въ годъ.

Въ теченіе 1876 года совѣтъ института имѣлъ 30 засѣданій. Мѣрами къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ служило назначеніе лучшимъ изъ нихъ стипендій изъ отпускаемой на сей предметъ по штату суммы. На предложенную совѣтомъ въ 1876 г. тему подъ заглавіемъ „Ueber die Entwicklung der Spermatozoen“ представлено было разсужденіе казеннымъ стипендіатомъ Христіаномъ *Гельманомъ*, который и удостоенъ золотой медали. На 1877 годъ, для соисканія наградъ медалями, предложена слѣдующая тема: „Versuche über die Verwendbarkeit des Vaporimeters von Geissler zur Prüfung aetherischer Oele auf Verfälschungen“.

Преподаватели Дерптскаго ветеринарнаго института издали въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ института, профессоръ *Ф. Унтербергеръ*—„О чумѣ рогатаго скота и о мѣрахъ къ предохраненію и пресѣченію оной, и нѣсколько словъ о сибирской извѣ“, напечатанное иждивеніемъ Симбирскаго уѣзднаго земства и въ *Archiv für wissenschaftliche und practische Thierheilkunde* статью „Der Kopowal von Ladoga“; ординарный профессоръ *Е. Земмеръ*—напечаталъ въ *Deutsche Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie* *Болингера* и *Франка* статьи: „Versuche über Uebertragbarkeit der Tuberkulose der Rinder auf andere Thiere“, „Zur pathologischen Anatomie der With“, „Ueber die Tuberkulose des „Gehirns“ и „Versuche über die Uebertragbarkeit des Rötzes“; экстраординарный профессоръ *К. Раймахъ* — напечаталъ „Die Schafzucht in Karloffka

mit besonderer Berücksichtigung der sanitären Verhältnisse“. Это сочиненіе представлено санитарному конгрессу въ Брюсселѣ и удостоено преміи.

Денежныя средства института находились въ 1876 году въ слѣдующемъ положеніи: 1) штатныхъ суммъ: остатка отъ 1875 года—2,024 руб. 95 коп., ассигновано было по финансовой смѣтѣ изъ суммъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава—23,091 руб., на вознагражденіе преподавателямъ вспомогательныхъ предметовъ—1,500 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособия—9,200 р., на стипендіи студентамъ—3,000 р., и того—36,791 р., а съ остаткомъ отъ 1875 г.—38,815 руб. 95 коп.; 2) специальныхъ средствъ: а) сбора за слушаніе лекцій: отъ 1875 года оставалось—12 руб. 92 коп., въ 1876 г. поступило—324 руб., израсходовано—186 руб. 48 коп., къ 1877 году въ остаткѣ было—150 руб. 44 коп.; б) сбора за леченіе животныхъ: оставалось отъ 1875 года—719 руб. 43 коп., поступило въ 1876 г.—1,092 руб. 94 коп., израсходовано—1,682 руб. 68 коп., къ 1877 году остатка—129 руб. 69 коп.; в) пожертвованныхъ: остатка отъ 1875 г.—7,272 руб. 20 коп., въ 1876 г. въ приходѣ—357 р. 85 к.; въ расходѣ—349 р. 50 к., оставалось къ 1877 году—7,280 р. 55 к.

Учащихся въ институтѣ къ 1-му января 1876 года состояло: студентовъ—36, фельдшерскихъ учениковъ—8, вольнослушателей—1; въ 1876 году вновь поступило: студентовъ—25 (изъ высшихъ учебныхъ заведеній—1, изъ гимназій—6, изъ реальнхъ училищъ—2, изъ духовныхъ семинарій—2, домашняго образованія—14), фельдшерскихъ учениковъ—3; въ теченіе года выбыло: студентовъ—10, изъ нихъ до окончанія курса—2, по окончаніи курса—10, постороннихъ слушателей—1; затѣмъ къ 1-му января 1877 г. оставалось: студентовъ—49, фельдшерскихъ учениковъ—11. Изъ общаго числа состоявшихъ въ 1876 г. 61 студента освобождено было отъ платы 22, что составляетъ 36% общаго числа. Стипендіей, въ размѣрѣ 150 руб., пользовались 20 студентовъ, изъ нихъ пятерымъ выдана прибавка по 100 руб. каждому, а одному—50 руб. Изъ числа окончившихъ курсъ студентовъ 10 утверждены въ степени ветеринарнаго врача.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ институтской библіотекѣ числилось книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ—4,747 названій, 9,421 томъ на сумму 26,455 руб. Въ физическомъ кабинетѣ—518 номеровъ.

на 6,270 руб.; въ химическомъ кабинетѣ—213 номеровъ на 1,254 р.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ—645 номеровъ на 259 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ—3,079 номеровъ на 1,272 р.; въ зоологическомъ собраніи—430 номеровъ на 67 р.; въ отдѣленіяхъ музея анатомическаго театра: физиолого-анатомическомъ—533 номера на 7,660 руб., патологико-анатомическомъ—1,326 номеровъ на 2,718 р.; въ кабинетѣ чертежей и рисунковъ—186 номеровъ на 179 руб.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ—94 номера на 387 р.; въ кузницѣ—85 номеровъ на 566 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ—19 номеровъ по 645 руб.; въ физиологико-химическомъ кабинетѣ—50 номеровъ на 601 р.; въ аптекѣ—318 номеровъ на 1,991 р.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ—378 номеровъ на 305 р.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—146 номеровъ на 78 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ—232 номера на 943 р.; въ зоотомическомъ кабинетѣ—1,050 р. на 741 руб.; въ клиникѣ—314 номеровъ на 2,597 р. Движеніе больныхъ животныхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1876 г. оставалось больныхъ—22, въ теченіе года вновь поступило—3,206, изъ нихъ было использовано: въ клиникахъ—310, амбулантно—1,545 и внѣ института—1,373; изъ этого числа выздоровѣло—2,625, пало—51, предано смерти для анатомико-патологическихъ и ветеринарно-судебныхъ изслѣдованій—23; пациентовъ, страдавшихъ неизлечимыми болѣзнями, было—21, исходъ болѣзни остался неизвѣстенъ у 501; къ 1-му января 1877 года въ клиникѣ оставалось больныхъ животныхъ—17. Въ патологическомъ отдѣленіи вскрыто труповъ животныхъ: навшихъ въ клиникѣ—51, преданныхъ смерти—23, поступившихъ извнѣ—39, всего—113 труповъ. Операцийъ было произведено: мелѣе важныхъ—343, болѣе значительныхъ—112; въ клинику доставлено было 12 животныхъ, подозрѣваемыхъ въ бѣшенствѣ, которое и подтвердилось произведеннымъ вскрытіемъ. Въ лабораторіи института, подъ руководствомъ доцента фармаціи, произведено 12 анализовъ диабетической мочи относительно специфическаго вѣса и количественнаго содержанія сахара и одинъ анализъ для открытія яда. Этотъ послѣдній анализъ былъ произведенъ по просьбѣ дерптскаго Уѣзднаго полицейскаго управленія, для рѣшенія тяжелаго дѣла о томъ, послѣдовала ли смерть переданнаго институту для вскрытія медвѣдя вслѣдствіе выстрѣла, или же предшествовавшаго отравленія стрихниномъ.

в) *Казанскій ветеринарный институтъ.*

Казанскій ветеринарный институтъ, открытый въ 1874 году, съ присвоеніемъ ему устава и штата Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ институтовъ, въ 1876 году имѣлъ три курса студентовъ и три класса учениковъ состоящей при институтѣ ветеринарно-фельдшерской школы. Къ 1-му января 1877 года состояло преподавателей въ институтѣ: ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ директоръ института)—3, доцентовъ—2, помощникъ прозектора—1, ученый кузнецъ—1, ассистентовъ клиники—2, лаборантъ фармаціи—1 и три преподавателя по найму; въ фельдшерской школѣ, сверхъ помощника прозектора, ученаго кузнеца, двухъ ассистентовъ и лаборанта фармаціи,—законоучитель и преподаватель русскаго языка.

Въ теченіе 1876 года совѣтъ Казанскаго ветеринарнаго института имѣлъ 34 засѣданія, въ которыхъ, между прочимъ, постановлено: а) по случаю встрѣтившихся затрудненій въ веденіи практическихъ занятій студентовъ по аналитической химіи въ университетѣ, вести эти занятія въ фармакогностической лабораторіи института, что и приведено въ исполненіе съ начала 1876—1877 академическаго года; б) для руководства въ клиникахъ и въ университетѣ составлены и введены въ дѣйствіе клиническія правила, инструкція ассистентамъ клиники и правила о вольной продажѣ лекарствъ, и в) съ цѣлію опредѣлить обязанности студентовъ относительно слушанія ими русскаго и нѣмецкаго языковъ, сдѣлать русскій языкъ обязательнымъ для студентовъ 1-го и 2-го курсовъ, а нѣмецкій—только для студентовъ 1-го курса. Для поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, кромѣ стипендій, выдаваемыхъ изъ опредѣленной на то штатной суммы, студентамъ, отличающимся поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами, назначались сдвоенныя денежныя пособія, или они освобождались отъ взноса платы за слушаніе лекцій; при этомъ инспекторомъ былъ веденъ контроль подъ исполненіемъ учащимися лежащихъ на нихъ учебныхъ обязанностей.

Медалей студентамъ въ 1876 году присуждаемо не было, такъ какъ лишь съ открытіемъ 3-го курса, послѣдовавшимъ во второй половинѣ года, студенты признаны достаточно подготовленными къ разрѣшенію научныхъ вопросовъ для соисканія медалей, и съ этой цѣлью дана для разрѣшенія, на срокъ 1-го декабря 1877 года, слѣдующая тема: „какое вліяніе имѣетъ на внутреннюю температуру

тѣла у рогатаго скота (коровы) время дня и температура окружающей среды“.

Преподаватели Казанскаго ветеринарнаго института издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ института, профессоръ *Зейфманъ*—изготовилъ для помѣщенія въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ статью подъ заглавіемъ: „Трихины и трихинная болѣзнь (Trichina et Trichinosis)“; профессоръ *Ламе*—издалъ литографированныя лекціи по частной патологіи и терапіи; доцентъ *Блумбергъ*—напечаталъ статьи: въ *Neue Dorptsche Zeitung* — „Ein Vorschlag zur Beseitigung einiger localer Ueberstände“, въ *Archiv für wissenschaftliche und practische Thierheilkunde*—„Ein Beitrag zur Anatomie der Taenia plicata, Taenia perfoliata et Taenia mamillana“ и въ журналѣ Коннозаводства—„Объ эстонской лошади и о Торчельскомъ конскомъ заводѣ“; преподаватель, докторъ медицины *Навалкинъ*—напечаталъ „Myothermische Untersuchungen“. Командированы были съ ученою цѣлю: за границу—ординарный профессоръ Стржединскій и доцентъ Леманъ и въ разныя губерніи Россіи—директоръ и профессоръ Зейфманъ.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: по финансовой смѣтѣ ассигновано было на содержаніе института: на личный составъ—23,091 руб., на хозяйственные расходы—2,450 руб., на бібліотеку и кабинеты—2,300 руб., на вознагражденіе бібліотекаря изъ преподавателей—150 руб., на клинику съ ветеринарной аптекой—1,400 руб., на содержаніе недела и слугъ—1,600 руб., на кузницу—100 руб., на канцелярскіе припасы—150 р., на печатаніе сочиненій отъ института—400 руб., на изготовленіе медалей—100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлю—550 руб., на стипендіи—3,000 руб. и на наемъ помѣщенія для института—5,000 руб., итого—40,291 руб., а съ присоединеніемъ къ сему остаточныхъ отъ 1875 года 7,225 руб. 25 коп., вся штатная сумма составляетъ 47,516 руб. 45 коп. Изъ этого числа въ теченіе года израсходовано—36,653 руб. 53 коп., затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось—10,862 руб. 92 коп. Спеціальныхъ средствъ института, именно сбора за слушаніе лекцій, оставалось отъ 1875 года—2,276 руб. 38 коп., въ теченіе 1876 года поступило—3,520 руб., въ теченіе года израсходовано—3,238 руб. 78 коп., затѣмъ къ 1-му января 1877 года въ остаткѣ имѣлось—2,557 руб. 51 коп.

Движеніе учащихся въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ и въ состоящей при институтѣ школѣ для приготовленія ветеринар-

ныхъ фельдшеро́въ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1-му января 1876 года состояло: въ институтѣ студентовъ—99, въ школъ—15; въ теченіе года вновь поступило въ студенты—88 (изъ гимназій—43, изъ духовныхъ семинарій—41, изъ другихъ учебныхъ заведеній—4), фельдшерскихъ учениковъ—4; въ теченіе года выбыло: студентовъ—35, фельдшерскихъ учениковъ—2; затѣмъ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо: студентовъ—152 (на 1-мъ курсѣ—68, на 2-мъ—43, на 3-мъ—41), фельдшерскихъ учениковъ—17 (въ 1-мъ классѣ—3, во 2-мъ—6, въ 3-мъ—8). Изъ общаго числа бывшихъ въ 1876 году 187 студентовъ освобождено было отъ взноса платы—74, что составляетъ 40% общаго числа; разсроченъ взносъ платы—13 студентамъ. Стипендіями казенными, въ размѣрѣ по 200 руб. въ годъ, пользовались 11 студентовъ; пособій выдано было 56 студентамъ 1,380 руб., въ размѣрѣ отъ 75 до 25 руб. Сверхъ того, на счетъ стипендій земствъ и нѣкоторыхъ благотворительныхъ обществъ, содержались 10 студентовъ на сумму 2,430 руб. и 7 фельдшерскихъ учениковъ на сумму 1,348 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго ветеринарнаго института находились къ 1-му января 1877 года въ слѣдующемъ положеніи. Въ институтской библіотекѣ числилось книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ—1,167 названій, 1,701 томъ, на сумму 4,051 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ—356 номеровъ на 2,088 руб.; въ аптекѣ—909 номеровъ на 2,625 руб. Въ аптекѣ, фармакогностической и химической лабораторіяхъ, подъ руководствомъ доцента Лемана и лаборанта Эйхенфельда, студенты 3-го курса упражнялись изготовленіемъ и составленіемъ различныхъ химическихъ и фармакогностическихъ препаратовъ; кромѣ того, студенты этого курса занимались, подъ наблюденіемъ доцента Лемана, по три раза въ недѣлю, по 2 часа, повтореніемъ важнѣйшихъ экспериментовъ, показанныхъ во время курса аналитической химіи. Въ отдѣленіяхъ музея анатомическаго театра числилось: въ физиолого-анатомическомъ—60 номеровъ на сумму 1,075 руб., въ патолого-анатомическомъ—356 номеровъ на 1,935 руб. Въ анатомо-патологическомъ кабинетѣ, подъ наблюденіемъ доцента Блумберга, практическія занятія со студентами 3-го курса состояли въ производствѣ вскрытій. по мѣрѣ доставленія труповъ животныхъ къ анатомическому театру; всѣхъ труповъ во второй половинѣ года было доставлено и вскрыто—9. По частной патологіи и терапіи, подъ руководствомъ ординарнаго профессора Ланге, студенты 3-го курса произво-

дили анализы мочи нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, при чемъ была изслѣдована моча какъ у здоровыхъ, такъ и у больныхъ животныхъ. Въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ числилось — 127 номеровъ на сумму 663 руб.; въ кузницѣ—197 номеровъ на 602 руб. Въ кузницѣ, подъ руководствомъ ученаго кузнеца, ветеринара Кальчинга, занимались фельдшерскіе ученики 1-го класса изготовленіемъ подковъ изъ свинца и желѣза, а 2-го и 3-го классовъ какъ дѣланіемъ подковъ изъ желѣза, такъ и подковываніемъ копытъ. Въ сельско-технологическомъ кабинетѣ было 34 номера на 682 руб.; въ физиолого-химическомъ кабинетѣ—646 номеровъ на 3,597 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ — 98 номеровъ на 314 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ — 22 номера на 63 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 282 номера на 709 руб.; въ клиникѣ—685 номеровъ на 3,140 руб.; зоотомическомъ кабинетѣ—712 номеровъ на 1,913 руб. По зоотоміи, подъ руководствомъ ординарнаго профессора Стржедзинскаго и помощника проректора Гришина, студенты 2-го курса занимались препарированіемъ различныхъ частей труповъ животныхъ ежевѣдѣльно въ указанное по росписанію вечернее время по группамъ; для этой цѣли было приобретено живыхъ лошадей на 121 руб 94 коп., анатомическихъ препаратовъ было изготовлено—49. Для нагляднаго же изученія анатоміи было изготовлено 33 рисунка разныхъ частей лошади въ формѣ стѣнныхъ таблицъ, съ печатнымъ для каждой изъ нихъ текстомъ, на сумму 304 руб. Въ клинику въ теченіе 1876 года поступило больныхъ животныхъ—240, изъ нихъ 59 въ постоянныя клиники, а 181—амбулантно. Изъ животныхъ, пользовавшихся въ стационарной клиникѣ, выздоровѣло и получило облегченіе—50, пало—9; важнѣйшихъ операций произведено было — 19. Приведенныя о клиникѣ цифры нельзя не признать вообще удовлетворительными, если принять во вниманіе, съ одной стороны, что клиника открыта лишь съ 1876 г., а съ другой — что жители Казани, преимущественно малообразованное татарское населеніе, еще не привыкли прибѣгать къ рациональному леченію своихъ домашнихъ животныхъ; притомъ же содержаніе животныхъ въ стационарныхъ клиникахъ института было сопряжено съ нѣкоторымъ неудобствомъ для владѣльцевъ животныхъ, такъ какъ не былъ еще установленъ порядокъ продовольствія больныхъ животныхъ отъ института, и владѣльцы должны были сами заботиться доставленіемъ для нихъ корма. При клиническихъ занятіяхъ студентовъ обязанности были постоянно находиться и фельдшерскіе ученики

послѣднихъ двухъ классовъ и, подъ руководствомъ ассистентовъ, исполнять въ постоянныхъ клиникахъ все, относящееся къ леченію и уходу за больными животными. Независимо отъ сего, подъ руководствомъ ассистента, преподающаго хирургію, ученики 3-го класса упражнялись въ производствѣ простѣйшихъ хирургическихкихъ операций надъ животными.

II. ЖЕНСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Виленское Маріинское высшее женское училище.

Виленское Маріинское высшее женское училище съ пансіономъ, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, принадлежитъ къ числу учебныхъ заведеній 1-го разряда и состоитъ изъ 7-ми классовъ нормальныхъ, 8-го спеціально-педагогическаго и приготовительнаго для малолѣтнихъ дѣвицъ. Служащихъ въ училищѣ къ 1-му января 1877 года состояло: директоръ—1, главная надзирательница — 1, классныхъ воспитательницъ — 13, штатныхъ преподавателей—3, законоучителей—4 (два — православнаго и два—римско-католическаго и лютеранскаго исповѣданій), преподавателей, состоящихъ на службѣ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ—10, преподавательницъ—7 (въ числѣ ихъ учительницы пѣнія, руководѣнія и танцевъ), прочихъ служащихъ—6.

Учащихся было къ 1-му января 1877 года—495. По вѣроисповѣданіямъ онѣ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православнаго вѣроисповѣданія—263, римско-католическаго — 144, лютеранскаго и реформатскаго—27, магометанскаго — 5, іудейскаго — 56; по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ — 403, духовнаго званія — 25, городскихъ сословій—62, сельскихъ сословій — 3, иностранцевъ — 2. Выбыло въ теченіе 1876 года: до окончанія курса — 31, по окончаніи курса — 27, въ томъ числѣ 22 — по окончаніи курса 7-ми классовъ, а 5—изъ 8-го педагогическаго класса. Изъ общаго числа 457 ученицъ приготовительнаго и первыхъ шести классовъ переведено въ слѣдующіе классы—374, что составляетъ 81,8% общаго числа; осталось на 2-й годъ въ классѣ—78, то-есть, 17%, уволено за неуспѣшность—5, то-есть, 1,1%. Изъ числа переведенныхъ въ слѣдующіе классы удостоены: 1-й награды — 30, 2-й награды — 36, всего 66, что составляетъ 14,4% всего числа подвергавшихся переводнымъ испытаніямъ. Въ выпускномъ VII классѣ состояло 22 ученицы и всѣ

онѣ признаны достойными аттестата, дающаго права на званіе домашней учительницы. Въ числѣ ихъ 5 награждены при выпускѣ медалями, а 5—похвальными листами и книгами; въ 8-й педагогическій классъ поступили — 8. Въ 8-мъ классѣ въ теченіе 1876 года было 5 ученицъ и всѣ онѣ удостоены званія домашней учительницы: 1—по русскому языку, 1—по нѣмецкому, 2—по ариѳметикѣ и 1—по ариѳметикѣ и французскому языку. Успѣхи ученицъ во 2-й половинѣ 1876 года выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: оказавшихъ отличные и хорошіе успѣхи по всѣмъ предметамъ—119, что составляетъ 24⁰/₀, оказавшихъ удовлетворительные успѣхи—258, то-есть, 51,1⁰/₀, не вполне удовлетворительные—123 или 24,9⁰/₀. Такимъ образомъ, число вполне успѣвающихъ ученицъ составляетъ 75,1⁰/₀. Наибольшее число ученицъ не вполне успѣвающихъ (34,9⁰/₀) приходится на долю 1-го, 2-го и 3-го классовъ, а на долю остальныхъ классовъ, кромѣ приготовительнаго, приходится 16,4⁰/₀.

Поведеніе ученицъ, признанное вполне удовлетворительнымъ, выразилось за вторую половину 1876 года въ слѣдующихъ цифрахъ: получившихъ въ среднемъ выводѣ 5 было—437 ученицъ, получившихъ 4¹/₂—46 и получившихъ 4—12. Проступки ученицъ, въ особенности пансіонерокъ, состояли въ нѣкоторыхъ уклоненіяхъ отъ дисциплинарныхъ правилъ и были такого рода, что влекли за собою только замѣчанія со стороны классныхъ воспитательницъ и въ рѣдкихъ случаяхъ—главной надзирательницы и директора училища.

При Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ имѣется пансіонъ, въ которомъ состояло 176 воспитанницъ, въ томъ числѣ 105—пансіонерокъ таможеннаго вѣдомства, 6—казенныхъ, 1—стипендіатка Министерства Народнаго Просвѣщенія, 10—стипендіатокъ частныхъ лицъ и 54 своекоштные пансіонерки. Православныхъ пансіонерокъ было 132 или 75⁰/₀ общаго числа. Пансіонерки римско-католическаго исповѣданія почти исключительно казеннокоштные таможеннаго вѣдомства и фундушей Цвинскаго и Дунина-Слѣпоца. Главный надзоръ за внутреннимъ порядкомъ и распредѣленіемъ времени въ пансіонѣ лежитъ на обязанности главной надзирательницы училища, въ помощь которой ежедневно дежурятъ по 4 классныхъ воспитательницы, находящіяся безотлучно при воспитанницахъ какъ въ урочное время такъ и во время рекреаций. Кромѣ 4-хъ дежурныхъ воспитательницъ въ урочное время, съ 9-ти часовъ утра до 3-хъ по полудни, надзоръ за всѣми воспитанницами, какъ пансіонерками, такъ и приходившими, лежитъ на обязанности и остальныхъ 9-ти классныхъ воспитатель-

ницъ, которыя безотлучно присутствуютъ на урокахъ преподавателей и во время промежутковъ между уроками.

При училищѣ состоятъ педагогическій совѣтъ и комитеты хозяйственный и временно-строительный. Педагогическій совѣтъ имѣлъ въ 1876 году 13 засѣданій, въ которыхъ обсуждались вопросы по части учебно-воспитательной, а частью и хозяйственной. Кромѣ засѣданій сего совѣта, въ теченіе 1876 года были неоднократно собираемы комиссіи какъ предметныя, такъ и классныя, для обсуждения вопросовъ относительно устройства учебной части по новому положенію объ училищѣ, а также для обсуждения пробныхъ уроковъ, даваемыхъ воспитанницами 8-го педагогическаго класса; такихъ засѣданій было до 30-ти. Хозяйственный комитетъ, подъ предѣлательствомъ директора, изъ главной надзирательницы и двухъ преподавателей, имѣлъ 24 засѣданія, въ которыхъ обсуждались важнѣйшія дѣла по хозяйственной части. Въ 1876 году директоромъ училища составлена подробная инструкция для хозяйственнаго комитета. Временно-строительный комитетъ по переустройству зданій училища, состоящій, подъ предѣлательствомъ директора, изъ членовъ: губернскаго инженера, архитектора Виленскаго учебнаго округа и двухъ преподавателей, имѣлъ 14 засѣданій, въ которыхъ обсуждались и рѣшались всѣ дѣла по переустройству зданій училища.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища къ 1 января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библіотекѣ числилось книгъ—113 названій 30 томовъ, изъ числа которыхъ въ 1876 году приобрѣтено 35 названій, 101 томъ, на сумму 116 руб.; въ пансіонской библіотекѣ—16 названій и томовъ. Въ физическомъ кабинетѣ—106 инструментовъ и приборовъ, въ число коихъ приобрѣтень въ 1876 году 1 инструментъ цѣнностью въ 90 руб. Въ кабинетѣ естественныхъ наукъ—894 разныхъ предметовъ, именно: по зоологіи—385, по минералогіи—509. Прочихъ учебныхъ пособій состояло: лексиконовъ—17, атласовъ, глобусовъ, географическихъ и историческихъ картъ—61 экземпляръ, моделей и другихъ предметовъ для рисованія и черченія—197 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—3.010 экземпляровъ; въ 1876 году приобрѣтено 1.197 экземпляровъ.

Средства содержанія Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища служатъ: сумма, отпускаемая изъ государственнаго казначейства, и спеціальныя средства училища, въ составъ коихъ входятъ: а) сборъ за ученіе, б) плата за содержаніе пансіонеровъ и в) пожер-

твованные капиталы. Изъ суммъ государственнаго казначейства отпускается по 27.366 руб. въ годъ. Плата за ученіе взимается по 30 руб. въ годъ съ каждой воспитанницы. Отъ платы этой освобождаются только дочери лицъ, служащихъ при училищѣ. Въ 1876 году суммы сбора за ученіе поступило 13.867 руб., что вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ составитъ 15.203 руб. 80 коп. Изъ этой суммы израсходовано—12.150 руб. 9 коп., затѣмъ къ 1 января 1877 года оставалось на лицо—3.053 руб. 71 коп. Платы за пансіонерокъ, по 200 руб. въ годъ съ каждой, поступило въ 1876 году 31.474 руб., что вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ составило 40.937 руб. 77 коп. Изъ этой суммы израсходовано 33.283 руб., затѣмъ къ 1 января 1877 года оставалось 7.664 руб. 16 коп. Израсходованная сумма главнымъ образомъ употреблена на содержаніе пансіонерокъ, снабженіе ихъ книгами и учебными принадлежностями, содержаніе пансіонской прислуги, больницы, отопленіе и освѣщеніе пансіона и другіе экстренные сверхсметные расходы. Пожертвованныхъ капиталовъ состояло 6.950 руб., на проценты коихъ содержалось 5 стипендіатокъ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Въ минувшемъ году Царскосельскій училищный совѣтъ постановилъ учредить съѣздъ законоучителей для выясненія вопросовъ, могущихъ служить къ улучшенію преподаванія закона Божія въ народныхъ училищахъ.

Чтобы подробнѣе выработать основанія, на которыхъ долженствовали происходить съѣзды, училищный совѣтъ образовалъ особую комиссію изъ своихъ членовъ. Комиссія въ первое же засѣданіе пришла къ заключенію о необходимости пригласить особаго руководителя-спеціалиста, который своими совѣтами и указаніями способствовалъ бы возможно правильному разрѣшенію вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда, при чемъ указала на протоіерея Д. П. Соколова, какъ на лицо, вполне компетентное въ этомъ отношеніи.

Такъ какъ Царскосельскимъ земствомъ денежныхъ средствъ на учрежденіе съѣзда въ 1876 г. не было назначено, то члены совѣта отъ земства, коимъ предоставлено распоряженіе школьною земскою ассигновкою, заявили, что они только въ такомъ случаѣ готовы принять на себя отвѣтственность по предстоявшимъ расходамъ, если

расходы эти будутъ не значительны. Посему комиссія обратилась къ протоіерею Д. П. Соколову съ вопросомъ объ условіяхъ, на которыхъ онъ согласился бы руководить съѣздомъ. О. Соколовъ изъявилъ готовность исполнить эту обязанность безвозмездно.

При обсужденіи вопросовъ, которые долженствовали быть разрешены съѣздомъ, комиссія прежде всего обратила вниманіе на причины, влекущія за собою неудовлетворительность успѣховъ по закону Божію въ школахъ Царскосельскаго уѣзда. Причинами этими были признаны: 1) недостатокъ законоучителей; 2) крайняя ограниченность получаемого ими вознагражденія; 3) записки законоучителей; 4) неопредѣленность распредѣленія программы закона Божія по отдѣленіямъ школы; 5) отсутствіе надлежащей методы преподаванія; 6) незнакомство съ существующими методами; 7) отсутствіе надлежащихъ учебниковъ и пособій.

Сообразно этому комиссіею были постановлены слѣдующіе вопросы: а) какъ устранить неудовлетворительность преподаванія закона Божія, на сколько она происходитъ отъ недостаточнаго числа законоучителей; б) въ какомъ размѣрѣ положить вознагражденіе законоучителямъ и преподавателямъ закона Божія и какъ выдавать его — помѣсячно или поурочно; в) какъ опредѣлить программу народной школы по закону Божію съ распредѣленіемъ ея на трехгодичный курсъ; г) какъ опредѣлить число уроковъ въ каждомъ отдѣленіи, необходимыхъ для прохожденія курса; д) какъ опредѣлить методъ преподаванія; е) составить списокъ учебниковъ и учебныхъ пособій по закону Божію; ж) выяснить — въ чемъ должны состоять самостоятельныя работы по закону Божію. Сверхъ этихъ вопросовъ каждому изъ членовъ предоставлено было останавливать вниманіе и на другихъ, относящихся къ непосредственной цѣли съѣзда.

11 августа засѣданія съѣзда были открыты въ помѣщеніи съѣзда мировыхъ судей Царскаго Села; кромѣ Д. П. Соколова присутствовали на немъ 15 законоучителей, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, председатель земской управы и члены Царскосельскаго училищнаго совѣта.

Предъ обсужденіемъ перваго изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ руководитель съѣзда объяснилъ, что вопросъ этотъ поставленъ училищнымъ совѣтомъ по той причинѣ, что въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ законъ Божій не преподавался нѣмѣтными священниками, ни другими лицами, имѣющими на то право по своему образованію въ духовныхъ семинаріяхъ. Съѣздъ пришелъ къ тому убѣжденію, что

наличные священники, діаконъ и псаломщики Царскосельскаго уѣзда въ состояніи и съ охотою согласны выполнять обязанности законоучителей во всѣхъ училищахъ своего уѣзда и что если иные изъ нихъ не исполняли упомянутыхъ обязанностей, то происходило это единственно отъ недоразумѣнія. Поводомъ къ этому служило слѣдующее: училищный совѣтъ, опираясь на ст. 16 полож. о нач. народ. уч., считалъ лишь тѣ училища имѣющими законоучителей, въ которыхъ законоучители эти были утверждены епархіальнымъ начальствомъ по представленію инспектора народныхъ училищъ, между тѣмъ какъ мѣстные священники, по опредѣленіи своемъ на священническое мѣсто получившіе отъ епархіальной власти право и обязанность законоучительства въ школахъ своего прихода раньше учрежденія училищныхъ совѣтовъ, преподавали и продолжали преподавать законъ Божій въ этихъ школахъ и тогда, когда онѣ перешли въ вѣдѣніе вновь открытаго училищнаго совѣта. Вслѣдствіе того они не считали себя обязанными подавать прошенія или заявленія о новомъ опредѣленіи ихъ на законоучительскую должность. Затѣмъ, не рѣдко въ приходахъ, отдаленныхъ отъ церкви, учреждаются школы частными лицами или обществами, объ открытіи коихъ мѣстнаго священника не увѣдомляютъ и такимъ образомъ ставятъ его въ невозможность быть ея законоучителемъ.

По разсмотрѣніи означенныхъ недоумѣній, съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы священники уѣзда заявили на самомъ съѣздѣ — въ какихъ школахъ они преподають или желаютъ преподавать законъ Божій, а члены училищнаго совѣта, принявъ это заявленіе, испросили бы у преосвященнаго, установленнымъ въ § 16-мъ положенія порядкомъ, новое утвержденіе ихъ въ должности законоучителей. Затѣмъ, для устраненія на будущее время какихъ либо недоразумѣній относительно замѣщенія законоучительскихъ вакансій, съѣздъ находилъ желательнымъ установить слѣдующій порядокъ: при открытіи каждой новой школы или при выбытіи по какимъ-либо причинамъ законоучителя изъ школы прежде устроенной, содержатель ея обращается прежде всего къ мѣстному священнику и, получивъ отъ него согласіе на занятіе должности законоучителя, испрашиваетъ у епархіальнаго начальства утвержденіе его въ этой должности узаконеннымъ порядкомъ. Въ случаѣ отказа мѣстнаго священника или въ тѣхъ (крайне рѣдкихъ) случаяхъ, когда законоучительство по законамъ причивамъ не можетъ быть поручено мѣстному священнику, занятіе этой должности предлагается мѣстному діакону

или псаломщику изъ окончившихъ курсъ семинаріи; а если и ови не могутъ отвѣчать согласіемъ, то—священнику другаго прихода или окончившему курсъ духовной семинаріи.

Члены училищнаго совѣта полагали, что означенною мѣрою не устранится вполнѣ недостатковъ въ законоучителяхъ. Указано было между прочимъ, что предвидится открытіе новыхъ школъ въ мѣстностяхъ, отстоящихъ отъ церквей на 8 и болѣе верстъ. Мѣстные священники едва ли сочтутъ возможнымъ аккуратно посѣщать ихъ, вслѣдствіе чего школы эти или останутся совсѣмъ безъ преподаванія закона Божія или преподаваніе его не будетъ отличаться надлежащею правильностью. Члены сѣзда полагали, что въ такомъ случаѣ можно было бы опредѣлять учителями лицъ, окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій, имѣющихъ право преподавать и законъ Божій.

Одинъ изъ членовъ сѣзда заявилъ, что не малое число недоразумѣній относительно недостатковъ преподаванія закона Божія (объема его, метода и приемовъ) прекратилось бы само собою, если бы надъ преподаваніемъ этимъ былъ установленъ особый постоянный надзоръ, а именно назначено было духовное лицо, къ которому законоучители могли бы обращаться за совѣтомъ въ дѣлѣ своего учительства, и которое было бы ихъ представителемъ въ училищномъ совѣтѣ. Сѣздъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и опредѣлилъ ходатайствовать о назначеніи постоянного наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ сельскихъ народныхъ училищахъ, какъ помощника главнаго наблюдателя, епархіальнаго архіерея, примѣнительно къ ст. 17 полож. о нач. нар. уч. Такимъ лицомъ, по мнѣнію сѣзда, могъ бы быть членъ училищнаго совѣта отъ духовенства.

Въ отвѣтъ на вопросъ о размѣрахъ и способѣ вознагражденія за преподаваніе закона Божія въ земскихъ народныхъ училищахъ сѣздъ высказалъ, что такъ какъ земскія народныя училища по программѣ своей стоятъ наравнѣ съ одноклассными сельскими училищами министерства народнаго просвѣщенія, то и вознагражденіе законоучителей сельскихъ школъ справедливо было бы уравнивать съ вознагражденіемъ законоучителей министерскихъ училищъ, которые получаютъ за 6 часовыхъ уроковъ въ недѣлю по 100 руб. въ годъ, то-есть, по 16 руб. 75 коп. за годовой часъ. При этомъ замѣчено было, что многія земскія училища находятся въ значительномъ разстояніи отъ церквей и что поэтому было бы справедливо назначать законоучителямъ такихъ школъ, кромѣ поурочной платы, добавочное вознагражденіе за проѣздъ.

При обсужденіи программы закона Божія для одноклассныхъ сельскихъ училищъ и распредѣленія ея на трехгодичный курсъ приняты были въ основаніе двѣ программы: а) программа для сельскихъ двухклассныхъ училищъ, составленная министерствомъ народнаго просвѣщенія и одобренная Св. синодомъ 24-го сентября 1869 года (первый классъ) и б) программа для испытанія лицъ, желающихъ пріобрѣсть свидѣтельство въ знаніи курса народныхъ училищъ, чтобы воспользоваться льготою при отбываніи воинской повинности. Вторая изъ этихъ программъ опредѣляетъ мѣншимъ объема курса одноклассной сельской школы; первая же послужила руководствомъ при обозначеніи метода преподаванія и распредѣленія учебнаго матеріала на три круга, соотвѣтственно тремъ учебнымъ годамъ означенной школы.

Первый годъ ученія. Для перваго года ученія единогласно всѣми законоучителями было признано изученіе повседневныхъ молитвъ съ доступнымъ для дѣтскаго пониманія объясненіемъ ихъ. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, что въ первомъ году только приступаютъ къ обученію дѣтей чтенію и письму и, слѣдовательно, заучивать имъ молитвы приходится со словъ учителя; что ученики перваго года по своей малоразвитости не способны усвоить сознательно обширныя молитвы, состоящія изъ многихъ сложныхъ предложений, или трудныя по своему слововыраженію; что съ другой стороны желательнымъ было бы пройти съ дѣтьми такой кругъ молитвъ, въ которомъ содержался бы возможно цѣлый курсъ православнаго христіанскаго вѣроученія, съѣздъ остановился для перваго года сельской школы на слѣдующихъ краткихъ молитвахъ: 1) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. 2) Боже, милостивъ буди миѣ грѣшному. 3) Господи Іисусе Христе... 4) Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. 5) Царю небесный... 6) Святыи Боже... 7) Слава Отцу и Сыну... 8) Пресвятая Троице... 9) Господи, помилуй. 10) Отче нашъ... 11) Господи, благослови. 12) Благодаримъ Тя, Христе Боже... 13) Богородице Дѣво... 14) Краткое молитвенное обращеніе къ ангелу хранителю и святому. 15) Спаси, Господи, люди Твоя. 16) Краткій памятникъ живыхъ и умершихъ.

Чтобы изученіе молитвъ не превратилось въ механическое, безъ пониманія ихъ смысла и безъ всякаго отношенія къ жизни, съѣздъ призналъ необходимыми слѣдующія мѣры:

1) Изученію молитвъ должно предшествовать собесѣдованіе о Богѣ-Творцѣ и Промыслителѣ, о молитвѣ славословія, благодаренія и прошенія, о вѣдѣнныхъ знакахъ молитвы, особенно о крестномъ знаменіи

и о мѣстѣ молитвъ дома предъ иконами и въ храмѣ. 2) Изученію каждой молитвы въ отдѣльности должна предшествовать бесѣда о содержаніи этой молитвы, такъ чтобы она являлась какъ бы результатомъ этой бесѣды. Бесѣда должна состоять не изъ отвлеченныхъ разсужденій, доступныхъ только взрослымъ и развитымъ людямъ, а опираться на разказахъ изъ священной исторіи или, еще лучше, на разсмотрѣніи фактовъ жизни, доступныхъ дѣтскому наблюденію и пониманію. 3) При изученіи каждой молитвы въ отдѣльности нужно слѣдовать такому порядку: а) прочтеніе молитвы, б) объясненіе непонятныхъ словъ и замѣна ихъ болѣе понятными, с) разборъ молитвы по предложеніямъ, d) переводъ или возможно краткій и близкій къ тексту перифразъ молитвы, е) переспрашиваніе учениковъ, f) заучиваніе молитвы дѣтьми посредствомъ многократнаго ея повторенія. При спрашиваніи учениковъ слѣдуетъ требовать полныхъ отвѣтовъ. 4) При изученіи молитвъ необходимо напоминать дѣтямъ, что они заучиваютъ ихъ не для класснаго отвѣта, а для употребленія въ своей жизни, и постоянно указывать имъ, когда и въ какихъ случаяхъ они должны молиться Богу словами той или другой молитвы.

При рѣшеніи вопроса — въ какомъ порядкѣ должны идти общія предварительныя бесѣды предъ изученіемъ молитвъ, члены съѣзда раздѣлились: одни соглашались съ мнѣніемъ о. Соболева, что сначала нужно говорить о Богѣ и молитвѣ къ Нему и затѣмъ уже о внѣшнихъ знакахъ и мѣстѣ молитвы, въ тѣхъ видахъ, чтобы отвлекать дѣтей отъ ложнаго представленія, будто вся суть молитвы состоитъ въ крестномъ знаменіи и въ иконѣ; другіе, вслѣдъ за о. Хутынскимъ, предлагали начинать съ объясненія внѣшнихъ молитвенныхъ знаковъ и затѣмъ переходить къ внутреннему смыслу молитвъ, выполняя этимъ педагогическое правило: идти отъ конкретнаго къ отвлеченному. Такъ какъ можно сказать многое въ пользу того и другаго изъ этихъ мнѣній и вопросъ касается не метода преподаванія, а приема его, разнообразіе же приемовъ не вредитъ единству преподаванія, то съѣздъ рѣшилъ предоставить порядокъ предварительныхъ собесѣдованій на волю законоучителей.

Оживленныя пренія возбудилъ вопросъ—въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ изучать самыя молитвы. Одни, вслѣдъ за о. Вѣтвеницкимъ, опираясь на указанія церковнаго устава, полагали необходимымъ изучать молитвы въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ размѣщены въ Часословѣ и Молитвословахъ и въ какомъ произносятся при общественномъ Богослуженіи. Мнѣніе это находитъ твердую опору въ

стремленіи сблизить школу съ церковью. Другіе возражали, что церковный распорядокъ молитвъ имѣеть глубокую догматическую основу, пониманіе коей совершенно недоступно для дѣтей перваго возраста, только что начинающихъ учиться; иначе пришлось бы на первыхъ же урокахъ объяснять и изучать очень трудную по изложенію и содержанию молитву къ Духу Святому. О. Соболевъ предложилъ слѣдующій порядокъ: молитвы къ первому лицу Св. Троицы (Отче нашъ), ко второму лицу (Господи Исусе), къ третьему лицу (Царю небесный), къ тремъ лицамъ Божества (Пресвятая Троице), къ Богоматери (Богородице Дѣво), Ангелу Хранителю, Святому, за Царя и отечество, за живыхъ и умершихъ. Краткія же молитвенныя обращенія могутъ быть присоединены, по его мнѣнію, къ указаннымъ въ началѣ молитвамъ. Соглашаясь съ цѣлесообразностью этого плана, большинство съѣзда пришло къ заключенію принять его въ руководство съ тѣмъ только, чтобы начинать изученіе съ самыхъ краткихъ молитвъ (Слава Тебѣ, Боже; Господи, благослови; Господи, помилуй; Боже, милостивъ буди ко мнѣ грѣшному), — затѣмъ переходить къ изученію краткихъ же молитвъ къ Пресвятой Троицѣ и къ Господу Исусу Христу и уже послѣ этого изучать молитвы: „Отче нашъ“ и „Царю небесный“. Принимая же во вниманіе важное значеніе церковнаго распредѣленія молитвъ, съѣздъ призналъ полезнымъ подѣ конецъ указывать дѣтямъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ произносить ихъ по указанію православной церкви.

Второй годъ ученія. Руководствуясь указаніями программы, утвержденной Св. синодомъ въ 1869 году, съѣздъ рѣшилъ проходить во второй годъ ученія слѣдующіе краткіе разказы изъ священной, преимущественно новозавѣтной, исторіи: Сотвореніе міра и человѣка. Грѣхопаденіе первыхъ людей. Обѣщаніе Спасителя и наказаніе за грѣхъ. Всемирный потопъ. Непочтительность Хама къ отцу и появленіе идолопоклонства. Призваніе Авраама и его потомства. Рождество Богоматери и введеніе ея во храмъ. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ. Рождество Христово. Срѣщеніе Господне. Крещеніе Господне. Чудеса Христа Спасителя. Главныя заповѣди Христовы. Притча о милосердомъ Самарянинѣ. Ученіе Исуса Христа о страшномъ судѣ. Ученіе Христово о молитвѣ. Благословеніе дѣтей. Преображеніе Господне. Воскрешеніе Лазаря. Торжественный входъ въ Иерусалимъ. Тайная вечеря. Крестныя страданія Исуса Христа и смерть Его. Воскрешеніе Христово. Вознесеніе Господне. Сшествіе Св. Духа. Успеніе

Богоматери и покровъ Ея надъ міромъ. Воздвиженіе Честнаго креста Христова.

Совмѣстно съ разказами изъ священной исторіи объясняются и заучиваются мало-по-малу символъ вѣры и заповѣди и дѣлаются указанія на важнѣйшіе обряды и дѣйствія православнаго Богослуженія. Изъ каждаго разказа законоучитель дѣлаеть нравственные выводы.

Ученики этого отдѣленія читають Евангеліе на русскомъ языкѣ.

Третій годъ ученія. Въ третій годъ сѣздъ считалъ необходимымъ изучить, съ повтореніемъ прежде пройденнаго, слѣдующіе краткіе разказы: изъ ветхозавѣтной исторіи: Столпотвореніе Вавилонское. Жертвоприношеніе Исаака. Исторія Іова. Рожденіе и призваніе Моисея. Исходъ Евреевъ изъ Египта. Синайское законодательство. Вступленіе Израильтянъ въ обѣтованную землю. Краткое понятіе о временахъ судей. Краткія свѣдѣнія о временахъ царей. Понятіе о пророкахъ и событія изъ жизни Іліи и Елисея. О пророкѣ Давидѣ. Краткія свѣдѣнія о судьбѣ іудейскаго царства послѣ вавилонскаго плѣна.—Изъ новозавѣтной исторіи: Объ Іоаннѣ Предтечѣ и его проповѣди. Укрощеніе Іисусомъ Христомъ бури на озерѣ. Изцѣленіе гадаринскаго бѣсноватаго. Судъ надъ Іисусомъ Христомъ у первосвященниковъ и у Пилата. Краткое ученіе о церкви Христовой. Устройство христіанскихъ храмовъ. О числѣ таинствъ и главнѣйшихъ дѣйствіяхъ при совершеніи ихъ. Понятіе о Священномъ писаніи и символѣ вѣры.

Изъ каждаго разказа законоучитель дѣлаеть нравственные выводы примѣнительно къ жизни своихъ учениковъ.

Совмѣстно съ разказами объясняются и изучаются молитвы: утренняя (къ Тебѣ, Владыко), вечерняя (Господи, Боже нашъ) и „Достойно есть“. Если будетъ время, то ученики этого года пройдутъ объясненіе литургіи. Евангеліе они читають на славянскомъ языкѣ.

По вопросу о числѣ уроковъ, потребныхъ для прохожденія курса закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, сѣздъ пришель къ слѣдующему заключенію: на практикѣ установился и условіями жизни сельскихъ священниковъ, отвлекаемыхъ отъ преподаванія исполненіемъ церковныхъ требъ, поддерживается обычай назначать для закона Божія по четыре часовыхъ урока въ недѣлю, причемъ на каждое отдѣленіе школы приходится еженедѣльно по два урока въ 40 минутъ каждый, вѣрнѣе въ 30 минутъ, такъ какъ 10 минутъ уходятъ на задаваніе и пересмотръ самостоятельныхъ работъ. По

мянію присутствовавшихъ на сѣздѣ, этого времени достаточно для того, чтобы пройти курсъ съ среднимъ и высшимъ отдѣленіями школы и приготовить послѣднее изъ нихъ къ окончательному экзамену, оставляя безъ правильныхъ и постоянныхъ занятій младшее отдѣленіе. Если же заниматься и съ нимъ совершенно такъ же, какъ съ двумя старшими, то придется или сократить программу, что невозможно въ виду установленныхъ правилъ для пользованія льготою по воинской повинности, или увеличить число недѣльныхъ уроковъ до шести, какъ это сдѣлано въ школахъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; съ этимъ послѣднимъ не могутъ согласиться нѣкоторые изъ законоучителей, особенно изъ имѣющихъ въ своемъ приходѣ по двѣ школы, по недостатку времени, а земская управа не предвидитъ пока возможности найти средства для увеличенія вознагражденія законоучителямъ. Кроме того, многіе изъ нихъ заявили, что они не могутъ придумать самостоятельныхъ работъ по закону Божію для младшаго отдѣленія въ первые три мѣсяца учебнаго года; всѣ работы, предложенныя нѣкоторыми изъ членовъ сѣзда (какъ, на примѣръ, писаніе учениками буквъ и т. п.), взяты изъ области предметовъ, преподаваемыхъ учителямъ.

На основаніи всего этого, законоучители пришли къ убѣжденію, чтобы учителя и учительницы оказывали имъ содѣйствіе, принявъ на себя обязанность вести первое отдѣленіе школы и по предмету закона Божія, а именно: пройти съ дѣтьми предложенный выше кругъ повседневныхъ молитвъ съ доступнымъ для нихъ объясненіемъ смысла. Учителя будутъ вести объясненія подѣ надзоромъ законоучителя и строго держась одобреннаго имъ руководства; законоучитель, разумѣется, будетъ наблюдать только за правильностію объясненія молитвъ, предоставляя учителю выборъ приѣма преподаванія и распредѣленіе предоставленнаго ему учебнаго матеріала. Если бы учителя и учительницы взяли на себя этотъ трудъ, то законоучитель могъ бы все время употребить на обученіе дѣтей двухъ высшихъ отдѣленій и пройти съ ними курсъ закона Божія съ успѣхомъ и безъ всякаго для нихъ обремененія.

Въ видахъ сокращенія числа пріѣздовъ въ школу всѣ законоучители высказали желаніе, чтобы имъ дозволено было соединять въ одинъ разъ по два часовыхъ урока и пріѣзжать въ школу два раза въ недѣлю.

Законоучители заявили, что сельскіе священники, при всемъ желаніи быть строго точными въ выполненіи своихъ обязанностей, бы-

важко иногда поставлены въ необходимость или манкировать урокомъ, или переносить его на другой часъ и день, а потому и слѣдовало бы разрѣшить имъ подобное перемѣщеніе уроковъ, при чемъ каждый разъ они должны извѣщать объ этомъ заранее.

Что касается метода преподаванія закона Божія, законоучители, согласно программѣ, утвержденной Св. Синодомъ въ 1869 г., рѣшили: символъ вѣры, заповѣди и молитвы изучать и объяснять совместно съ разказами изъ св. исторіи и дѣлать при этомъ объяснительныя указанія на важнѣйшія дѣйствія Богослуженія; но въ вопросѣ о приложеніи этого метода произошло разногласіе: одни предлагали изучать сначала молитву, вѣроопредѣленіе или заповѣдь, затѣмъ объяснять заученное отвлеченное положеніе и послѣ того, для большаго уясненія предмета, излагать событія св. исторіи, то-есть, отъ отвлеченнаго переходить къ конкретному; другіе, напротивъ, предпочитали противный путь. Соответственно этимъ двумъ мнѣніямъ высказаны были противоположныя взгляды и на значеніе наглядныхъ пособій, каковы картины изъ св. исторіи. Державніеся перваго мнѣнія находили эти картины или совершенно бесполезными, или пригодными только для того, чтобы при помощи ихъ привлечь и сосредоточить вниманіе учениковъ; приверженцы втораго мнѣнія считали картины полезными и даже необходимыми для полнаго уясненія, путемъ наводящихъ вопросовъ, сущности событій и отношенія ихъ къ жизни учащихъся. Защитники употребленія наглядныхъ пособій при преподаваніи закона Божія доказывали, что существующія въ употребленіи картины (иностраннаго происхожденія) не вполне удовлетворяютъ требованіямъ нашей школы и потому не могутъ приносить ожидаемой отъ нихъ пользы, а для большинства учителей, не вполне знакомыхъ съ методомъ нагляднаго обученія, или ненужны, или служатъ только развлеченіемъ. Послѣ долгихъ преній съѣздъ, опираясь на ясныхъ предписаній программы, утвержденной Св. Синодомъ въ 1869 г., а равно и на указанія опыта, пришелъ къ заключенію: во второй и третій годы ученія преподаваніе каждаго урока начинать изложеніемъ событій св. исторіи, переходить затѣмъ къ объясненію и изученію символа вѣры, заповѣдей и молитвъ и къ общевію важнѣйшихъ богослужебныхъ свѣдѣній. Что же касается до объясненія и изученія молитвъ въ первомъ годѣ ученія, то, признавъ обязательными предварительныя бесѣды, оставить на волю преподавателей выборъ событій изъ области св. исторіи, или ежедневныхъ явленій, доступныхъ дѣтскому пониманію.

Распредѣливъ программу закона Божія на три учебныхъ года и опредѣливъ методъ преподаванія этого предмета, съѣздъ приступилъ къ учебникамъ и учебнымъ пособиямъ. Для перваго года сочтено было полезнымъ не назначать учебника, такъ какъ дѣти заучиваютъ молитвы со словъ учителя, а объяснительные разказы изъ св. исторіи ведутся по картинамъ. Пособіемъ могутъ служить: 1) переводы на русскій языкъ самыхъ употребительныхъ молитвъ Чемыны. 2) Объясненіе символа вѣры, молитвъ и заповѣдей, съ подготовительными къ нему разказами изъ св. исторіи, Григорія Чельцова. 3) Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ, протоіерея Д. Соколова и 4) Уроки по закону Божию для народныхъ школъ. изд. Московскаго комитета грамотности. Наилучшимъ руководствомъ для втораго и третьяго отдѣленій было признано: „Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ“ протоіерея Д. Соколова. Учебнымъ пособіемъ для этихъ отдѣленій можетъ также служить „Книга для духовно-нравственнаго наставленія въ законѣ Божию“, протоіерея Платона Афинскаго. Кромѣ того, желательно, чтобы Евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкахъ находилось у каждаго ученика, особенно въ высшихъ отдѣленіяхъ школы; а какъ наглядное пособие для одноклассныхъ сельскихъ школъ съѣздъ указалъ на изданіе картинъ изъ св. исторіи, выполняемое С.-Петербургскимъ заведеніемъ метахромотипіи. Если же картины эти окажутся недоступными по цѣнѣ для земскихъ школъ, то могутъ быть употребляемы картины, издаваемыя Московскимъ комитетомъ грамотности. Хорошо было бы имѣть большую карту мѣстностей, упоминаемыхъ въ св. исторіи, но такъ какъ таковой въ продажѣ не имѣется, то остается пользоваться большою картою Палестины, изданною Ильинимъ.

Кромѣ указанныхъ учебниковъ и учебныхъ пособій, съѣздъ находилъ полезнымъ имѣть въ школъ слѣдующія книги для чтенія учениковъ: Чтеніе изъ Псалтыри и пророческихъ книгъ ветхаго завета, изд. Лицея Цесаревича Николая; Сокровище духовное, отъ міра собираемое изъ твореній св. Тихона, В. Бажанова; Примѣры благочестія изъ житій святыхъ, В. Бажанова; Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, св. Свирѣлина; Соловецкій монастырь, соч. Максимова, изд. постоянной комиссіи народныхъ чтеній; Троицкая Сергіевская лавра, изд. постоянной комиссіи народныхъ чтеній; Святѣни Кіева, свящ. Опатовича; О святой землѣ, 12 чтеній для народа, св. В. Пѣвцова; Избранныя житія святыхъ, кратко изложено

вня по руководству Четинхъ Миней, составл. Бахметовою. 12 книгъ; Св. Кирилль и Меѳодій—просвѣтители Славянъ, чтеніе для народа, П. Рогова; Житіе преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, народное изд. фанъ-деръ-Флита и Кочетова; Чтеніе для дѣтей, пастора Тодго; ученіе о Богослуженіи православной церкви, протоіерей Д. Соколова; Руководство къ пониманію православнаго Богослуженія, свящ. П. Лебедева; Слѣдованная Псалтырь и Часословъ (для приученія дѣтей къ чтенію въ церкви); Изложеніе литургіи св. Іоанна Златоустаго для мірянъ, изд. Св. Синода.—Для фундаментальной библиотеки: Библия на русскомъ языкѣ; Пособіе къ доброму чтенію и слушанію слова Божія въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, св. Смарагдова; О церковномъ Богослуженіи,—письма къ православному, І. І. Вѣлюстина; Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній изъ Апостола, В. Николаевскаго; Исторія Русской церкви (сокращенная) архіеп. Филарета; Разказы изъ исторіи христіанской церкви, изд. Бахметовой, 3 части; Руководство къ преподаванію закона Божія, свящ. І. Вѣтвеницкаго; Училище благочестія; Опытъ методическаго руководства для наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ св. исторіи свящ. Пѣвцова (хотя, по мнѣнію съѣзда, картины Шрейбера, для которыхъ составлена книга о. Пѣвцова, едва ли могутъ служить пособіемъ для нашей школы); Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ, изд. Весселемъ. Т. II (статья Соколова: „О преподаваніи закона Божія“).

При разрѣшеніи вопроса — въ чемъ должны состоять самостоятельная работа по закону Божію—нѣкоторые законоучители изложили, какъ они ведутъ уроки съ тремя отдѣленіями школы. Изъ высказаннаго ими оказалось, что нѣкоторые задаютъ урокъ одновременно двумъ старшимъ отдѣленіямъ, а младшее оставляютъ или безъ дѣла, или даютъ ему разглядывать картины по св. исторіи: многіе, занимаясь однимъ изъ старшихъ отдѣленій, другому даютъ самостоятельную работу и слѣдятъ за выполненіемъ ея, а младшее занимаютъ чѣмъ случится. Всѣ вообще высказали недоумѣніе, чѣмъ занимать младшее отдѣленіе школы, когда идетъ урокъ въ старшихъ отдѣленіяхъ. Съѣздъ остановился на слѣдующемъ: а) каждый урокъ долженъ быть преподаваемъ каждому отдѣленію школы отдѣльно; преподаваніе одного и того же урока двумъ отдѣленіямъ сразу не должно быть допускаемо; б) во время занятій съ однимъ отдѣленіемъ школы, другія два слѣдуетъ занимать посильными самостоятельными работами, и в) за дисциплину въ классѣ отвѣчаетъ тотъ

учитель, который занимается съ нимъ; поэтому поддерживать дисциплину во время урока по закону Божию лежитъ на обязанности законоучителя. Самостоятельными работами для среднего и старшаго отдѣленій, а въ послѣдніе мѣсяцы учебнаго года и для младшаго, могутъ служить: списываніе съ доски или книги изучаемой молитвы, переписываніе въ тетрадь славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ изучаемой молитвѣ, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, — письменный переводъ или перифразъ молитвы, письменное изложеніе разказаннаго законоучителемъ; приискиванье и чтеніе въ славянскомъ Евангеліи преподааннаго законоучителемъ разказа, повтореніе разказаннаго учителемъ урока. Въ заключеніе, всѣ согласились, что самостоятельныя работы въ первые четыре мѣсяца ученья должны были бы лежать на обязанности учителей и учительницъ.

На сѣздѣ прочитано было мнѣніе о. Силина „о содѣйствіи учителя законоучителю въ нравственномъ воспитаніи дѣтей народнаго училища“. Для достиженія этой цѣли, о. Силинъ предлагалъ слѣдующія мѣры: ежедневно утромъ дѣти, подъ наблюденіемъ учителя или учительницы, совершаютъ утреннюю молитву; вслѣдъ за молитвою учитель или учительница читаетъ главу изъ Евангелія на славянскомъ языкѣ, содержаніе коей предварительно сообщается дѣтямъ; послѣ каждой перемены дѣти поютъ „Отче нашъ“ или „Достойно“, или символъ вѣры; молитвы читаются предъ обѣдомъ, предъ началомъ ученія, послѣ обѣда, по окончаніи уроковъ и вечернія; къ вечернимъ присоединяется напутственное чтеніе славянскаго текста 10 заповѣдей и изъ Еванг. Матѳея гл. XXII, ст. 37—40. Старшимъ дѣтямъ, для поощренія ихъ и въ утѣху родителей, можно дозволить въ церкви чтеніе шестопсалмія, канонъ и часовъ, но не Апостола. Такъ какъ большая часть мѣръ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, предлагаемыхъ о. Силинымъ, указана въ инструкціи земскимъ учителямъ, то сѣздъ не нашелъ нужнымъ подвергать ихъ новому разсмотрѣнію. Рѣшено было только нѣсколько частныхъ вопросовъ и недоразумѣній, вызываемыхъ какъ означенною инструкціею, такъ и заявленіями о. Силина: что разумѣть подъ молитвою утреннею, одну или рядъ молитвъ? По мнѣнію сѣзда, число молитвъ не должно быть велико, — къ предначинательнымъ по „Отче нашъ“ достаточно прибавить „Къ Тебѣ, Владыко“..., молитву за Царя, и затѣмъ молитву предъ ученіемъ. Молитвы утреннія должны читать старшіе ученики и непременно по книгѣ. Въмѣсто чтенія цѣлой главы изъ Евангелія на славянскомъ языкѣ, сѣздъ нашелъ болѣе цѣлесо-

образнымъ чтеніе Евангелія по русски небольшими отрывками, по указанію законоучителя. Впрочемъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ священникъ, по характеру своего прихода, находитъ неудобнымъ замѣну славянскаго языка русскимъ, можетъ быть читаемо Евангеліе и по славянски, но затѣмъ непременно долженъ быть прочитанъ и русскій его переводъ. Пѣніе дѣтьми молитвъ въ учебное время было бы желательно въ видахъ постепеннаго пріученія дѣтей къ пѣнію въ церкви, и съѣздъ выразилъ убѣжденіе, что законоучитель или учитель не оставляютъ этого безъ вниманія, а содержатели школъ употребятъ зависящія отъ нихъ средства на введеніе во всѣхъ школахъ правильнаго обученія церковному пѣнію. Съѣздъ согласился съ мнѣніемъ о. Сирина, что неудобно допускать дѣтей до чтенія Апостола въ церкви,—ребенокъ можетъ смутиться, остановиться и тѣмъ произвести нѣкоторое замѣшательство; этого смущенія не бывасть при чтеніи часовъ или каѳизмъ на клиросѣ, гдѣ читающій каждую минуту можетъ быть поддержанъ и замѣненъ псаломщикомъ.

Нѣкоторыми законоучителями заданъ былъ вопросъ: обязаны ли учителя и учительницы ходить съ дѣтьми въ церковь по праздничнымъ днямъ, а также постомъ говѣть съ ними? Съѣздъ, въ виду разбросанности сельскаго населенія, нашелъ невозможнымъ обязать всѣхъ безразлично учителей по праздникамъ собирать учениковъ въ школу и вести ихъ въ церковь, хотя тамъ, гдѣ это возможно, слѣдуетъ непременно поступать такимъ образомъ. Что же касается говѣнья, то учителя должны, конечно, заботиться, чтобы всѣ учащіеся въ школѣ говѣли одновременно, вмѣстѣ съ своими родителями, и, въ такомъ случаѣ, они обязаны водить дѣтей къ Богослуженію и наблюдать за ними въ церкви.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

А. Н. Поповъ..

Двѣ недѣли тому назадъ, 16-го ноября, скончался 57 лѣтъ отъ роду, послѣ не очень продолжительной, но тяжелой болѣзни, одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ нашихъ ученыхъ дѣятелей Александръ Николаевичъ Поповъ. Печать наша до сихъ поръ, за весьма немногими исключениями, не отозвалась еще на это прискорбное событіе. Думаемъ, что произошло это отнюдь не отъ равнодушія и также не отъ того, чтобы заслуги покойнаго были мало извѣстны и недостаточно цѣнились людьми, дорожащими успѣхами отечественной науки. Скорѣе слѣдуетъ предположить противное: говорить объ А. Н. Поповѣ значитъ говорить главнымъ образомъ объ его ученыхъ трудахъ, въ которыхъ сосредоточивался для него интересъ и цѣль жизни, а труды эти такъ разнообразны и отлѣчены такимъ самостоятельнымъ характеромъ, что бѣглый очеркъ не можетъ дать надлежащаго о нихъ понятія. Нужно многое припомнить и многое сообразить для достойнаго выполненія подобной задачи. Не считая возможнымъ приступить къ ней теперь же, въ виду еще свѣжей могилы, считаемъ однако долгомъ почтить нѣсколькими сочувственными словами память человѣка, который былъ дорогъ намъ во многихъ отношеніяхъ, и между прочимъ потому, что въ теченіе тридцати лѣтъ сряду многія изъ его произведеній появлялись на страницахъ нашего журнала.

Укажемъ прежде всего на одну, весьма замѣчательную черту въ дѣятельности А. Н. Попова. Нерѣдко случается у насъ, что человѣкъ выступаетъ на ученое поприще съ блестящимъ успѣхомъ и воз-

буждаетъ большія надежды, но съ теченіемъ времени энергія его ослабѣваетъ и надежды превращаются въ воспоминанія. Покойный, напротивъ, оставался вѣренъ себѣ отъ начала до конца. Можно сказать даже, что если въ молодости трудился онъ неумоимо, то съ годами страсть къ труду постепенно возрастала въ немъ,—что если, выступивъ на ученое поприще, онъ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе лучшихъ ревнителей науки, то многое, чѣмъ по справедливости могъ онъ гордиться, совершенно было имъ подѣ концъ его жизни. Такова же была судьба и литературной его репутаціи: онъ всегда пользовался почетною извѣстностью, но въ началѣ извѣстность эта не выходила изъ тѣснаго у насъ круга людей, исключительно занимающихся наукою, тогда какъ въ послѣдніе годы имя его сдѣлалось достояніемъ всей просвѣщенной публики, съ жадностью читавшей обширные отдѣлы изъ его „Исторіи отечественной войны 1812 года“.

А. Н. Поповъ окончилъ курсъ въ 1839 году по юридическому факультету Московскаго университета и вышелъ первымъ кандидатомъ; черезъ два года послѣ того онъ уже издалъ магистерскую диссертацию подѣ заглавіемъ: „Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву“, вызвавшую, между прочимъ, полемику между авторомъ и М. П. Погодинымъ въ *Москвитянинѣ* (1842 г.), главнымъ образомъ потому, что А. Н. отстранялъ вопросъ о національности Варяговъ. Замѣтимъ при этомъ, что онъ былъ первымъ изъ удостоенныхъ Московскимъ университетомъ степени магистра юридическихъ наукъ по уставу 1836 года. Уже въ это время узы тѣсной дружбы связывали его съ представителями кружка, извѣстнаго подѣ именемъ славянофиловъ; но хотя А. Н. Поповъ принадлежалъ къ нему, хотя онъ горячо сочувствовалъ образу мыслей такихъ людей, какъ Ю. О. Самаринъ, А. С. Хомяковъ и др., направленіе упомянутаго кружка только отчасти отражалось на его трудахъ. Причину того слѣдуетъ, быть можетъ, искать въ общемъ складѣ его ума, въ высшей степени положительнаго и точнаго, ставившаго себѣ главною задачею, приступая къ какому-нибудь явленію, изслѣдовать его со всѣхъ сторонъ, а не подводить его подѣ тѣ или другія теоріи. Въ подтвержденіе нашихъ словъ уважемъ, между прочимъ, на слѣдующее обстоятельство: въ половинѣ сороковыхъ годовъ посѣтилъ онъ Черногорію, издалъ отдѣльно описаніе своего путешествія въ эту страну (С.-Пб., 1845 г.) и помѣстилъ о ней двѣ обширныя статьи въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія* за 1846 годъ („Очеркъ исторіи Черногорья“ т. XLIX и „Законодательный бытъ Черногорья“ т. I II

мы находимъ тутъ мало слѣдовъ славянофильскихъ тенденцій; авторъ избѣгаетъ общихъ разсужденій, не говоритъ почти вовсе о личныхъ своихъ впечатлѣніяхъ, но за то старается обстоятельно познакомить читателей съ историческими судьбами и съ внутреннимъ устройствомъ Черногорскаго племени, и тотчасъ видно, что за дѣло это взялся человекъ какъ нельзя лучше подготовленный къ нему. Исторію Черной Горы излагаетъ онъ на основаніи печатныхъ произведеній, изданныхъ въ Бѣлградѣ и Цетинѣ, на основаніи разсказовъ владыки и другихъ вліятельныхъ лицъ, а также народныхъ пѣсней, записанныхъ имъ со словъ Вука Караджича и Милутиновича; говоря о законодательномъ бытѣ Черногоріи, онъ объясняетъ происхождение судебника владыки Петра и подвергаетъ его подробному разбору. Вездѣ на первомъ планѣ внимательное изученіе дѣла, желаніе пролить на него какъ можно болѣе свѣта, а если ужъ доискиваться непременно тенденцій автора, то охотники этого могли указать развѣ на замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: „Грозныя, опасныя силы Турокъ предстоитъ Черногорью новая опасность — вліяніе чуждаго просвѣщенія. Сколько славянскихъ племенъ, чрезъ нравственное вліяніе чуждыхъ началъ, замолкли въ исторіи и подпали чуждой власти! Бѣдная небольшая область Черной Горы, отдѣленная отъ моря, не имѣетъ достаточно средствъ къ развитію промышленности и народнаго богатства. По внѣшней необходимости она должна быть въ зависимости отъ другихъ; поэтому легко проникнуть чуждому просвѣщенію въ Черногорію. Пожелаемъ, чтобы новое просвѣщеніе въ Черной Горѣ созидалось на основаніи православной вѣры и славянской народности. Достигнувъ собственною силою до независимости внѣшней, достигнуть и до независимости духовной, независимости просвѣщенія — достойно Черногорья, племени намъ однороднаго, маленькаго племени, которое столѣтія вело войну „ради свете вѣре православне и свободе свога отечества“.

Въ промежутокъ времени отъ 1842 до 1850 года не переставали появляться статьи А. Н. Попова преимущественно историко-юридическаго содержанія: особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ прекрасная статья его о Шлецерѣ (*Московскій Сборникъ*, 1847 г.), въ которой, съ обычною своею осторожностью въ выводахъ, авторъ держался середины между приверженцами варяжской и славянской теорій о происхожденіи Руси; затѣмъ статьи „Объ опекахъ и наслѣдствѣ во время Русской Правды“ (*Сборникъ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи* Д. Валужева, 1845 г.) и „Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ

въ Московскомъ государствѣ“ (*Сѣверное Обозр.* 1849 г., кн. I)¹⁾. Но, занимаясь предметомъ своей специальности, А. Н. Поповъ не ограничивался только имъ. Мы видимъ, что въ сороковыхъ годахъ, послѣ того какъ посѣтилъ онъ славянскія земли и Италію, онъ очень интересовался искусствомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ его статей: „О чешской живописи“ (въ *Часопись Чешскаго Музея* 1842 г. и въ *Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ.*, т. XIII), „О современномъ направленіи искусствъ пластическихъ“ (*Моск. Сбор.* 1846 г.), „Объ италянскій живописи въ среднихъ вѣкахъ. I. Джіотто и его послѣдователи“ (*Сѣв. Обозр.* 1848, кн. I), „Иконописаніе. Матеріалы для исторіи русскихъ художествъ“ (тамъ же, 1849 г., кн. I). Въ особенности интересовало его то религиозное направленіе, которымъ отличалось искусство среднихъ вѣковъ до эпохи Возрожденія; онъ справедливо видѣлъ въ немъ много общаго съ нашею старинною иконописью.

По защищеніи магистерской диссертациі Александръ Николаевичъ желалъ, кажется, занять кафедру исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ намѣреніе его не могло осуществиться. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу секретаремъ въ первый департаментъ Правительствующаго Сената, при чемъ, по докладу графа Блудова, повелѣно было ему заниматься и работами во II Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, а въ 1846 году онъ оставилъ службу въ Сенатѣ и былъ причисленъ во II Отдѣленіи „для составленія исторіи уголовного судопроизводства и гражданскаго права“. Графъ Д. Н. Блудовъ, стоявшій тогда во главѣ этого учрежденія, славился, какъ извѣстно, своимъ умѣньемъ привлекать къ себѣ людей науки, оказывая имъ просвѣщенное покровительство въ ихъ занятіяхъ, и конечно онъ сдѣлалъ отличный выборъ въ лицѣ чловека съ такимъ свѣтлымъ умомъ, многосторонними способностями и обширнымъ юридическимъ образованіемъ, какимъ былъ А. Н. Поповъ. Тѣсная связь установилась между подчиненнымъ и начальни-

¹⁾ Упомянемъ здѣсь также о нѣкоторыхъ рецензіяхъ А. Н. Попова за означенный періодъ времени: въ *Ж. М. Н. Пр.*, т. I, рецензія на «Симбирскій Сборникъ»; тамъ же, т. III, рецензія на первый томъ «Исторіи русской словесности» С. П. Шевырева; въ *Сѣвер. Обозр.* 1849 г., кн. I, разборы «Исторіи русскаго гражданскаго судопроизводства», соч. М. Михайлова и «Обозрѣнія вышней исторіи русскаго законодательства» Н. Рождественскаго.

комъ. А. Н. принадлежала видная роль въ работахъ, лежащихъ на обязанности Второго Отдѣленія,—не забудемъ, между прочимъ, что въ 1860 году былъ онъ назначенъ членомъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому вопросу,—но въ то же время не прекращалась и ученая его дѣятельность, въ которой значительную пользу оказывало вліяніе графа Д. Н. Блудова, предоставлявшаго ему возможность пользоваться многими, что иначе оставалось бы недоступнымъ для него ¹⁾. Упомянемъ о главнѣйшихъ трудахъ А. Н., начиная съ 1850 года. Въѣтъ съ А. О. Бычковымъ редактировалъ онъ I-й томъ Дворцовыхъ Разрядовъ, изданныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи и написалъ къ нимъ предисловіе; онъ же принималъ дѣятельное участіе въ другомъ предпріятіи Второго Отдѣленія — въ изданіи „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи“, которое въ настоящее время должно быть возобновлено Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ; въ началѣ пятидесятихъ годовъ занималъ онъ должность секретаря Русскаго Археологическаго Общества. Въ 1857 году А. Н. Поповъ помѣстилъ въ *Русской Бесѣдѣ* свои изслѣдованія о бунтѣ Стеньки Разина и напечаталъ матеріалы, относящіеся къ этому предмету; трудъ, о которомъ мы говоримъ, исчерпываетъ какъ нельзя болѣе полно фактическую сторону упомянутого событія, такъ что въ этомъ отношеніи не прибавлено ничего существеннаго историками, которые по слѣдамъ его занимались смутю, вспыхнувшею при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Считаемъ не лишнимъ представить здѣсь перечень другихъ трудовъ Александра Николаевича: въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* помѣщена была имъ статья „Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ“ (1851, т. LX), во *Временникѣ Моск. Общ. истор. и древ. росс.* (1851 г.)—„Переписка дьяка Васильева“ и тамъ же (1852 г.)—уставная грамота патріарха Адріана къ архимандриту Троицко-Сергіева монастыря Евфимію; въ *Запискахъ Имп. Геогр. Общ.* (1853 г.)—„Сношенія Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ“; въ *Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ* (1854 г.)—„Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ“; въ *Русской Бесѣдѣ* (1856 г., кн. П)—„Русское посольство во Францію въ 1668 году“ и тамъ же

¹⁾ Что касается отношеній А. Н. Попова къ названному нами государственному человѣку, то см. объ этомъ, между прочимъ, рѣчь его „Нѣсколько словъ о графѣ Д. Н. Блудовѣ“, произнесенную 4-го марта 1864 года въ Имп. Русск. Археологическомъ Обществѣ.

(кн. II)—„Сокола и кречета царя Алексѣя Михайловича“; въ *Рус. Вѣстникъ* (1857 г., кн. VIII) — „Турецкая война при Теодорѣ Алексѣевичѣ“, въ *Русской Бесѣдѣ* (1858 г., кн. IV)—„О построеніи корабля Орла въ царствованіе Алексѣя Михайловича“; въ *Вѣстникъ Европы* (1868 г.) — „Дѣло Новикова и его товарищей“ и въ *Зарь* (1870 г.)—„Разсужденія по законамъ о наслѣдствѣ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія“; статья эта представляетъ лишь отрывокъ изъ исторіи наслѣдственнаго права въ Россіи, оставшейся въ рукописи. Отдѣльно было издано А. Н. Поповымъ (1854 г.)—„Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 гг. (Нѣсколько лѣтъ изъ отношеній древней Россіи къ европейскимъ державамъ)“. Кромѣ того ему же принадлежатъ: замѣтка объ одной иконѣ со славянскою надписью въ храмѣ св. Петра въ Римѣ (*Изв. Р. Арх. Общ.* 1857 г., т. I), редакція IV, V и VIII томовъ „Записокъ Имп. Русскаго Археологическаго общества (при чемъ въ V томѣ помѣщена была имъ статья „Дипломатическая тайнопись временъ Алексѣя Михайловича“) и VI тома „Записокъ Русск. Географическаго общества“¹⁾.

Благодаря служебному своему положенію, А. Н. имѣлъ въ распоряженіи своемъ много важныхъ документовъ, относящихся къ исторіи отношеній нашего правительства къ римской куріи. Съ обычною своею добросовѣстностью занялся онъ изученіемъ этого предмета и плодомъ его занятій были обширныя и въ высшей степени интересныя статьи: „Послѣдняя судьба папской власти въ Россіи“ (*Вѣстн. Европы* 1868 г.) и „Сношенія Россіи съ папскимъ дворомъ въ 1845—1847 годахъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1870 г., т. СХI, VII—СХI, II). Это обстоятельство побуждало Академію Наукъ, при обсужденіи сочиненій, представляемыхъ на Уваровскія преміи, поручать А. Н. Попову разсмотрѣніе такихъ трудовъ, кои касались отношеній католичества къ Россіи²⁾.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины А. Н. Поповъ сосредоточилъ ученую свою дѣятельность главнымъ образомъ на достослав-

¹⁾ Сверхъ того рецензіи напечатаны были А. Н. Поповымъ: на сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей П. И. Иванова и на *Чтенія Моск. Общ. истор. и древн.* (въ *Изв. Арх. Общ.* т. I).

²⁾ Вслѣдствіе того имъ написаны рецензіи: на сочиненіе священника Морочкина «Иезуиты въ Россіи съ царствованія императрицы Екатерины II» въ 11-мъ и 14-мъ присужденіи награды графа Уварова и на соч. г. Кояловича «Исторія возсоединенія западнорусскихъ униатовъ старыхъ временъ» въ 17-мъ присужденіи тѣхъ же награды.

номъ событіи въ нашей исторіи — отечественной войнѣ 1812 года. Подготовительныя его работы были чрезвычайно обширны; онъ неутомимо работалъ въ архивахъ, старался отыскивать документы и въ другихъ мѣстахъ и любопытно было слушать его разказы о томъ, какъ иногда случалось ему находить ихъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было бы ихъ ожидать. Сколько можно было судить изъ его словъ, онъ успѣлъ довести до конца свой трудъ, который нуждался лишь въ окончательной редакціи, — сѣдовательно есть надежда, что публика увидитъ его въ печати. Отдѣльныя части этого труда появились уже на страницахъ *Журн. Мин. Нар. Просв., Русскую Архива* и *Русской Старины* и три первыя изъ нихъ (отрывокъ, появившійся въ *Русской Старинѣ*, еще не былъ оконченъ печатаніемъ, когда скончался авторъ) были удостоены Уваровской преміи. Въмѣсто собственнаго сужденія о достоинствѣ ихъ, мы предпочитаемъ сослаться на сужденіе такого компетентнаго лица, какъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, которое читатели найдутъ въ этой же книжкѣ нашего журнала (отд. IV, Отчетъ о присужденіи наградъ графа Уварова, 70—73). По справедливому его замѣчанію важность упомянутыхъ монографій, „тѣмъ значительнѣе, что онѣ послужатъ къ распространенію въ публикѣ правильныхъ воззрѣній на достопамятныя событія 1812 года, будутъ поддерживать память о нихъ и самымъ своимъ объективнымъ безпристрастіемъ способствовать воспитанію патріотическихъ чувствъ, никогда прочно не поддерживающихся тенденціозными писаніями“.

Въ половинѣ минувшаго сентября вернулся А. Н. Поповъ изъ деревни и при свиданіи нашемъ съ нимъ нельзя было и замѣтить признаков недуга, который, чрезъ нѣсколько же дней послѣ того, долженъ былъ совершенно разбить его организмъ: съ такимъ одушевленіемъ говорилъ онъ о событіяхъ теперешней войны, о своихъ занятіяхъ, такъ спѣшилъ онъ изготовленіемъ одного изъ томовъ сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, содержаніе коего составляли доставленные имъ документы, относящіеся къ первой четверти текущаго столѣтія, и который долженъ былъ появиться ко дню столѣтней годовщины рожденія императора Александра Павловича. Чрезъ два мѣсяца послѣ того лежалъ уже предъ нами бездыханный трущъ ревностнаго труженика науки. Много сдѣлалъ онъ для нея и оставилъ по себѣ имя, которое всегда будетъ произноситься съ признательностью и уваженіемъ.

II.

Е. В. Чижевъ.

14-го ноября скончался въ Москвѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей такъ-называемаго славянофильства 1840-хъ годовъ, замѣчательный своимъ умомъ и образованіемъ писатель и общественный дѣятель—Федоръ Васильевичъ Чижевъ.

Уроженецъ Костромской губерніи, онъ родился въ 1811 году, а образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1832 году со степенью кандидата. Специальностью его въ университетѣ были математическія науки, которыми онъ занимался съ большою любовью и замѣчательнымъ успѣхомъ. Уже въ 1833 году былъ онъ приглашенъ для чтенія, въ Петербургскомъ университетѣ, начертательной геометріи. Въ 1836 году онъ напечаталъ магистерскую диссертацию: „Объ общей теоріи равновѣсія съ приложеніемъ къ равновѣсію жидкихъ тѣлъ и опредѣленію фигуры земли“; сочиненіе это—по отзыву специалистовъ—отличается особенною отчетливостью изложенія этой, столь важной въ аналитической механикѣ, теоріи. Затѣмъ въ 1838 году Чижевъ издалъ довольно большой, основанный на трудахъ Пертингтона, Стефеңсона и Араго, трудъ подъ заглавіемъ: „Паровыя машины. Исторія, описаніе и приложеніе ихъ“, со множествомъ чертежей; это было первое по сему предмету сочиненіе на русскомъ языкѣ. Университетское преподаваніе, а равно и учено-литературные труды по математическимъ наукамъ Чижевъ продолжалъ до исхода 1840 года, при чемъ статьи свои печаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, *Сынѣ Отечества*, *Библиотекѣ для чтенія* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

Но въ то же время дѣятельная мысль Чижева начала обращаться въ другую сторону—къ занятіямъ словесностью, искусствами, исторіей, науками философскими и политическими; соотвѣтственно этимъ новымъ своимъ интересамъ, Чижевъ издалъ въ 1839 году русскій переводъ „Исторіи европейской литературы XV и XVI столѣтій“ Галлама, со своими примѣчаніями и дополненіями, обнаружившими уже обширную и основательную начитанность переводчика, а затѣмъ пе-

редѣлялъ на русскій языкъ прекрасное сочиненіе одной англійской писательницы, подъ заглавіемъ „Призваніе женщинъ“, которое и вышло въ 1841 году. Осенью 1840 года плохое состояніе здоровья заставило Чижова уѣхать за границу на три года, и это путешествіе по разнымъ частямъ Европы, а преимущественно по Италіи и землямъ Австрійскихъ Славянъ, окончательно обратило его мысль на вопросы гуманныхъ наукъ и политики. На университетскую кафедру онъ болѣе не возвращался по приѣздѣ изъ-за границы, и переселился въ Москву, сблизился тамъ съ славянофильскимъ кружкомъ Кирѣевскихъ, Хомякова, Аксаковыхъ и др. Къ этому времени относятся замѣчательныя по оригинальной мысли статьи его о русскомъ искусствѣ („О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ“ — въ *Московскомъ Сборникѣ* 1846 г.) и средневѣковой итальянской живописи („Джіованни Фіезольскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи“ — въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 г., кн. IV), путевыя замѣтки о Франціи, Швейцаріи и Славянскихъ земляхъ (*Моск. Сборн.* 1847 г. и *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. I и II), разборъ „Римскихъ Писемъ“ А. Н. Муравьева и „Памятниковъ Московской древности“ И. М. Снегирева (*Моск. Сб.* 1847 г.). Кромѣ того, онъ печаталъ иногда статьи въ *Москвитяинѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Съ 1858 года Ѳ. В. Чижовъ занялся преимущественно разработкой русскихъ экономическихъ вопросовъ и сталъ редакторомъ журнала *Вѣстникъ Промышленности*, который продолжался четыре года, и въ которомъ онъ также помѣстилъ нѣсколько статей, между прочимъ о томъ „Какимъ путемъ должно идти образованіе низшихъ слоевъ общества“ (1859 г., № 2). Сверхъ того, въ 1859 г. Чижовъ сдѣлался редакторомъ газеты *Акціонеръ*, которая выходила какъ приложение сперва къ *Вѣстнику Промышленности*, а послѣ къ *Дню И. С. Аксакова*; въ *Акціонерѣ* также помѣщено нѣсколько статей Чижова по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Съ прекращеніемъ этого изданія Чижовъ окончательно оставилъ литературныя занятія и принялъ участіе въ различныхъ промышленныхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ. Здѣсь блестящія его способности нашли себѣ новое широкое приложеніе, и высокая честность и благородство придавали особенный вѣсъ его дѣйствіямъ.

Въ послѣдніе годы жизни Чижовъ не отличался крѣпостью здоровья. „Давно ожидаемая по его хилости и хворости катастрофа“, говоритъ г. Н. Б. въ некрологѣ Ѳедора Васильевича, помѣщенномъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 284), — „все-таки была неожиданною:

онъ умеръ на рукахъ друга своего, Г. П. Галагана, почти за разговоромъ о томъ, какъ, оправившись отъ своей болѣзни, прїѣдетъ къ нему въ Малороссію отдохнуть въ деревнѣ. Только за полчаса предъ этимъ онъ пожалъ руку другому своему другу П. С. Аксакову, прося навѣстить завтра и радуясь, что болѣзнь видимо проходитъ и ему дѣлается лучше. Разрывъ жилы мгновенно прекратилъ эту, до послѣдняго мига, бодрую жизнь. Конецъ этого человѣка выразилъ его жизнь. Дневникъ, который покойный велъ аккуратно съ 14-ти-лѣтняго возраста до 66 лѣтъ, нашли на его столѣ дописаннымъ до своей послѣдней страницы: уже роковое „14 ноября 1877 года“ было занесено покойникомъ за весь день съ утра до вечера въ этотъ дневникъ какъ въ половинѣ одиннадцатаго пришла смерть. Естественно было подумать о его посмертныхъ распоряженіяхъ. Послѣ него осталась образцовая библіотека и, въ разныхъ предпріятіяхъ, состояніе свыше милліона. Самый этотъ дневникъ человѣка, который въ жизни своей сходилъ со столькими замѣчательными людьми, и чья жизнь была исполнена столькихъ своеобразныхъ эпизодовъ, подавалъ ближнимъ поводъ къ раздумью. Оказалось, что библіотека покойнымъ завѣщана любимой имъ Москвѣ, Румянцевскому музею; ему же и дневникъ, съ просьбой напечатать его и издать лишь по истеченіи сорока лѣтъ со дня его смерти; а состояніе завѣщано имъ родному городу Костромѣ, на устройство, по его мысли, одного высшаго техническаго училища и трехъ дополнительныхъ къ нему заведеній въ трехъ назначенныхъ имъ уѣздахъ его родины“.

Ө. В. Чижовъ похороненъ въ Даниловомъ монастырѣ,—тамъ же, гдѣ находятся могилы его друзей А. С. Хомякова, И. В. и П. В. Кирѣевскихъ и Н. В. Гоголя.

ПО ПОВОДУ ЭНЕИДЫ ВИРГИЛИЯ VI, 882—887.

Heu, miserande puer, si qua fata aspera rumpas!
tu Marcellus eris. Manibus date lilia plenis;
purpureos spargam flores, animamque nepotis
his saltem accumulem donis et fungar inani
munere. Sic tota passim regione vagantur,
aeris in campis latis atque omnia lustrant.

Многого еще оставляет желать объяснение этих стиховъ, которыми заканчивается прославление Рима и его героевъ, тѣни коихъ Анхизъ представляетъ въ подземномъ царствѣ своему сыну.

Прежде всего ошибочно мнѣніе ученыхъ, которые въ стихѣ 882 принимаютъ *si* за условный союзъ и ставятъ запятую послѣ слова *rumpas*. Уже изъ предшествующей рѣчи Анхиза ясно, что тотъ, о комъ идетъ рѣчь, даже если онъ *fata aspera non rumpit* (т. е. умретъ преждевременною смертью), есть одинъ изъ Марцелловъ, т. е. окажется достойнымъ своего происхожденія отъ знаменитаго героя второй пунической войны. Такимъ образомъ, соглашаясь съ толкованіемъ Вагнера, мы считаемъ *si* = *o si*, за частицу желательную, и послѣ стиха 882 ставимъ восклицательный знакъ.

Далѣе, Перликамнъ ошибается, предполагая пробѣлъ послѣ словъ *tu Marcellus eris*. Слова эти вовсе не указываютъ на высокія качества юноши, они не означаютъ: „ты будешь достоинъ имени Марцелловъ“¹⁾, но заключаютъ въ себѣ просто отвѣтъ на вопросъ Энея (стихъ 864) „*filius anne aliquis magna de stirpe nepotum*“, который можно понять лишь такъ: „сынъ ли онъ, т. е. потомокъ ли только что

---

¹⁾ Хотя и въ этомъ случаѣ излишне было бы прибавлять что-нибудь въ похвалу ему, ибо уже и прежде онъ служилъ предметомъ прославленія.

прославленного Марцелла, или кто либо другой изъ великаго рода нашихъ внуковъ (т. е. прочихъ Римлянъ)?

Было бы вполне нелѣпо подѣ словомъ *perotum* понимать потомковъ Марцелла; да и относительно *magna* — великій человекъ еще не долженъ непременно имѣть *magna stirpem*. Нерѣдко встрѣчается *aliquis* вмѣсто *alius quis*; такъ, напримѣръ, *Aen. II 48: aut aliquis latet error*.

Слова: *manibus date lilia plenis, purpureos spargam flores*, большинствомъ толкователей понимаются такъ, что Анхизъ проситъ своихъ спутниковъ давать ему полными горстями лиліи для того, чтобы онъ осыпалъ ими могилу Марцелла. При этомъ ссылаются на авторитетъ Плинія, *H. N. XXI, 5*, который между различными родами этого цвѣтка упоминаетъ также *rubens liliū* и *purpurea lilia*. Можно было бы еще сослаться и на то, что *purpureus*, равно *porphyreus*, у поэтовъ не всегда обозначаетъ красный цвѣтъ, но иногда и идеальный, отличающійся высшею степенью красоты; какъ, напримѣръ, у Горация, *c. IV, 1, 10, purpureis ales oloribus*. Тѣмъ не менѣе указанное объясненіе не совсѣмъ достойно поэта и къ тому же сомнительно съ точки зрѣнія грамматики. Что касается перваго пункта, то невольно возникаетъ вопросъ, отчего Анхизъ проситъ цвѣтвъ у своихъ спутниковъ, вмѣсто того чтобы самому срывать ихъ и осыпать ими могилу? Развѣ ему не позволялъ этого церемоніаль подземнаго царства? Отчего его сынъ, не менѣе объятый скорбью, не долженъ былъ дѣлать того же самаго? Что же касается втораго пункта, то я не думаю, чтобы можно было выпускать *ut finale* послѣ глаголовъ, которые не означаютъ собою намѣренія, напримѣръ: *mando, curo*, или *do*, если оно = *concedo*. Здѣсь же оно имѣетъ значеніе „дать“, а потому *ut* послѣ *date* не можетъ быть выпущено. Ибо хотя издатели въ защиту этого и приводятъ мѣсто изъ *Aen. IV, 683, 4*:

*date, vulnera lymphis
 abluam,*

но они ошибаются. Здѣсь слѣдуетъ читать: *date vulnera lymphis. abluam*. Мы имѣемъ тутъ просто примѣръ, столь часто встрѣчающейся у древнихъ *enallage*. Можно бы было привести изъ Виргилія еще большое число примѣровъ такой вольности; указанному мѣсту вполне соответствуетъ *Aen. III, 61*:

hincque pollutum hospitium et dare classibus auro.

Итакъ, опущеніе *ut*, какъ кажется намъ, не имѣетъ оправданія. Если же глаголы *spargam*, *assumam*, *fungar* считать за *coniunctivi hortativi*, такъ что они находятся въ зависимости отъ *date*, то мысль будетъ выражена довольно странно, ибо скорѣе слѣдовало бы ожидать здѣсь будущаго времени. Поэтому я считаю *spargam* за *ind. fut.* и ставлю послѣ него точку съ запятой или двоеточіе. Смыслъ же всего отрывка, по моему, слѣдующій: вы (Анхизъ обращается къ Энею и Сибилѣ) бросайте полными горстями лиліи, а я буду сыпать розы; пусть поднесу я, по крайней мѣрѣ, эти подарки изображенію моего внука и посвящу ему этотъ пустой даръ (обычай приносить въ память усопшимъ цвѣты и вѣнки былъ у древнихъ столь же распространенъ какъ и у насъ). А что *purpureus flos* употребляется въ смыслѣ розы и что любимые цвѣты древнихъ — лилія и роза — часто упоминаются вмѣстѣ, это достаточно извѣстно. Въ доказательство можно сослаться на *Aen. XII, 68, 69; Ov. am. II, 5, 37* и *Anthol. Lat. Burm. VI, 87, 32*.

При стихѣ 886 слѣдовало бы замѣтить слѣдующее. Обыкновенно у *Virgilius*, также какъ и у большей части поэтовъ, конецъ длинной рѣчи совпадаетъ съ концомъ стиха; иногда авторъ прерываетъ рѣчь послѣ перваго дактиля, какъ напримѣръ, *Aen. 569, 70* и *XII. 503, 6*.

Наконецъ, замѣчу еще, что *aeris* въ стихѣ 887 слѣдуетъ непременно отнести къ слову *campis*, а не къ предшествующему *regione*, какъ дѣлаютъ очень многіе. Въ пользу этого говоритъ не только то обстоятельство, что *Servius ad Aen. V, 735, Schol. ad Lucan. IX, 6* и *Ansonius* въ началѣ стихотворенія „*Cupido cruci affixus*“ цитатами своими одобряютъ подобное объясненіе ¹⁾, но еще и то, что въ противномъ случаѣ слова *in campis latis* оказались бы совершенно лишнимъ прибавленіемъ. Подлежитъ сомнѣнію также, можно ли считать *aer* = *nebula*, *caligo*, какъ предполагаютъ толкователи, ссылаясь на извѣстное употребленіе *αἴρ* и на стихъ 827, гдѣ дѣйствительно встрѣчается слово *nox*, или же, напротивъ, нужно принимать *aer* въ смыслѣ *aether*; ср. *V, 640, 41*.

То, что *aether* употребляется вмѣсто *aer*, достаточно извѣстно; а то, что *aer* иногда употребляется также вмѣсто *aether*, я доказалъ въ примѣчаніи къ *Hor. od. I, 28, 5* pg. XX (введеніе къ стереотипному изданію).

¹⁾ Древніе часто ошибались въ толкованіи *Virgilius*; ср., напримѣръ, замѣчанія ученыхъ *ad Aen. VI, 802: aeternum servam*.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ РУССКИМЪ ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ КЛАССИКОВЪ, АЗБУКЪ, РАЗГОВОРОВЪ, ГРАМАТИКЪ И СЛОВАРЕЙ ПО 1871 Г. ВКЛЮЧИТЕЛЬНО ¹⁾.

Переводы съ латинскаго отдѣльныхъ произведеній и цѣлыхъ сочиненій римскихъ писателей.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду исключительно переводы, изданные отдѣльными книгами, хотя бы эти переводы до появленія въ свѣтъ и были напечатаны въ журналахъ. Впрочемъ, все наиболѣе замѣчательное въ этомъ родѣ выходило обыкновенно отдѣльными изданиями. Въ особомъ отдѣлѣ нашего указателя мы приведемъ полный перечень всего, что появлялось по отдѣлу классическихъ языковъ въ повременныхъ изданіяхъ въ переводѣ или въ подражаніи классическимъ образцамъ.

- 1) Эній. Переводъ съ латинскаго. Москва. 1802 года.
- 2) Терентія П. Аделфы или Братя, въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ латинскаго перевелъ *К. Флоринскій*. СПб. 1774 года.
- 3) Форміонъ. Съ латинскаго перевелъ *С. Синайскій*. СПб. 1774 года.
- 4) П. Терентія комедіи. СПб. 1774 года, 3 части.
- 5) Комедіи Терентіевы. Изданіе Академіи наукъ. Перев. съ лат. С.-Пб. 1806 года.
- 6) Цицеронъ М. Т. О должностяхъ. 3 книги. Перевелъ *Борисъ Волковъ*. С.-Пб. 1761 года.
- 7) — Двѣнадцать избранныхъ рѣчей. Перевелъ *Кириакъ-Кондратовичъ*. С.-Пб. 1767 года.
- 8) — О утѣшеніи. С.-Пб. 1775 года.

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* текущаго года.

- 9) — О естествѣ боговъ. 3 книги. Перевель *Григорій Комовъ*. М. 1807 года.
- 10) — Лелій. С.-Пб. 1781 года.
- 11) — Бесѣда о старости. Пер. съ латинскаго *А. Зиновьева*. М. 1866 г.
- 12) — О старости. Курскъ. 1795 года.
- 13) — Тоже, Казань. Пер. *Карнеевъ*. 1795 г.
- 14) — 1-я рѣчь на Катилину. Перевель *Прохоръ Суворовъ*. М. 1807 года.
- 15) — Рѣчь за стихотворца Авла Лицинія Архія. Перевель *Илья Гриневичъ*. Харьковъ. 1818 года.
- 16) — Разсужденіе о добродѣтели. Перевель *Николай Прокоповичъ-Антонскій*. М. 1820 года.
- 17) — Размышленія о совершенномъ добрѣ и крайнемъ злѣ. Перевель съ латинскаго *И. Посниковъ*. С.-Пб. 1793 года.
- 18) Краткое описаніе о войнахъ изъ книгъ Юлія Цезаря съ нѣкоторыми примѣчаніями. Съ французскаго перевель *Борисъ Волковъ*. М. 1711 (?) года.
- 19) Каія Юлія Цезаря записки о походахъ его въ Галлію. Перевель съ латинскаго *Сергій Воронъ*. С.-Пб. 1774 года. Переводъ содержитъ только 1-ю часть латинскаго подлинника.
- 20) Сочиненія К. Ю. Цезаря всѣ, какія до насъ дошли отъ него или подъ его именемъ, съ приложеніемъ его жизнеописанія, сочиненнаго Светоніемъ. Съ латинскаго перевель и издалъ *А. Клевановъ*. М. 1857 года. (Библіотека римскихъ писателей, томъ II).
- 21) Салустія Криспа войны Катилинская и Югурфинская. Съ латинскаго перевель *Василій Кромаренковъ*. С.-Пб. 1769 года.
- 22) Каія Криспа Саллустія. Исторія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурфы. Перевель съ латинскаго академикъ *Николай Озерниковскій*. Издано Академіей Россійской на латинскомъ и руссійскомъ языкахъ. С.-Пб. 1809 г.
- 23) Саллустія сочиненія всѣ, какія до насъ дошли, съ жизнеописаніемъ и 4-мя рѣчами Цицерона противъ Катилины. Перевель *А. Клевановъ*. М. 1857 г. (Библіотека римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ, томъ I).
- 24) Корнелій Непотъ. Съ латинскаго перевель *Антюль Дм. Кантемиръ* (1709—1744 г.).
- 25) Корнелія Непота Житія славныхъ генераловъ. Съ латинскаго

въ пользу юношества переведено *Вас. Лебедевымъ*. Издано Академією наукъ. Изд. 1-е С.-Пб. 1748 г., изданіе 2-е С.-Пб. 1785 г.

26) — Жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ. Пер. *А. Клавановъ*. С.-Пб. 1867 года; 2-е 1871 года.

27) — Для изучающихъ латинскій языкъ безъ помощи учителя въ подстрочномъ переводѣ *К. Я. Бьлицкаго*. Херсонъ. 1869 года.

28) *Виргилія Марона Энеида*, героическая поэма. Перевелъ съ латинскаго стихами *В. Петровъ*. Три первыя пѣсни. С.-Пб. 1770 г.

29) Тоже. Изданіе 2-е, 12-ть пѣсенъ. 1781—1786 г.

30) Тоже. Переводъ *В. Сенковскаго*. Три первыя пѣсни. С.-Пб. 1776 года.

31) Тоже. Пѣснь 1-я. Съ латинскаго перевелъ *Продіонъ Вѣтринскій*. На русск. и латинск. языкъ. М. 1820 года.

32) — *Георгики* или о земледѣліи. Переведены съ латинскаго *Рубаномъ*. С.-Пб. 1777 г.

33) *Виргиліевы георгики*. Перевелъ *А. Раичъ*. М. 1821 г.

34) — *Эклоги* съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ идиллій *Теокрита*, *Біона* и *Мосха*. Перевелъ стихами съ латинскаго и греческаго проф. *А. Мерзляковъ*. М. 1807 г.

35) *Энеида*. Переводъ *І. Шершневича*. Варшава. 1868 г.

36) *Энеида*. Перевелъ съ латинскаго въ стихахъ (амфибрахіемъ) *И. Соснецкій*. М. 1872 года.

37) — четыре *эклоги*. Перев. *Павель Кутузовъ*. М. 1804 г. (Другъ Просвѣщенія).

38) — 7-я *эклога*. Перевелъ *Григорій Салтиковъ*. М. 1805 г. (Другъ Просвѣщенія).

39) — 1-я *эклога*. М. 1805 г. (Другъ Просвѣщенія).

40) *Публия Овидія Назона* *Метаморфозы* въ лицахъ съ краткими объясненіями. С.-Пб. 1721 г.

41) — *Превращенія*. Перевелъ съ російской прозы стихами *Василій Майковъ*. Первыя 4 книги. С.-Пб. 1775 года. Слѣдующія 4 книги въ „Модномъ изданіи“ за тотъ же годъ.

42) — *Превращенія*. Книги первая и вторая. С.-Пб. 1772 г. Переводъ *Григорія Козицкаго*.

43) — *Превращенія* съ примѣчаніями и историческими объясненіями. 3 части въ 15 книгахъ. М. 1794 года. Пер. *Рембовскій*.

44) — *Превращенія*. Съ латинскаго прозою *Петръ Соколовъ*, съ латинскимъ подлинникомъ ч. I (3 книги) С.-Пб. 1808 годъ.

- 45) — Плачь. На латинскомъ и русскомъ языкахъ. И. *Срезневскаго* С.-Пб. 1795 года.
- 46) — Плачь, писанный имъ во время изгнанія въ Тавриду стихами, переводъ съ приобщеніемъ лат. подлинника. М. 1797.
- 47) — Елегии. Съ французскаго Ал—ръ *Тинковъ*. С.-Пб. 1768 г.
- 48) — Избранныя печальныя элегии. Съ латинскаго перевода 1796 года.
- 49) — Двѣ Ироиды или два письма древнихъ Ироинь. Перевелъ съ латинскаго В. *Рубанъ*. С.-Пб. 1774 г.
- 50) — Героида XI. Перевелъ съ латинскаго Иванъ *Сokolьскій*. С.-Пб. 1818 г.
- 51) Уединенные часы пустытника въ хижинѣ или собраніе разныхъ сочиненій (?) и переводовъ изъ лучшихъ мѣстъ Оссіана и Овидія, издалъ В. Д. М. 1815 г.
- 52) Горациа Кв. Флакка съ латинскаго стихами перевелъ Антиохъ *Кантемиръ* съ примѣчаніями. С.-Пб. 1744 г. Изданіе 2 С.-Пб. 1788 г.
- 53) — Письмо о стихотворствѣ и нѣсколько одъ. Съ латинскаго. Проф. Москов. университета Николай *Поповскій*. С.-Пб. 1753 г. и 1801 г.
- 54) — Сатиры. Съ латинскаго перевелъ Иванъ *Барковъ*. С.-Пб. 1763 г.
- 55) — Оды и письмо о стихотворствѣ. Переводъ съ латинскаго. С.-Пб. 1802 г.
- 56) — Сатиры. Изданы Академіею наукъ. Съ латинскаго. С.-Пб. 1808 года.
- 57) — Оды: Къ кораблю *Виргиліеву*. Перевелъ гр. *Хвостовъ* (Другъ Просвѣщенія 1804. I, 215).
Къ *Сексту*. (Другъ Просвѣщенія 1804. II, 236).
Beatus ille, qui prociat. (Другъ Просвѣщенія 1804. IV, 126).
Книги 1-й ода 12-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. I, 77).
Книги 2-й ода 3-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. II, 192).
Книги 1-й ода 16-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. III, 202).
На смерть *Квинтилія*. (Другъ Просвѣщенія 1805. IV, 34).
Венерѣ. (Другъ Просвѣщенія 1805. IV, 233).
- 58) — Пять сатиръ въ стихахъ. Переводъ съ латинскаго. М. 1843 года.
- 59) — Наука о поэзиі или посланіе къ *Пизонамъ*. Переводъ съ лат. *М. Дмитріева*. М. 1853 г.

- 60) — Оды. Переводъ съ лат. *А. Фета*. С.-Пб. 1856 г.
- 61) Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ съ латинскаго подлинника, *В. Орлова*. С.-Пб. 1830 г.
- 62) — Сатиры. Съ латинскаго перевелъ въ стихахъ съ объяснит. примѣчаніями *М. Дмитриевъ*. М. 1858 г.
- 63) Тибулла Елегія изъ 1-й книги пятая. Стихами перевелъ *Як. Толстой*. С.-Пб. 1818 г.
- 64) — Елегія 2-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. II, 111). Елегія 4-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. II, 206).
- 65) Тита Ливія. Исторія народа римскаго. 5 томовъ. Перев. *А. Клевановъ*. М. 1858—1867 г.
- 66) Корнелія Тацита жизнь Юлія Агриколы. Перев. съ латин. М. 1798 г. *М. Ив. Горинъ*.
- 67) — Жизнь Юлія Агриколы. Переводъ съ латинскаго *Θ. Постьлова*. Изданіе Академіи наукъ. С.-Пб. 1802 г. и 1803 г.
- 68) — — Цокорителя Бриганія подъ власть Римскаго народа. Новое изданіе. М. 1805 года.
- 69) — Лѣтописи. 4 части. Пер. съ латинскаго *Θ. Постьловъ*. С.-Пб. 1805—1807 г.
- То же, три час. 1805—1806 г.
- 70) — Лѣтописи. Перевелъ съ лат. *Степанъ Румовскій*. Издано Академією Россійскою, на Россійск. и лат. языкахъ. С.-Пб. 4 части. 1806—1809 г.
- 71) — О положеніи, обычаяхъ и о народахъ древнегерманскихъ. Перевелъ съ латинскаго *Василій Свѣтовъ*. С.-Пб. 1772 года.
- 72) — О положеніи и обычаяхъ народовъ древней Германіи. Издано Академією наукъ. Перев. съ латин. С.-Пб. 1806 г.
- 73) — римскаго историка сочиненіе объ ораторахъ (приписываемое и Квинтилиану) или о причинахъ испортившагося краснорѣчія. Съ латинск. перевелъ *Θ. Постьловъ*. С.-Пб. 1805 г.
- 74) — Исторія народа Римскаго. Перевелъ съ латинскаго *Θ. Постьловъ*. С.-Пб. 1807 года.
- 75) — Сочиненія. Часть 2-я: лѣтописей книги I—XVI. Перевелъ и издалъ *А. Клевановъ*. М. 1870 г.
- 76) — Лѣтопись. Перев. *А. Кронебергъ*. 2 тома. М. 1859 г.
- 77) Плинія Младшаго похвальное слово императору Траяну. Перевелъ *Я. Толмачевъ*. Спб. 1822 г.

78) Сенеки Нравственныя лѣкарства. Перевель съ лат. *Александръ Молчановъ*. М. 1783 г.

79) — Лучи мудрости или нравоучительныя разсужденія Сенеки и Плутарха и прочихъ славныхъ въ древности мужей. Съ латинскаго. 2 части. М. 1786 г.

80) Сенеки. Мысли о смерти и другихъ несчастіяхъ. Перев. съ лат. С.-Пб. 1809 г.

81) Письмо къ Луцилію отъ Сенеки. Перевель *Мил. Губбовъ* (Другъ Просвѣщ.). 1805 г. I, 123.

82) Квинта Курція Исторія о Александрѣ Великомъ, царѣ Македонскомъ, съ дополненіями и примѣчаніями Фрейнсгейма. Перевель съ лат. *Степанъ Крашенинниковъ* (академикъ). 2 части. Издано Академіею наукъ 1750 года. Тоже, изданіе 3-е—1793 года; изданіе 4-е—1800—1801 г. Изд. 6-е 1812—1813 г.

83) — Тоже, съ примѣч. Фрейнсгейма. Перевель съ лат. *А. Мартосъ*. 2 ч. С.-Пб. 1819 годъ.

84) Светонія Жизнь первыхъ 12 кесарей. Съ латинскаго перевель *М. Ильинскій*. 2 ч. С.-Пб. 1776 года.

85) — Жизнь и дѣянія 12 римскихъ цезарей. М. 1794 г. Перев. съ лат. Изд. 2-е 1796 г.

86) Жизнь Тиверія. Переводъ изъ Светонія *Н. Мохова*. Тамбовъ. 1866 года.

87) Евтропія Сокращенная Римская* исторія. Съ лат. перевель *С. Воронцовъ*. М. 1759 г. 2-е изданіе 1779 г.

88) Юстинъ. древней универсальной исторіи Трога Помпея сократитель. Перевель съ латин. *Никита Поповъ*. С.-Пб. Изданіе Акад. наукъ. 1768 г.

89) Юстина, древняя исторія. Изданіе Акад. наукъ. С.-Пб. 1806 г.

90) — Всеобщая исторія, извлеченная изъ бытописавій Трога Помпея. Перевель съ лат. *Семень Борзцовскій*, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, служащихъ къ поясненію оной. С.-Пб. 1824 года.

91) Патеркула Веллея. Сокращеніе греческія и римскія исторіи. Перев. съ лат. *Феодора Могъенкова*. С.-Пб. 1774 г. Изданіе Академіи наукъ.

92) Валерія Максима Изрѣченія и дѣла достопамятныхъ 9 книгъ. Перевель съ лат. *Иванъ Алексѣевъ*. 2 ч. С.-Пб. Изданіе Академіи наукъ. 1772 г.

- 93) Федра Басни. Перевель стихами *Ив. Барковъ*, съ лат. подлинн. Спб. 1763 г.; изд. 2-е 1787 г.
- 94) Изъ Проперція отрывки (Другъ просв.) 1805, II, 42.
- 95) Отрывки изъ IV книги Лукановой Фарсальской битвы. Перев. *П. Кутузовъ* (Другъ Просвѣщ.). 1804, III, 108.
- 96) Изъ Марціала. Эпиграмма. Вѣстн. Евр. XV, 331.
- 97) Отрывки изъ первой сатиры Ювенала. Перев. *П. Кутузовъ*, (Другъ Просвѣщ.). 1804, IV, 244.
- 98) Авла Гелла Повѣсть объ Аріонѣ. (Другъ Просвѣщ.) 1805, II, 53.
- 99) Петронія Арбитра Гражданская брань. Перевель *А. Н. Муравевъ*.
- 100) Аннея Флора Луція 4 книги Римской исторіи отъ царя Ромула до Августа. Съ лат. перевель *Левъ Прозоровъ*. М. 1792 г.
- 101) Апулея, платонической секты философа, Золотой осель. Съ лат. перевель *Евг. Костровъ*. М. 1780—1 г. Изд. 2-е 1870 г.
- 102) Клавдія Клавдіана творенія. Съ лат. переложилъ стихами *Мих. Ильинскій*. Ч. I, 1782 г.
- 103) Катона Правоучит. правила. Съ латин. С.-Пб. 1773 г.
- 104) Авзонія софиста Предуготовленіе къ краснорѣчію. Съ латин. *П. Терновскій*. М. 1805 г.
- 105) Марка Антонія рѣчь къ войску. Съ лат. перев. *Мих. Дмитровскій*. М. 1807 г.
- 106) Полидора Виргилія Урбинскаго осемь книгъ о изобрѣтателяхъ вещей. Переведено съ латинскаго на славяно-русскій. М. 1790 г.
- 107) То же, 2 ч. М. 1789 г.
- 108) Аполлодора. Грамматика Аѳинскаго. Съ лат. перев. *В. П.* М. 1787 г.
- 109) Аристотелевы разсужденія о добродѣтели и порокахъ. Перев. съ латинск. С.-Пб. 1787 г.
- 110) Секстія Пифагорейца Притчи съ греческаго на латинскій Руфиномъ, и съ латинскаго на русск. *М. Невзоровымъ* переведены. М. 1801 г.
- 111) Синтиа философа притчи. Съ латинскаго. М. 1788 г.
- 112) Архимедовыхъ теоремъ дефиниціи или нѣкоторое слово-толкованіе. Перев. съ лат. С.-Пб. 1745 г.
- 113) Теофраста О свойствѣ нравственности человѣческой. Съ лат. перев. прот. *А. Протасовъ*. С.-Пб. 1772 г.
- 114) Ксенофонта философа и полководца славнаго исторія о

старшемъ Кирѣ, основателѣ персидской монархіи. Съ латинскаго С.-Пб. 1759 г. Изд. 2-е 1788 г.

115) Флавія Іосифа Древности іудейскія. Съ латинскаго перев. свящ. *М. Самуиловъ*. С.-Пб. 1779 г. Изд. 2-е 1795 г. Изд. 4-е 1818 г.

116) О войнѣ Іудеевъ. Съ латинскаго перев. *М. Алексеевъ*. С.-Пб. 1786 г. Изд. 3-е 1804 г. Изд. 4-е 1818 г.

117) Созерцаніе превосходнѣйшихъ писателей латинскаго языка, жившихъ въ золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣкѣ для пользы учащихся, сочин. Боррихіи. Перев. съ лат. свящ. *Г. Донковъ*. С.-Пб. 1788 г.

118) Исторія о Августакъ. Изъ 6 лат. писателей. Перев. съ лат. 2 ч. С.-Пб. 1775 г.

119) Выбранныя изъ писателей исторіи, къ которымъ присоединены честнаго житія различные примѣры, изъ тѣхъ же писателей взятыя. Перев. съ лат. *И. Соколовъ*. С.-Пб. 1764—1765 г.

120) Истина о богахъ и баснословныхъ герояхъ. Перев. съ лат. *П. Нечаевъ*. М. 1789 г.

121) Кабинетъ любомудрія, въ которомъ точно изъясняется общее всѣхъ древнихъ любомудрцевъ языческихъ описаніе о Богѣ, добродѣтели и пороки и средствахъ, прямо ведущихъ челоуѣка къ истинному благополучію. Перев. съ греч. и лат. *М. Цвѣтихинъ*. М. 1783 г.

Отдѣльныя сочиненія, относящіяся къ классической римской мифологіи, литературѣ и древности.

1) Руководство къ мифологіи Гедерика. Перев. съ нѣм. *Леванова*. М. 1781 г.

2) Понятіе о мифологіи. М. 1788 г.

3) Разсужденіе о пенатахъ римскаго народа, которыхъ по преданію Эней привезъ съ собою въ объясн. мѣста Діонисія Галикарн. кн. 1 гл. 67—69. Соч. *Буле*, профессора Московскаго университета. М. 1805 г.

4) О сенатѣ древняго Рима. Соч. Мануци. Перев. *И. Рижскаго*. М. 1784 г.

5) Опытъ разсужденія о томъ, что Римляне заимствовали у Грековъ и Етрусковъ. Съ лат. *И. Ръштиниковъ*. М. 1817 г.

6) Описаніе правовъ и обычаевъ древнихъ Римлянъ. С.-Пб. 1792 г.

7) Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ

древней классической словесности, *И. Кронеберга*. 2 ч. Харьковъ. 1825—1826 г.

8) Олимпъ, или греческая и римская мифологія въ связи съ египетскою, германскою и индійскою. А. Петискуса. Пер. *И. Евстафіева*. Съ 67 рис. Изд. М. Вольфа. С.-Пб. 1861 г.

9) Мифологія, съ рисунками. Ламе-Флери. С.-Пб. 1858 г.

10) Похождения Энея. Странствованіе Одиссея. Разказы для дѣтей. С.-Пб. 1860 г.

11) Разказы изъ Одиссеи Гомера. Сост. *И. Вышеславцевъ*. 2 ч. С.-Пб. 1864 г.

12) Римская исторія въ разказахъ для дѣтей. Ламе-Флери. Пер. *В. Модестовъ*. 2 ч. М. 1859—1860 г.

13) Древній міръ и средніе вѣка. Преимущественно для воспитаницъ женскихъ учебныхъ заведеній. *Д. Иловайскаго*. Изд. 6-е. М. 1867 г.

14) Древняя исторія въ этнографическомъ порядкѣ, со включеніемъ синхронистической таблицы. Сост. *А. Аникеевымъ*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1851 г.

15) Исторія древняго міра. Курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній. *Я. Турунова*. С.-Пб. 1847 г.

16) Исторія древняго міра и Греціи. По Нессельту, съ 13 изд. Сост. и доп. *Скворцовымъ*. Изд. тов. „Общ. польза“. С.-Пб. 1864 г.

17) Очерки изъ исторіи народныхъ сказаній. Грубе. Перев. съ нѣмецкаго. (Изд. Криницкаго и Славутинскаго). Изд. 4-е. М. 1865 г. Древн. исторія. Изд. 3-е. С.-Пб. 1867 г.

18) Разказы о старинныхъ людяхъ. 4 книжки. кн. III. Древніе Греки. Кн. IV. Древніе Римляне. Изд. переводчицъ. С.-Пб. 1865 г.

19) Руководство къ древней исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. *С. Смарадова*. С.-Пб. 1849.

20) Руководство къ изученію всеобщ. исторіи для гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Т. Б. Вельтера. Древняя исторія. Перев. съ нѣмец. С.-Пб. 1862 г.

21) Руководство къ познанію древней исторіи для средн. учеб. заведеній. *С. Смарадова*. Изд. 6-е. С.-Пб. 1852 г.

22) Учебникъ всеобщей исторіи для женск. учебн. заведеній. Состав. Эзеромъ и испр. Г. Веберомъ. Перев. съ нѣмецк. Древняя исторія. (Изд. Криницкаго и Славутинскаго). М. 1864 г.

23) Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народа и жизне-

описаніяхъ замѣчательныхъ людей. Э. Вредена. 2-е изд., испр. и доп. С.-Пб. 1863 г.

24) Учебникъ древней исторіи. Сост. по „Lehrbuch der alten Geschichte“ Нессельта, *Скворцовымъ*. С.-Пб. 1863 г.

25) Весталки, римскія непорочныя дѣвы. Истор. очеркъ. *А. Бутковскаго*. М. 1862 г.

26) Галлы въ эпоху Кая Юлія Цезаря. *А. Георгиевскаго*. Москва. 1865 г.

27) Жизнь древнихъ Римлянъ (отъ основанія Рима до Константина Вел.) *Гриневича*. Одесса. 1846 г.

28) Исторія Рима отъ основанія города до Р. Х. *М. Воеводинскаго*. С.-Пб. 1855 г.

29) Исторія Юлія Цезаря. Соч. импер. Наполеона III, пер. *М. Стасюлевича*. С.-Пб. Изд. Вольфа. 1865—1867 г.

30) Исторія Юлія Цезаря (его войны). Соч. Наполеона I-го, диктован. имъ на остр. св. Елены Г. Маршану, пер. съ французскаго. М. 1865 г.

31) Кесари (Перовъ). Соч. Ф. Шампаньи. Пер. съ француз. С.-Пб. 1842 г.

32) Миры классич. древности. Г. Штоли. Пер. съ нѣм. *В. Покровскаго*. и *П. Медвѣдева*. Томъ I и II, съ рисунк. и политип. Изд. А. Глазунова. М. 1865 г.

33) Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ. Съ рис. 1849 года.

34) Процилеи. Сборникъ статей по классич. древности. Изд. *И. Леонтьевымъ*. 5 т. 1855—1857. Томы 1-й, 2-й и 3-й. Изд. 2-ое. М. 1869 г.

35) Римская исторія Момсена. Пер. съ нѣм. *С. Д. Шестакова*. Библіотека историч. писателей, изд. А. Станкевичемъ. Ч. 1. Москва. 1861 г.

36) Римскія древности. Описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла Римлянъ. Д-ра Коппа. М. 1868 г.

37) Римскія женщины, историч. разказы по Тациту. *П. Кудрявцева*. Съ рис. Изд. 2-ое. М. 1860 г.

38) Римъ. Начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи Римлянъ. В. Вегнера. Пер. съ нѣм. *П. Евстафьевъ*. 2 тома. 500 рис. въ текстѣ. Изд. Вольфа. С.-Пб. 1865 г.

39) Тертуліанъ и его вѣкъ. *Н. Савельева-Ростиславича*. С.-Пб. 1848 г.

62 УКАЗАТЕЛЬ ВЪ РУССК. ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧ. И ЛАТИНСК. КЛАССИКОВЪ.

40) Чудеса древнаго и новаго міра, или описаніе важнѣйшихъ памятниковъ древности, замѣчательныхъ городовъ, архитектурныхъ, скульптурныхъ и др. произведеній новѣйшихъ временъ. *Ред. Грелина*. Съ рис. въ текстѣ. Изд. Тов. „Общ. П“. С.-Пб. 1860 г.

41) Значеніе древней филологіи и мѣсто, которое она занимаетъ въ кругу наукъ, преподаваемыхъ въ университетехъ. Соч. *Штейнмана*. С.-Пб. 1851 г.

42) Книга для чтенія, при изученіи исторіи древней классич. поэзіи. Сост. *Н. Мизко*. М. 1865 г.

43) Очеркъ исторіи римской литературы Гарлеса. Пер. съ лат. М. 1838 г.

44) Очеркъ исторіи римской литературы. Соч. Шаффа и Гоффмана. Перевелъ съ нѣм. *Н. Соколовъ*. М. 1856 г.

45) Очеркъ литературы древн. и нов. народовъ. Сост. *Гарусовъ*. Томъ 1-й. Поэзія драматическая, съ 52 политик. М. 1862 г.

46) Римская письменность въ періодъ царей. Изслѣдованіе *В. Модестова*. Казань. 1868 г.

47) Тацитъ и его соч. Историко-литературное изслѣдованіе. *В. Модестова*. С.-Пб. 1864 г.

48) Ювеналь. Двѣ публич. лекціи *Н. Благовѣщенскаго*. С.-Пб. 1860 г.

49) Очерки Рима. Соч. *А. Майкова*. С.-Пб. 1847 г.

50) Исторія политич. ученій. Часть 1. Древность и средніе вѣка *В. Уичерина*. М. 1869 г.

51) Вопросъ объ историч. значеніи Римской Имперіи и Тацитѣ, *М. Драгоманова*. Ч. 1-я. Кіевъ. 1869 г.

52) Древнее общество, обзоръ вѣрованій, права и учреждений Греціи и Рима. Соч. *Фюстель-Куданжа*. Изд. *Н. Ламанскаго*. 2 т. С.-Пб. 1867—1868 г.

53) Древняя исторія въ разказахъ для дѣтей. Ламе-Флѣри. Изд. 2-е, съ картин. М. 1869 г.

54) Древняя исторія. Курсъ старшаго возраста. *Д. Иловайскаго*. Изд. 3-е. М. 1869 г.

55) Жизнь древнихъ. Соч. *М. Чистякова*. С.-Пб. 1868 г.

56) Исторія пластики съ древнѣйш. временъ до наш. времени. *В. Любке*, съ 231 рисунк. въ текстѣ. М. 1870 г.

57) Замѣчательнѣйшія архитектурныя и художественныя постройки земнаго шара. Соч. *А. Лефевра*, перев. и дополненія о Россіи *В. Яковлева*, съ политип. С.-Пб. 1870 г.

58) Введеніе въ курсъ исторіи главныхъ народовъ древняго міра и ихъ цивилизаціи. Сочин. *А. Рославскаго-Петровскаго*. Харьковъ. 1870 г.

59) Каталогъ древнихъ римскихъ и византійскихъ медалей и монетъ, хранящихся въ милицъ-кабинетѣ Императорской академіи художествъ. *Д. Прозоровскаго*. С.-Пб. 1870 г.

60) Синхронистическая таблица всемірной исторіи. *Б. Ширкова*. С.-Пб. 1871 г.

61) Хронологія всеобщей исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, по руководствамъ Шульгина, Соловьева, Иловайскаго и др. Сост. *Архангельскій*. С.-Пб. 1870 г.

62) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы челоуѣчества, Морица Каррьера. Пер. *Е. Корша*. Томъ 1-й. Зачатки культуры и восточная древность. Москва. 1870 г.

63) О Саллустіевой рѣчи противъ Цицерона и о нѣкоторыхъ вставкахъ, находящихся въ риторическихъ наставленіяхъ Квинтилиана. Критическое изслѣдованіе *А. Кубарева*. Москва. 1870 г.

64) Хронологія древней исторіи. Пособіе для 3 и 4 классовъ гимназій. Сост. по древней исторіи *Д. Иловайскаго*, Серг. Дудышкинымъ. М. 1871 г.

65) Жизнь знаменитыхъ Римлянъ, изложенная по Плутарху. Альф. Фельс. С.-Пб. 1872 г.

66) Исторія Греціи и Рима. *А. Ткачева*. Часть 1. Греція. С.-Пб. 1871 г.

67) Изслѣдованіе о Персеѣ у древнихъ эпиковъ, логографовъ, лириковъ, трагиковъ и комиковъ, *А. Мержинскаго*. Варшава. 1872 года.

68) Описаніе замѣчательныхъ произведеній скульптуры. Сочин. Вярдо. Съ 49 полит. Пер. и дополнено о Россіи *Е. Яковлевымъ*. С.-Пб. 1871 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Греческій языкъ и словесность.

I. Изданія текстовъ греческихъ писателей съ комментаріями и безъ оныхъ.

1) Исократъ Аѳинейскаго ораторскія и философическо-политическія рѣчи о должностяхъ какъ всякаго челоуѣка въ разсужденіи приватнаго и гражданскаго состоянія, такъ и царствующихъ особъ. Пе-

реводъ съ греческаго и съ греческимъ подлинникомъ. *И. Дмитревскаго*. С.-Пб. 1789 г.

2) Стихотворенія Анакреона Тійскаго на російскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. 1794 года.

3) Демосееново надгробное слово Афинянамъ, убіеннымъ въ сраженіи при Хероней, съ перев. на русскій языкъ. *Евсевія* епископа Калужскаго. Калуга. 1807 г.

4) То же въ 3-хъ частяхъ, подлинникъ и переводъ. Изд. Имп. А. Н. 1806 г.

5) Облака, комедія Аристофана, на афинскомъ театрѣ въ первый разъ представленная во время большаго Діонисіева праздника, въ 1 году LXXXIX Олимпіады (въ 425 г. до Р. Хр. по счисленію Ньютона), при архонтѣ Исархѣ, на греч. и русск. языкахъ. *Муравьева-Апостола*. С.-Пб. 1821 г.

6) Отборнѣйшія Эзоповы басни. Изданіе *Михайла Макалова*. Москва. 1821 года.

7) Греческіе классики на російскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. 1823—1828 г. Двадцать шесть частей, а именно: а) Часть 1-я. Басни Эзопа. б) Часть 2-я. Гимны Каллимаха. в) Часть 3-я. Трагедія Эдипъ царь. 1823 г. г) Часть 4-я. Эдипъ въ Коловѣ. 1823 года. д) Часть 5-я. Антигона. 1823 г. е) Часть 6-я. Трахиніянки. 1824 г. ж) Часть 7-я. Аяксъ Неистовый. 1825 г. з) Часть 8-я. Филоклетъ. 1826 г. и) Часть 9-я. Электра. 1825 г. і) Части 10—13. Илиада. 1825 г. к) Части 14—17. Одиссея. 1826 г. л) Части 18—22. Исторія Иродотова съ примѣчаніями. 1826 г. м) Часть 23-я. О высокому или величественному. Твореніе Діонисія Лонгина. Пер. съ греч. съ примѣчаніями. 1826 г. (Изд. I. 1803 г.). н) Части 24—25. Пиндаръ. 1827 г. о) Часть 26-я. Анакреонъ. 1828 г.

8) Ксенофоновы достопамятности Сократа, въ 4 книгахъ. Издалъ съ полнымъ эллино-россійскимъ словаремъ *И. С. Ивашиковскій*. С.-Пб. 1829 года.

9) Походъ Кира младшаго по тексту Кригера. Издалъ *Зедергольмъ*. М. 1840 г.

10) *Homeri Ilias*. Текстъ со словаремъ для гимназій. Составилъ *Я. Кремеръ*. Ч. I. М. 1869 г. 1870 г. Изд. 2, исправл. 1871 г.

11) *Homeri Odyssea*. Текстъ со словаремъ и приложеніемъ о гомеровскомъ діалектѣ. Состав. для гимназій *Я. Кремеръ*. Ч. 1-я. М. 1869 г. и 1870 г. Изданіе 2-е. М. 1871 г. Исправл.

- 12) Xenophontis Anabasis. Текстъ со словаремъ *Я. Кремера*. Изд. 3-е, испр. и доп. М. 1872 г. Изд. 1-е 1869 г. Изд. 2-е 1870 г.
- 13) Xenophontis Memorabilia. Текстъ со словаремъ для гимназій. *Я. Кремера*. М. 1869 г. М. 1870 г.
- 14) Xenophontis Cyropaedia. (Киропедія Ксенофонта). *Я. Кремера*. Текстъ со словаремъ, составленнымъ для гимназій. М. 1870 г.
- 15) Herodoti histotiarum liber I. Текстъ со словаремъ и приложеніемъ объ іоническомъ діалектѣ. *Я. Кремера*. М. 1872 г.
- 16) Апологія Сократа и Критонъ Платона. Текстъ со словаремъ. Сост. *Я. Кремеръ*. М. 1870 г. Изд. 2-е, дополн. 1873 г.
- 17) Эвтифронъ. Діалогъ Платона, съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. *Захарбекова*. М. 1872 г.

- 1) Агалита Увѣщанія императору Іустиніану, съ греч. подлинникомъ. Переводъ *Степана Писарева*. С.-Пб. 1771 г.
- 2) Древняя Александрія. Путешествіе Кіево-Екатерино-греческаго монастыря архим. Константина. На російск. и греч. языкахъ. М. 1803 года.

II. Хрестоматіи, разговоры, темы и учебныя книги, руководства къ переводамъ на греческомъ языкѣ.

- 1) Разговоры и разказы на російскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. Изд. Акад. наукъ. 1762 г. 4 руб. То же на одномъ русскомъ 2 руб.
- 2) Разговоры школьныя на греч., лат., франц., нѣм. и російск. языкахъ. 1776 г. Изд. 2-е. 1783 г.
- 3) Избранныя мѣста изъ греческихъ писателей. Собралъ Христіанъ Маттеи. Съ греческаго перевелъ *Борисъ Филоновъ*. На російскомъ и греческомъ языкахъ. М. унив. Т. 1785 г.
- 4) Греческаго языка начальное познаніе. Ч. 1-я. Нѣкоторыя мѣста, взятая изъ греческихъ древнихъ писателей съ російскимъ переводомъ. М. унив. тип. 1797 г.
- 5) Греческая хрестоматія съ латинскимъ переводомъ, съ русскими отчасти и съ латинскими примѣчаніями и словаремъ. Изд. Христіаномъ Фр. Маттеемъ. М. унив. тип. 1806 г.
- 6) Учебная книжка древняго греческаго языка. Изданіе *Михаила Каченовскаго*. М. 1807 г. Изд. 2-е 1809 г.
- 7) То же. Изданіе 4-е и 5-е съ прибавленіемъ 2-й части и со словаремъ, знатно приумноженнымъ. М. 1822 и 1827 г.

8) Греческая хрестоматія или выписка легчайшихъ мѣстъ изъ древнихъ писателей, составленная въ Германіи *Францемъ Якобомъ*, съ переводомъ примѣчаній и словаря. Изд. М. *Каченовскій*. М. унив. тип. 1821 г.

9) То же. М. 1835 г.

10) Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на греческій. 2 части. *А. Соколова*. С.-Пб. 1833—1834 г.

11) Учебная греческая книга. 2 части. М. 1835 г.

12) Учебная греческая книга Якоба. С.-Пб. 1838 г.

13) Учебная греческая книга, составленная изъ отличныхъ сочиненій отцовъ церкви. М. 1851 г. Изданіе 2-е. М. 1867 г.

14) Греческая учебная книга Якоба. Ч. 1-я 1 и 2 курсъ. Изд. 3. С.-Пб. 1868 г. (См. выше № 16).

15) Учебникъ для переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій, составленный по грамматикамъ Курціуса и Кюнера. *Я. Кримеръ*. М. 1869 г.

16) Греческая хрестоматія съ примѣчаніями и словаремъ. Сост. *П. Носовъ*. С.-Пб. 1869 г. Изд. 2-е, 1871 г.

17) Учебникъ для переводовъ съ греч. на русск. и съ русск. на греч. Сост. по грамм. Курціуса и Кюнера *К. Шенкль*. Обработалъ для русск. гимназій *Я. Кримеръ*. Изд. 2-е. М. 1871 г. (См. выше № 15).

18) Сборникъ примѣровъ для упражненія въ переводахъ съ греч. на русск. и обратно. Сост. по Везнеру *М. Григоревскій*. С.-Пб. 1872 г.

III. Лексиконы и словари греческіе.

1) Словарь *Памвы Беринды*. 1627 г.

2) То же. 2-е изданіе. 1633 г.

3) Словарь *Полкартова*. 1704 г.

4) — на 6 языкахъ *Григорія Польштики*. 1763 г.

5) — (ботанич.) *Мейера*. 1783 г.

6) — *Палласа*. 1787—1789 г.

7) — *Я. де-Маріево*. 1790—1791 г.

8) — *Геснеровъ Синьковскаго*. 1798 г.

9) — *Шрезеля*. 1820 г.

(Смотри въ отдѣлѣ лексиконовъ и словарей латинскихъ).

10) Лексиконъ греко-россійско-французскій. Издалъ *Досифей Кола*, игеромонахъ греческаго Московскаго монастыря. 1810 г.

11) Собраніе коренныхъ словъ греческаго языка въ азбучномъ

порядкѣ, съ показаніемъ: 1) какихъ родовъ бываютъ имена существительныя; 2) какъ сіи имена, равно какъ и прилагательныя, перемѣняются въ родительныхъ падежахъ; 3) какъ глаголы перемѣняются въ будущихъ временахъ. Издалъ *А. Огинскій*. С.-Пб. 1823 г. Ц. 2 руб. 50 коп.

12) Краткій словарь греческаго языка. Составленъ Фридр. Ростомъ. Приспособленъ къ употребленію русскаго юношества *А. К—мъ*. 2 ч. С.-Пб. 1831—1832 г.

13) Словарь греко-россійскій къ Новому Завету. М. 1837 г.

14) Полный греческо-русскій словарь *С. Иваииковскаго*. М. 1838 г.

15) Словарь греческо-русскій. Изданіе Академіи наукъ. С.-Пб. 1847 г.

16) Словарь греческо-русскій. Изданіе Деп. мин. народн. просв. М. 1848 г. 2 тома. *К. Коссовича*.

17) Греческо-русскій словарь для 7-й книги Одиссеи. *Г. Ежескаго*. Пересмотрѣнный и изданный *И. Коссовичемъ*. М., 1849 г.

18) Греческо-латинскій словарь въ 2 ч. *И. Синайскаго*. М. 1862 г.

19) Греческо-русскій словарь *И. Синайскаго*. М. 2-е изд. 1869 г.

20) Русско-греческій словарь *И. Синайскаго*. М. 2-е изд. 1869 г.

21) Греческо-русскій филологическій словарь для греческой хрестоматіи *И. Дубовникова*. М. 1862 г.

22) Греческій словарь на евангеліе отъ Матѳея для воспитанниковъ IV класса Лицея Ц. Николая. *Св. Малиновскій*. М. 1870 г.

IV. Азбуки и буквары греческіе.

1) Букварь Каріона *Истомина*, изд. 1, 1692 г.

2) То же. Изд. 2, 1822 г.

3) Букварь *Поликартова*. 1701 г.

(См. въ отдѣлѣ азбукъ и букварей лат. яз.).

4) Азбука греческая съ латинскимъ переводомъ. М. 1763 года. Много разъ была перепечатываема.

5) Россійская азбука для обученія юношества чтенію на руссійскомъ и греческомъ языкахъ. Изд. Императорской Академіи наукъ. С.-Пб. 1782 г.

6) Азбука для обученія юношества чистописанію, по Высочайшему повелѣнію для общественныхъ школъ напечатанная, съ присовокупленіемъ греческой азбуки и гражданскаго начальнаго ученія на 25 листахъ. С.-Пб. 1786.

7) Азбука руссійская гражданской и церковной печати для обу-

ченія юношества чтенію, по Высочайшему повелѣнію для общественныхъ школъ напечатанная. Къ ней же продолженіе гражданскаго начальнаго ученія, съ приложеніемъ системы знавій человѣческихъ. Съ греческимъ переводомъ. М. 1786 г.

8) Азбука греческая въ пользу Россійскаго юношества. Изд. 3. М. Унив. типогр. 1788 г.

9) Азбука греческая. С.-Пб. 1803 г.

V. Грамматки: этимологія, синтаксисъ, стилистика и просодія греческаго языка.

1) Грамматика доброглаголиваго еллино-славянскаго языка, совершеннаго искусства осьми частей слова, къ наказанію многоименитому руссійскому роду сложенная отъ различныхъ грамматикъ спудейми, иже во Львовской школѣ. На греческомъ и славянскомъ языкахъ во Львовѣ, въ друкарнѣ братской. 1591 г.

2) Грамматика греческая съ руссійскимъ переводомъ. С.-Пб. 1765 г.

3) Грамматика греческая, собранная въ Московскои Славяно-греко-латинской академіи изъ разныхъ грамматикъ, съ руссійскимъ переводомъ. М. 1787 г.

4) Краткая грамматика греческаго языка, изданная для народныхъ училищъ. М. 1787 г. Изд. 2, дополненное, 1809 г.

5) Грамматика греческая, въ которой синтаксисъ, также различныя греческія діалекты и просодія изъ разныхъ древнихъ писателей выбранными примѣчаніями и правилами объяснены. Составлена *Варлаамомъ Лаптевскимъ*, исправлена *Георгіемъ Щербачкинымъ*. Перевелъ съ латинскаго *Василій Петровъ*. 1788 г. (Рѣдка).

6) Греческая грамматика или наставленія греческаго языка, собранныя изъ лучшихъ грамматикъ въ пользу обучающихся греческому языку. М. 1788 г.

7) Наставленія греческаго языка, съ присовокупленіемъ словъ, находящихся въ Новомъ Заветѣ. Соч. *Семена Протасова*. М. 1789 г.

8) Грамматика или наставленія греческаго простаго языка. Собрана въ Московскои Славяно-греко-латинской академіи. М. 1788 г.

9) Азбука греческая или начальныя познанія греческаго языка, съ грамматическими правилами, разговорами, Езоповыми баснями. Издавъ *Павелъ Антоновъ*. 3 части, съ разными присовокупленіями, фигурами и виньетами. М. 1794 г.

10) Греческаго языка начальное познаніе. ч. II. Словопроизведеніе или этимологія. М. Унив. тип. 1797 г. изданіе. 3 части. 1797 г.

- 11) Грамматика греческая. Сочинена въ Московской Славяно-греко-латинской академіи. М. 1807 г.
- 12) Грамматика краткая древняго греческаго языка. С.-Пб. 1809 г. Изд. 4. 1820 г.
- 13) Начальныя правила греческаго языка въ пользу Россійянъ и Грековъ на руссійскомъ и греческомъ языкахъ изложенныя. Москва. 1815 г.
- 14) Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія руссійскому юношеству греческаго языка. Соч. *А. Стурдзы*. Издалъ Толмачевъ. С.-Пб. 1817 г.
- 15) Новая полная практическая грамматика греческая, изложенная по методѣ славнаго Бредера, съ прибавленіемъ греческой поэзіи. Издалъ священникъ *Г. П—овъ*, 4 части. М. 1817—1819 г.
- 16) Поэзія эллинскаго языка или греческая просодія, гдѣ ясно открыты правила, какъ писать греческіе стихи, съ прибавленіемъ о разныхъ родахъ стихотворства греческаго. Соч. свящ. *Г. П—ва*. М. Унив. тип. 1817 г.
- 17) Краткая грамматика древняго греческаго языка. Изд. Десп. М. Нар. Пр. Изд. 4. С.-Пб. 1820 г.
- 18) Совѣтъ руссійскому юношеству о произношеніи пѣкоторыхъ греческихъ буквъ. Соч. *Ив. Мартынова*. Спб. 1822 г.
- 19) Сводъ латинск. грамматикъ съ греческими или грамматика латинско-греческая. Соч. Арх. *Никоенція*. М. 1826 г. См. въ отдѣлѣ лат. грамматикъ.
- 20) Начальныя правила греческаго языка. Изд. 2. *И. Д.* Москва. 1831 г.
- 21) Правила греческаго языка. Соч. *Давидова*. М. 1831 г.
- 22) Руководство къ изученію языка греческаго. Соч. *Коловскаго*. С.-Пб. 1832 г.
- 23) Начальныя правила греческой грамматики, по руководству Шпейдера. С.-Пб. 1836.
- 24) Грамматика греческая. Составлена по Бутману *Д. Поповымъ*. М. 1833 г.
- 25) Метрика греческаго языка. *И. Синайскаго*. М. 1843 г.
- 26) Грамматика греческая. Составилъ *Вульфъ*. Ч. I. Этимологія. М. 1843 г.
- 27) Элементарная грамматика греческаго языка, сост. Кюнеромъ. Перев. *К. Коссовича*, проф. С.-Пб. университета. С.-Пб. 1843 г. Изд. 4 исправл. и дополн. С.-Пб. 1868 г., съ присовокупленіемъ грече-

70 УКАЗАТЕЛЬ КЪ РУССК. ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧ. И ЛАТИНСК. КЛАССИКОВЪ.

ской хрестоматіи и словарей русско-греческаго и греческо-русскаго. С.-Пб. 1869 г.

28) Синтаксисъ греческаго языка съ примѣненіемъ общихъ правилъ къ Новому Завету и указаніемъ на сходство съ симъ синтаксисомъ синтаксиса латинскаго языка. Сост. *А. Миняевымъ*. М. 1847 г.

29) Практическая грамматика греческаго языка для Русскихъ. Соч. *И. Л. Бюрнуфа*. С.-Пб. 1848 г.

30) Краткая грамматика ново-греческаго языка. *М. Палеолога*. Одесса. 1843 г.

31) Первоначальное руководство къ этимологіи греческаго языка. *Б. Оудинскаго*. М. 1853 года.

32) Греческая грамматика, по современнымъ руководствамъ составленная *И. Синайскимъ*. М. 1857 г.

33) Краткая грамматика древняго греческаго языка. М. 1855 1858 и 1868 г. Издана по Высочайшему повелѣнію.

34) Руководство къ изученію греческаго языка. *И. Л. Бюрнуфа*. Перев. съ франц. С.-Пб. 1861 г.

35) Таблицы правильныхъ греческихъ спряженій, производства временъ и третьяго склоненія. Сост. *В. Басовъ*. М. 1867 г.

36) Греческая грамматика Г. Курціуса. Перев. съ нѣмецкаго *В. Милошидовъ*. Съ 4-го пѣм. изд. М. 1862 г. Изд. 2-е. 1868 г.

37) Греческая грамматика Курціуса, въ перев. *Я. Кремера*. М. 1868 г. Изд. 2-е. 1872 г.

38) Учебная греческая грамматика Р. Кюнера. Перевелъ *П. Н. С.-Пб.* 1868 г.

39) Греческая грамматика для учениковъ III кл. Изд. Лицея Цесаревича Николая. М. 1868 г. Изд. 2-е исправл. М. 1872 г.

40) Краткая этимологія греческаго языка для начинающихъ. *А. Юркевича*. Кіевъ. 1869 г.

41) Практическій курсъ греческаго языка по Курціусу, съ примѣрами для переводовъ изъ Шенкля. Ч. I. Этимологія. *М. Григорьевскаго*. М. 1869 г. Изд. 2-е, испр. и дополн. 1872 г.

42) Практическій курсъ греческаго языка. *М. Григорьевскаго*. Ч. 2-я. Синтаксисъ. С.-Пб. 1872 г.

43) Учебная греческая грамматика Р. Кюнера. Перевелъ съ необходимыми измѣненіями и исправленіями съ XXIV изданія подлинника *П. Носовъ*. Изд. 3-е, пересмотр. и исправл. С.-Пб. 1869 г. Изд. 4-е, пересмотр. и исправл. 1870 г. Изд. 5-е. 1873 г.

44) Основанія синтаксиса греческаго языка. Синтаксисъ обыкно-

венный, преимущественно аттической прозы. К. В. Крюгера. Перев. съ вѣм. *К. Мысовскаго*, съ 7-го изд. М. 1870 г. Изд. Лицея Цесаревича Николая.

45) Опытъ элементарнаго руководства при изученіи греческаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. *И. Нищинскаго*. Одесса. 1870 года.

46) Грамматика языка греческаго. *А. Ладинскаго*. С.-Пб. 1871 г.

47) Учебникъ греческаго языка. *Н. Фоккова*. Вып. I. Склоненія. С.-Пб. 1871 г.

48) Этимологія гомеровскаго и геродотовскаго нарѣчія. К. В. Крюгера. Перев. съ вѣм. *К. Мысовскій*. Изд. Лицея Цесаревича Николая. М. 1872 г.

49) Этимологія греческаго языка для гимназій. Составилъ на основаніи сравнительнаго языкознанія *Ив. Шрамекъ*. С.-Пб. 1872 г.

VI. Переводы съ греческаго произведеній классическихъ писателей—какъ отдельныхъ произведеній и отрывковъ, такъ и цѣлыхъ сочиненій.

I. КЛАССИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Къ началу нынѣшняго столѣтія относятся замѣчательные переводы *Мартынова*, прозой. Они были издаваемы съ подлинникомъ и безъ подлинника. Первые изъ нихъ мы подробно перечислили выше въ первомъ отдѣлѣ (изданія авторовъ). Здѣсь же приводимъ, въ числѣ различныхъ, вторые—каждый изъ переводовъ отдѣльно при имени соответствующаго классическаго автора.

А. Гомеръ.

1) Иліада, 24 пѣсни съ греческаго прозой. Перев. *Петръ Евдокимовъ*. 2 части. С.-Пб. 1776 г.

2) I—VI пѣсни Иліады стихами, перевелъ *Ермилъ Костровъ*. М. 1787 г.

3) Отрывокъ изъ XVI книги Гомеровою Иліады. Другъ Просвѣщенія. 1805 года. II, 31.

4) VII пѣснь Иліады Гомера. Перевелъ стихами *Николай Гнѣдичъ*. С.-Пб. 1809 г.

5) VII—IX пѣсни Иліады Гомера. Вѣстникъ Европы 1811 года № 14 и 15. Перев. *Ермилъ Костровъ*.

6) VIII-я пѣснь Иліады Гомера въ V книгѣ Бесѣды любителей Россійскаго слова.

72 УКАЗАТЕЛЬ КЪ РУССК. ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧ. И ЛАТИНСК. КЛАССИКОВЪ.

7) Илиада Гомера (части 10—13 греческихъ классиковъ) перевелъ *Мартыновъ*. С.-Пб. 1825 г.

8) Илиада Гомера. Перевелъ съ греческаго *Н. Гюндичъ*. 2 части. С.-Пб. 1829 г. Изд. 3-е 2 части. Спб. 1862 г.

9) Илиада Гомера. Переводъ съ греческаго прозой *Ордынскаго*. Отеч. Зап. 1852—1853 г.

10) Отрывокъ изъ Илиады. Стихотворенія *Жуковскаго*. Изд. 5-е. 1849 г., т. 5, стр. 67—99.

То же. Изданіе 6-е, 1869 г., т. 3, стр. 53—82.

То же. Альманахъ Сѣверные цвѣты 1829 г. Отрывки заимствованы изъ VI, XVII, XIX и XX пѣсень, а именно: 1) прощаніе Гектора съ Андромахой; 2) битва за тѣло Патрокла; 3) скорбь Ахиллеса о погибшемъ другѣ, его свиданіе съ богиней-матерью; 4) освобожденіе Патроклова тѣла вслѣдствіе появленія Ахиллеса; 5) Вооруженіе Ахиллеса божественными доспѣхами и его разговоръ съ конями; 6) совѣтъ боговъ.

11) Два отрывка изъ Илиады Гомера. Пѣснь 1-я и 2-я. Стихотворенія *Жуковскаго*. Изданіе 6-е, т. 3, стр. 402—445. 1869 года.

То же. Прописи, т. IV, 1854 года.

12) Единоборство Аякса и Гектора. Изъ VII книги „Подражанія и переводы греческимъ и латинскимъ стихотворцамъ“ *А. Мерзлякова*, т. I, стр. 161—179. Москва. 1825 г.

13) Гимны Гомера: Землѣ, Солнцу, Лунѣ, Минервѣ, Вакху, Венерѣ, Марсу, Пану. То же, т. II, 1826 года, стр. 9—17; 24—28; 50—57.

14) Улиссъ у Алкиноя, изъ Одиссеи VIII кн. То же, т. I. 1825 г. стр. 179—185. Москва.

15) Одиссея. Проическое твореніе Омира. Переводъ съ греческаго прозой. 2 части. М. 1788 г.

То же. Одиссея или странствованіе Улисса, героическое твореніе Гомера. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1815 г. НВ. Примѣчаніе *Полторацкаго* (извѣстнаго библіофила): „Хотя и сказано на заглавіи первой пѣсни, что переводъ съ греческаго, мнѣ извѣстно, что съ латинскаго“.

16) Одиссея Гомера. Перев. съ греческаго *Ивана Мартынова* (т. 14—17, греческіе классики). С.-Пб. 1826 года.

17) Одиссея Гомера. Переводъ съ греческаго въ стихахъ размѣромъ подлинника, съ примѣчаніями переводчика и рисунками Флакмана. С.-Пб. 1840 г.

18) Стихотворенія *Жуковскаго*. Изданіе 5-е 1849 года, т. 8 и 9 Одиссеи Гомера.

19) Тоже. Изданіе 6-е, т. V, 1869 года. Гомерова Одиссея въ переводѣ *Жуковскаго*, изданіе 2-е.

20) Одиссея Гомера. Переводъ *В. А. Жуковскаго*. 2 ч. съ 27-ю рисунками. М. 1871 г.

21) Притчи Эзоповы и притомъ Гомера, стихотворца греческаго, Жабъ и мышей бой, или брань. Переводъ *Ильи Копіевскаго*. На русскомъ и латинскомъ языкахъ. Амстердамъ. 1700 г.

22) Ватрахомиомахія. Съ латинскаго перевелъ *В. Рубанъ*. С.-Пб. 1772 годъ. Изданіе 2-е С.-Пб. 1788 года.

23) Ватрахомиомахія. Съ греческаго перевелъ *Алексій Оиинскій*. С.-Пб. 1812 года.

24) Омирова Ватрахомиомахія или война лягушекъ и мышей, переложенная въ стихи шт. кап. *Телепимъ*. М. 1845 г.

25) Война мышей и лягушекъ (Сказка, отрывокъ). Стихотворенія *Жуковскаго*. Изд. V-е, т. IV, стр. 281—249. С.-Пб. 1849 г.

То же. Изданіе 6-е 1869 г. т. 2 стр. 468—482.

В. Эзопъ.

1) Басни Эзопа, пер. *Ил. Копіевскаго*. Амстердамъ. 1700 г.

Тоже съ другимъ заглавіемъ: Притчи Эсоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ, ихъ же Авіенъ стихами изобрази — совокупно же Брань жабъ и мышей, Гомеромъ древле описана со изрядными въ обоихъ книгахъ лицами и с толкованіемъ. В Амстеродамѣ напечатана. Лѣта 1700.

2) Эсоповы притчи, повелѣніемъ Царскаго велічества напечатаны въ Санктъпитербурхѣ 1717 лѣта.

3) Эсоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, съ полнымъ описаніемъ жизни Эсоповой, разсужденіями нравственными и историческими, приобщеніемъ различныхъ басней Бабріевыхъ, Авіеновыхъ, повѣстями Эсоповыми и двумя сраженіями мышей съ кошками и лягушками. М. 1792 года.

4) Басни Эсоповы на франц. языкѣ съ перев. на російскій. М. 1809 г.

5) Эсоповы басни съ правоученіями и примѣчаніями Рожера Лотранжа. Перевелъ *С. Волчковъ*. С.-Пб. 1810 г.

6) Эсоповы басни для обученія юности франц. яз., съ присовокупленіемъ словъ, служащихъ къ основательному познанію сего

74 УКАЗАТЕЛЬ ВЪ РУССК. ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧ. И ЛАТИНСК. КЛАССИКОВЪ.

иностранныяго языка во всѣхъ его грамматическихъ правилахъ и собственныхъ выраженіяхъ. Перев. съ франц. *И. Петровъ*. На русс. и франц. яз. С.-Пб. 1812 г.

7) Отборнѣйшія Эзоповы басни. Издалъ *Михайла Маклаковъ*. М. 1821 г.

8) Эзоповы басни на Росс., Нѣмец. и Франц. яз. М. 1827 г.

9) Басни Эзопа. Перевелъ съ греческаго *Мартыновъ* (Греческіе классики, ч. I.). С.-Пб. 1823 года.

10) Эзоповы басни въ стихахъ. Перев. съ греч. *Бориса Федорова*. С.-Пб. 1829 г.

11) Эзоповы басни на русскомъ языкѣ, 2 части. М. 1858 года. *НВ.* Древнерусскіе переводы басенъ Эзопа перечислены г. *Пыпинимъ*: Очеркъ исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ. Уч. Зап. 2-го Отд. Ак. Н. кн. IV, 1858 г. на стр. 169—171 указано шесть списковъ и на стр. 172 еще одинъ списокъ.

1) Гимны Каллимаха. Перевелъ съ греч. *Ив. Мартыновъ* (Греческіе классики, ч. 2-я 1823 г. С.-Пб.)

2) Гимны Каллимаха: Аполлону, Купальня Минервы, Церерѣ, Власы Вереники. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*. 1826 г., т. II, стр. 17—24; 28—50. Москва.

В. Гезіодъ.

1) Исіода Аскрейскаго творенія. Перевелъ съ греческаго *А. Фрязинскій*. С.-Пб. 1779 г.

2) Отрывокъ перевода изъ I-й книги Гезіодовой. Перевелъ *Пав. Кутузовъ*. Другъ Просв. 1804, II, 133.

3) Дни. Изъ твореній Гезіода. Другъ Просв. 1805, I, 24.

4) Творенія Гезіода, переведенныя *Павломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ*. Москва. 1807 г. *НВ.* Въ предувѣдомленіи къ поэмѣ „Работы и дни“ сказано, что она переведена съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго.

5) Творенія Гезіода Аскрейскаго. Съ греческаго перевелъ *А. Огинскій*. С.-Пб. 1830 г.

Г. Тиртей.

1) Тиртеевы оды. Переводъ съ греческаго. Вѣстникъ Европы 1805 года, XXIV, 29.

2) Оды Тиртея. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*, т. II, М. 1826 г. стр. 63—74.

Д. Сафо.

1) Стихотворенія Сафы, переведенныя *Павломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ*. М. 1805 г.

2) Стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями. Перевелъ съ греческаго *В. Анастасевичъ*. С.-Пб. 1808 г.

3) Гимны Сафы: Венера. Къ щастливой любовницѣ. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 57—60.

Е. Анакреонъ.

1) Стихотворенія Анакреона Тійскаго на російскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. 1794 г. *Н. Львова*. Переведено по подстрочному переложенію Таврическаго архіепископа Евгенія Булгара.

2) Анакреоновы стихотворенія. Переводъ *Н. Львова*, съ греческимъ подлинникомъ. С.-Пб. 1798 г.

3) Анакреонтическія стихотворенія въ переводѣ *Державина*. 1804 года. Во 2 изд. всѣ 3 части перепечатаны со многими дополненіями 1808 г. ч. 3. Потомъ безъ измѣненія печатались во всѣхъ собраніяхъ сочиненій.

4) Анакреоновы стихотворенія съ присовокупленіемъ краткаго описанія его жизни. Перевелъ *Ив. Мартыновъ*. С.-Пб. 1801 г. Бѣлыми стихами.

5) То же. (Греческіе классики, ч. 26-я). Перев. *Ив. Мартыновъ*. С.-Пб. 1828 г.

6) Ода изъ Анакреона: Голубка. Перевелъ графъ *Хвостовъ*. Другъ Просв. 1805 г. I. 84.

7) Пѣсни Анакреона. Перев. *Елизаветы Кульманъ*.

8) Пѣсни Анакреона Теосскаго. *Мя.* Собраніе сочиненій. 1862 года, т. 2—3.

9) Пѣсни Анакреона, въ переводѣ и съ примѣчаніями *А. Бажамова*. М. 1861 г.

Ж. Пиндаръ.

1) Первая Пиндарова ионическая пѣснь. Переводъ *Державина*. Вѣст. Европы V, II. 268.

2) То же. Собраніе сочиненій рус. авторовъ, т. II, стр. 198.

3) Пиндарова Олимпическая первая пѣснь. Перев. *Державина*. Собраніе сочиненій рус. авторовъ. т. II, стр. 206.

4) Творенія Пиндара, содержація оды олимпическія и пиѳическія. Перев. съ франц. *Пав. Голенищевъ-Кутузовъ*, съ разными примѣчаніями и объясненіями на лирическое стихотворство, на баснословіе, на исторію Грековъ, ихъ игры, праздники и пр. 2 части. М. 1804 года.

То же. Оды Пиндаровы, въ стихахъ и съ рѣзмами. М. 1804 г. Перев. *П. Голенищевъ-Кутузовъ*.

5) Пиндаръ въ переводѣ *Мартынова*. (Греческіе классики, ч. 24 и 25). С.-Пб. 1827 г.

6) Первая Пиндарова олимпійская ода Герону Сиракузскому. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 74—84.

7) Двѣ оды Пиндара: 9-я Пиѳійская ода и Олимпійская 3-я ода. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1858 г. Апрѣль.

З. Теоокритъ.

1) Циклопъ. Идиллія Теоокрита. Перев. гр. *Хвостова*. Другъ Просв. 1804 г. № 1. 28.

2) Теоокритова 18 идиллія: Презрѣнный настухъ. Другъ Просв. 1805 г. I. 91.

3) Кабанъ. Идиллія Теоокрита. Перев. *П. Голенищевъ-Кутузова*. Другъ Просв. 1804. II. 35.

4) Эклоги Теоокрита: Циклопъ, Рыбаки и Друзья. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 149—162.

5) Виргиліевы эклоги съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ идиллій Теоокрита, Біона и Моска. Перевелъ стихами съ латин. и греческаго проф. *А. Мерзляковъ*. М. 1807 г.

6) Сиракузянки. Идиллія Теоокрита. Перев. *Н. И. Гнѣдича*.

7) Теоокритовы идилліи. Перевелъ съ греч. *Борисъ Сферинъ*. С.-Пб. 1808 года.

8) Идилліи Теоокрита: Рыбаки, Амариллида, Дѣтство Алкида, Алкидъ и Волшебница. Собраніе сочиненій *Л. Мея*. 1857 года.

И. Біонъ и Москъ.

1) 2-я Идиллія Біона. Перев. *Голенищевъ-Кутузовъ*. Другъ Просв. 1804. III, 220.

2) Эклоги Біона: Маленькій птицеловъ и Амуръ, Ученье, Плачь объ Адонисѣ. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 162—166; 176—185.

3) Первая идиллія Москва. Перев. *И. Голенищевъ-Кутузовъ*. Другъ Просв. 1804. IV. 32.

4) Эклоги Москва: Амуръ-бѣглець. Европа. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. 1826 г., ч. II, стр. 166—176.

Г. Лукіанъ Самосатскій.

1) Разговоры между мертвецами изъ Лукіана Самосатскаго. Съ латинскаго. М. 1773 г. Изданіе 2-е 1788 г.

2) Лукіана Самосатянина. Разговоры мертвыхъ, переложенные съ греческ. языка священ. *Ив. Сидоровымъ* и *М. Пахомовымъ*. 3 части. С.-Пб. 1775—1784 г.

3) Разговоры о мертвыхъ. Съ греч. Изданіе Академіи наукъ. В 3 частяхъ. 1808 года.

1) Еліана. Различныя повѣсти. Съ греческ. *Ив. Алексеевъ*, ч. I. С.-Пб. 1787 года.

К. Эсхиль.

1) Кассандра въ чертогахъ Агамемнона. Изъ трагедіи Эсхила Агамемнонь. Переводы и подражанія *Мерзлякова*. М. 1825 г., ч. I, стр. 60—75.

2) Электра и Орестъ при гробѣ Агамемнона. Изъ трагедіи Эсхиловой: Хоефоры или приписители возліяній. *Ibidem*, стр. 75—98.

3) Сцена изъ трагедіи Эсхиловой: Седьмъ вождей подѣ Оивами. *Ibidem*, стр. 125—132.

4) Персы Эсхила. Перев. *Ордынскаго*. Отдѣльная брошюра изъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета.

5) Прикованный Прометей Эсхила. Переводъ *Павловой*.

6) Скованный Прометей Эсхила. Перев. *Мих. Илецкій*. Современникъ 1863 года, № 1.

7) Драмы Эсхила. Перевель съ греч. *Н...въ*. Т. 1: Агамемнонь. Хоефоры. Эвмениды. Персы. С.-Пб. 1864 г.

Л. Софокль.

1) Филоктеть. Сочиненіе Софокла. Перев. прозою. М. 1799 года.

2) Филоктеть въ 3 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Софокла, переводъ стихами. М. 1816 года.

3) Филоктеть. Перевель *Мартыновъ*. М. 1826 г. (Греческіе власкии, ч. 8-я).

4) Филоктетъ. Трагедія Софокла. С греческова перевел і замечаніями объясніл *Н. Тимаевъ*. С.-Пб. 1850 г.

5) Эдипъ-царь. Перев. *Ив. Мартыновъ*. С.-Пб. 1823 г. (Греческіе классики, ч. 3-я).

6) Эдипъ-царь. Переводъ съ греческаго въ стихахъ *С. Д. Шестакова*. Прописки, т. II. 1855—1857 года.

7) Эдипъ въ Колонѣ. Перев. съ греч. прозой *Ив. Мартынова*. С.-Пб. 1823 г. (Греческіе классики, ч. IV).

8) Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. Переводъ съ греческаго *В. Водовозова*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1859 г. № 1.

9) Антигона Софокла. Перев. *Ив. Мартынова*. (Греческіе классики, ч. V-я). С.-Пб. 1823 года.

10) Антигона. Трагедія Софокла. Переводъ съ греч. въ стихахъ *С. Д. Шестакова*. Отеч. Зап. 1854 г. № 7.

11) Антигона. Трагедія Софокла. Переводъ съ греческ. стихами *В. Водовозова*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г. № 9.

12) То же. Классная бібліотека 1873 года.

13) Антигона Софокла. Переводъ *Аполлона Григорьева*. Библіотека для Чтенія 1857 года.

14) Трахиніянки. Перев. съ греч. *Ив. Мартыновъ* (Греческіе классики, ч. 6-я). С.-Пб. 1824 г.

15) Аякъ Нестовый. Перев. съ греч. *Ив. Мартыновъ* (Греческіе классики, ч. 7-я). С.-Пб. 1825 г.

16) Электра. Перев. съ греч. *Ив. Мартыновъ*. (Греческіе классики ч. 9-я). С.-Пб. 1825 г.

17) Сцены изъ трагедіи Софокловой Эдипъ Колонейскій. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1825 г. ч. I, стр. 3—22.

18) Антигона. Изъ трагедіи Софокловой сего имени. Ibidem, стр. 132—161.

М. Еврипидъ.

1) Акцеста. Изъ трагедіи Еврипидовой сего имени. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1825 г. ч. I, стр. 22—35.

2) Сцены изъ трагедіи Еврипидовой: Гекуба. Ibidem, стр. 35—60.

3) Сцены изъ трагедіи Еврипидовой: Ифигенія въ Тавридѣ. Ibidem, стр. 98—125.

4) Ифигенія въ Авлидѣ. Перев. съ греч. стихами *В. Водовозова*. Библ. для чтенія 1856 г. № 8.

5) Отрывки изъ трагедіи Гекуба. „Сынъ Отеч.“ 1851 г. № 4.

6) Медея. Трагедія Еврипида. Перев. проф. Харьковск. универс. *Тихоновичъ*.— „Актъ“ Харьковского университета 1861 г.

Н. Аристофанъ.

- 1) Облака. Перев. *Муравьева-Апостола*. С.-Пб. 1821 г. Полное заглавіе см. отд. I, № 4.
- 2) Облака. Перев. съ греч. *Карновича*. Репертуаръ 1845 г. № 1,
- 3) Всадники. Перев. съ греч. *Карновича*. „Отеч. Зап.“ 1849 г. № 1.
- 4) Ахарняне. Перев. съ греч. *Ордынского*. „Отеч. Зап.“ 1850 г., № 6.
- 5) Птицы. Комедія Аристофана. Перев. съ греч. *М. Скворцова*. Варшава. 1874 г.

О. Геродотъ.

- 1) Иродота Аликарнасскаго повѣствованіе. Съ нѣмецкаго перевелъ *Андрей Нартовъ*. 3 части. С.-Пб. 1763 и 1764 г.
- 2) То же. С.-Пб. 1826—1827 г.
- 3) Исторія Иродотова. Перев. съ греч., съ примѣчаніями *Ив. Мартыновъ*. С.-Пб. 1810 г.
- 4) То же. Греческіе классики. Части 18—22. С.-Пб. 1826 г.

П. Ксенофонтъ.

- 1) Ксенофонта: О достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ 4 книги и оправданіе Сократово передъ судіями. Перев. съ греч. *Григорій Польштика*. С.-Пб. Тип. Акад. наукъ. 1762 г.
- 2) Спокойствіе Кипрово или повѣствованіе его жизни отъ 16 до 40 лѣтъ рожденія его. Перев. *Андр. Нартовъ*. 3 части. С.-Пб. 1766 г.
- 3) Исторія о младшемъ Кирѣ. Перев. съ франц. С.-Пб. 1782 г.
- 4) Ксенофонта: Исторія о старшемъ Кирѣ. Изд. Акад. наукъ. С.-Пб. 1806 г.
- 5) Ученіе Сократово по Ксенофонтѣ. Въ видѣ разговоровъ. 4 книги. Перев. съ греч. *Ив. Синайскимъ*. М. 1857 г.
- 6) Анабазисъ Ксенофонта. Русс. перев. въ Военной библіотекѣ, издававшейя *Глазуновымъ*.

Р. Плутархъ.

- 1) Наставленія Плутарха о дѣтководствѣ или воспитаніи дѣтей. Съ греч. перев. *Писаревъ*. С.-Пб. 1771 г.

80 УКАЗАТЕЛЬ КЪ РУССК. ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧ. И ЛАТИНСК. КЛАССИКОВЪ.

- 2) Биографіи Плутарха. Перев. съ греч. „Сѣверн. Вѣстн.“ I, 142. 290.
- 3) Плутархъ. Слово о неприступающемъ любопытствѣ. Перев. съ греч. *С. Писаревъ*. С.-Пб. 1786 г.
- 4) Плутархъ. Нравственныя и философскія сочиненія, ч. I. Переложеніе съ греч. *Ивана Алексѣева*. С.-Пб. 1789 г.
- 5) Плутархъ. О суетѣриі. Перев. съ греч. *Ел. Сферинъ*. С.-Пб. 1807 г.
- 6) Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей. Перев. съ греч. *С. Дистумисъ*. С.-Пб. 1810 г.
- 7) То же. Сравнительныя жизнеописанія съ историческими и критическими примѣчаніями, съ географическими картами, съ изображеніями славныхъ мужей. По Высочайшему повелѣнію, ч. 1—3. С.-Пб. 1814—1815 г.
- 8) То же. Сравнительныя жизнеописанія. *Стиридоны Дистумиса*. С.-Пб. ч. 4—5, 1816 г.
- 9) То же. Заглавіе см. подъ № 7, 7—13 части. 1817—1821 г.
- 10) Жизнеописанія Плутарха. Перев. съ греч. подъ ред. *В. Герье*. Вып. I. М. 1862 г.

С. Павзаній.

- 1) Павсаній или Павсаніево описаніе Еллады. Съ греч. перевели свящ. *Ив. Сидоровскій* и *Матв. Пахомовъ*. 3 части. С.-Пб. 1788—1789 г.
  - 2) Павзанія: Описаніе Еллады. Перев. съ греч. Изд. Акад. наукъ. С.-Пб. 1808 г.
- Діодора Сицилійскаго: Историческая бібліотека. Перев. съ греч. *Ив. Алексѣевъ*. 6 частей. С.-Пб. 1774—1776 г.
- Повѣствованіе о болѣзни, отъ которой Марку Аврелію, Римскому императору смерть приключилась, съ приобщеніемъ мудрыхъ совѣтовъ, данныхъ имъ при смерти сыну своему принцу Коммоду и всѣмъ министрамъ. Перев. съ греч. М. 1789 г.
- Стратегемы Поліена, заимствованныя изъ сочиненій разныхъ авторовъ о важнѣйшихъ древнихъ полководцахъ, герояхъ и знаменитыхъ женщинахъ. Перев. съ греческаго *Д. Паппадопуло*. С.-Пб. 1842 г.
- Иродіанова исторія о Римскихъ государяхъ, бывшихъ послѣ Марка Аврелія Антонина, до избранія въ императоры Гордіана Младшаго. Перев. съ греч. *Козьмы Озерецковскаго*. Изд. Академіи наукъ. С.-Пб. 1774 г.

Исторія Геродіана въ 8 книгахъ о Римской имперіи, по кончинѣ Марка Аврелія, до избранія младшаго Гордіана. Перев. съ греч. *В. Оболенскаго*. М. 1829 г.

Рѣчь, которую говорилъ облеветанный Велизарій передъ Юстиніаномъ, государемъ своимъ. Перев. съ греч. *Аполлосъ*. М. 1778 г.

Т. *Византійскіе историки.*

1) Исторія Льва Діакона Кокойскаго и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ и объясненныя примѣчаніями Карломъ Бенедиктомъ Гезе. Перев. съ греч. *Д. Поповъ*. С.-Пб. Тип. Акад. наукъ. 1820 г.

2) Василия Македонянина, царя греческаго, увѣщательныхъ 66 главъ къ сыну его Льву. Перев. съ греч. М. 1776 г.

3) Георгія Пахимера. Исторія Михаила и Андроника Палеологовъ. При С.-Пб. Духовн. Акад. Подъ ред. *И. Трошкова*. С.-Пб. 1863 г.

4) Записки Никифора Врѣнія.

5) Лѣтопись великаго логофета Акрополита.

6) Никиты Хоніата. Исторія съ царствованія Іоанна Комнина.

7) Обзорѣніе царствованія Іоанна и Мануила Комниновъ.

8) Прокофія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готфами.

9) Римская исторія Никифора Григоры.

10) Сказанія о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина.

У. *7 мудрецовъ.*

1) Гномологикъ или собранныя изъ разныхъ творцевъ мнѣнія Хрисологовъ по алфавиту и притомъ краткія нѣкоторыя древнихъ писателей эпистолы или граматки: еще всѣ седми греческихъ мудрецовъ и другихъ философовъ апофегматы или наставленія и совѣты. Переводъ съ эллино-греческаго *Стетана Писарева*. С.-Пб. 1767 г.

Ф. *Платонъ.*

1) Творенія велемудраго Платона. Перев. съ эллино-греческаго свв. *Ио. Сидоровскій* и *Матв. Пахомовъ*, 3 части въ 4 книгахъ. С.-Пб. 1780—1785 г.

2) Разговоры Платоновы о законахъ. Переводъ *В. Оболенскаго*. Съ греческаго. М. 1827 г.

3) Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объяснен-

ныя проф. С.-Петербургской духовной академіи *Карповымъ*. Т. I-й. 1841 г. С.-Пб. Протагоръ. Эвтидемъ. Лахесъ. Т. II-й, 1842 г. С.-Пб. Хармидъ. Эвтифронъ. Менонъ. Апологія. Критонъ. Т. III и IV.

4) Тоже. Изданіе 2-е исправленное и дополненное. С.-Пб. 1863. Т. I-й: Протагоръ. Эвтидемъ. Лахесъ. Хармидъ. Иппіасъ. Эвтифронъ. Апологія Сократа. Т. II-й: Критонъ. Федонъ. Менонъ. Горгіасъ. Алквивіадъ I-й и 2-й. Т. III-й: Политика или государство. Т. IV-й: Федръ. Пиръ. Лизіасъ. Иппіасъ большой. Менексенъ. Іонъ. Феагъ. Соперники. Ишархъ. Клитофонъ.

5) Философскія бесѣды Платона въ русскомъ переводѣ: Эвтифронъ. Апологія Сократа. Критонъ. Федонъ. Перев. и изд. *А. Клеванова*. М. 1861 г.

6) Горгіасъ, разговоръ Платона. Перев. съ греческаго *В. Н. Карповымъ*. М. 1857 г.

7) Менонъ, діалогъ Платона. Греческій текстъ съ непрерывными къ нему примѣчаніями, съ предисловіемъ и анализомъ *Н. Скворцова*. М. 1867 г.

X. Аристотель.

1) Философія Аристотеля по заимствованію перипатетиковъ, изданная Кіевской академіи префектомъ *Михайломъ Козатинскимъ*. На російскомъ и польскомъ языкахъ. Кіевъ. 1749 г.

2) О поэзіи Аристотеля. Перевелъ и объяснилъ *Ордынскій*. М. 1854 г.

3) Категоріи Аристотеля. На греческомъ и русскомъ языкахъ. Перевелъ и объяснилъ *М. И. Касторскій*. С.-Пб. 1859 г.

4) Политика Аристотеля. Переводъ съ греческаго языка, съ примѣчаніями, съ критическимъ изслѣдованіемъ и съ двумя экскурсами, содержащими въ себѣ ученіе о правѣ и воспитаніи. *Н. Скворцова*. М. 1865 г.

Ц. Эпиктетъ и Кевитъ.

1) Епиктита стоическаго философа: Епхиридїонъ и Апоегмы и Кевита Фивейскаго: Картина или изображеніе житія человѣческаго. Съ греческаго перевелъ *Григорій Пальтиха*. С.-Пб. 1759 г.

2) Тоже. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1767 г.

3) Епиктита, стоическаго философа: Епхиридїонъ и Апоегмы. Изданіе Академіи Наукъ. С.-Пб. 1806 г.

Ч. *Исократъ.*

1) Политическія рѣчи. Съ греческаго перев. *И. Дмитревскій.* С.-Пб. 1789 г.

Ш. *Демосоевъ.*

1) Рѣчь 1-я Демосоева противъ Филиппа. С.-Пб. 1776 г.

2) Рѣчь Демосоева о вѣнцѣ. Съ греческаго перевелъ *Егоръ Пономаревъ.* С.-Пб. 1784 г.

3) Демосоеново надгробное слово Аѳинянамъ, убіеннымъ въ сраженіи при Херонеѣ. Переводъ съ эллино-греческаго *Евсевія*, епископа Калужскаго. С.-Пб. 1807 г.

4) Тоже въ 3-хъ частяхъ. Изданіе и переводъ Академіи Наукъ. С.-Пб. 1808 г.

5) Девятая Демосоенова Филиппика. Вѣстникъ Европы. XII. 143.

Щ. *Аполлодоръ, Лонгинъ и Палефатъ.*

1) Аполлодора грамматика аѳинскаго: Библіотека о языческихъ богахъ. Съ греческаго перевелъ Московской типографіи справщикъ *Ал. Барсовъ.* М. 1795 г.

2) О высокому или величественному. Соч. Лонгина (пеоплатоника). Перевелъ съ греческаго *Ив. Мартыновъ.* С.-Пб. 1803 г.

3) Тоже. Греческіе классики въ переводѣ *Ив. Мартынова.* Ч. 23. С.-Пб. 1826 г.

4) Палефата греческаго писателя: О невѣроятныхъ сказаніяхъ о богахъ. Перевелъ и примѣчаніями изъяснилъ *Теодоръ Туманскій.* С.-Пб. 1791 г.

Ъ *Иппократъ.*

1) Объ Иппократѣ и его ученіи съ переводомъ на русскій языкъ трехъ славнѣйшихъ и подлинныхъ его книгъ. *С. Вольскаго.* С.-Пб. 1840 г.

2) Афоризмы Иппократа. Переводъ *П. Шюца.* С.-Пб. 1848 г.

Лучшія мѣста изъ разныхъ греческихъ писателей, собранныя профессоромъ *Маттеемъ.* Перевелъ съ греческаго студентъ *М. Дмитревскій.* М. 1807 г.

Образъ певивной любви. Переводъ съ греческаго на латинскій и съ латинскаго на русскій. Изданіе Академіи Наукъ. С.-Пб. 1806 г.

Кабипеть любомудрія, въ которомъ точно изъясняется общее вѣдѣнн древнихъ любомудрцевъ языческихъ описаніе о Богѣ, добродѣтели и пороки и средствахъ, прямо ведущія (sic!) человека къ истинному

благополучію. Перевелъ съ эллино-греческаго и латинскаго *М. Цоттинъ*. М. 1783 г.

Отдѣлъ VII. Сочиненія и статьи по языку, археологін, древностямъ и словесности греческой.

Сочиненія и статьи, стоящія въ связи съ изслѣдованіями по латинскому языку, указаны въ отдѣлѣ того же названія.

1) Славянская міеологія сравнительно съ греческой. Составилъ *И. Левитскій*. 4 части. С.-Пб. 1812—1815 г.

2) Изрѣченія Лакедемонцевъ, избранныя Плутархомъ съ присоединеніемъ краткаго начертанія о ихъ правленіи, законахъ, правахъ, обычаяхъ и мыслей его о суевѣріи. Съ нѣкоторыми примѣчаніями *Иларіона Васильева*. М. 1819 г.

3) Греческія древности Адама. М. 1824 г.

4) Амагтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изыщнымъ исторіямъ и древней классической словесности. *Ив. Кроненберга*. 2 части. Харьковъ. 1825—1826 г.

5) Рѣчь объ отличительныхъ качествахъ, которыми преимущественно древніе греческіе классики заслуживали неоспоримое право быть всегдашними руководителями хорошаго вкуса въ словесности не только во время политическаго существованія Грековъ, но и по уничтоженіи онаго. *Сим. Иваишковскаго*. М. 1827 г.

6) Опытъ словаря гаданій и прорицалищъ, священныхъ праздниковъ и жертвоприношеній, существовавшихъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ. *И. Б.* С.-Пб. 1830 г.

7) Опытъ о ближайшемъ сродствѣ славяно-россійскаго языка съ греческимъ. 3 части. Соч. *Экономиды*. С.-Пб. 1828 г.

8) Исторія древней Греціи, населеній и завоеваній оной отъ первобытнаго состоянія сей страны до разрушенія Македонскаго государства Гиллиса. Перев. съ англійск. *А. Оинскій*. 8 т. С.-Пб. 1830—1831 г.

9) Ученыя записки, издаваемыя Московскимъ Императорскимъ университетомъ, 36 книгъ. М. 1833—1836 г.

10) Исторія древней и новой литературы *Ф. Шлегеля*. Перев. съ нѣм. *В. Касковскій*. 2 т. С.-Пб. 1835 г.

11) Ученыя записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ университетомъ. 1835—1855 г. 4 кн. въ годъ.

12) Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ народовъ. *С. Шевырса*. М. 1837 г.

- 13) Очеркъ исторіи греческой литературы. Перев. съ латинскаго *Г. Гарлеса*. М. 1838 г.
- 14) Колѣна и сословія аттическія. Сочин. *М. Кутори*. С.-Пб. 1838 г.
- 15) Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской духовной академіи. Кіевъ. 1839 г.
- 16) Разсужденіе о важности греческаго языка. *И. Коссовича*. М. 1846 г.
- 17) Греческій глаголъ въ своемъ развитіи, изданный (sic!) старшимъ учителемъ I-й Московской гимназіи магистрантомъ *И. Коссовичемъ*. М. 1846 г.
- 18) Исторія аѳинской республики. *М. Кутори*. С.-Пб. 1848 г.
- 19) Жизнь аѳинскаго олигарха Критія. Разсужд. *В. Ведрова*. С.-Пб. 1848 г.
- 20) Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ, съ рисунками и планомъ театра. *М. К(ублицкаго)*. М. 1849 г.
- 21) О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи. *И. М. Леонтьева*. М. 1850 г.
- 22) Ликургъ аѳинскій. *М. Стасюлевича*. С.-Пб. 1851 г.
- 23) Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія. Историч. разсужденіе *И. Блбста*. М. 1851 г.
- 25) Краткій историческій очеркъ древней греческой литературы. *А. Деллена*. Кіевъ. 1851 г.
- 25) Очеркъ древнѣйшаго періода греческой философіи. *М. Н. Каткова*. М. 1853 г.
- 26) Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института 6-го и 7-го выпусковъ, 2 книги. С.-Пб. 1852—1853 г.
- 27) Полибейзмъ древнихъ Грековъ. Обзоръ языческихъ вѣрованій и обрядовъ древнихъ Грековъ съ краткимъ очеркомъ религіи Римлянъ. Соч. *Бази*. С.-Пб. 1855 г.
- 28) Пропілеи. Сборникъ статей по классической древности. Изд. *И. Леонтьевымъ*. 5 томовъ. 1855—1857 г. Изд. 2-е. Т. 1, 2, 3. М. 1869 г.
- 29) Походъ Аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ. *В. Ведрова*. Съ планомъ города Сиракузъ. С.-Пб. 1857 г.
- 30) Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ,

римскихъ и славянскихъ, изготовл. къ 100-лѣтнему юбилею Императорскаго Московскаго университета трудами профессоровъ *Петрова, Клина, Меньшикова и Буслаева*. М. 1855 г.

31) Сборникъ ученыхъ статей, написанныхъ профессорами Казанскаго университета въ память его десятилѣтїа. Казаць. 2 тома. 1857 г.

32) Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго университета. 2 тома. С.-Пб. 1857—1860 г.

33) Мифологія Ламе-Флери. С.-Пб. 1858 г.

34) Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянороднаго. Вып. I. *А. Зергина*. Харьковъ. 1858 г.

35) Исторія Греціи. Э. Курціуса. Перев. съ нѣм. 1-го тома. 1-е отд. Изд. *Н. Попова*. М. 1858 г.

36) Македонская гегемонія и ея приверженцы. *Н. Астафьева*. С.-Пб. 1856 г.

37) Персидскія войны. Критическія изслѣдованія событій этой эпохи древней греческой исторіи. *М. Куторми*. С.-Пб. 1858 г.

38) Аѳины и Константинополь. Путевыя записки *А. Милочови*. С.-Пб. 1859 г.

39) Походженія Энея. Странствованіе Одиссея. Разказы для дѣтей. С.-Пб. 1860 г.

40) Геродотъ и его повѣствованія. Разказъ для дѣтей. С.-Пб. 1860 г.

41) Древности Геродотовой Скиѳіи. Изд. Императорской Археологической Коммиссіи. Вып. 1. С.-Пб. 1866 г.

42) Греческая мифологія или сказанія о верѣ и о богахъ древнихъ народовъ, именуемыхъ Греками и Римлянами. *И. Причудимкова*. С.-Пб. 1860 г.

43) Олимпъ, или греческая и римская мифологія въ связи съ египетскою, германскою и индійскою. А. Петискуса. Перев. *Н. Евстафьева*. С.-Пб. 1861 г. Изд. 2-е. С.-Пб. 1873 г.

44) Разказы о греческихъ герояхъ *В. Нибура*. М. 1862 г.

45) Эпоха древней тиранніи въ Греціи. *В. Бауэра*. С.-Пб. 1863 г.

46) Аполлонъ Воэдроміосъ, статуя музея гр. С. Строганова, объясненна академикомъ *Л. Стефани*. С.-Пб. 1863 г.

47) Чудеса древняго и новаго міра, или описаніе важнѣйшихъ памятниковъ древности, замѣчательныхъ городовъ и пр. Ред. *Гремина*. С.-Пб. 1860 г.

- 48) Исторія греческой литературы (Поэзія) Мунка. Перев. съ нѣм. С.-Пб. 1862 г.
- 49) Исторія греческой поэзіи для гимназій. Мунка. Перев. *И. Соколова*. М. 1863 г.
- 50) Исторія литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ отъ древн. до повѣйн. времянъ. Грессе. Перев. съ нѣм., вып. 1. С.-Пб. 1861 года.
- 51) Исторія литературы древняго и новаго міра, сост. по Шерру, Шлоссеру, Геттнеру, Шлегелю, Шмидту, Готтшалу и др. Сост. *А. Милюковымъ*. Т. I. Элада и Римъ. С.-Пб. 1862 г.
- 52) Всеобщая исторія литературы. I. Шерра. Перев. *А. Пыпина*. С.-Пб. 1865 г.
- 53) Очерки литературы древн. и нов. народовъ. Т. I. Поэзія драматическая. М. 1862 г. Сост. *Гирусовъ*.
- 54) Очеркъ греческой литературы. Сост. *А. В. Марковымъ-Виноградскимъ*. С.-Пб. 1863 г.
- 55) Разказы изъ Одиссеи Гомера. Сост. *П. Вышеславцевъ*. 2 ч. С.-Пб. 1864 г.
- 56) Исторія древняго міра и Греціи. По Нессельту съ 13 изд. Сост. и доп. *Скворцовъ*. С.-Пб. 1864 г.
- 57) Учебникъ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія культуры. Соч. Г. Цейса. Перев. *И. Катасва*. Ч. I. 2-й вып. Древняя исторія. С.-Пб. 1864 г.
- 58) Разказы о старинныхъ людяхъ. Кн. III: древніе Греки. С.-Пб. 1865 г.
- 59) Обзорѣніе философской дѣятельности Платона и Сократа. По Целлеру. Съ приложен. въ русск. перев. 4-хъ изслѣдованій Кузена. *А. Клеванова*. М. 1861 г.
- 60) Миѣмъ классической древности Г. Штоля. Перев. съ нѣм. *В. Покровскаго* и *П. Медендева*. Т. I и II. М. 1865 г.
- 61) Тоже. Древнее общество. Обзоръ вѣрованій и т. д. С.-Пб. 1868 г.
- 62) Древнее отечество. Обзоръ культа, права и учрежденія Греціи и Рима. Фюстель-Куланжа. Кн. I: Древнія вѣрованія. Кн. II. Семья. Изд. *Н. И. Ламанскаго*. С.-Пб. 1867 г.
- 63) Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ Г. В. Шталя. Перев. съ нѣм. подъ ред. *Васильевскаго*. С.-Пб. 1868 г.

64) Гражданская община античнаго міра. Изслѣдованія о бого-служеніи, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Фюстель-де-Кюланжа. Перев. *Е. Корша*. М. 1867 г.

65) Эллада. Картины древней Греціи, ея религія, могущество и просвѣщеніе. В. Вегнера. Перев. съ нѣм. *П. Евстафьевъ*. 2 тома. С.-Пб. 1868 г.

66) Историко-филологическія изслѣдованія: 1) Аѳинскій царь Кодръ и отмѣна царской власти въ Аѳинахъ; 2) Архонство и стратегія въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ. *К. Любимля*. С.-Пб. 1868 г.

67) Исторія адвокатуры. Вып. I. Древній міръ: Египеть, Индія, Евреи, Греки, Римляне. *А. Стоянова*. Харьковъ. 1869 г.

68) Исторія политическихъ ученій. Ч. I. Древность и средніе вѣка. *Б. Чичерина*. М. 1869 г.

69) Времяисчисленіе христ. и язич. міра, съ изложеніемъ календарей: китайскаго, японскаго, народовъ Индо-Китай, египетскаго, древне-греческаго, римскаго, Юліанскаго и Григоріанскаго, а также еврейскаго и магометанскаго. Сост. *М. Ларошъ*. Изд. 2-е исправл. и значит. дополн. С.-Пб. 1867 г.

70) Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка. *В. Г. Василевскаго*. С.-Пб. 1869 г.

71) Фонетическая и графическая система древняго эллинскаго языка. Сост. *Н. Картевъ*. М. 1869 г.

72) Продажныя жещицы. Картины публичнаго разврата на востокѣ, въ античномъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ настоящее время. Сост. *К. И. Бабиковъ*. М. 1870 г.

73) Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. В. Любке. М. 1870 г.

74) Міръ древній и новый. Человѣкъ и государство. *А. Горяинова*. М. 1871 г.

75) Платонъ—о знаніи и борьбѣ съ сенсуализмомъ и разсудочнымъ эмпиризмомъ. Апализъ діалога Фехтэтъ. Съ примѣч. и объясн. *Н. Скоорцова*. М. 1871 г.

76) Ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона. *Ф. Зеленогорскаго*. С.-Пб. 1871 г.

77) Езопъ, древній мудрецъ и баснописецъ и его страшная смерть. Собрано изъ разныхъ источниковъ *П. П...мъ*. М. 1871 г.

78) Классическая система образованія. Ея настоящее положеніе и значеніе въ воспитаніи *И. Джонса*. Перев. съ англ. С.-Пб. 1868 г.

79) Изслѣдованія по исторіи греческаго искусства *Адріана Прахова*. С.-Пб. 1871 г.

80) Описаніе замѣчательныхъ произведеній скульптуры. Віардо. Перев. и доп. о Россіи *В. Яковлевъ*. С.-Пб. 1871 г.

81) Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка. Историческое изслѣдованіе. *И. Чистовича*. С.-Пб. 1871 г.

В. Лебедевъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

P. Virgilio Maronis opera. Oeuvres de Virgile. Texte latin, publié, d'après les travaux les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicatif, une introduction et une notice par *E. Benoist*, professeur suppléant de poésie latine à la Faculté des Lettres de Paris. Volume premier. Bucoliques et Géorgiques. Deuxième édition, revue et augmentée d'un choix de variantes. Paris. Librairie Hachette et Cie. 1876. CXXVII: 352.

Во Франціи уже около пятнадцати лѣтъ нѣкоторые отдѣлы филологической науки снова приобретаютъ ревностныхъ приверженцевъ, хотя, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что начиная съ XVII вѣка любовь къ изученію древней эпиграфики, пумизматики и археологіи никогда тамъ не охлаждалась; напротивъ того, названными науками занимались въ этой странѣ съ непрерывнымъ усердіемъ и успѣхомъ. За то все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ точное изслѣдованіе языка древнихъ авторовъ, изслѣдованіе метрическихъ особенностей поэтовъ и на основаніи такихъ изслѣдованій построившая критика и объясненіе классическихъ авторовъ. Пельзя поэтому удивляться, что въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій ослабѣло изученіе греческой и римской исторіи литературы, ибо изученіе это не можетъ достигнуть успѣшныхъ результатовъ безъ основательнаго и подробнаго знанія отдѣльныхъ авторовъ; многочисленные труды по этой отрасли филологіи ограничивались у Французовъ скорѣе фразерствомъ, остроумною игривостью и тѣмъ, что Римляне называли *lumina orationis*, чѣмъ основательнымъ изслѣдованіемъ источниковъ и методическою критикою. Совершенно иное зрѣлище представляли филологическія занятія во Франціи за періодъ времени отъ 1550 по 1650 гг.

Франція была тогда безспорно центромъ всѣхъ филологическихъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ Италия, въ XIV и XV вѣкахъ снискавшая себѣ славу возрожденіемъ древнихъ классиковъ, со смертію

Петра Викторія († 1534 г.) и Антонія Мурета († 1585 г.), впрочемъ тоже уроженца Франціи, лишилась своихъ послѣднихъ оригинальныхъ филологовъ. Такие люди какъ Robertus и Henricus Stephanus, Turnebus, Lambinus, Auratus, Pithoeus, Petavius, главнымъ же образомъ великіе ученые: Josephus Justus Scaliger, Isaac Casaubonus и Claudius Salmasius приобрѣли безсмертную славу въ области классической филологіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть, не включая сюда археологію, эпиграфику и нумизматику, и благотворно вліяли не только на Францію, но также на Германію, Голландію и Англію. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ повятѣе, что названные ученые, вслѣдствіе политическихъ и религіозныхъ неурядицъ своего времени, вели кочевую жизнь и не всегда заканчивали ее во Франціи. Такъ наиримѣръ самый знаменитый изъ нихъ, Скалигеръ, умеръ, какъ извѣстно, въ Лейденѣ и положилъ основаніе филологической школѣ въ только что открытомъ тамъ университетѣ, который и до сего времени обладаетъ, можно сказать, превосходными представителями филологической науки.

Вѣкъ Лудовика XIV, имѣвшій столь громадное значеніе для французской исторіи и для французской литературы, произвелъ существенную перемену. Французскіе филологи, въ восторгѣ отъ того впечатлѣнія, которое беллетристика ихъ производила на всю образованную Европу, ревностно принялись за труды, обѣщавшіе вѣрный успѣхъ у большинства публики и вмѣсто того, чтобы увеличивать ученую литературу своими собственными изслѣдованіями, предпочитали по большей части пользоваться прежними плодами учености какъ отечественной, такъ и иностранной. Неблагопріятствовало также серьезнымъ занятіямъ и методической критикѣ вліяніе иезуитовъ на образованіе юношества, вліяніе все болѣе и болѣе усиливавшееся во Франціи со времени Лудовика XIV. Иезуиты поощряли преимущественно изящную литературу стихотворную и прозаическую; во французскихъ гимназіяхъ и до сихъ поръ придають большое значеніе изящнымъ литературнымъ упражненіямъ. Впрочемъ интересъ къ греческимъ и римскимъ классикамъ во Франціи никогда не охладѣвалъ, а за Французами безспорно надо признать талантъ изящно объяснять этихъ классическихъ писателей, переводить ихъ и подражать имъ. За то экзегетическіе ихъ труды начали утрачивать мало по малу грамматическую и метрическую основательность; перестали также во Франціи заниматься и критикой текста; соотвѣтственно этому возрастало и равнодушіе къ трудамъ иностранныхъ ученыхъ. Тѣмъ болѣе по-

хвалы заслуживаетъ то обстоятельство, что съ нѣкоторыхъ поръ во Франціи стараются ваверстать упущенное въ занятіяхъ филологіею. Около десяти лѣтъ тому назадъ одинъ изъ представителей книжной торговли въ Парижѣ (Hachette et Comp.) предпринялъ новое „Collection d'éditions savantes des principaux classiques latins et grecs, textes publiés d'après les travaux les plus récents de la philologie avec des commentaires critiques et explicatifs, des introductions et des notices“. О планѣ и успѣхѣ этого изданія мы находимъ въ позднѣйшихъ объявленіяхъ слѣдующее:

Les ouvrages dont le titre précède inaugurent une série d'éditions destinées, nous l'espérons, à faire honneur à la science de notre pays, à fonder chez nous une école de philologie grecque et latine, à bien mériter du monde érudit et du monde universitaire.

Exécutées sur le plan de celles qui ont paru dans le XVIe et le XVIIe siècle sous le nom de *Variorum*, ces éditions contiennent: 1° un texte revu et corrigé d'après les travaux les plus récents; 2° les variantes essentielles; 3° un commentaire critique et explicatif, rédigé en français.

Elles s'adressent surtout aux professeurs et aux personnes qui se destinent à l'enseignement.

Le Virgile a été notre premier spécimen pour les auteurs latins. C'est un professeur de l'Université qui a ouvert résolument la voie. Justice a été rendue, dès les premiers jours, à son important travail. Des témoignages de la plus compétente autorité ont assigné à l'œuvre de M. Benoist une place éminente parmi les travaux de la critique contemporaine. Le succès des travaux de M. Benoist ont engagé M. Patin, l'illustre doyen de la Faculté des lettres de Paris, à le choisir comme suppléant dans la chaire de poésie latine à la Sorbonne.

Les trois premiers auteurs grecs de notre collection ont obtenu tous les trois, à une année de distance, le prix dont l'*Association pour l'encouragement des études grecques* dispose annuellement. Ce sont le *Sophocle* de M. Tournier, maître de conférences à l'École normale; l'*Euripide* du savant doyen de la Faculté des lettres de Besançon, M. Henri Weil; et enfin l'*Iliade* d'Homère, revue et corrigée par M. Alexis Pierron d'après les documents authentiques de la recension d'Aristarque.

На ряду съ этихъ обширнымъ изданіемъ, имѣются еще другія. меньшаго объема, предназначенныя для учениковъ гимназій съ тѣмъ

же самымъ текстомъ, но не съ такимъ обиліемъ примѣчаній, приспособленныхъ къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Лучшимъ изданіемъ латинскихъ авторовъ можно считать изданіе *Virgilii* въ трехъ томахъ, составленное въ 1867 году г. Бенуа; этотъ ученый и за границей славится своими основательными изслѣдованіями преимущественно по *Плавту*. Какъ удаченъ былъ сдѣланный имъ выборъ, доказываетъ то обстоятельство, что теперь потребовалось уже новое изданіе упомянутого сочиненія. И дѣйствительно трудъ г. Бенуа какъ во Франціи, такъ и за границей былъ принятъ общимъ и вполне заслуженнымъ одобреніемъ, ибо трудъ этотъ соединяетъ истинно французскую элегантность и тонкій вкусъ съ основательнымъ знаніемъ латинскаго языка и знакомствомъ съ трудами, относящимися къ жизни и сочиненіямъ *Virgilii* до позднѣйшихъ временъ. Бенуа по скромности приписываетъ большую часть своего успѣха во 1) вновь пробудившемуся нынѣ расположенію Французовъ къ серьезнымъ занятіямъ, а во 2) научному соперничеству, вызванному во Франціи при видѣ тѣхъ успѣховъ, которые филологія сдѣлала въ сосѣдней съ нею странѣ. Несомнѣнно однако, что достоинства самой книги играютъ тутъ главную роль.

Хотя авторъ на стр. XI и говоритъ, что въ своемъ изданіи *Virgilii*, въ критикѣ и объясненіяхъ, онъ придерживался метода, которому слѣдовали во Франціи относительно *Virgilii* *Badius Jodocus*, *Ascensius*, *Robert* и *Henri Stephanus*, *Lemaire* и другіе, а въ Англіи *Копингтонъ*, въ Германіи же между прочимъ *Форбигеръ* и *Ладевицъ*, тѣмъ не менѣе изданіе его отличается отъ большей части изданій только что названныхъ комментаторовъ и критиковъ двумя преимуществами: краткостью, — особенно относительно цитатъ соблюдена у него должная мѣра — и методичностью критики, а также здравымъ сужденіемъ: этихъ достоинствъ нѣтъ напримѣръ, у *Форбигера*, въ другихъ отношеніяхъ не лишеннаго заслугъ.

Г. Бенуа избѣжалъ кромѣ того реторики и разглагольствованій, столь часто встрѣчающихся въ комментаріяхъ французскихъ ученыхъ. Онъ воздержался и отъ злоупотребленія слишкомъ частыми цитатами изъ новѣйшихъ, особенно французскихъ писателей, образцомъ которымъ служилъ *Virgilii*; въ этомъ случаѣ онъ поступилъ совершенно основательно, такъ какъ польза цитатъ для филологической критики и толкованій обыкновенно ничтожна.

Во второй главѣ своего введенія, г. Бенуа, пользуясь известнымъ

трудомъ Риббека, помѣстилъ критическій перечень рукописей Виргилія. При этомъ случаѣ можно было бы желать, на стр. XVI, болѣе точнаго обсужденія мнѣній Риббека о видѣ и состояніи коренной или пожалуй коренныхъ (archetypis) рукописей поэта. Намъ по крайней мѣрѣ мнѣніе это показалось крайне сомнительнымъ, хотя оно и соответствуетъ тѣмъ критическимъ присамъ, которыхъ онъ придерживался относительно установленія Виргиліева текста. Впрочемъ одобряю я и то, что г. Бенуа, въ противоположность Риббеку, отдаетъ преимущество *Mediceus* передъ *Palatinus* и другими рукописями. Онъ подробно мотивируетъ свое мнѣніе на стр. XVII и XVIII. На стр. XIX мы находимъ его замѣтки о несличенной еще рукописи (находящейся въ библиотекѣ Montpellier), сличеніе которой Риббекъ считалъ желательнымъ. Г. Бенуа говоритъ, что эта рукопись очень сходна съ *Vergenses b* и *c* (особенно съ *c*), но впрочемъ принадлежитъ скорѣе къ X или даже XI, чѣмъ IX вѣку. Упомянувъ о прочихъ ученыхъ до Риббека, сличавшихъ рукописи для критики Виргилія, г. Бенуа подтверждаетъ, что сличенія Pottier не болѣе точны, чѣмъ сличенія того же самаго ученаго для Горация.

На стр. XXI—XXV находится заимствованный у Риббека длинный перечень древнихъ комментаторовъ Виргилія, при чемъ говорится о пользѣ послѣднихъ для критики поэта. По этому случаю нельзя не пожалѣть, что различные схоласти Виргилія еще не изданы вмѣстѣ и что вѣрнѣйшій и полнѣйшій изъ нихъ, Сервій, вообще еще не появился въ изданіи критически исправленномъ. Для Бернскихъ схолій много сдѣлано Гагеномъ, а для схолій, находящихся въ Веронѣ и для комментарія Проба — Кейлемъ. Очевидна та польза, какую для правильнаго пониманія поэта могло бы принести такое съ умѣньемъ составленное изданіе всѣхъ древнихъ толкователей Виргилія. Къ сожалѣнію болѣшая часть изданій латинскихъ схоластовъ, появившихся за послѣднее время въ Германіи, неудовлетворительна. Затѣмъ у г. Бенуа слѣдуетъ списокъ главнѣйшихъ авторовъ, цитировавшихъ Виргилія или подражавшихъ ему. Въ этомъ отношеніи трудъ Риббека, которымъ пользовался г. Бенуа, опять таки заставляетъ желать многого относительно полноты.

Исторія критики текста Виргилія (глава 3) можетъ быть раздѣлена на двѣ эпохи, — эпоху Николая Гейнзля и послѣ него. Этотъ остроумнѣйшій изъ всѣхъ голландскихъ критиковъ проложилъ новые пути для восстановленія текста Виргилія и Овидія отчасти тѣмъ, что обратилъ надлежащее вниманіе на лучшія рукописи, исключивъ

изъ текста безчисленныя интерполаціи, проникнувшія въ нихъ изъ рукописей плохихъ, отчасти же тѣмъ, что испорченныя или сомнительныя мѣста старался исправить съ помощью, хотя и не методической, за то гениальной критики.

Бенуа разсматриваетъ многочисленныя изданія *Виргилія* съ знаніемъ дѣла, съ большимъ тактомъ и безпристрастіемъ. На стр. *XLI* онъ справедливо порицаетъ „la critique à outrance“ Риббека и находитъ главное достоинство его труда въ томъ, что этотъ ученый „a pourvu la science philologique d'un instrument critique incomparable“. Я не совсѣмъ безусловно согласенъ съ этою похвалою. Риббекъ во многихъ случаяхъ могъ бы съ большею точностью обозначать варианты рукописей, которыми пользовались другіе ученые; вромѣ того, у меня есть основаніе предполагать, что и данныя о сличенныхъ имъ рукописяхъ не всегда вполне вѣрны и полны. Ему слѣдовало бы также гораздо подробнѣе приводить мнѣнія другихъ ученыхъ. Тѣмъ не менѣе упомянутыя г. Бенуа достоинства труда Риббека дѣлаютъ этотъ трудъ весьма важнымъ и незамѣнимымъ для изученія *Виргилія*.

Упомянутый отдѣлъ заканчивается у г. Бенуа перечисленіемъ появившихся въ текущемъ столѣтіи во Франціи сочиненій, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ толкованію *Виргилія* (стр. *XLV—L*).

Четвертая глава трагуетъ главнымъ образомъ объ ореографическихъ принципахъ издателя и чрезвычайно интересна частью сама по себѣ, частью же по отношенію къ вопросу о томъ, въ какомъ состояніи находится нынѣ изученіе латинскаго языка во Франціи. По истинѣ удивительно, съ какимъ упрямствомъ большая часть филологовъ этой страны (которую нельзя кажется упрекнуть въ чрезмѣрномъ преклоненіи предъ устарѣвшими авторитетами) придерживается ошибочной и непоследовательной латинской ореографіи, основывающейся или на плохихъ позднѣйшихъ рукописяхъ или же созданной просто произволомъ ученыхъ *XV* и *XVI* вѣковъ. Французы возстаютъ противъ нововведеній, но эти нововведенія въ сущности только кажущіяся и въ основѣ ихъ лежатъ совершенно консервативныя принципы. Въдѣ все то, что установлено относительно ореографіи главнымъ образомъ Ричлемъ и его школой, а также Лахманомъ, Флеккѣйзенемъ, Корсеномъ и др., опирается почти исключительно на авторитетъ римскихъ грамматиковъ, древнѣйшихъ и лучшихъ рукописей и надежнѣйшихъ надписей: упомянутыми нововведеніями лишь подтверждаются забытыя мнѣнія прежнихъ ученыхъ, напримѣръ, Альда Мануція.

Нельзя поэтому не считать большою смѣлостью со стороны г. Бенуа, что онъ отказался отъ предразсудка своихъ соотечественниковъ. Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ столь же рѣшительно, сколько и осторожно; не подлежитъ сомнѣнію, что усердіе къ орфографическимъ реформамъ завлекло нѣмецкихъ филологовъ слишкомъ далеко и что особенно въ изданіяхъ, предназначенныхъ для обширной публики, нужно вводить реформы съ крайнею осмотрительностью. На это обстоятельство часто не обращаютъ надлежащаго вниманія, — укажемъ для примѣра на изданіе (въ другихъ отношеніяхъ, впрочемъ, весьма почтенное) Тацита, сдѣланное Нишпердеемъ. Между принятыми г. Бенуа (стр. LIX—LXXXIV) нововведеніями, заимствованными большою частью изъ извѣстной книги г. Брамбаха о латинской орфографіи, встрѣчается очень немногое, съ чѣмъ нельзя вполне согласиться. До какой степени г. Бенуа вынужденъ былъ сообразоваться съ предразсудками, господствующими въ Франціи, видно изъ того, что комментируемаго имъ поэта и по латини даже называетъ онъ всегда *Virgilius* (что во французскомъ онъ придерживается принятой формы означеннаго имени, это—совершенно основательно), между тѣмъ какъ теперь за правильную форму признается всѣми, въ томъ числѣ и самимъ, г. Бенуа, форма *Vergilius*.

Конецъ введенія посвященъ подробному, основательному и интересному описанію жизни и сочиненій *Виргилія* (стр. LXXXV—CXXVII). Намъ кажется, что тутъ можно бы было обстоятельнѣе рассмотреть (стр. LXXXIX) трудный и запутанный вопросъ о томъ, *Виргилію* ли принадлежать *Culex*, *Ciris* и другія мелкія стихотворенія такъ называемой *appendicis Vergilianae*; при этомъ г. Бенуа могло бы оказать нѣкоторыя услуги мое введеніе къ изданію *Priapeum* стр. XLII—XLV въ изданномъ мною у Гейбнера Каталѣ. Затѣмъ слѣдуютъ *Vescolica*, *Georgica* съ комментариемъ. Ради краткости мы не будемъ подробно обсуждать отдѣльныя, сомнительныя мѣста, но упомянемъ лишь въ общихъ чертахъ о методѣ автора. Въ своей критикѣ онъ вообще консервативенъ, такъ что дѣлаетъ даже упрекъ (стр. XLIV) Гаупту за смѣлость его сужденій. Мнѣ кажется, напротивъ, что будущій издатель *Виргилія*, не раздѣляя впрочемъ эксцентричностей Риббека, долженъ еще гораздо чаще, чѣмъ Гауптъ, прибѣгать къ конъектуральной критикѣ, и не по отношенію только къ такъ называемой *appendix Vergiliana*, рукописныя вспомогательныя средства коей сравнительно скудны и для которой въ критическомъ отношеніи до сихъ поръ сдѣлано очень мало.

Въ доказательство консервативной критики г. Бенуа приведу одинъ примѣръ, который однако мнѣ кажется тѣмъ болѣе подходящимъ, что принципъ, котораго держался въ этомъ случаѣ авторъ, касается цѣлаго ряда мѣстъ у Вергилія и другихъ поэтовъ. Лахманъ (Lucret. III, 1042, рг. 206 sqq.) утверждаетъ, что формы *iit* и *reiiit* въ классическое время латинскаго языка имѣли долгій конечный слогъ и я не колеблясь держусь того же мнѣнія *d. r. m. post. Lat.* Г. Бенуа (подобно Вагнеру и Кониингтону) оспариваетъ это рг. 325 и пишетъ напр. Georg. II, 81:

exiit ad caelum ramis felicibus arbos.

Возрѣніе свое мотивируетъ онъ тѣмъ довольно шаткимъ доводомъ, что рукописи въ названныхъ формахъ имѣютъ почти всегда двойное *i*. Однако древнѣйшія рукописи Вергилія ни въ какомъ случаѣ не старше V столѣтія, а въ то время обыкновенно сокращали въ упомянутыхъ формахъ конечный слогъ (см. *d. r. m. l. c.*), хотя впрочемъ и долгота конечнаго слога *it*, по примѣру лучшихъ временъ. встрѣчается еще въ извѣстной эниграммѣ эмендатора стихотвореній Вергилія, Астерія:

siqua minus vacuus praeteriit animus.

Нечего, слѣдовательно, удивляться, что переписчики неупотребительныя слитныя формы *it*, *reiiit* замѣняли употреблявшимися въ ихъ время формами. Впрочемъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ *Georgica* лучшее преданіе у Нонія 339,20 s. v. *longum* представляеть *exiit* (302, 4 s. v. *felix* у него же *exiit*); вѣроятно изъ критическаго изданія Нонія можно будетъ извлечь пользу и для Вергилія.

Вполнѣ согласенъ я съ г. Бенуа въ томъ, что онъ не одобряетъ измысленнаго Риббекомъ (но далеко не вполнѣ принятаго и въ Германіи) строфическаго раздѣленія буколическихъ стихотвореній Вергилія. Раздѣленіе это приноситъ мало пользы и провести его безъ произвольныхъ измѣненій невозможно.

Хотя у г. Бенуа примѣненіе конъектуральной критики ограничено болѣе тѣсными, чѣмъ слѣдовало бы, размѣрами, тѣмъ не менѣе трудъ его обнаруживаетъ значительный прогрессъ въ сравненіи съ другими французскими изданіями Вергилія, ибо, между тѣмъ какъ прочія французскія изданія безусловно придерживаются принятыхъ уже въ XVII вѣкѣ чтеній такъ называемой *Vulgata*, г. Бенуа, напротивъ, вездѣ принималъ въ соображеніе преданія лучшихъ рукописей.

Если такимъ образомъ мы только въ ограниченной степени можемъ согласиться съ критическою обработкой текста Вергилія г-мъ

Бенуа, то тѣмъ болѣе похвалъ заслуживаетъ экзегетическая часть его комментарія. Комментарій этотъ касается одинаково какъ реальной, такъ и грамматической и метрической сторонъ; принимая въ соображеніе съ одной стороны потребности учащейся молодежи, онъ въ противоположность другимъ издателямъ не обходитъ молчаніемъ и дѣйствительно трудныя мѣста, которыми, какъ извѣстно, изобилуютъ *Viscolica* и тѣмъ болѣе *Georgica*.

Всюду при этомъ обнаруживается знакомство г. Бенуа съ латинскими авторами и съ литературой, относящеюся къ *Virgiliu*. Что касается трудовъ различныхъ ученыхъ, то повидимому ничего существеннаго не ускользнуло отъ его вниманія. Вообще изданіе г. Бенуа можетъ быть смѣло рекомендовано не только филологамъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто, оставивъ школу, продолжаетъ интересоваться наипопулярнѣйшимъ на ряду съ *Horatiu* изъ римскихъ поэтовъ.

Л. Миллеръ.